И. И.
ДМИТРИЕВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

И. И. ДМИТРИЕВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

И. И. ДМИТРИЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

*Вступительная статья,
подготовка текста
и примечания
Г. П. Макогоненко*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1967

Р 1
Д 53

И. И. Дмитриев (1760—1837) — талантливый поэт конца XVIII — начала XIX века, друг Карамзина, один из крупнейших представителей русского сентиментализма. В настоящее полное собрание произведений Дмитриева входят его лирические стихотворения и популярные в свое время песни, остроумные сатиры и изящные басни, эпиграммы и мадригалы. Дмитриев вошел в историю литературы как один из создателей так называемой «легкой поэзии». Его поэтический слог исполнен изящества, музыкальности, поэтическая речь сближена с разговорной. Опыт Дмитриева-поэта учитывался Жуковским, Батюшковым, юным Пушкиным. Стихотворения Дмитриева сохранили интерес и свежесть и для современного читателя.

7-4-2
379-67

Иванъ Дмитрiевъ

«РЯДОВОЙ НА ПИНДЕ ВОИН»

(Поэзия Ивана Дмитриева)

Легенды до сих пор популярны в литературоведении. Бытование и распространение их вполне объяснимо: они заступают место подлинного знания о предмете. Литературное движение конца XVIII и начала XIX века не изучено с достаточной полнотой и исторической конкретностью. Вот почему об этой поре часто пишут, опираясь на предания. Многие из них достались нам в наследство от старой историко-литературной науки. Давность бытования служит мнимым доказательством их истинности.

Вот некоторые из них. Державин 800-х годов — это «развалина», старец, живущий на покое, автор чуждых новому поколению классицистических произведений, поэт, давно переставший «двигать литературу вперед». Карамзин первым в русской литературе выдвинул «идею личности и ее прав». Эта идея «даже и без революционных выводов, логически из нее вытекающих», является «симптомом глубочайших сдвигов всей русской культуры». Именно он начал войну с классицизмом, и потому эпигоны этого направления, объединившиеся в «Беседе русского слова» под руководством Шишкова, начали поход против Карамзина, опираясь при этом на авторитет Державина. Карамзин начинал новый этап русской литературы, и его творчество — феномен — никак не связано с литературным движением 1770—1780-х годов, противостоит поэтической практике крупнейшего поэта той поры — Державина. Дмитриев — это «ученик Карамзина», послушно шедший по путям, проторенным учителем, поэт, не знавший эволюции.

Легенды породили традицию рассмотрения литературного движения с 1790 по 1820 год как карамзинский период русской литературы. Традиция усыпляла внимание исследователей, создавала

видимость благополучия и ясности в понимании содержания литературного процесса этой эпохи. Но ясности быть не могло. Уже несколько десятилетий усилия многих исследователей направлены на то, чтобы, опираясь на факты, воссоздать исторически конкретную картину литературного развития этой поры во всей ее полноте и сложности.

Восстанавливая истину, мы обнаруживаем, что в 800-е годы Державин не только не был «развалиной», но работал с беспримерной до того активностью, писал лучшие свои произведения, выступил обновителем анакреонтики, издавал произведения, которые двигали литературу вперед, прокладывая новые тропы в поэзии. Новый читатель, новое поколение поэтов, поняв всю громадность таланта Державина, высоко ценили удивительную поэтическую смелость, актуальность его творчества, раскрывавшего темы личности, ошеломляющий автобиографизм, мужество поэта-гражданина. Именно в 800-е годы определилось место Державина в русской поэзии как «отца русских поэтов» (Белинский).

Изучение литературы последней четверти XVIII века со всей очевидностью показывает, что борьба с классицизмом развернулась еще в 60—70-е годы, и велась она с позиций нового искусства, которое выдвинуло идею личности и ее прав. Первых и наиболее крупных художественных успехов в обновлении литературы добились Фонвизин, Державин и Радищев.

Опровергается фактами и легенда о Дмитриеве — ученике и последователе Карамзина. Дмитриев как поэт сформировался до Карамзина в атмосфере литературной борьбы с классицизмом, развернувшейся в 70—80-е годы, и рождения новой литературы. Наибольшее влияние на него оказал Державин. «Поэзия Державина известна мне стала еще с 1776 года», [1] — свидетельствовал Дмитриев, когда он познакомился со сборником «Оды, сочиненные и переведенные при горе Читалагае». Затем были прочитаны оды, напечатанные в 1779 году, — «На смерть князя Мещерского», «К соседу», «Гребневский ключ» и другие. «Кроме «Фелицы» долго я не знал об имени автора упомянутых стихотворений. Хотя сам писал и худо, но по какому-то чутью находил в них более силы, живописи, более, так сказать, свежести, самобытности, нежели в стихах известных мне современных наших поэтов» (с. 34—35). Вскоре состоялось знакомство, и поэты подружились. Часто бывая у Державина, Дмитриев получил возмож-

---

[1] И. И. Дмитриев, Сочинения, т. 2, СПб., 1893, с. 34. В дальнейшем ссылки на этот том даются в тексте с указанием страницы.

ность узнать все написанное поэтом и еще не напечатанное. «С первых дней нашего знакомства я уже пробежал толстую рукопись всех собранных его стихотворений. Сверх того показаны мне и те, которые по хлопотам службы долгое время лежали у него неоконченными» (с. 36). В чтении законченных и незавершенных стихотворений Державина, в беседах с поэтом, в размышлениях о том, что делает поэзию «живописной», «самобытной», способной «живописать страсти» и «наблюдать изгибы сердца», и формировались эстетические верования Дмитриева, вырабатывалось понимание задач поэзии.

Карамзин же свое литературное крещение получил в 80-е годы в новиковском книгоиздательском центре, который к тому времени был мощным пропагандистом лучших реалистических и сентиментальных произведений Запада. Включаясь в начатую до него работу, он по поручению старших писателей занялся переводами трагедий Шекспира и Лессинга. Свое эстетическое воспитание Карамзин завершил в многомесячном путешествии по Германии, Франции и Англии. После возвращения из-за границы Карамзин отказался от службы и целиком посвятил себя литературе. Поселившись в Москве, он начал издавать собственный литературный журнал, пригласив сотрудничать в нем петербургских поэтов — Державина и Дмитриева. В первом же номере Карамзин напечатал одно из программных произведений Державина — «Видение мурзы», затем целый цикл его отличных стихотворений. Поэтический отдел целиком определялся вкладом Державина и Дмитриева. Проза была представлена издателем. Сотрудничество Державина в «Московском журнале» носило принципиальный характер — он поддерживал литературную позицию молодого литератора, одобрял его опыты. В стихотворении «Прогулка в Сарском Селе» он писал: «Пой, соловей, и в прозе ты слышен, Карамзин». Карамзин немедленно в ответ посвятил Державину свой перевод «Сельмских песен» Оссиана.

«Московский журнал» был подготовлен всем предшествовавшим ходом литературного развития. Замечательный организатор, Карамзин сумел сначала вокруг своего журнала, а затем вокруг поэтических сборников «Аониды» объединить единомышленников — тех, кто решительно обновлял русскую литературу.

Таковы факты, противоречащие популярным концепциям. В литературоведении установилось своеобразное двоевластие. Одни исследователи литературное движение этой эпохи рассматривают через призму фактов, другие — через волшебный фонарь легенд. В итоге образовалось два ряда выводов и наблюдений, не пересекающихся и не вступающих в контакт друг с другом. Одной из задач нашей науки является отказ от легенд, какой бы давней традицией они ни

освящались. На склоне лет Дмитриев, «ища занятий в самом себе», написал мемуары. Он хотел напомнить новым поколениям литераторов, как начинался творческий путь прославленного поэта Державина и его самого. «Кто бы мог ожидать, какой был первый опыт творца «Водопада»? Переложение в стихи, или, лучше сказать, на рифмы, площадных прибасок насчет каждого гвардейского полка» (с. 43). Солдатская служба в гвардейском полку и жизнь в казарме были, по признаниям самого Державина, его «академией нужд и терпения». Именно здесь он «образовал себя».

Десятью годами позже в той же казарме гвардейского полка начал свою поэтическую деятельность и Дмитриев. «Там, в низкой и тесной хижине, называвшейся караульнею, окруженной сугробами снега, в куче солдат, я надумывался, как бы мне выхвалить Кантемира» (с. 18), — вспоминает Дмитриев о написании первого стихотворения — «Надпись к портрету князя А. Д. Кантемира».

Державин — гениальный поэт — уже в 1779 году нашел себя и стал писать стихи, которые были «истинной картиной натуры». Дмитриев обладал меньшим даром. Опираясь на достижения предшественников, чутко понимая новые цели поэзии — «проникнуть в глубину сердца» личности, он искал свой путь к самобытности. Когда Карамзин выступил с оригинальными произведениями, Дмитриев верно почувствовал в нем единомышленника. Дружба укрепила их литературные связи, но на всем протяжении многолетней совместной работы на поприще литературы Дмитриев сумел оставаться «при своем».

1

Иван Иванович Дмитриев родился 21 сентября 1760 года в селе Богородском, родовом поместье родителей, близ Сызрани. Писать, читать и считать мальчика учили дома, а на восьмом году отправили в Казань к деду (по матери) А. А. Бекетову для продолжения образования в пансионе французского мещанина Манженя. Через год Бекетов, по семейным обстоятельствам, перебрался вместе с внуками в Симбирск. После некоторого перерыва Дмитриев был определен в новый пансион, в котором изучал французский, немецкий и русский языки, историю, географию и математику. После двух лет занятий отец забрал одиннадцатилетнего мальчика домой, решив сам руководить образованием сына. Домашнее обучение свелось к повторению старых написанных уроков да к штудированию французской и немецкой грамматик. Такие занятия, по словам Дмитриева, «наводили на меня грусть и отвращение». Выручали книги, — пристрастившись еще в казанском пансионе к «мечтательным приключениям»

(«Тысяча и одна ночь», «Шутливые повести» Скаррона, «Похождения Робинзона Крузо» и т. д.), он с увлечением продолжал читать и в симбирской глуши. Особое внимание привлекли многотомные «Приключения маркиза Г.». Роман Прево был крупным явлением нового, сентиментально-психологического, тяготевшего к реализму искусства Запада. Первые четыре тома «Приключений» перевел И. Елагин (с 1755 по 1758 год). Роман Прево позволил Дмитриеву «получить понятие о французской литературе» — о творчестве Мольера, Расина, Буало, он «возвысил» его душу и, наконец, помог ему овладеть французским языком. Дело в том, что 5-й и 6-й тома в переводе на русский язык вышли из печати позже и до Симбирска не дошли. А Дмитриев горел желанием читать дальше. Тогда один из провинциальных любителей книг принес мальчику окончание романа на французском языке. Сначала Дмитриев принялся читать его со словарем, и дело пошло так успешно, что под конец 6-го тома нужда в лексиконе отпала. Чтение Прево стало «эпохой» для Дмитриева: с этого времени, по словам поэта, начал он «читать французские книги уже не по неволе, а по охоте и впоследствии уже мог переводить Лафонтена».

Тогда же началось знакомство с сочинениями русских поэтов — Сумарокова, Ломоносова, Хераскова, Майкова и начинающего поэта, земляка Дмитриева, М. Н. Муравьева.

Неожиданное событие изменило жизнь Дмитриева — с осени 1773 года началось восстание Пугачева. Народная армия быстро приближалась к Волге, крепостные крестьяне поволжских губерний, ожидая освобождения, поднимали восстание. «Все наше дворянство из городов и поместьев, — свидетельствует Дмитриев, — помчалось искать себе спасения» (с. 10). «Поскакал» в Москву и помещик Дмитриев с семьей. Стесненные денежные обстоятельства заставили Дмитриева отправить двух старших сыновей на военную службу. По обычаю того времени, они еще с 1772 года были записаны в Семеновский гвардейский полк солдатами. В мае 1774 года четырнадцатилетнего подростка Ивана Дмитриева привезли в Петербург и определили в полковую школу — так началась военная карьера будущего поэта.

В школе учили математике, русскому языку, священной истории, географии и рисованию. Только в рисовании проявились способности Дмитриева. Занятия в школе быстро прервались — крестьянское восстание было жестоко подавлено и самого Пугачева привезли в Москву на казнь. По случаю победы над Турцией и Пугачевым Екатерина устроила праздник в Москве. Гвардейским полкам было приказано идти в Москву. В поход были взяты и многие ученики полковой школы. Среди них оказался и Дмитриев. В своих мемуарах Дмит-

риев рассказал о том, чему был свидетелем, — о казни Пугачева, нарисовав выразительный портрет крестьянского вождя: «Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином» (с. 15). Свидетельство Дмитриева-очевидца помнил Пушкин, когда писал «Капитанскую дочку». Процедура казни произвела тяжелое впечатление на Дмитриева, с «отвращением» смотрел он на палачей. Когда был занесен топор над головой Пугачева, брат Дмитриева, стоявший с ним на площади, отвернулся. Дмитриев «украдкою ловил каждое движение преступника. Что же этому было причиною? Конечно же не жестокость моя, но единственно желание видеть, каковым бывает человек в толь решительную, ужасную минуту» (с. 16). В этом желании сказался будущий поэт, считавший, что цель поэзии состоит в изображении сокровенной жизни сердца. Оттого он стремился увидеть человека и в том, кого считал «преступником».

Пребывание в Москве привело к новой перемене в жизни Дмитриева — хлопоты родителей через влиятельных родственников увенчались успехом — и ему пожаловали чин фурьера и годовой отпуск. Вновь в столицу Дмитриев вернулся в 1776 году для продолжения прохождения военной службы уже в унтер-офицерском звании. Никаких интересных и важных событий по службе в ближайшие пятнадцать лет в его жизни не происходило. Год за годом исполнял он утомительные, однообразные обязанности в полку, постепенно продвигаясь по лестнице чинов. Но в эту пору он твердо решил заняться литературой и стать автором. Не получив систематического образования, проводя большую часть времени в казарме и на плацу, он «бродил еще ощупью, как слепец, по стезе, ведущей к познанию словесности и вкуса» (с. 17).

Образ жизни заставлял начинающего поэта обращать внимание на предметы, его окружавшие. Постепенно вырабатывался вкус к сатире, и первые, поэтически несовершенные, произведения были сатирическими. Впоследствии поэт их уничтожил. Сатиры писались и под влиянием современной литературы — с 1769 года в Петербурге бурно расцвели сатирические журналы. Наибольшее внимание читателей привлекли новиковские издания — «Трутень» и «Живописец». Сатира Новикова, по словам Дмитриева, отличалась от сатир других писателей и «более отзывалась народностию». «Издатель в листках своих нападал смело на господствующие пороки; карал взяточников; обнаруживал разные злоупотребления; осмеивал закоренелые предрассудки и не щадил невежества мелких, иногда же и крупных, помещиков» (с. 27).

В 1777 году Новиков издавал критико-библиографический журнал «Санкт-Петербургские ученые ведомости», в котором предлагал поэтам разные темы, и в частности рекомендовал писать и присылать ему стихотворные надписи к портретам русских писателей. На призыв откликнулся и унтер-офицер Дмитриев и после немалых трудов сочинил первое свое стихотворение — «Надпись к портрету князя А. Д. Кантемира». Первый, поэтически беспомощный опыт доброжелательный издатель напечатал и пожелал начинающему поэту успехов в будущем.

Появление в печати первого стихотворения не вскружило голову Дмитриеву, — продолжая писать и рассылать в журналы свои опыты (без подписи), он понимал, что одного желания печататься мало — нужны знания. Начались усиленные литературные занятия. Он не только вновь перечитывал и брал «в образец» стихотворения Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и других поэтов, но и штудировал «Риторику» Ломоносова, «Пиитику» Андрея Байбакова, сочинения других авторов теоретических трудов.

Занятия шли успешно, но поэтический дар Дмитриева развивался медленно. Он продолжал «рифмование», рассылал стихотворения в журналы или уничтожал их, понимая их беспомощность. Некоторые все же были напечатаны и дошли до нас. В 1782 году в журнале Плавильщикова «Утра» появились три стихотворения. По словам поэта, ему привелось услышать, как однажды в публичном месте их назвали «глупыми стихами». «С той минуты я вразумился, что еще рано мне выдавать мои произведения, и положил хранить их до времени под спудом» (с. 22). Треть своей авторской жизни Дмитриев назвал эпохой «приготовления».

Неудачи обусловлены были своеобразием дарования Дмитриева и особенностью его нравственного развития. Отданный с детских лет на службу, он жил по воле отца, руководствуясь усвоенными правилами житейской морали. Служба утомительна и малоинтересна, но она нужна. В этом, учили его, исполнение долга и путь к будущим успехам, к обеспеченности. Он жил по прописям, и окружающая его жизнь с ее политическими и социальными противоречиями, нравы и моральные нормы дворянской среды не привлекали внимания юноши, не вызывали желания самостоятельно разобраться в том, что волновало многих его современников. Он принимал порядок жизни таким, каким нашел его с детства. Идеологические вопросы долго не волновали его. Он читал книги просветителей, но ум его не был разбужен их страстными проповедями о свободном человеке, не отозвался на призывы бороться со злом, деспотизмом, насилием.

Общественный и нравственный инфантилизм был отличительным

свойством начинающего поэта. Громадные события крестьянской войны привлекли внимание всех мыслящих людей России. Даже те, кто веровал в законность и необходимость крепостного права и мудрость екатерининского царствования, и то под влиянием потрясших Россию событий вынуждены были или признать «частные злоупотребления», или задуматься над причинами великого мятежа. Дмитриев остался равнодушным к тому, что волновало всех. Среди сотен стихотворений он сумел заметить, выделить и полюбить стихотворения Державина за их самобытность. Но общественный и нравственный пафос его поэзии им не был понят. Любитель театра, Дмитриев с интересом читал и смотрел комедии Фонвизина, и в частности «Недоросль» в 1782 году, но не воспринял тех идеалов, во имя которых воевал с правительством Екатерины драматург. В 80-е годы широкое распространение в России получило масонство. Из печати выходили десятки сочинений, признававших «торжество» в окружающей жизни зла и пороков и призывавших «к спасению», к нравственному усовершенствованию, к бегству из страшной действительности внутрь своего «я». Но масонство и его нравственные искания оказались чуждыми Дмитриеву.

В 1782 году он пишет и печатает «Идиллию» — воздыхание «о бедном Полидоре», умирающем «с печали» по Ирисе. Стихотворение по форме и по содержанию — эпигонское, восходящее к сумароковским образцам. Отсутствие ясной, самостоятельно выработанной политической и общественной позиции мешало и эстетическому самоопределению. Дмитриев читал много и прилежно, читал поэтов и писателей, стоявших на эстетически враждебных позициях, — Ломоносова и Сумарокова, Расина и Дидро, Фонвизина и Княжнина, теоретические работы Мармонтеля и Баттэ, и все были ему по-своему интересны и поучительны. Он осваивал самые различные «правила», обращая внимание прежде всего на язык и искусство «рифмования». Будущий сентименталист, он не сразу понял и принял новую философию человека с ее доверием к собственной личности, с ее открытием душевных богатств индивидуальности. Начинающий поэт потому долго и «бродил ощупью, как слепец», что не было идеалов, которые бы воодушевили его, не было доверия к собственным чувствам, не было воображения и смелости. После первых неудачных поэтических опытов Дмитриев оставляет поэзию и в течение нескольких лет занимается переводами французских прозаических сочинений, которые печатает в журналах или отдельными изданиями у книгопродавца Миллера. Поскольку они выходили анонимно, они нам неизвестны до сих пор.

В 1783 году, закончив образование в пансионе Московского уни-

верситета, в Петербург прибыл семнадцатилетний Карамзин, где и определился на военную службу. В столицу он приехал с письмом отца Дмитриева своему сыну, двадцатитрехлетнему сержанту. Так состоялось знакомство Дмитриева и Карамзина. В Петербурге Карамзин пробыл год. Любовь к литературе сблизила молодых людей. Следуя примеру Дмитриева, занимавшегося переводами, Карамзин тоже принялся за переводы с немецкого и делал это «для прибыли». Первым гонораром его стали два томика «Тома Джонса» Фильдинга. Через год друзья расстались надолго — смерть отца заставила Карамзина уйти в отставку и уехать в Симбирск, где он поначалу увлекся было светской жизнью. Под влиянием И. Тургенева он вернулся в Москву и сблизился с Новиковым и литературными сотрудниками его журналов и издательств. Так, по словам Дмитриева, «началось образование Карамзина не только авторское, но и нравственное» (с. 25). Встретив друга через некоторое время, Дмитриев не узнал его: «Это был уже не тот юноша, который читал все без разбора, пленялся славою воина, мечтал быть завоевателем чернобровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученик мудрости, с пламенным рвением к усовершенствованию в себе человека» (с. 26).

Пример Карамзина был поучительным. Дмитриев «почувствовал перед ним всю» свою «незначительность». С запозданием, но с тем бо́льшим рвением принялся он за «усовершенствование в себе человека», понимая, как губительно для таланта отсутствие «мудрости», подлинного нравственного образования. Он стал серьезнее относиться к своему литературному делу, к читаемым книгам, к выбору переводов. В 80-е годы в России пользовался большой популярностью Мерсье. Один за другим выходили переводы его пьес. К Мерсье обратился и Дмитриев.

Мерсье принадлежал ко второму поколению французских просветителей. Его социально-политические взгляды формировались под влиянием Руссо, эстетические — под влиянием Дидро. С наибольшей активностью Мерсье — прозаик и драматург — работал в 80-е годы. Зревшая во Франции революция определяла демократизм его творчества. Открыто встав на сторону бедных, он резко и страстно осуждал социальный строй неравенства, нищеты и несвободы. В «Картинах Парижа» впервые с такой резкостью и конкретностью запечатлелась жизнь столицы королевской Франции. Повествование построено контрастно— городу богатых бездельников, прожигателей жизни противопоставлен город полуголодных, нищих тружеников. Предметом изображения стала подлинная действительность в своих страшных противоречиях. Оттого в очерках Мерсье быт изображен порой с натуралистической точностью и подробностями. В 1786 году из

печати вышел первый том «Картин Парижа». Перевод — анонимный. Есть основания полагать, что его сделал Дмитриев.

Важную роль в ознакомлении Дмитриева с французской просветительской литературой сыграл его товарищ по службе, любитель литературы и обладатель большой библиотеки подпоручик Ф. Козлятев. По его совету Дмитриев прочел Вольтера, Дидро, Рейналя, Тома, Лагарпа и многих других «властителей дум» той эпохи. Познакомился Дмитриев и с теоретической работой Мармонтеля «Французская поэтика», в которой обобщался эстетический опыт французского Просвещения.

В конце 50-х годов Дидро подготовил к изданию две свои комедии — «Побочный сын» и «Чадолюбивый отец», предпослав к одной из них в качестве предисловия теоретическое рассуждение «О драматической поэзии». С этого времени, по словам Гете, началась «революция в искусстве» [1] — молодые литераторы и художники Франции объявили войну классицизму и стали создавать новое искусство, развивавшееся в русле двух направлений, позже получивших название сентиментализма и реализма. Дидро, автор работ по эстетике, посвященных литературе и живописи, стал вождем нового искусства. В живописи активно работала группа молодых художников. Из них самыми талантливыми были Шарден и Грез. В драматургии появились последователи Дидро — сначала Бомарше и позже Мерсье. В теории идеи Дидро разрабатывал Мармонтель. В издаваемой Дидро и Даламбером «Энциклопедии» большую часть статей по теории литературы, излагавших эстетические позиции просветителей, писал Мармонтель. В 1763 году эти статьи он издал как одно сочинение, под названием «Французская поэтика». Книга эта получила широкое европейское распространение, дошла до России и была хорошо известна молодым литераторам. Знакомство Дмитриева с этим сочинением способствовало выработке его собственных эстетических убеждений.

В 1786 году Дмитриев сблизился с издателем-просветителем Ф. Туманским и принял участие в его журнале «Зеркало света», начавшем выходить с февраля. Для Туманского Дмитриев сделал два перевода — статью Мерсье «Философ, живущий у Хлебного рынка» и фонвизинское сочинение «Жизнь Н. И. Панина» (написано по-французски).

Ф. Туманский был ученым, историком, журналистом и критиком. Просветитель по убеждениям, он в своем журнале ратовал за воспитание как главный путь общественного и социального обновле-

---

[1] Гете об искусстве, Л.—М., 1936, с. 78.

ния отечества. Этой цели служили философские, политические статьи и литературные произведения. Библиографический отдел носил рекомендательный характер — просветитель обращал внимание читателя на новые важные книги, кратко пересказывая их содержание.

Центральное место в журнале занимал философский раздел, который состоял главным образом из переводов отдельных глав важнейшего сочинения Гольбаха «Социальная система». Проблемы этики составляли их содержание. В статьях под заглавием «О чести», «О совести», «О счастьи», «О человеколюбии», «О благополучии семейственном, или О блаженстве частной жизни», «О человеке», «О добродетели», «О должностях человека, или О нравственной его обязанности» и т. п. излагалось довольно подробно просветительское учение о человеке, его свободе и обязанностях, раскрывалось существо морального кодекса личности, определяющего все ее поступки в общественной и частной жизни.

Истины Гольбаха излагались выразительно, в легко читаемых маленьких статьях-этюдах. «Справедливость требует, чтобы человек был обществу полезен для того, что оно ему самому полезно и нужно».[1] «Признательность также требует от человека, чтобы он за все благодеяния, от своего отечества получаемые, не щадил бы себя на его служение: одним словом, все нас обязывает служить по силе и способностям нашим отечеству и вспомоществовать, сколько есть в нашей возможности, благоденствию наших сограждан и всего рода человеческого. Повторяю еще, что в приносимой и творимой нами ближнему и обществу полезности состоит достоинство и величие человека и самая добродетель».[2]

Из признания человека «бытием общежительным», из требования быть полезным обществу вытекало учение о сострадании. «Сорадоваться в счастии ближнему, сострадать ему в несчастии, соединять свои слезы с его слезами есть действие нежного и чувствительного сердца: не быть тронуту при видении страждущего в бедствии подобного себе человека, взирать равнодушно на проливающего в стенании горькие слезы есть действие окаменелости, скотской и недостойной человека нечувствительности».[3]

Дмитриев был сотрудником и «подписателем» «Зеркала света». Философия, учившая видеть в каждом «подобного себе человека», воспринималась многими с разными акцентами — социальным и нравственным. Просветительское убеждение о всеобщем равенстве людей было чуждо Дмитриеву. Нравственная же сторона явно привлекала

---

[1] «Зеркало света», СПб., 1787, ч. 5, с. 382.
[2] Там же, с. 383.
[3] Там же, с. 375.

его внимание. Он чувствовал, что моральные теории просветителей помогают определять пути практической деятельности, способствуют воспитанию личности, помогают жить высокой моральной жизнью «сострадания всем страждущим», когда осуществляется «соединение их слез со своими в нежном и чувствительном сердце». На подобном этическом основании и начали складываться у Дмитриева представления о роли поэта и задачах поэзии.

Рядом с философскими статьями в журнале был напечатан перевод Дмитриева статьи Мерсье «Философ, живущий у Хлебного рынка», в которой сжато излагалось существо политической концепции просветителей — их учение о просвещенном монархе. Философ, узнавший о рождении наследника у французского короля, обращается к нему с поучением. Огромная ответственность падет на плечи будущего государя. Он обязан заботиться о счастье своих подданных, которые сейчас пребывают в бедственном состоянии. Но вопли их не достигнут его слуха, он не станет справедливым государем, потому что окружают его придворные — люди корыстные. Они все сделают, чтобы отвратить его внимание от забот, направленных на благо подданных, будут лгать и обманывать его, оправдывать все действия жестокой и несправедливой власти. Вот почему необходимо предупредить порфирородного младенца и открыть ему истину. Первая из них гласит: «Будь человек, будучи государем, стремися приобресть прежде всего название человека». Воспитанию же человека помогают книги. «Читай, ищи друзей себе в книгах», — поучал Мерсье, «размышляй под сению древес с Плутархом, Руссо и Рейналем» прежде всего. Только мудрецы нынешнего века помогут стать человеком и хорошим государем. «Буди признателен ко трудам премудрых и благодетельствующих писателей. Изреки сии слова: теките ко мне, просвещенные други человечества, и мы, не зря тебя, будем с тобой разглаголъствовать, не подходя ко твоему престолу, священную истину к нему препроводим».[1]

В переводах из Мерсье и чтении Руссо, Дидро и Мармонтеля проходило нравственное воспитание Дмитриева, определялись идеалы, формировались эстетические убеждения. В Москве в те же годы в новиковском кружке завершал свое нравственное воспитание Карамзин. В 1786 году он еще был занят переводом сочинения религиозного писателя Штурма «Беседы с богом». Правда, уже в это время он увлекся Шекспиром и начал перевод «Юлия Цезаря». В следующем, 1787 году он переведет трагедию Лессинга «Эмилия Галотти».

---

[1] «Зеркало света», СПб., 1786, ч. 1, с. 56—57.

В журнале «Зеркало света» печатался и Державин. Сочувственно относясь к направлению журнала, поэт решил попробовать напечатать в нем свое стихотворение «Властителям и судиям». Впервые оно появилось в 1780 году на страницах «Санкт-Петербургского вестника», но по приказанию властей было вырезано почти из всего тиража. Туманский напечатал «Властителям и судиям» в январском номере 1787 года. В стихотворении развивались, в сущности, те же, что и в статье Мерсье, идеи: русский поэт обличал и поучал монархов, не исполнявших своего высокого долга и не желавших заботиться о благе подданных. Стихотворение не могло не привлечь внимания Дмитриева, поскольку он уже с 1776 года следил за поэзией Державина, умея безошибочно угадывать автора по выделявшей его среди всех других поэтов индивидуальной манере. Во вторую половину десятилетия Дмитриев с особенным вниманием следит за творчеством Державина, учится у него мастерству живописи словом. В 1789 году, будучи в Финляндии, Дмитриев даже написал стихотворное послание к Державину.

По возвращении в Петербург Дмитриев это свое стихотворение прочитал одному приятелю, который, переписав его, показал Державину. Прославленный поэт пожелал познакомиться с автором. Дмитриев некоторое время «совестился представиться знаменитому певцу в лице мелкого и еще никем не признанного стихотворца» (с. 35). Но затем наконец он «отправился к поэту, с которым желал и робел познакомиться». Державин отнесся к Дмитриеву доброжелательно, с интересом и вниманием слушал робкого поэта, охотно читал ему свои стихотворения. «Через две недели» Дмитриев уже сделался коротким знакомцем в доме Державина. Они виделись почти каждый день. Державин откровенно высказывал свое понимание задач поэзии, делился замыслами, учил быть наблюдательным, объяснял, как должно находить прекрасное, поэтическое в природе, в будничной, окружавшей их жизни. Любуясь как-то при Дмитриеве вечерними облаками, он объяснял, что поэт должен уметь передавать красочность и живописность живой природы, назвав при этом облака «краезлатыми». «В другой раз заметил я, — вспоминает Дмитриев, — что он за обедом смотрит на разварную щуку и что-то шепчет; спрашиваю тому причину. «А вот я думаю, — сказал он, — что если бы случилось мне приглашать в стихах кого-нибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен потчевать, можно бы сказать, что будет „и щука с голубым пером“». И мы через год или два услышали этот стих в его послании к князю А. А. Безбородко» (с. 37).

Общение с Державиным способствовало поэтическим занятиям

Дмитриева — в нем он нашел и отзывчивого слушателя, и опытного советчика. К осени 1790 года у Дмитриева уже накопился целый «бумажник» новых стихов. Некоторые из них он решил опубликовать в «Утренних часах». Издателем журнала был Иван Рахманинов, который в это время увлекался Мерсье. Плоды этого увлечения — переводы из «Картин Парижа», «Спального колпака» и «2400 года» — Рахманинов печатал в своем журнале. К сотрудничеству был привлечен Державин, в журнале напечатал свои первые басни Крылов. Три стихотворения опубликовал в 1789 году и Дмитриев.

Без подписи был помещен перевод басни Мерсье «Червонец и полушка» (позже вторично он появится в «Московском журнале» Карамзина). В басне с филантропических позиций осуждался «сиятельный червонец золотой», умножающий «казну ростовщиков, заводчиков, скупяг и знатных шалунов», и превозносилась полушка, дающая «грубую пищу дряхлой старости», питающая «лишенна помощи младенца», облегчающая «жребий страждущих в темнице». К басне примыкает стихотворение «Лестница», высмеивающее спесивость знатных («верхняя ступенька»), напоминающее о превратности «счастья и гордости», — хозяин перевернул лестницу, и верхняя ступень «на землю спустилась, а нижняя ступень на самый верх взмостилась». Третье большое стихотворение, «Две гробницы», несомненно переводное, развивало характерные для Мерсье демократические идеи глубокого сочувствия к земледельцам и презрения к монархам. Две гробницы — это гробницы царя и крестьянина. Царь был «рушителем свободы и покоя», «незлобивый народ» он «ввергнул в рабское уничижение», «был изверг смертных рода», «сей пышный памятник воздвиг своей рукою, дымящейся в крови». «Безумный! Он хотел, чтоб даже и потомки С проклятием его к нему питали страх». Но все тщетно. Жизнь извергов приносит лишь страдания народу, и ничто не может сохранить о них память — даже пышная мраморная гробница превратилась в развалины, «со смрадной тиною его уж смешан прах».

Иная судьба земледельца, «простого гражданина». Он оставил после себя щедро возделанную и цветущую долину:

Здесь вьется виноград, там вижу лес густой;
Здесь рощи, поле там укладено скирдами;
Здесь тучные луга, покрытые стадами.

Наследник отца, молодой крестьянин с гордостью заявляет:

Вот памятник, моим оставленный отцом!
Во трудолюбии он всем был образцом.

Прах трудолюбивого крестьянина покоится в простой могиле: «Смотри на оный дуб! под ним его могила». Так впервые в русской поэзии мысль о призрачности жизни власть имущих, пытающихся свое величие увековечить в пышных памятниках, и подлинном бессмертии труженика, чья жизнь сливается с вечной и торжествующей природой, получила поэтическое воплощение. Стихотворение «Две гробницы» увенчивалось образом дуба над могилой селянина, который символизирует человечность, нравственную чистоту и гармонию человека и природы. И трудно не вспомнить стихотворение Пушкина, в котором городскому кладбищу знатных противопоставлено сельское кладбище. Стихотворение завершалось тем же образом дуба: «Стоит широко дуб над важными гробами, колеблясь и шумя...»

Два последних стихотворения были впервые подписаны инициалами И. Д. И это не случайно — опубликованные в «Утренних часах» стихотворения убедительно свидетельствовали о том, что поэт нашел свой путь, что период «приуготовления» кончился. В «бумажнике» лежало уже много готового — наступала пора активной работы. Должно было решать вопрос о журнале. Начавшееся было сотрудничество в «Утренних часах» прервалось в связи с закрытием журнала в 1789 году. В это время в Петербург, после восемнадцатимесячного заграничного путешествия, прибыл Карамзин. Свидание друзей было недолгим, но важным: Карамзин рассказал о намерении издавать свой журнал, Дмитриев прочитал свои стихи. Они понравились Карамзину, и он забрал «рукописное собрание всех его безделок» «для подкрепления на первый случай журнального запаса» (с. 47).

Дмитриев же познакомил Карамзина с Державиным. Двадцатитрехлетний, щегольски одетый молодой человек серьезно говорил о своем понимании задач литературы, о намерении стать издателем журнала, который должен был принести ему независимость — условие плодотворной деятельности писателя. Сорокашестилетний поэт одобрил программу Карамзина, согласился сотрудничать в «Московском журнале» и для первого номера передал одно из своих лучших стихотворений — «Видение мурзы». В объявлении о выходе с января 1791 года «Московского журнала» Карамзин оповестил публику, что «первый наш поэт обещал украшать листы мои плодами вдохновенной своей музы».

2

Первый номер «Московского журнала» состоял из сочинений Карамзина, стихотворений Державина и Дмитриева. Стихи последнего, как и в «Утренних часах», были подписаны инициалами И. Д. В тече-

ние 1791 года было напечатано 22 «безделки» — то были оригинальные и переводные «поэтические мелочи», надписи, эпиграммы или лишенные серьезного содержания подражательные стихотворения («Счет поцелуев», «Письмо Климены», «На смерть попугая» и т. д.). Сам Дмитриев не высоко ценил стихотворения первого года «Московского журнала», называя их «посредственными». Но систематическое сотрудничество в журнале, получившем широкую популярность, заставило серьезно относиться к своему труду. Это привело к разработке новых жанров — сказки и песни. Напечатанные в 1792 году сказки и песни принесли Дмитриеву известность и признание.

Жанр сказки, начиная с Лафонтена, получил широкую популярность во французской литературе. То был шутливый, несколько фривольный сюжетный рассказ о нравах светского общества. Фантастика, сказочный элемент носили условный характер. Читателя привлекали занимательность, остроумие, легкость повествования. Дмитриев знал сказки Лафонтена, Флориана и Вольтера. Позже он переведет «Причудницу» Вольтера, правда решительно ее русифицировав.

Первые сказки Дмитриева — «Картина» и «Модная жена», опубликованные в «Московском журнале», — оригинальны. Дмитриев искал своего пути и сумел сказать в поэзии новое слово. Современники это поняли и оценили. Вяземский писал: «В сказках найдем его одного: ни за ним, ни до него, никто у нас не является на этой дороге, проложенной новейшими писателями». «Нигде не оказал он более ума, замысловатости, вкуса, остроумия, более стихотворческого искусства, как в своих сказках». [1]

В первых сказках нет ничего фантастического, сказочного. Название своих стихотворных новелл сказками — простая уловка автора, сделанная для смягчения тона сатир. В намерения Дмитриева входило создание сатирических картин из жизни Петербурга. Несомненно, в этом сказалось влияние книги Мерсье «Картины Парижа». Первую же сказку поэт и назовет «Картина». Название это двупланово — в сказке идет речь о картине, нарисованной художником по заказу, и в то же время рассказ о мытарствах художника есть поэтическая картина жизни Петербурга. Ее герои — петербургский художник-портретист, ученик Гаврилы Игнатьевича Козлова, обитатель чердака, и князь Ветров. Сюжет рассказа — исполнение художником

---

[1] П. А. Вяземский, Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева. — Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, изд. шестое, ч. 1, СПб., 1823, с. XLI.

прихоти заказчика. Влюбленный в свою пятнадцатилетнюю невесту, князь заказывает к свадьбе картину, на которой Гимен с Амуром должны были подводить его к «прекрасной девушке», окруженной «Забавами, Играми, Смехами». Болезнь художника помешала ему сдать картину до свадьбы. А за несколько месяцев, прошедших после свадьбы, Ветров уже охладел к своей жене. Он встретил художника, принесшего картину, неприветливо, велел переделать ее, ибо ему кажется, что «прелестная девушка» «для женатого уж слишком любострастна». Расставшись с «сумасбродным», художник принялся за переделку, «соображаяся с последним князя вкусом».

Дмитриев не был просветителем, и ему чужд радикализм сатиры «Картин Парижа» Мерсье. Но его «Картина» интересна стремлением поэта запечатлеть нравы русской столицы, сатирическим описанием сумасброда-князя, сочувствием к художнику, принужденному исполнять прихоти богатых заказчиков. Через год написанная вторая сказка, «Модная жена», с еще большим успехом раскрывает идею создания «картин Петербурга». Сатирический замысел поэта обнажен, хотя и смягчен шутливым тоном и ссылкой на сказочность описываемых событий.

Сюжет сказки «Модная жена» откровенно восходит к новиковским сатирическим рассказам «Живописца» о развратных дворянах: молодая жена обманывает своего старого мужа Пролаза и ловко устраивает в своем доме свидание с любовником. Главная удача сказки в создании характеров мужа и жены. Старик Пролаз не условная фигура обманутого мужа, — его характер объяснен социально и психологически:

Пролаз в течение полвека
Всё полз да полз, да бил челом,
И наконец таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть стал с именем, — я говорю ведь так,
Как говорится в свете:
То есть стал ездить он шестеркою в карете.

Шестеркою ездили только особы первых четырех классов. Так что Пролаз достиг генеральского чина, и был он тайный советник или действительный статский советник. Дмитриев обличает высший свет, показывая, что пробираются туда люди ничтожные, умеющие угодливо прислуживать своим начальникам — вельможам и князьям. Добившись чинов и богатства, Пролаз женился на «пригожей», умной, ловкой молодой девице, которая вертит им как хочет. Разврат, показывает Дмитриев, порожден бытом этой среды. Старый,

кривой Пролаз знал, что «надо ценою дорогой платить жене за ласки». Боясь потерять молодую жену, он богатыми подарками поддерживает ее расположение. Речь жены, просящей у мужа новые подарки, — психологически точна и убедительна. Попросив сначала тюрбан и экран для камина, она, жеманясь, подходит к главной цели своего желания — получить английскую шаль, такую же, какую князь недавно купил своей княгине:

«...Да если б там еще... нет, слишком дорога!
А *ужасть* как мила!» — «Да что, мой свет, такое?»
— «Нет, папенька, так, так, пустое...
По чести, мне твоих расходов жаль».
— «Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать мое, а не твое уж дело».
— «Меня... стыжусь... пленила *шаль*...»
. . . .
С последним словом прыг на шею,
И чок два раза в лоб, примолвя: «Как ты мил!»
— «Изволь, изволь, я рад со всей моей душою
Услуживать тебе, мой свет!»

Диалог этот, исполненный естественности, живости, психологической точности, был новым явлением в поэзии. Здесь проявился талант будущего баснописца, умеющего создавать маленькие драматические сценки, в которых проявляют себя характеры действующих лиц. Сцена объяснения с мужем соотнесена с беседой жены со своим любовником. Он появляется сразу после отъезда Пролаза. Обменявшись первыми любезностями, Миловзор, чувствующий себя хозяином в чужом доме, сразу приступает к делу:

«...Да покажите мне диванну:
Ведь я еще ее в отделке не видал;
Уж, верно, это храм! храм вкуса!» — «Отгадали».
— «Конечно, и... любви?» — «Увы! еще не знаю.
Угодно поглядеть?» — «От всей души желаю».

Многолетнее совершенствование стиха в «мелочах» — эпиграммах, надписях, мадригалах — дало свои положительные результаты. Поэт свободно строит фразу в сказке, стих энергичен, пластичен, выражает действия героев и интонацию их речей. Эта свобода стиха позволила Дмитриеву передать и свое отношение к происходящему. Помимо трех героев сказки — мужа, жены и любовника, — в ней действует и четвертый — сам поэт. Сказка начинается с автобиографического признания:

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
Той песню, той сонет, той лестный мадригал;
А вы, о нежные мужья под сединою!
Ни строчкой не были порадованы мною.

Дмитриев не боится «поболтать» с читателем, пошутить над ним и над собой, вспомнить юность, вздохнуть о прошлых радостях:

Простите в том меня: я молод, ветрен был,
Так диво ли, что вас забыл?
А ныне вяну сам: на лбу моем морщины
Велят уже и мне
Подобной вашей ждать судьбины
И о цитерской стороне
Лишь в сказках вспоминать...

Освоение опыта державинской поэзии приносило плоды. В стихах Дмитриева появился автобиографизм. В рассказах о себе поэт искренен, личное отношение к изображаемому определяет стиль и лексику сказки. Но различие личностей поэтов определяло и несходство их поэзии. Дмитриеву чужда державинская высокая гражданственность, его страстность в выражении своих убеждений, мужество в отстаивании правды, смелость в обличении зла и в рассказах о себе. Голос Дмитриева тих, ироничен, шутлив. Он презирает ничтожных людей, заставляет читателя смеяться над теми, кто человека ценит не за личность, а за право ездить шестеркой.

События живой жизни часто привлекали внимание Дмитриева. В 1792 году он пишет и печатает балладу «Отставной вахмистр» (позже получила название «Карикатура»). Это еще одна, на этот раз жанровая, картина русской жизни. Сюжетом баллады послужило подлинное происшествие, известное Дмитриеву еще с юности, случившееся с бедным дворянином Прохором Патрикеевым. Вернувшийся домой после многолетней службы отставной вахмистр не застал жены, которая была осуждена за притоносодержательство и сослана. Дмитриев тщательно рисует жанровый портрет отставного вахмистра — «под шляпой в колпаке, на старом рыжаке. В разодранном колете, с котомкой в тороках, палаш его тяжелый, тащась, чертит песок». Он передает радость возвращения в родные края («уж он в версте, не боле, от родины своей... Все жилки в нем взыграли, и сердце расцвело...» «Узнает ли Груняша? — ворчал он про себя: — Когда мы расставались, я был еще румян»). Подробно выписывает обстоятельства места действия («Я вижу чисто поле; вдали

же предо мной чернеет колокольня и вьется дым из труб...» «Уж витязь наш проехал околицу с гумном и вот уже въезжает на свой господский двор»).

В истории Патрикеева обнаруживались уродливые стороны русской жизни. Дмитриев, используя реальный сюжет, остается верным себе: он рисует жанровую картинку из жизни провинциального дворянства, никого не обличает, а лишь констатирует факты — тяжелую службу вахмистра, разрушение семьи, безнравственность, господствующую в этой среде. При этом легкая ирония придает всей печальной истории вид забавного приключения:

Что делать? Как ни больно...
Но вечно ли тужить?
Несчастный муж, поплакав,
Женился на другой.

Подобные картины русской жизни делали Дмитриева бытописателем дворянской среды. Точность рассказанных историй, верное изображение нравов, свободный и легкий язык, мягкий юмор поэта, его шутливый тон рассказчика, готового поболтать с читателем о житье-бытье, — все это определило успех сказок, написанных в 1792 году, сделало имя Дмитриева известным и популярным. Но еще больший успех в этот год принесла Дмитриеву песня.

Песня получила широкое распространение в 50-е годы. Сумароковские песни читались и пелись несколькими поколениями дворянской молодежи. В юности познакомился с ними и Дмитриев. В 80-е годы публика охладела к Сумарокову, ее не удовлетворяли рационализм, логическая сухость, отвлеченность и, главное, безличность его песен. Воистину, новое время требовало новых песен.

В 70—80-е годы широкой популярностью в России стали пользоваться сочинения европейских основоположников новой литературы — Дидро и Бомарше, Руссо и Мерсье, Лессинга и Гете. Их читали на французском и немецком языках и усиленно переводили для широкого русского читателя. В журналах печатались популярные изложения философских сочинений Гольбаха и Гельвеция, в которых обосновывалась философия свободного человека. Завоевывали популярность молодые писатели, смело и решительно обновлявшие литературу: Фонвизин — в драматургии, Новиков — в прозе, Державин — в поэзии.

В этих условиях и расцвел жанр лирической любовной песни. Десятки поэтов — молодые и старые, известные и начинающие, подписывавшие свое имя и анонимы — писали песни. Незначительное число их печаталось в журналах и сборниках поэтов, большая же

часть распространялась в списках и входила в многочисленные песенники. Сборники песен стали популярными изданиями. Многие песни перекладывались на музыку. Романс получал еще большую популярность.

Что же привлекало в песнях нового читателя? То, что они открыли сокровенный мир чувств человека. Заглянув в душу личности, поэты писали о красоте, сложности, драматичности испытаний и перипетий любви. Песня говорила о напряженной нравственной жизни человека, помогала понимать и ценить чувства, наслаждаться ими. Песня стала самым доступным и широко распространенным жанром, в котором с эмоциональной силой утверждалось новое понимание человека. Пафосом песни оказалась крылатая мысль Руссо, что человек велик своим чувством.

Песня пробуждала чувство личности, учила ценить человека не по сословной принадлежности, а за нравственное богатство, проявленное в интенсивном чувстве. Любовь помогала самоутверждению личности. Любить, утверждала песня, значит «следовать природе». Власть любви — всемогуща. Она помогает ломать законы, установленные людьми, потому что они уродуют жизнь человека. Главный из них — социальное неравенство, разделяющее любящих. Песня прославляет страсть, помогающую человеку преступить этот закон, пренебречь традиционными представлениями о счастье. Вместо прежних идиллических картин любви пастухов и пастушек появляются песни о любви дворянина к крестьянке:

Я страсти не таю,
Стыд должен лишь таиться;
Я искренне люблю,
Любовью дух гордится.
Люблю пастушку я простую,
Красиву, молодую.
Краса — вот титла все ея;
Но с нею счастлив я.

Не желая знаться с теми, «кто предками гордится», герой песни призывает молодых людей следовать его примеру:

О юные сердца! влюбляйтесь,
Коль найдете предмет такой:
Любви не опасайтесь.

Еще в 60-е годы поэт-демократ Иван Барков, борясь с сумароковским представлением о человеке, писал:

Богатство, славу, пышность, чести
Я презираю так, как ты...
. . . .
Счастливей папы и царей,
Когда красотка обнимает.

Державин, начиная свой творческий путь, утверждал тот же идеал. В стихотворении «Пламида» (1770) читаем:

Всё: мудрость, скипетр и державу
Я отдал бы любви в залог,
Принес тебе на жертву славу
И у твоих бы умер ног.

В песнях 80—90-х годов отказ от богатства и «порфиры» во имя любви стал устойчивым мотивом:

Тебя я обожаю,
Владычица сердец!
В тебе одной считаю
Порфиру и венец.

Когда бы я родился
Короной управлять,
Я б троном не гордился,
Тебя стал обожать.

Всё в свете презираю,
Тебя одну любя;
Тебя я обожаю,
Вот счастье для меня.

Знатности и богатству кармана песня противопоставляет богатство души и счастье любви:

Прочь блеск богатства лживой!
Не в нем ищу отрад.
Я беден — но с Темирой
И счастлив, и богат.

В песнях торжествовала эмоциональная атмосфера морального равенства людей. В них человек любил человека и был счастлив. Сюжет и этический пафос повести Карамзина «Бедная Лиза» вырастал на песенной почве. Вывод Карамзина «и крестьянки чувствовать умеют» был обобщением уже прочно сложившейся песенной тради-

ции. О способности крестьянок чувствовать и любить читатель узнавал не только из песен, написанных поэтами, но и из песен, создаваемых самим народом. Новый взгляд на человека определял и усиление интереса к народной песне. Концепция морального равенства легализовала поэтическое творчество «простого народа» — в народных песнях тоже говорилось об испытаниях сердца, о страданиях души, о «природных чувствах». В песенниках народные песни печатались рядом с авторскими, также неподписанными. Собирание и усиленное печатание народных песен сопровождалось их переделками, заимствованием из них сюжетов, образов, лексики. В песенниках мы встречаем три пласта песни — оригинальные (авторские), переделки и народные.

В книге «Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина...» (1779) было напечатано 47 песен и среди них: «Слушай, радость, одно слово...». Песня рассказывала о господине, домогавшемся ласк от деревенской девки. Она пыталась урезонить барина: «Я советую тебе любить равную себе».

Отпусти меня, пожалуй,
Мне с тобой не сговорить.
Мне досуг еще немалый,
Мне коров пора доить,
Масло пахтать, хлебы печь,
Щи варить, капусту сечь.

Но господин не унимался и от разговора переходил к делу — стал целовать понравившуюся крестьянку. Вырываясь от барина, она грозит:

Ах, как Ванька бы наш видел,
Что теперь ты учинил;
Он бы так-то тебя выбил,
Что ты впредь бы позабыл
Наших девок целовать
И долго с ними болтать.

В конце 80-х годов эта песня была переделана на новый, сентиментальный лад: место рассказа о барской забаве заняла история серьезного чувства господина к крестьянке. Он не смеет домогаться ее поцелуя — строфа об этом убрана и заменена другой:

Ты не думай, дорогая,
Чтобы я с тобой шутил;
Ты девица не такая,

Чтоб тебе я досадил:
Я увидел лишь тебя,
Позабыл самого себя.

Он отвергает совет «любить равную себе» и просит крестьянку полюбить его, взывает к жалости:

Сжалься, сжалься надо мною,
Не срази меня тоской,
Заразился я тобою,
Не надо мне иной.

В этой связи должна быть упомянута реальная история шереметьевской крестьянки Прасковьи Ивановны Кузнецовой-Горбуновой. Великолепно образованный, удалившийся в свое родовое имение Кусково после быстрой и блестящей карьеры при екатерининском дворе, граф Н. П. Шереметьев встретил в 1789 году молодую, красивую крестьянку Парашу и влюбился в нее. Приблизив ее к себе, он занялся ее воспитанием и образованием, содействовал раскрытию ее таланта на сцене кусковского театра. Чувство к Параше было таким серьезным и глубоким, что, преодолевая все чудовищные трудности, граф наконец женился на ней. Через год после встречи с барином Параша сама сочинила песню — «Вечор поздно из лесочку», в которой рассказала о любви барина. Песня получила широкое распространение, органически войдя в поток песен, прославляющих всемогущество любви, помогающей преодолевать сословные предрассудки.

Первые песни Дмитриева появились в «Московском журнале» в 1792 году. Бытующее в научной литературе утверждение, что Ю. Нелединский-Мелецкий первым выступил с сентиментальными песнями, а Дмитриев «шел по пути, проложенному Нелединским», несправедливо. Первые песни Нелединского появились в конце того же 1792 года, но уже после Дмитриева. Оба поэта в своих песенных опытах опирались на уже сложившуюся богатую песенную традицию, с которой они были отлично знакомы.

Первые две песни Дмитриева — «Стонет сизый голубочек...» и «Ах, когда б я прежде знала...» — написаны в подражание народным. О последней Дмитриев даже счел нужным предупредить читателя: «Эта песня есть точное подражание старинной народной песне». «Стонет сизый голубочек...» явилась самостоятельной разработкой одного из мотивов «простонародной песни» «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...» (напечатана в сборнике Прача в 1790 году):

Уж как мне, голубчику, веселу быть,
Веселу быть и радостному,
Вечор у меня голубка была,
Голубка была, со мною сидела,
Со мною сидела, пшено клевала.
Наутро голубка убита лежит.

Дмитриев придал песне новеллистический характер — голубка покинула своего возлюбленного, а верный голубок «сохнет» в тоске и умирает. Вернувшаяся голубка исполнена раскаяния — «плачет, стонет, сердцем ноя». Но главная забота поэта была направлена на создание настроения. Автор тщательно отбирает эмоционально окрашенные слова, которые сразу погружают читателя в стихию тихого, грустного чувства: «стонет», «тоскует», «сохнет», «слезы льет», «страдает», «плачет». В народной песне часто встречаются уменьшительные слова, но всегда в качестве ласкательных («солнышко», «ноченька», «дружочек», «дороженька»). У Дмитриева уменьшительные наделены способностью передавать трогательность чувства — «миленький дружочек», «пшенички не клюет», «сохнет... страстный голубок», «он ко травке прилегает», «носик в перья завернул». Так создается особый стиль эмоционально насыщенного рассказа. Читатель оказывался во власти созданного поэтом настроения, во власти стихии чувства. При этом чувство у Дмитриева лишено трагизма, сложности, исступления — оно тихо, ровно и, главное, «приятно». За «приятность чувствования» и полюбилась эта песня современникам.

Первые песни Дмитриева вдохновлялись сентименталистской философией «мучительной радости». Земляк Дмитриева М. Н. Муравьев был одним из зачинателей русского сентиментализма. Признав человека высшей ценностью мира, Муравьев стремится познать его сокровенные мысли. Он понимает и видит объективные связи человека с окружающим его обществом и миром. Но верный философии сентиментализма, он убежден, что нравственное богатство человека раскрывается не в связи с объективным миром (как это будет в стихах Державина), а в способности к сложным и тонким чувствам. «Одни только лишения, — утверждал он, — научают нас вкушать удовольствия. Уединение «поставляет нас в состояние существовать раздельно от других». И тогда постигается главный смысл существования — «наслаждающееся размышление самого себя». «В многолюдии стесняется душа моя; она распространяется в уединении».[1]

А. Кутузов, сочетавший в своем творчестве руссоистские идеи

[1] «Утренний свет», СПб., 1778, ч. 4, с. 384—385.

с философией масонства, в специальном этюде «О приятности грусти» сформулировал характерную для русских сентименталистов философию «мучительной радости». Грусть приятна, провозглашал Кутузов. Этого не понимают рационалисты-классицисты, люди, «которые рассуждают о сердце человеческом не по собственным чувствованиям своим и не из опытов, но единственно по некоторым правилам системы своея». Допустим, говорит Кутузов, что «несколько часов бываю я печален, ибо не имею того, чего желаю и что имеют другие. Печаль сия есть неприятное чувствование и действие мысли моей, что я несчастлив. Однако ж я не противлюсь ей, хотя она и неприятна. Для чего же? Она награждает меня за вход, который позволяю ей в сердце мое. Она полагает воображению моему цену, что я заслуживаю лучшего жребия и столько же или еще более достоин его, нежели другие. Она питает самолюбие мое; я почитаю печаль мою доказательством, что я должен быть счастливее, нежели есмь, хотя и доказывает она то, что я несчастлив. Приходят и хотят мне мешать в печали моей. Но нет! Я не хочу, чтоб мешали мне в оной. Я чувствую, что, потеряв ее, и представление о достоинствах моих, и слабые преимущества других людей потеряют силу свою, и для того не позволю я лишить себя печали сей и начинаю любить оную». [1]

Песни Дмитриева учили «любить печаль», находить «приятность в грусти»; рассказывая о печальных перипетиях любви, они открывали читателю возможность в «наслаждающемся размышлении самого себя» «вкушать удовольствие», чувствовать себя богатой личностью. В песне «Тише, ласточка болтлива. . .» тоскует возлюбленный, расставшийся со своей милой. В песне «Ах, когда б я прежде знала. . .» раскрываются страдания неразделенной любви. Герой песни «Птичка, вырвавшись из клетки. . .» «воздыхает» о терзающей его возлюбленной, но при этом «страдающий» не хочет разорвать «оковы» своего чувства, он «кропит их слезами» и ждет, когда «жестока уморит». Декларацией «приятности грусти», страдания является песня «Коль надежду истребила. . .». Герой ее любит без надежды, но сердечные муки дороги и милы ему, он любит не столько возлюбленную, сколько саму любовь свою:

Но, любовь непостижима,
Будь злодейкою моей —

[1] «Московское издание», 1781, ч. 3, с. 145—146. Этюд о приятности грусти является переводом сочинения немецкого писателя-сентименталиста X. Геллерта. Но факт избрания его для перевода свидетельствует о том, что А. Кутузов разделял изложенную в нем философскую концепцию и считал нужным ее пропагандировать.

Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей.
О жестока!.. о любезна!
Смейся, смейся, что терплю...
Я достоин... участь слезна!
Презрен, стражду... и люблю.

Песни Дмитриева, как и песни других поэтов, были самым популярным лирическим жанром. Здесь вырабатывался стиль будущей сентиментальной и романтической элегии, дань которой отдал и Пушкин в лицейский период. Многие его юношеские стихотворения посвящены воспеванию разлуки с любимой, перипетиям любви, сердечным страданиям. «Тоска» и «слезы утешения» Пушкина питались традицией, которая складывалась еще в 80—90-е годы XVIII века. К этой же традиции восходят и поэтические афоризмы юного поэта: «в слезах сокрыто наслажденье», «моей любви забуду ль слезы», «мне дорого любви моей мученье — пускай умру, но пусть умру любя».

Песни принесли Дмитриеву популярность. Но поэт понимал свою несамостоятельность, и, видимо, потому они не совсем его удовлетворяли. Точнее, не удовлетворяла философия «мучительной радости», которой он отдал дань. Общий характер мировоззрения Дмитриева — оптимистический. В лирической заметке «Время» он писал: «Так, друзья мои! Жизнь наша скоротечна... Будем стараться провождать ее с пользою для наших ближних... Будем стараться уменьшать наши грусти, жить весело, с удовольствием и для себя и для подобных нам. Будем сносить с терпением бедствия печального мира». [1] Дмитриеву всегда был чужд субъективизм, и потому погружение в глубины своего духа не увлекало его. Уныние не выражало полностью чувств поэта. Его манил действительный человек, его радости и связи с другими людьми, с миром всеобщим. В том же 1792 году, оставаясь верным жанру, поэт стал писать песни в иной тональности, в чем-то приближающейся к Державину, и в частности к его песне «Кружка».

В песне «Наслаждение» (1792) воспеваются радости бытия. Жизнь скоротечна, и потому бессмысленно проводить ее в тоске, печали и скуке:

Прочь же скука, прочь забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота,
Дорог, дорог каждый час!

---

[1] «Муза», 1796, ч. 2, с. 172.

Наслаждению своей печалью и тоской противопоставляется наслаждение земными радостями:

Ах, почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас еще сердца!

Эти настроения усилились к 1795 году, когда была написана песня «Други! время скоротечно...». По своему характеру она близка одам Анакреона, которыми в это время увлекались поэты державинского кружка. Н. Львов подготовил и в 1794 году издал сборник од Анакреона. Державин, вслед за Львовым, начнет писать анакреонтические стихотворения. Позже он издаст их в сборнике «Анакреонтические песни». Анакреонтическими были и песни Дмитриева. Героем их был нравственно здоровый, влюбленный в жизнь человек, желающий вырвать радость у неласковой судьбы. Песня «Други! время скоротечно...» написана от имени самого героя — это его исповедь, откровенное признание. Его речь не лишена грубости, исполнена прозаизмов, принципиально разговорна. Она передает и насмешку, и какую-то русскую удаль подгулявшего человека. Он решителен в своих суждениях: «Лучший способ дружно жить: меньше врать и больше пить». Он отвергает рецепты сентиментальных поэтов, учивших находить приятность в грусти. Не уныние, но арак прославляет поэт: «О арак, арак чудесный! Ты весну нам возврати».

В том же ключе написаны и еще две песни: «Видел славный я дворец...» и «Пой, скачи, кружись, Параша!..».

Анакреонтические песни Дмитриева по своему оптимистическому взгляду на жизнь связаны с державинскими стихами, и в то же время они многим отличаются от них. Поэзия Державина глубоко и принципиально автобиографична, но лишена субъективизма. Державинский человек раскрыт в своих связях с миром действительным в сложном единстве общего и частного. Автобиографизм Дмитриева крайне робок. Чаще всего он ограничивается рассказом о внешних фактах жизни.

В песне типа «Сизого голубочка» Дмитриев воссоздает атмосферу «приятного чувства», стремясь проникнуть «во глубину сердца», чтобы «наблюдать изгибы сердца и живописать страсть». Но он не оказывается способным с державинской смелостью заглянуть прежде всего в свое сердце, живописать свою страсть. Оттого герой его «унылых» и анакреонтических песен равно условен. Его чувства лишены

индивидуальной неповторимости. Они находят свое выражение в своеобразных лексических штампах, переходящих из стихотворения в стихотворение, от поэта к поэту. Поэтому если у Державина в анакреонтических песнях появляется реальная Дашенька, молодая жена поэта, и речь в них идет о реальном разрыве поэта с «земными богами» («Желание»), то у Дмитриева в песне «Видел славный я дворец...» равно риторично сообщается и о нежелании быть связанным с «двором нашей матушки царицы», и о стремлении предаваться радостям с Лизой в условно-поэтическом шалаше.

И в то же время песни Дмитриева оказались в общем ряду новой поэзии, которая способствовала демократизации литературы. Это отлично понимал и сам Дмитриев. Именно потому он решил подготовить сборник песен разных жанров. Член державинского кружка поэт Н. Львов создал сборник народных песен с приложением нот, подготовленных Прачем (1790). Свой сборник под названием «Карманный песенник» Дмитриев начал готовить с 1792 года и издал его в 1796 году.

«Карманный песенник» — примечательное, но, к сожалению, неизученное явление поэтической жизни 90-х годов. Дмитриев назвал его собранием «светских и простонародных песен». При этом песни были разбиты на три группы: оригинальные песни русских поэтов («нежные», то есть любовные, «веселые», «сатирические», «застольные», «военные»), во вкусе простонародном (подражание) и простонародные («нежные», «темничные», «былевые», «воинские», «святочные», «свадебные» и «хороводные»). В подготовке «Карманного песенника» отчетливо проявилось стремление Дмитриева подчеркнуть национальные корни песенного творчества русских поэтов. Для него народная песня равноправна с книжной, индивидуальной поэзией. Нежные, веселые, воинские песни сочиняет и народ и образованные поэты, которые к тому же подражают народным песням, используют их сюжеты, образы, своеобразную лексику.

«Карманный песенник», пожалуй, единственное в XVIII веке обширное собрание песен русских поэтов. Дмитриев напечатал песни Державина, Хераскова, Капниста, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Николева, Карабанова. Авторство некоторых песен установить не удалось. Перепечатаны были и лучшие песни самого Дмитриева. Нелединский впервые был так полно представлен — восемью стихотворениями. В раздел нежных, уныло-любовных вошло 64 песни. Им противостоят песни веселые, застольные и воинские. В разделе веселых оказалась дмитриевская «Пой, скачи, кружись, Параша!..». Здесь же напечатана пародия на унылые любовные песни сентименталистов. Первая строфа традиционна для нежных песен:

Если б ведала ты муки,
Я которые терплю
В дни печальные разлуки,
Сколько страстно я люблю.

В дальнейших строфах одинокий любовник издевательски рассказывает о своем времяпрепровождении — утром пьет чай, «в полдень я сажусь обедать и довольно сытно ем». Затем наступает вечер, и

Всё я миру уступаю:
Злато, и чины, и трон,
В те часы как засыпаю
И ко мне приходит сон.

Жанр застольных песен представлен Державиным («Кружка»), Дмитриевым («Други, время скоротечно. . .») и Карамзиным («Братья, рюмки наливайте. . .»). В следующем разделе были объединены песни, названные военными. Застольные и военные песни внутренне связаны — их сближает дух анакреонтизма. И в то же время военные песни были принципиально новым явлением русской поэзии. В них с антиклассицистических позиций развертывалась военная тема. Начиная с Тредиаковского и Ломоносова, военные победы и сражения воспевались в оде. В 70-е и 80-е годы с наибольшим успехом торжественные гимны русскому оружию сочинял В. Петров. Сформировалась устойчивая традиция одического изображения войны: грандиозные аллегории, метафорические образы, исторические персонажи (великие полководцы античности), громкие географические названия, густо славянизированный язык, усложненный синтаксис. В одах, посвященных реальным военным событиям, не было места человеку, который храбро сражался, совершал подвиги, штурмовал крепости, умирал и побеждал, — там действовали мифологические боги, цари, герои.

Начатое Державиным обновление поэзии определило и появление нового воплощения военной темы — в песне. Державин уже в 1779 году написал песню «Кружка», одна из строф которой подготавливала песенную разработку военно-бытовой темы:

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дралися храбро на войне:
Вить пьяным по колено море.
Забыть и нам всю грусть пора. . .

Отважным быть
И пить:
Ура, ура, ура!

Опыт Державина был подхвачен — продолжением застольной песни и стала песня военная. Исчезла былая громкость — в песнях зазвучал живой голос личности. Кардинально изменился стиль: из песни были изгнаны аллегории, метафоры, мифология, поэты отказались от славянизмов и синтаксической затрудненности, четырехстопный ямб громкой оды заменился традиционно-песенным четырехстопным хореем. Герой заговорил легко и свободно о том, что его волновало, в песню хлынул быт. Авторы песен изображали не сражения, а чувства воина (в первую очередь, конечно, офицера), его патриотизм, удаль, молодечество, желание, выйдя из боя живым, насладиться радостями жизни. В первой же песне этого раздела читаем:

Не убили нас походы,
Пули, язвы и труды:
Проходя сквозь огнь и воды,
Живы мы пришли сюды.
На Руси повеселимся,
Мед у нас и пиво есть.
Для чего ж на свет родимся?
Мы родимся пить и есть.

Но превыше всего для героя военной песни чувство долга. Свободно и естественно отказывается он от привычных условий жизни, покидает друзей и возлюбленную, отправляясь на войну:

Мы любовниц оставляем,
Оставляем и друзей,
В смутных мыслях представляем
Пулей свист и звук мечей.

Не зараза, не забава
На уме теперь у нас:
На лице и в сердце слава
И победы громкий глас.

Застольные и военные песни (авторство последних установить не удалось, за исключением песни «Гренадеры молодцы», принадлежащей Петру Карабанову), собранные Дмитриевым в одну книгу, как бы подводили итог освоения военной темы поэтами антиклас-

сицистического направления и открывали пути к дальнейшему сближению поэзии с действительностью. Следующий шаг через восемь лет сделает Денис Давыдов, когда напишет свое первое «залетное» послание Бурцову. Современное литературоведение определяет литературную родословную Давыдова в соответствии с концепцией, предложенной в 1930-е годы Б. М. Эйхенбаумом. Она сводится к следующему: батальная тема в XVIII веке получила свое развитие в одах Ломоносова и Державина, героической поэме Хераскова «Россиада». К началу XIX века военно-патриотическая тема стала достоянием бесталанных поэтов-эпигонов державинской (классицистической) школы. Карамзинисты прошли мимо военной темы. Поэтому Денис Давыдов в 1800—1810-е годы выступил певцом военной темы, но в уже новом, им самим созданном направлении, порвав с жанровыми и стилистическими традициями, сложившимися у одописцев XVIII века.

Действительный ход литературного развития был иным. Державин не продолжал, а ломал ломоносовскую традицию, решительно обновил оду, определив принципиально новое изображение войны. Его опыты были продолжены другими, в том числе и Дмитриевым, который будет писать в середине 90-х годов военные оды, далекие от одических канонов классицизма. Но военная тема, как мы видели, успешно воплощалась и в песне. Давыдов и продолжал эту песенную традицию.

Многое в застольных и военных песнях для Давыдова оказалось близким — интерес не к батальной стороне войны, а к ее быту, изображение не героев и царей, а раскрытие чувств реального русского воина-офицера, его удали и готовности искать славы на поле боя и веселья с друзьями после сражения. В «Кружке» Державин писал, что «веселье» было душою предков, которые «дрались храбро на войне» и пили, считая, что «пьяным по колено море». Давыдов в том же духе призывает гусара «не осрамиться», «не проспать полета» жизни, советует ему: «пей, люби да веселися», пей, «как пивали предки наши среди копий и мечей». Державин провозглашал: «предстань пред нас... большая сребряная кружка», «забав и радостей подружка». Давыдов требовал от друга: «подавай лохань златую, где веселие живет».

Дмитриев в своей «Застольной» первым пропел гимн араку: «О арак, арак чудесный!.. Чем же нам тебя почтить? Вдвое, втрое больше пить». Давыдов продолжил эту тему: «В благодетельном араке зрю спасителя людей». Давыдов, несомненно, хорошо знал «Карманный песенник» Дмитриева и его застольные и веселые песни. Они привлекали внимание поэта-гусара и живой интонацией, и бы-

товой лексикой, и, главное, оптимистическим взглядом на жизнь героя, превыше всего ценившего независимость, жизнь со своей возлюбленной вдали от суетного и лживого света. Песня Дмитриева «Видел славный я дворец. . .» кончалась декларацией:

Эрмитаж мой — огород,
Скипетр — посох, а Лизета —
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света.

В «Моей песне» Давыдова («Я на чердак переселился. . .») развивается тот же круг идей и в том же стилистическом ключе:

Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей
Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.

Еще бо́льшая связь давыдовских посланий, песен и элегий с военными песнями, собранными в книге Дмитриева. Приведу только один пример. В «Элегии IV» Давыдов писал:

В ужасах войны кровавой
Я опасностей искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал.

В «Карманном песеннике» Дмитриева читаем:

Посреди войны кровавой
Нам ли негу вспоминать?
Не с любовию, со славой
Станем узы соплетать.

Давыдовский герой-патриот оставляет возлюбленную, чтобы уйти на войну и вернуться с лаврами победы:

Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,

Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет.

О том же мечтает и герой военной песни дмитриевского «Песенника»:

Там у всех одна любезна —
Слава громкая с трубой.
Вечный лавр иль смерть полезна,
Вам лишь жертвует герой.

Заслуживает внимания и тот факт, что эта четвертая «Элегия» Давыдова, в отличие от других элегий, написана четырехстопным хореем, каким писались и военные песни.

Авторы застольных и военных песен конца XVIII века решительно обновили поэтическую лексику, они свободно использовали бытовое просторечие (арак, мед, пиво, кружка, рюмки, поход, мечи, пули, язвы, трубы), военно-профессиональную фразеологию («посреди войны кровавой», «пулей свист и звук мечей», «станем ладом в круговую», «служба царска»), пословицы и поговорки («сквозь огнь и воды», «пьяным по колено морс», «мы родились пить и есть» и т. д.). Давыдову было на что опереться, когда он создавал свои «залетные» послания, песни, элегии. Он не заимствовал и не повторял предшественников, но, выполняя свою задачу, определенную временем, учитывал накопленный до него опыт, двигался дерзко и быстро вперед по пути создания реалистической поэзии. Вот почему мы найдем в его стихах или уже знакомые нам слова и фразы, или близкие им по типу и почерпнутые в том же источнике — живой жизни военной среды (в данном случае русского гусарства): арак, пунш, стакан, чаши, лавр, меч, конь, сабля, трубка, усы — с одной стороны, и выражения: «кровавый бой», «в ужасах войны кровавой», «служба царская», «среди копий и мечей», «соберитесь в круговую» — с другой.

Традиция помогала Давыдову решать главную проблему — создание образа лирического героя, самоотверженного поэта-воина, лихого гусара, мужественного патриота. Образ этот автобиографичен и в то же время типичен — в нем запечатлелась оригинальная личность русского человека, ум, речь, поступки, взгляды на жизнь, образ мыслей, который национально обусловлен. Этот человек раскрыт в конкретно-исторических обстоятельствах своего действования — в эпоху ожесточенных сражений с наполеоновскими армиями и великого национального подъема России. Главной победой Давы-

дова-поэта было умение через реальный и конкретный *быт* военно-походной жизни передать *бытие* русского гусара как нравственно богатой личности офицера — патриота и гражданина, исполнившего свой долг в годы испытаний его родины.

3

Дарование Дмитриева-поэта полнее всего выразилось в повествовательных жанрах. После успеха сказок он обратился к басне.

Первая басня была напечатана уже в «Утренних часах». С тех пор басня станет любимым жанром Дмитриева — он их будет писать на протяжении всей творческой жизни. Последнюю басню напечатает Рылеев в «Полярной звезде» на 1825 год. Всего Дмитриев написал 80 басен. Основная их часть — переводы. Чаще всего поэт обращался к басенному наследию Лафонтена и Флориана. В одних случаях он использовал только традиционный сюжет, самостоятельно развивая рассказ о событиях. В других — это относится прежде всего к Лафонтену — поэт стремился сохранить и самый стиль изящного повествования французского баснописца. За это современники звали Дмитриева «русским Лафонтеном». Но при этом басни Дмитриева — явление оригинального творчества. Оригинальность обусловилась тем преобразованием строя басни, которое осуществил поэт.

Басня была канонизирована классицизмом как низкий жанр. Отсюда — принципиально оправданная грубость языка, сатирическая соль, злые характеристики обличаемых условных персонажей, натуралистические зарисовки быта, свободное использование просторечия. Таковы на русской почве басни Сумарокова, пользовавшиеся широкой популярностью и после смерти баснописца. Дмитриев-сентименталист, не принимая классицистического разделения поэзии на жанры, не мог согласиться и с отнесением басни к низкому жанру. В своей творческой практике, как мы видели, он, обращаясь к традиционным жанрам, размывал их строго определенные правилами границы. Единство стиля определялось единством лирического субъекта его поэзии. В той или иной степени стихотворения Дмитриева разных жанров были выражением личной позиции автора. Личное начало в баснях проявлялось в сосредоточенности автора на моральной стороне жизни героев, которая его трогает и волнует.

Басне Дмитриева чужда сатира. Поэт не обличает, не рисует картин социальной несправедливости, не поучает, но рассказывает

о каких-то событиях, обнаруживая в ходе самого повествования важные моральные истины. При этом автор иногда прямо вмешивается в действие и говорит о себе, о своем отношении к происходящему, к поступкам героев, предается воспоминаниям. В одной из ранних басен это автобиографическое начало даже вынесено в заглавие — «Пчела, Шмель и я». Басня заканчивалась ироническим признанием автора:

И мне такая ж участь, Шмель, —
Сказал ему я, воздыхая:
Лет десять, как судьба лихая
Вложила страсть в меня к стихам.
Я, лучшим следуя певцам,
Пишу, пишу, тружусь, потею,
И рифмы, точно их, кладу,
А всё в чтецах не богатею
И к славе тропки не найду!

Басня «Два голубя» также завершается лирической исповедью: «Я сам любил: тогда за луг уединенный, присутствием моей подруги озаренный, я не хотел бы взять ни мраморных палат, ни царства в небесах!..» и т. д. Современники понимали и ценили Дмитриева именно за это новое качество его басен. Вяземский, например, указывал: «В басне «Два голубя» он дает нам лучшие образцы стихов элегии, а в «Дон-Кишоте» — лучший образец стихов пастушеских».[1]

Басня у Дмитриева оказывалась тесно связанной с теми жанрами, которые он в тот или иной период разрабатывал. Поэтому эволюция творчества Дмитриева определяла и развитие басни. Первый период — это 90-е годы (примерно до 1798-го). Басни этой поры связаны единством утверждаемого идеала. Героем басни оказался «добрый человек», который отвергает господствующую мораль, учившую искать счастье в чинах, карьере, деньгах («Не чувствуя к чинам охоты, не зная страха, ни заботы, без скуки провождал свой век», — говорится о герое в басне «Пустынник и Фортуна»). В сказке «Искатели Фортуны» этот идеал утверждается в драматическом столкновении судеб двух друзей:

Один с другим невдалеке,
Два друга жили;

[1] П. А. Вяземский, «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». — В кн.: Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, ч. 1, СПб., 1823, с. XXXVII.

Ни скудны, ни богаты были.
Один всё счастье ставил в том,
Чтобы нажить огромный дом,
Деревни, знатный чин — то и во сне лишь видел,
Другой богатств не ненавидел,
Однако ж их и не искал,
А кажду ночь покойно спал.

Искатель фортуны, жаждущий богатств человек, терпит фиаско. Автор не осуждает его, но всем ходом повествования показывает душевную бедность человека, занятого погоней за фортуной, видящего счастье в богатстве. Его сочувствие на стороне того, кто счастье видит в ином — в «покое души»:

Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар лучший всех даров.
. . . .
Фортуна — женщина: умерьте вашу ласку;
Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.

Та же коллизия развертывается и в басне «Два голубя»: пустившийся в странствие за счастьем голубь после тяжких испытаний «решился бресть назад, полмертвый, полхромой; и прибыл наконец калекою домой, таща свое крыло и волочивши ногу». Печальная история наводит автора на размышление, которым он и делится:

О вы, которых бог любви соединил!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь!

Не богатство имения, а богатство чувств — вот что делает человека счастливым, и это счастье он находит в любви и дружбе. Потому пишется гимн дружбе («Два друга»), показывается, как богатство обедняет души людей — «с богатством не житье, а вживе сущий ад!» («Желания»), утверждается тихое счастье любящего человека («Пустынник и Фортуна»).

В последней басне Пустынник отвергает все домогательства Фортуны войти в его дом со свитой — богатством, знатностью и чинами. Фортуна, стоя у порога, «мерзнет», но продолжает умолять его «тронуться хоть славою». Тогда выведенный из себя Пустынник

гонит Фортуну прочь: «Да отвяжися ты, лихая пустомеля!» Свой отказ от даров Фортуны он мотивирует так:

> ...Ну, право, не могу.
> Смотри: одна и есть постеля,
> И ту я для себя с Пленирой берегу.

Нетрудно заметить, что этот мотив был центральным в песнях Дмитриева эпохи «Московского журнала». На этом примере отчетливо проявляется своеобразие его эстетической позиции. Единство идеала определило единство стиля, близость сюжетов и общность разрабатываемых тем. Героем его поэзии (и, следовательно, басен) был человек, стремящийся обрести свое счастье в сфере моральной жизни. Сосредоточенность на чувствах, раскрытие нравственных богатств личности, дискредитация традиционных в феодальном обществе идеалов должны были показать, что истинное величие человека не в богатстве кармана, а в богатстве души. На практике, как мы видели, это приводило к отделению человека от общей жизни, делало его равнодушным к судьбам других людей. Такая занятость своим чувством не возвышала, но умаляла человека, сводила его стремления к узкому, эгоистическому кругу интересов, превращала в защитника морали «умеренности и аккуратности».

В вольном переводе лафонтеновской идиллии «Филемон и Бавкида» этот моральный кодекс выразился полнее всего:

> Ни злато, ни чины ко счастью не ведут:
>
> . . . . . .
>
> Где ж счастье наконец?
> В укромной хижине: живущий в ней мудрец
> Укрыт от гроз и бурь, спокоен, духом волен,
> Не алча лишнего, и тем, что есть, доволен;
> Захочет ли за луг, за тень своих лесов
> Тень только счастия купить временщиков?
> Нет! суетный их блеск его не обольщает...

Те же мечты развиты и в баснях, названных выше — «Два голубя», «Искатели Фортуны», — и многих других: «Орел, Кит, Уж и Устрица», «Желания», «Летучая рыба», «Воробей и Зяблица», «Кот, Ласточка и Кролик» и т. д. Призыв довольствоваться существующим, находить удовлетворение лишь в счастье любви и душевном покое, естественно, приводит к проповеди смирения и терпения. Исторгнутый из социального мира басенный герой Дмитриева покорно отно-

сится ко всем бедам, которые обрушиваются на него. В басне «Суп из костей», в ответ на жалобы одной собаки, что люди перестали давать кости, поскольку решили варить из них суп для себя, вторая, «благоразумная» собака дает ответ, как жить: «В молчании терпеть, пока судьба сурова».

Стремление возвысить человека, дискредитировать сословный идеал жизни (чины, знатность, слава, богатство), раскрыть богатый мир личности противоречиво сочеталось у Дмитриева с отделением человека от общей жизни, что делало его равнодушным к судьбам других людей, приводило к смирению перед социальным злом. В этом и выразилась консервативность общественной позиции русского дворянского сентиментализма. Усвоив просветительское учение о свободном человеке, и Дмитриев, и Карамзин создали новое направление, обновлявшее искусство и в известной мере способствовавшее его демократизации. Но общественная их позиция определялась дворянской идеологией: и Дмитриев, и Карамзин были сторонниками монархии в России, считали оправданным в данных конкретных обстоятельствах существование крепостного права. Оттого, в частности, Карамзин не писал сатир. Дмитриев, обратившись к басне, освободил ее от традиционного обличения общественных пороков и наполнил новым содержанием, сблизив с элегией и песней.

Творчество Дмитриева развивалось неравномерно — после трудного многолетнего поэтического самоопределения он будет переживать периоды подъема и упадка. В пору последнего творческого подъема (конец 90-х и начало 800-х годов) поэт, стремясь к расширению художественных возможностей сентиментализма, обратится к темам политическим и социальным. Он станет осваивать сатирические жанры. Изменится тогда содержание и стилистика басен. Но о баснях этой поры следует говорить в своем месте, после того как будет прослежен творческий путь Дмитриева в 90-е годы.

4

Сотрудничество в «Московском журнале» (1791—1792) было важной вехой в творческой биографии Дмитриева. Именно в эту пору определилась эстетическая позиция поэта. Оттого оказались удачными опыты в трех жанрах — сказки, песни и басни, и главное — стали ясными пути дальнейшей работы. Эта ясность и обусловила включение поэта в литературную борьбу: в конце 1792 года Дмитриев написал пародию на современных одописцев — «Гимн восторгу».

Оружием пародии с одой классицизма еще в 60-е годы боролись И. Барков и М. Чулков. В 70-е и 80-е годы Державин совершил переворот в поэзии, создав личную лирику. В этих условиях антииндивидуалистическая лирика классицизма, и ода прежде всего, катастрофически устаревала. Опыты Державина современники встретили с одобрением. Уже в 1784 году переводчик Гете О. Козодавлев приветствовал Державина в стихах. В «Письме Ломоносову 1784 года» он, отмечая заслуги Ломоносова — «бессмертных од творца», — указывал, что, необходимые в свое время, теперь оды уже вышли из моды. Появился новый поэт — мурза, указавший, что

кроме пышных од,
Во стихотворстве есть иной хороший род.
Пиитам предлежит всегда пространно поле,
Пусть выбирает всяк предмет себе по воле,
Не пополняя стих пустым лишь звоном слов,
С Олимпа не трудя без нужды к нам богов.

До Козодавлева, в 1783 году, против од выступил Княжнин. «Правила», писал он, вынуждают авторов брать «взаймы восторг», следуя за образцами — повторяться, писать по шаблону («Вселенну становя вверх дном, отсель в страны, богаты златом, пускали свой бумажный гром»), использовать одни и те же рифмы («Они всегда Екатерину, за рифмой без ума гонясь, уподобляли райску крину»).

Дмитриев, продолжая эту традицию, выступил в 1792 году против тех, кто в новых условиях продолжал следовать «правилам» и, подражая образцам, создавал риторические, холодные, «надутые», лишенные личного начала произведения. Практически Дмитриев, когда писал «Гимн восторгу», имел в виду прежде всего стихи Николева и его теоретическое сочинение «Рассуждение о стихотворстве российском».

Первые стихи «Гимна восторгу» пародируют традиционное парение одописцев, мчащихся «на дерзостных крылах восторга по всем пределам света». Восторг, «взвивая» поэта, «как быстру мошку», бросает его то в «чертог Авроры», то «на хребты Кавказских льдяных гор», носит «между эфиром и землею». Взирая на землю «сквозь мерзлы облака», такой поэт не говорит, но «вещает» — «как чрево Этны, ржет, рыгает». И голос, и слова объятого восторгом поэта утрачивают естественность и простоту: «Уже не смертного то глас — големо каждое тут слово». Устаревший церковнославянизм «големый» (великий) должен был подсказать читателю и адресат пародии — николевское «Послание к князю Д. Горчакову»

(напечатано в 1791 году), где был этот церковнославянизм: «Гомер пиита и творец големый».

«Гимн восторгу» был первой заявкой и пробой сил на новом поприще. В следующем году Дмитриев высмеял в эпиграмме длинную оду А. Клушина «Человек» («О Бардус, не глуши своим нас лирным звоном...»). Эстетическая самостоятельность Дмитриева проявилась в том, что он выступал и против одописцев, и против уже появившихся эпигонов сентиментализма. Примерно в это время он пишет злую пародию «Я Моськой быть желаю» на популярную песню «Я птичкой быть желаю».

Но самым значительным полемическим выступлением Дмитриева была его сатира, написанная в 1794 году, «Чужой толк». «Чужой толк» начинается с указания на время заката оды:

Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием всё оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!

«Лет двадцать», то есть закат оды относится к середине 70-х годов. Несомненно, эта хронология связана с новаторской деятельностью Державина. При этом Дмитриев не отрицает правомерности существования оды в свое время. Ссылкой на классический пример Горация Дмитриев указывает положительные черты этого жанра: краткость («Листочек, много три, а любо, как читаешь»), искренность (читая их, «как будто сам летаешь»), творческое вдохновение, а не ремесленный труд (поэты «писали их резвясь, а не четыре дни»). Но самое главное достоинство старой оды — это то, что она писалась поэтами независимыми. Цели оды — старой и новой — различны («Гораций, например, восторгом грудь питая, Чего желал? О! он — он брал не с высока: в веках бессмертия, а в Риме лишь венка из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала: «Он славен, чрез него и я бессмертна стала!»). Вырождение современной оды обусловлено утратой поэтами независимости. Оды стали писаться по заказу, в них прославляют за деньги добродетели знатного заказчика («А наших многих цель — награда перстеньком, нередко сто рублей иль дружество с князьком»).

Правила нормативной поэтики классицизма подавляли индивидуальность поэта, сковывали его творческое воображение, обрекали на эпигонство. В одах на победу читатель находил: «подробности сраженья», «где было, как, когда, — короче я скажу: В стихах реляция!». Оды торжественные (посвященные монархам) также уныло

однообразны: «тут найдешь то, чего нехитрому уму не выдумать и ввек: *зари багряной персты, и райский крин, и Феб, и небеса отверсты!*». Дмитриев точно указал на беду современной оды — поэтическую бедность, подражательность, повторения одних и тех же образов и рифм. Ломоносов первым в оде на бракосочетание Петра Федоровича с Екатериной Алексеевной употребил рифму «Екатерина — краснейша крина». С тех пор не было оды, посвященной Екатерине, где бы она не уподоблялась «райску крину».

Примеры Дмитриева вряд ли имели в виду какого-либо одного поэта — они отражали практику современных одописцев. Но в концентрированном виде подобные образы и рифмы встречались наиболее часто у крупного и активно работавшего поэта эпохи заката оды — В. Петрова. Он писал предлинные оды («в двести строф») на победы над турками и торжественные, в честь Екатерины, Орлова, Потемкина, писал во имя «перстеньков» и «дружбы с князьком». Дмитриевский пример: «Зари багряны персты, и райский крин, и Феб, и небеса отверсты» — открыто указывает на Петрова. И «Феб», и «райский крин», и особенно рифма «персты — отверсты» — десятки раз с удручающей настойчивостью повторялись им почти в каждой оде. Ломоносов впервые употребил образ «заря рукой багряной». Петров, руку заменив перстами, написал в оде «На взятие Ясс» (1769):

Что вечный храм судьбы отверст,
То тамо пишет божий перст.

В оде «На прибытие графа А. Г. Орлова» в 1771 году повторил: «Дерзай и направляй свои к победам персты: тебе врата отверсты». В 1776 году в «Оде на новое учреждение для управления губерний» снова та же рифма:

Все книги пред тобой отверсты
. . . .
Твой ум, и очеса, и персты.

«Чужой толк» — произведение зрелого поэта. Это не только сатира, но в какой-то мере эстетическая программа Дмитриева: высмеивая эпигонов, он не отвергает сам жанр оды. Ода, обновленная Державиным, начала новую жизнь. При этом дело было не только в понимании сделанного Державиным — Дмитриев приходил к убеждению, что невозможно ограничиться раскрытием человека только со стороны «сердца». Идеал человека в сентиментализме страдал односторонностью. Как мы видели, и у самого Дмитриева человек,

изображаемый в изоляции от общей жизни народа и государства, оказывался полностью погруженным в сферу чувства и круг интимных забот и переживаний. Ода, по сложившейся традиции, говорила о высоких, общественных, патриотических интересах, о важных для государства событиях, об ответственности и долге человека перед обществом. Опыт Державина свидетельствовал, что именно обновленная ода могла помочь поэтам вывести человека из эгоистической сферы частных интересов.

Вот почему в том же 1794 году, когда создавалась сатира «Чужой толк», Дмитриев попробовал свои силы в совершенно новом для него жанре, написав «Глас патриота на взятие Варшавы», «Ермак», «К Волге». Эти важные в наследии Дмитриева произведения были написаны вдали от Петербурга, во время годичного пребывания поэта в Сызрани. Свобода от службы, ясное понимание своих задач как поэта определили успех новой работы Дмитриева. Он сам признавал, что «1794 год был моим лучшим пиитическим годом».

Первый опыт обращения к жанру оды относится к 1791—1792 годам, когда Дмитриев откликнулся на два события: «На смерть князя Потемкина» и «На мир с Оттоманскою Портою». События по традиции требовали оды. Правила же ее написания были для Дмитриева неприемлемы. Потому он стремился передать в стихах чувство печали по поводу смерти Потемкина, и радости — по случаю мира. Но то не было личное чувство Дмитриева. Лишенные автобиографичности и конкретности, стихотворения запечатлели отвлеченные чувства человека вообще и потому стилистически оказались воплощенными в традиционной форме — в первом случае элегии, во втором — идиллии.

С иных позиций писались оды в сызранской глуши в 1794 году. Известие о взятии русскими войсками Варшавы взволновало Дмитриева; «данью обрадованного сердца» и явился «Глас патриота на взятие Варшавы». Программность оды подчеркнута ее заглавием: все в ней подчинялось цели передать высокий строй чувств поэта-патриота, русского человека, который любит родину и гордится ею. Ода лишена традиционных атрибутов, коротка, динамична, в ней нет аллегорических образов, нет «надутости», риторической громкости. После краткого зачина — информации о победе русских войск — идет лишенное условной красивости и парадности, конкретное, точное описание возвращающейся домой русской армии-победительницы:

Се веют шлемы их пернаты,
Се их белеют знамена,

Се их покрыты пылью латы,
На коих кровь еще видна!
Воззри: се идут в ратном строе!
Всяк истый в сердце славянин!

Оригинальность, живописность картины, точность словоупотребления, лаконизм и синтаксическая четкость построения фразы — все это передает искреннюю взволнованность поэта. Еще интереснее построена третья, последняя строфа. Сохраняя традиционное обращение к «царице», говоря о ее «страшной власти», поэт затем обращается к главному предмету его искреннего восхищения — могучей многонациональной России. Вот как она видится Дмитриеву:

...и двигнется полсвета,
Различный образ и язык:
Тавридец, чтитель Магомета,
Поклонник идолов калмык,
Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят с шумом вслед за нами
И прах поднимут до небес!

Художественный образ многонациональной России, созданный Дмитриевым, запомнился русским поэтам. Не повторяя Дмитриева, Батюшков в стихотворении «Переход через Рейн» шел тем же путем, когда, выражая народный характер Отечественной войны, в мощном образе передает неодолимость и громадность силы России, народа, поднявшегося на врага со всех безграничных просторов отечества:

Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала...
и т. д.

Дмитриевский образ вспомнил и Пушкин в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Его «Русь великая» также многонациональна. Поэт уверен, что его назовет «всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык». Пушкин сознательно сохранил дмитриевскую рифму «язык — калмык».

«Ермак» — новый шаг в развитии Дмитриева-поэта: теперь он начинает понимать, что не столько чувствами, сколько делами велик человек. Поэт обращается к истории России, желая на судьбах реальных исторических деятелей понять истинное величие человека. Его внимание привлекает Ермак, которого он и делает героем оды. Ценность человека для Дмитриева теперь определяется не принадлежностью к господствующему сословию, но его нравственными достоинствами, связями с другими людьми, готовностью к подвигу: «Великий! Где б ты ни родился, хотя бы в варварских веках твой подвиг жизни совершился». О простом русском казаке поэт пишет: «Но ты, великий человек, пойдешь в ряду с полубогами из рода в род, из века в век».

Избрание героем исторического деятеля оказало решающее влияние на всю структуру стихотворения. Подвиг Ермака — завоевание Сибири, и потому важное место в оде заняло описание реального места действия исторического героя. Отряды Ермака сражались с войском сибирского хана Кучума, под властью которого были объединены различные сибирские народы. Представителей этих народов — двух шаманов — Дмитриев и делает главными действующими лицами стихотворения. Ода построена как диалог двух шаманов, повествующих о великих событиях крушения сибирского ханства. Диалог передает драматизм событий. Поэт смотрит на борьбу Ермака глазами очевидцев. Центральное место в диалоге — рассказ старого шамана о решающем поединке Ермака с наследником Кучума Маметкулом, в итоге которого Маметкул потерпел поражение и был пленен.

Дмитриев не только отказывался от традиционных описаний сражений, но сумел нарисовать глубоко оригинальную картину боя. Она поражала современников своей новизной, живописностью, динамичностью и конкретностью. Процитировав эту сцену, критик Макаров писал: «Кажется, видишь, как мускулы единоборцев напрягаются, как жилы их вытягиваются, слышишь, как ребра их трещат... И нет гипербол! По крайней мере они так искусно употреблены, что едва приметны; все естественно, возможно». [1]

Удача поэта была обусловлена тем, что он сумел изобразить подлинного исторического героя в реальных обстоятельствах его действования. Метод гипербол и аллегорий был заменен методом точного изображения подлинных событий, естественных действий, возможного в данных конкретных условиях поведения людей. Так

---

[1] «Московский Меркурий», М., 1803, ч. 4, с. 156.

высокое в жизни человека получило новое стилистическое воплощение.

Эти опыты Дмитриева имели важное значение для дальнейших судеб русского сентиментализма. В 90-е годы сентиментализм стал массовым направлением, в печати активно выступали десятки поэтов и прозаиков. И перед ним сразу же возникла серьезная опасность — катастрофически быстро растущее эпигонство. Возможность эпигонства таилась в самой эстетике сентиментализма. Борясь с жанровой регламентацией классицизма, новое направление создало свои нормативные жанры, выработало свою постоянную стилистическую систему. Немедленно стал вырабатываться стилистический штамп для каждого поэтического (элегия, песня, послание) и прозаического (письмо, путешествие, повесть) жанра. Эстетика штампа и рождала эпигонов.

Литература 90-х годов была наводнена «стиходеями», писавшими о воздыхающих и плачущих возлюбленных, о голубках, о блаженствующих или бедствующих пастушках, о томных певцах и «нежных страданиях» и т. д. Эта массовая литература сентиментализма подвергалась сатирическим и критическим нападкам. Рост числа эпигонов и «чувствительных», вечно «плачущих» поэтов тревожил талантливых представителей этого направления. Вот как, например, о господстве эпигонов писал В. Л. Пушкин в «Письме И. И. Дмитриеву». «Письмо» отражает и озабоченность Дмитриева положением дел в литературе:

Ты прав, мой милый друг! Все наши стиходеи
Слезливой лирою прославиться хотят;
Всё голубки у них к красавицам летят,
Всё вьются ласточки, и всё одни затеи.
Все хнычут и ревут, и мысль у всех одна:
То вдруг представится луна
Во бледно-палевой порфире;
То он один остался в мире;
Нет милой! нет драгой! Она погребена
Под камнем серым, мшистым;
То вдруг под дубом там ветвистым
Сова уныло закричит,
Завоет сильный ветр, любовник побежит,
И слезка на струнах родится...[1]

[1] «Аониды», 1796, кн. 1, с. 92—93.

На развитие русского сентиментализма в это десятилетие оказало сильное влияние творчество Карамзина эпохи идейного кризиса. Якобинский этап французской революции, испугав Карамзина, обусловил отказ его от прежних идеалов и эстетических убеждений. Вслед за Муравьевым он становится на субъективистские позиции. Прежний интерес к объективному миру, к объективной жизни человека сменился скепсисом, интересом к противоречиям души, ко всему таинственному, недоговоренному в жизни человека. Субъективизм оказывался не меньше, чем эпигонство, угрозой сентиментализму, он мешал демократизации литературы и, главное, приводил к принижению человека. В «Послании И. И. Дмитриеву» (1794) Карамзин, исполненный неверия в возможность изменить порочный мир, призывает друга: «Итак, лампаду угасим». Человек теперь представляется Карамзину малым и ничтожным, единственным его уделом оказывается стремление к эгоистическому счастью: «Любовь и дружба — вот чем можно себя под солнцем утешать».

Дмитриев не принял субъективистской эстетики и потому остался глух к призывам друга. Своеобразным ответом на это «Послание» и явились его обновленные оды: «Глас патриота на взятие Варшавы» и «Ермак». Отстаивая позиции «объективного» сентиментализма, он прославляет чувства гражданина и патриота; обратившись к истории, находит там истинного героя, славит величие человека, осуществляющего себя как личность в деятельности, направленной на достижение «всеобщего блага».

В следующем, 1795 году Дмитриев продолжил эти опыты и закончил давно задуманное стихотворение «Освобождение Москвы». Вновь обратившись к истории, он сделал героем оды реального деятеля, истинно великого человека — Пожарского. Ода открывалась лирическим признанием, которое в условиях кризиса, переживаемого сентиментализмом, звучало как поэтическая декларация:

Примите, древние дубравы,
Под тень свою питомца муз!
Не шумны петь хочу забавы,
Не сладости цитерских уз;
Но да воззрю с полей широких
На красну, гордую Москву,
Седящу на холмах высоких,
И спящи веки воззову!

История у Дмитриева согрета живым чувством. Вспоминая о давней бедственной поре, он с любовью пишет о Москве, впервые создавая объективный образ древней столицы России:

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скиптр в твоих руках;
Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах...

В годину испытаний Москва призывает русский народ: «Спасай меня, о гений мой». Прошлое волнует поэта, и это волнение определяет интонацию и стиль повествования. Перед нами не бесстрастный летописец, но русский человек, живущий общей жизнью, беда народная проходит через его сердце. Приступая к рассказу о том, как под руководством Пожарского на защиту России «восстал» народ, Дмитриев писал:

Восторг, восторг я ощущаю!
Пылаю духом и лечу!
Где лира? смело начинаю!
Я подвиг предка петь хочу!

Дмитриев практически показал, что героическое, высокое не чуждо эстетике сентиментализма. Освоение опыта одической поэзии помогало ему творчески решать свою задачу. «Освобождение Москвы» теснейшим образом связано с одой: и тема, и описание сражений («Отвсюду треск и громы внемлю, Глушащи скрежет, стон и вой»), и лексика (скопление характерных для оды славянизмов: перун, страшная сеча, рёк, стогны, мещет гром, хладный, выя, око и т. д.), и система образов («От кликов рати воет роща», «Светило дня и звезды нощи героя видят на коне», «Летит, как вихрь, и движет грады и веси за собою вслед» и т. д.) — все это принадлежит традиции. Но зависимость от оды обнажена поэтом сознательно. Дело в том, что «Освобождение Москвы» связано не вообще с русской одой, а с одой Ломоносова. А это не одно и то же. Известно, что стилистика и структура ломоносовской оды занимает особое место в классицизме. Это раньше всех почувствовал Сумароков, который резко обвинял Ломоносова в отступлении от правил и писал на него злые пародии (знаменитые «вздорные оды»). В чем же отступление Ломоносова от правил? Каково индивидуальное своеобразие его од? Ему был чужд рационалистический взгляд на действительность и, что особенно важно, на слово. Он не признавал логической сухости лексики классицизма и внес в оду эмоциональную стихию, стремясь прежде всего выразить лирическое чувство поэта. Отсюда и иной, антирационалистический метод в построении

образа и в истолковании слова. На эту особенность стиля Ломоносова в свое время указал Г. А. Гуковский: «Эмоциональный подъем од Ломоносова композиционно сосредоточен вокруг темы лирического восторга самого поэта-одописца. Этот поэт, присутствующий во всех одах Ломоносова, — не сам Ломоносов. Его образ лишен конкретных, индивидуальных человеческих черт. Это как бы дух поэзии, дух государства и народа, выразивший себя в стихах, и, конечно, не в стихах камерного стиля».[1] Отсюда слова в одах Ломоносова лишены предметного смысла и обладают возможностью передавать эмоциональное состояние поэта.

Дмитриев не только тонко понял это своеобразие стиля Ломоносова, но и почувствовал близость его стиля своим исканиям. В «Освобождении Москвы» центральный образ, определяющий всю структуру оды, — это образ поэта. Все повествование сосредоточено вокруг темы лирического восторга. Отсюда и эта сознательная цитация Ломоносова: «Восторг, восторг я ощущаю!» И в то же время стихотворение Дмитриева оригинально. Дело в том, что принципиально изменился сам образ поэта — он стал автобиографически конкретным и, главное, личным. Это не дух поэзии и государства, не отвлеченный росс, но живая личность поэта Дмитриева. И все повествование окрашено этим личным началом. Тем самым изменился и стиль: слова как бы вслед за Ломоносовым подобраны по принципу их эмоционального ореола, но они передают теперь эмоциональное состояние конкретного человека. Оттого исчезли громкость, грандиозность образа, напряженная метафоричность. Восторг, утратив риторичность и искусственную приподнятость, оказался согретым живым чувством автора. Интонация передавала естественное состояние взволнованного человека. Оказалось даже возможным при эмоциональной окраске слов рассказывать о событиях конкретно и точно: «Здесь бурный конь, с копьем во чреве, Вскочивши на дыбы, заржал И навзничь грянулся на землю, Покрывши всадника собой». Знаменитое ломоносовское «и кони бурными ногами» превратилось в «бурного коня», и этот «конь» встал в ряд с другими точными, хотя эмоционально подчеркнутыми, словами.

Отказавшись от развернутых метафорических картин боя, Дмитриев раскрывает эмоциональное восприятие событий современником («Там дева юная трепещет; Там старец смотрит в небеса И к хладну сердцу выю клонит», «И ты, о труженик святой... Воспомнил горесть и слезой ланиту бледну орошаешь») или передает свое

---

[1] Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII века, М., 1939, с. 112.

собственное чувство («О, утро памятно, приятно! О, вечно незабвенный час! Кто даст мне кисть животворящу, Да радость напишу, горящу у всех на лицах и в сердцах?»).

Стихотворение «Освобождение Москвы» показывало возможность для поэта, оставаясь в пределах эстетики чувства, говорить о «высоком» в жизни человека.

5

В 1795 году Дмитриев, подведя итоги своей поэтической работы, издал сборник стихотворений «И мои безделки». Название сборника демонстративно подчеркивало единство поэтов нового направления. Годом раньше Карамзин два томика своих сочинений назвал «Мои безделки». Полемичность такого названия очевидна — «безделки» противостояли громоздким и пышным изданиям классицистов, торжественно именовавших свои собрания сочинений «Творениями» («Творения» Хераскова, Николева и др.).

Не имея склонности к военной службе, Дмитриев все же терпеливо тянул лямку, дожидаясь получения последнего в гвардии чина — капитана. 1 января 1796 года чин был получен, и Дмитриев отправился в годовой отпуск с намерением выйти затем в отставку. Но изменившиеся политические обстоятельства заставили его вернуться в столицу — в ноябре 1796 года умерла Екатерина и на престол взошел Павел. В Петербурге ему удалось быстро уволиться со службы в чине полковника. Но долгожданной свободой воспользоваться не удалось — Дмитриева неожиданно арестовали. В анонимном доносе он был обвинен в подготовке покушения на Павла. Недоразумение быстро выяснилось, пойманного доносчика отдали под суд, а на пострадавшего Дмитриева посыпались милости Павла: в 1797 году его назначили товарищем министра уделов, а затем обер-прокурором Сената. Новые обязанности отвлекли от литературных дел. Штатская служба продолжалась три года, в конце декабря 1799 года Дмитриев добился желанной отставки. Живя в Москве, он всей душой отдался литературной работе.

В Москве жил и Карамзин. К концу десятилетия он преодолел идейный кризис, отказался от субъективизма и приступил к выработке новой программы своей деятельности. Важной вехой в творчестве оказался 1802 год, когда он приступил к изданию второго журнала — «Вестник Европы». В целом ряде статей он стал отстаивать важную общественную роль литературы. Он выступил против культа уединения. Представление о том, что уединенный человек

обретет счастье в сердце своем, писал он в журнале, — это «сладкая, меланхолическая мысль, поэзия воображения, не более». Им выдвигается задача патриотического воспитания соотечественников на героических примерах жизни предков. Писатель, поэт — это уже не «лжец», умеющий «вымышлять приятно», заставляющий читателя забываться «в чародействе красных вымыслов», как он сам писал в 1794—1795 годах («Илья Муромец»). Художник, ваятель или писатель, утверждает теперь Карамзин, является «органом патриотизма». Литература должна изображать героические характеры, которые она находит в русской истории. В исполнение этих требований он принялся за повесть о героической женщине, защитнице новгородской вольности — Марфе Посаднице. С 1804 года Карамзин все силы отдаст изучению русской истории, для того чтобы написать капитальное сочинение — «История государства Российского».

Все это Дмитриеву, автору «Ермака» и «Освобождения Москвы», было близко. Понимание гражданских обязанностей поэта определяет в эту пору его обращение к сатире. Деятельность Карамзина и Дмитриева с конца 90-х по 1805 год — издание «Вестника Европы» в 1802—1803 годах, подготовка и выпуск Дмитриевым в 1803—1805 годах трех томов собрания своих сочинений — важнейший и новый этап в развитии русского сентиментализма. Оба писателя вступили в пору своей зрелости. Сохраняя интерес к сокровенной жизни сердца, они теперь стали ценить человека не только за его чувства, но прежде всего за способность выходить «из домашней неизвестности на театр народной жизни».

Еще в 1797 году Дмитриев, продолжая опыты Ломоносова и Державина, написал «Переложение 49 псалма». Наполняя инвективы библейского песнопевца гражданским содержанием, поэт заставляет бога изрекать грозное предостережение современному человеку за то, что тот «брату ков творил из мести, корысти разделял татей». В следующем, 1798 году Дмитриев переводит «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту». Поэт воспользовался французским переводом «Послания», сделанным Делилем. Эпистола английского поэта посвящена резкой критике поэтов-дилетантов, бесталанных «стиховралей», и прежде всего поэтов, занятых прославлением знатных и богатых, пишущих за деньги, ищущих покровительства сильных. Избрание Дмитриевым этой эпистолы для перевода диктовалось насущными задачами литературной борьбы.

Объекты сатиры Попа и Дмитриева оказались общими. Бесталанные поэты и наемные одописцы наводняли своими сочинениями и русскую литературу, причиняли ей неисчислимые бедствия. Обра-

щение к знатным покровителям бездарных поэтов звучало актуально:

Вельможи! славьтеся хвалами рифмачей;
Дарите щедро тех, кто вас еще тупей;
Любите подлость, лесть, невежество Циббера...

Обличенным «стиховралям» противопоставляется истинный поэт, главное достоинство которого — независимость от властей и знатных. Такой поэт «ни за что не будет друг разврата. Всегда велик душой и мыслями высок, ласкать самим царям считает за порок».

Отстаивание независимости поэта было общественно важным делом. И на этот раз Дмитриев оказался в одном ряду с Державиным, который в 1795 году выступил с переложением Горациевого «Памятника», с посланием к Храповицкому, в котором писал о высоком долге поэта, о независимости как условии истинного творчества.

Связь с Державиным в еще большей мере проявилась в их одновременном обращении к сатире: Дмитриев избрал для перевода Ювеналову сатиру «О благородстве», а Державин в 1798 году напечатал одно из сильнейших своих сатирических стихотворений — «Вельможа». Содержание сатиры Ювенала не устарело — в ней с гневом отвергался сословный принцип оценки человека, по происхождению: «Надменный! Титла, род — пустое превосходство! Но дух, великий дух — вот наше благородство!» Требование ценить человека за его дух, за дела для пользы общества, а не за «титлы» и заслуги предков сближалось в тех условиях с просветительским тезисом о внесословной ценности человека. Подобное восприятие сатиры облегчалось еще и тем, что при переводе Дмитриев защитника родовых привилегий называет дворянином. С гордостью говорит поэт о заслугах плебеев и с презрением о бездельнике, родовитом вельможе:

А ты, скажи мне, чем отечеству служил
И что от древнего Цекропа сохранил?
Лишь имя... О бедняк! о знатный мой повеса!
Ты то же для меня, что истукан Гермеса:
Тот мраморный, а ты, к бесславию, живой —
Вот вся и разница у статуи с тобой.

Дмитриев в переводе стремится создать русский стиль негодующей сатиры: исполненный гневной энергии стих, афористически четкая фраза, эмоционально приподнятый ораторский строй языка:

Итак, желаешь ли уважен быть, любим?
Знай долг свой: в брани будь искусен и решим,
В семействе друг, в суде покров, защитник правых,
И лжесвидетелей, кто б ни были, лукавых,
Забыв и род, и сан, и мощь их, обличай.

Или:

Страшись, страшись привесть
В отчаянье людей, в которых сердце есть!

Или:

Изверг тот, урод, не человек,
Кто думает продлить бесчестием свой век!

Дмитриевский опыт утверждения в русской поэзии стиля негодующей Ювеналовой сатиры был продолжен и Милоновым («К Рубелию»), и юным Пушкиным («Лицинию»), и Рылеевым («Временщику»).

Обращение к сатире совпало с изменением отношения Дмитриева к басне. Теперь при отборе басен для перевода его внимание привлекают те, которые критикуют социальные и политические пороки самодержавного государства. Поэт допускает критику, но отвергает обличение. Эта позиция получила свое обоснование в басне «Змея и Пиявица». И та и другая равно́ «людей кусают», но польза их различна. Пиявица так формулирует это различие: «Я им лекарство, ты — отрава». Поэт тут же делает заключение: «Не то ли критика с сатирою у нас?» Критика — это лекарство, сатира, обличение — отрава.

Первые политические шаги Александра I — освобождение всех политических заключенных из крепостей, тюрем и ссылки, ликвидация пресловутой Тайной экспедиции, создание Комиссии по сочинению новых законов, многочисленные обещания усовершенствовать и либерализовать аппарат государственной власти — порождали надежды и иллюзии. «Дней Александровых прекрасное начало» способствовало активизации различных дворянских деятелей, которые стали доказывать необходимость социальных и государственных преобразований. Активизировались и Карамзин с Дмитриевым. На страницах «Вестника Европы» Карамзин выступил с циклом политических статей — рекомендаций Александру I. Дмитриев, питая те же иллюзии и надежды, напечатал в «Вестнике Европы» несколько политических басен. Критикуя, он предлагал «лекарство». В первой же басне, «Царь и два Пастуха», Царь сам признает, что не может добиться того, чего бы хотел: чтобы «цвела торговля», не

было войны, «чтоб народ мой ликовал в покое». Вместо этого его власть несет бедствия и страдания народу:

Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут.
Бояра лишь чины берут,
Народ мой стонет, я страдаю...

В басне «Воспитание Льва» Львенок, отданный на обучение Собаке, во время путешествия по стране узнает подлинную правду о бедственной жизни своего народа:

И Львенок в первый раз узнал насильство власти,
Народов нищету, зверей худые страсти:
Лиса ест кроликов, а Волк душит овец,
Оленя давит Барс; повсюду, наконец,
Могучие богаты,
Бессильные от них кряхтят,
Быки работают без платы,
А Обезьяну золотят.

Таково, хотя и выраженное басенным иносказанием, печальное положение подданных в самодержавном государстве. В подобной критике проявилась гражданская позиция баснописца. Но в предлагаемых рецептах, в путях преодоления отмеченных бедствий Дмитриев оказался верным своим дворянским убеждениям. Критикуя, он лечит дорогой ему режим русского самодержавия. В первой басне Пастух объявляет Царю: правление его плохо, потому что у него плохие чиновники. Отчего же у него, Пастуха, порядок в стаде? «Царь, — отвечал Пастух, — тут хитрости не надо: я выбрал добрых псов». Тот же мотив и в баснях «Ружье и Заяц», «Калиф», «Воспитание Льва» и др.

Помимо сатир и басен Дмитриев в эти годы писал лирические стихи — послания, стансы, идиллии, балладу, и особенно много упражнялся в малых стихотворных жанрах, сочиняя надписи к портретам, эпитафии, эпиграммы. Лишь незначительная часть написанного в этот последний период активного творчества была напечатана в журналах, главным образом в «Вестнике Европы». Вот почему Дмитриев решил подготовить трехтомное собрание своих стихотворений. В 1803 году вышло две части стихотворений и басен, в 1805-м — третья. Этим изданием Дмитриев подводил итоги своей

литературной деятельности. Так сложилось, что оно оказалось и завершающим, — талант поэта, ярко вспыхнув в последний раз, погас.

Любопытно, что конец творческой биографии, как и ее начало, оказался связанным с Державиным. В 1804 году Державин, экспериментируя, написал четыре стихотворения о четырех временах года — «Зима», «Весна», «Лето», «Осень». Стихотворение «Лето» было обращено к Дмитриеву. Поэт, полагая, что друг находится в своем сызранском имении, приглашал его описать летнюю волжскую природу. Но Державин ошибся — Дмитриев в это время жил в Москве. Прочтя обращенное к нему стихотворение, он написал ответ — «К Державину». Дмитриев жалуется, что город — «жилище сует» — не вдохновляет его. Обстоятельства московского местожительства лишены поэтичности. Даже пригородная природа осквернена — здесь на городском кладбище, в тени дубрав, он встречает на каждом шагу «рдяных сатиров и вакховых жриц», скачущих с воплем и визгом. Защищаясь от грубой действительности, поэт реальных цыган превращает в сатиров и вакховых жриц.

Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где враны глушат соловьев;
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
Близ светлых ручьев.

Элегический «ответ» Дмитриева был напечатан в предпоследней части «Вестника Европы» за 1805 год. Он стал явлением литературной жизни — видный сентименталист сетовал на непоэтичность и грубость действительности, на ее неспособность вдохновить поэта. Державин воспринял обращенное к нему стихотворение как вызов. Там, где для Дмитриева была грубая, уродливая жизнь, — он видел истинную поэзию. То, что отверг Дмитриев, — воспел Державин. Так появилась «Цыганская пляска» — одно из лучших его стихотворений.

Важнейшим художественным достижением Державина конца 1790—1800 годов явилось открытие «тайны национальности». Поняв, что люди отличаются друг от друга не только своею личностью, но и национальным характером, он стал искать путей для уловления и воплощения в слове этого своеобразия. И здесь поэт счастливо обратил свое внимание на фольклор. Душа всякого народа запечатлена в том искусстве, которое он сам творит, — песне, пословице, сказке, танце. Через танец Державин впервые раскрыл русский характер в стихотворении «Русские девушки» (1799). Теперь через танец он раскрывал характер цыганки.

Державин всегда точно изображал обстоятельства, в которых действует человек. Русские девушки пляшут на лугу во время крестьянского весеннего праздника. Иное дело цыгане. Они бродят табором, а цыганам разрешается останавливаться только за городом. Отсюда иной, но соответствующий обстоятельствам их жизни пейзаж: ночь, отдыхающий возле кладбища табор и пляшущая на гробовых досках неистовая и прекрасная цыганка. «Исполнясь сладострастна жару», цыганка пляшет, и все в ней — исступление, страсть, огонь:

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

В соревновании двух поэтов победу одержал Державин, не только потому, что обладал могучим и самобытным талантом, — это была победа представляемого им направления поэзии жизни действительной. Поражение Дмитриева было поражением направления чувства и сердечного воображения. Исчерпав себя в обнаружении жизни сердца отъединенного от мира человека, оно не открывало новых перспектив для поэта. Не спасали и опыты Дмитриева в обновлении оды и раскрытии чувств патриота-гражданина. Дмитриев это понимал. Подготовив и издав в трех частях собрание своих стихотворений в 1803—1805 годах, он почувствовал себя «уволенным с Парнаса».

В 1806 году Дмитриев вновь вернулся на службу. Первое время он продолжал жить в Москве, исполняя сенаторские обязанности. Успешное выполнение некоторых личных поручений Александра I было вознаграждено — в 1810 году Дмитриева назначили членом Государственного совета и министром юстиции. Пришлось переезжать в Петербург. В то время как его приятель Державин, уйдя в 1803 году в отставку, целиком отдался поэзии, Дмитриев стал делать карьеру, посвятив свою жизнь государственному служению. Как поэт, он рекомендовал царю приближать к себе честных деятелей. Александр как бы прислушался к этим советам и приблизил его к престолу. Дмитриев стал честно исполнять свои высокие обязанности царского министра.

Исполнение долга не было легким делом — Дмитриеву постоянно приходилось испытывать «огорчения и досады», сталкиваться с интригами и недовольством сенаторов и министров его деятель-

ностью. Постепенно Дмитриев убедился в «невозможности быть вполне полезным» на своем посту. Сразу после окончания Отечественной войны, летом 1814 года, он попросил об отставке, и царь с оскорбительной поспешностью удовлетворил эту просьбу. Дмитриев немедленно покинул столицу и переселился в Москву — теперь уже навсегда. Живя на покое, он понемногу занимался литературными делами: писал мало — до 1826 года написал несколько басен и литературных мелочей, больше правил старые стихотворения, готовя новые очередные переиздания своего трехтомного собрания сочинений, — в 1810, 1814 и 1818 годах.

Наступил последний и удивительный период жизни Дмитриева. Полный сил, он жил на покое, отдалившись от государственных дел. Единственным предметом, продолжавшим его занимать, была литература. На его глазах за 30 лет произошли огромные изменения в родной литературе, обновлению которой способствовал и он своим творчеством 90-х годов. Складывались новые направления, рождались и блистательно себя проявляли таланты крупных русских писателей — Жуковского, Вяземского, Батюшкова, Пушкина, Гоголя; продолжали свою деятельность былые друзья и современники Дмитриева — Карамзин, Державин, Крылов, В. Пушкин; развертывалась ожесточенная литературная битва между шишковистами и карамзинистами, защитниками старого и нового слога, между романтиками и классицистами. Дмитриев не вмешивался в бурную литературную жизнь, но за всем пристально наблюдал. Каково же было его отношение к творчеству новых писателей, к литературной борьбе, к новым художественным открытиям, к основным тенденциям литературного развития? Как молодые поэты воспринимали наследие Дмитриева?

6

До конца жизни Дмитриев, сохраняя «живое чутье к изящному», жил интересами словесности, к которой, по его словам, «не умерло сердце отставного поэта». Следя с пристрастием за литературными журналами, за всеми новыми выходящими книгами, он в 1800—1810-е годы резко оценивает положение в литературе, где господствующее место заняли эпигоны сентиментализма («московская словесность») и эпигоны классицизма («невские поэты»). В письмах он постоянно с иронией и сатирическим ядом отзывается о творчестве «лирика нашего или протодиакона Хвостова», который «беспрестанно кадит Гомеру и Пиндару, печет оду за одой». Направление, представляемое поэтами подобного типа, Дмитриев резко именует «хвостовщиной».

С той же резкостью отзывается Дмитриев и о «московской словесности», о творчестве сентименталистов. Говоря о справедливых нападках «классиков» на сентименталистов — путешественников, воспевающих слезы и милое сердцу чувство, — Дмитриев подчеркивает, что он «ни до слез, ни до сладкого не охотник». О литературных собраниях московских литераторов, о читавшихся там новинках он отзывается с презрением. Вот один из таких «отчетов» о собрании «общества любословников»: «Чтению предшествовало пение каких-то стихов». Прокопович-Антонский «сказал несколько слов о 1812-м годе» и о необходимости «сочинить лучшую грамматику». «Мерзляков читал трактат о пользе словесности и критики; князь Шаликов — гимн давно минувшей весне». «Василий Львович Пушкин почти пел о подвигах последнего, следственно любимого своего детища печенега... Кокошкин вместо отсутствующего Филимонова оплакивал смерть какой-то Нины (отрывок из поэмы Милонова «Надежда». — *Г. М.*)... Наконец, чтение заключено было кладбищем, не помню которого члена» (стихотворение С. Г. Саларева «Гробница». — *Г. М.*) (с. 238).

Из потока книг и журналов Дмитриев умел выделять произведения молодых талантливых поэтов, проявляя пристальный интерес к их творческой судьбе. Раньше всех его внимание привлек Жуковский, с которым он, невзирая на разницу в годах, сблизился. Дружба с Жуковским продолжалась до последних дней Дмитриева. Любимым поэтом его стал Вяземский. Особенно ценил Дмитриев его сатирические, исполненные негодования стихотворения. Следя за судьбой Батюшкова, Дмитриев с особым удовлетворением принял его зрелые, написанные после Отечественной войны, стихотворения. Он сразу заметил и высоко оценил «Переход через Рейн», напечатанный в 1817 году, и переводы «Из греческой антологии», напечатанные в 1820 году. Об этих переводах он писал: «Это совершенство русской версификации: какая гибкость, мягкость, нежность и чистота! Словом, Батюшков владеет языком по произволу. Искренно уважаю талант его» (с. 260).

Все эти отзывы — свидетельство живого восприятия поэзии, понимания тех процессов, которые формировали новое направление, способствовали расцвету новых талантов. Поэтому естественным и закономерным оказалось сочувственное отношение к творчеству Пушкина. Судя по письмам Дмитриева, он не только сразу заметил стихи юного племянника своего старого друга В. Л. Пушкина, но и на протяжении всей жизни с интересом следил за развитием его дарования, наблюдал эволюцию гениального поэта, умея при этом

оценить и романтические стихотворения, и «Евгения Онегина», и драматургические опыты — «Борис Годунов» и «Моцарт и Сальери». Вот один только отзыв, высказанный в письме самому Пушкину: «Милостивый государь Александр Сергеевич. Всем сердцем благодарю вас за альманах («Северные цветы» на 1832 год. — *Г. М.*) и за прекрасные цветы собственной вашей оранжереи, равно и за песнь «Онегина», хотя я вздохнул, что она последняя и герой ваш отложил путешествие по любезной отчизне. Не скажу с «Пчелою» (газета «Северная пчела». — *Г. М.*), что вы ожили: в постоянном вашем здоровье всегда был уверен; изменение только в том, что вы, благодарение Фебу, год от года мужаете и здоровеете. Ваши «Годунов» и «Моцарт и Сальери» доказывают нам, что вы не только поэт-Протей, но и сердцевидец, и живописец, и музыкант. До сих пор, после Карамзина (в старинных его мелких стихах), один только Пушкин заставляет меня читать белые свои стихи и забывать о рифмах» (с. 302).

Активное отношение к современной новой литературе, одобрение деятельности разных, но в чем-то близких ему поэтов, размышления о путях развития русской поэзии с конца XVIII до середины 20-х годов XIX столетия неизбежно ставили перед старым поэтом вопрос о месте его творчества в русской поэзии. Время шло быстро. Дмитриеву суждено было видеть и расцвет и закат нескольких литературных направлений, в частности и сентиментализма. Это помогло объективной оценке не только поэтических явлений прошлого и настоящего, но и собственного творчества. Читая стихи поэтов XIX века, он видел, что при всей принципиальной новизне их эстетической позиции они не только помнили его стихи, но и использовали его скромный опыт, ценили удачи в развитии поэтического языка. Связанный дружескими узами с Жуковским и Вяземским, он имел возможность лично выслушивать их оценки своего труда. В том же убеждали его не частые, но все же появлявшиеся в XIX веке отзывы о его стихах.

В статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» А. Бестужев поставил имя Дмитриева рядом с Державиным: «Рядом с ним в роде легкой поэзии возник Дмитриев и обратил на себя внимание всех. Игривым слогом, остротою ума и чистотою отделки он снискал себе имя образцового поэта...» «Летучий рассказ его повестей пленителен, утонченность насмешки в сатирах примерна; равно, как поэт и баснописец, Дмитриев украсился венком Лафонтена и первый у нас создал легкий разговор басенный» («Полярная звезда», 1823, с. 14).

Все это побудило Дмитриева с новых исторических позиций

пересмотреть свое творчество, произвести строгий суд над всем написанным, отобрать все то, что активно участвовало в подготовке расцвета отечественной литературы. Так родился у него замысел нового, последнего прижизненного издания своих произведений, на титульном листе которого поэт предупреждающе писал: «Издание шестое, исправленное и *уменьшенное*». Вместо прежних трех томов Дмитриев подготовил для издания два. Это собрание стихотворений вышло из печати в 1823 году с обширной статьей П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева».

Строгим отбором стихотворений Дмитриев не ограничился: он тщательно продумал композицию издания. Первая часть открывалась разделом «Лирические стихотворения», куда вошли обновленные оды («Глас патриота на взятие Варшавы», «Освобождение Москвы», «Ермак», «К Волге», «Переложение 49 псалма»). Затем следовал второй раздел — «Сатирические стихотворения» («Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве», «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», «Чужой толк»). Помещение в начале книги произведений, в которых раскрывались высокие чувства человека, и исполненных негодования сатир было, несомненно, полемичным: тем самым Дмитриев подчеркивал своеобразие своей позиции в сентиментализме, отделял свое творчество от массовой литературы этого направления. Тема «высокого» была важнейшей в поэзии нового, XIX века, в творчестве молодого Пушкина, Рылеева прежде всего. Гражданские патриотические мотивы звучали в стихах зрелого Батюшкова. Муза сатирического негодования вдохновляла Вяземского, Пушкина, Рылеева. В 1822 году Рылеев опубликовал думу «Смерть Ермака», в которой получила новое воплощение тема, впервые поднятая Дмитриевым. Несомненно, лирические и сатирические стихотворения, открывавшие первую книгу, должны были, по мысли поэта, подчеркнуть связь между «старой» и «новой» поэзией.

Третий раздел был озаглавлен «Смесь». Здесь были собраны стихотворения «легкого рода поэзии»: послания и стансы Державину, Карамзину, Румянцеву, Севериной, песни, баллады, элегии, надписи, мадригалы, эпитафии. В жанре легкой поэзии Дмитриев написал более двухсот произведений. В издании 1823 года он поместил всего 42 стихотворения; отбирая, он хотел показать образцы в каждом роде. Поэтическая работа Дмитриева способствовала обогащению языка. Новые темы и понятия, связанные с раскрытием чувств личности — интимных и высоких, с передачей различных настроений и состояний души — радости, гнева, иронии, насмешки, требовали новых выражений, наполнения старых слов новым смыс-

лом, отказа от устойчивых прежних словосочетаний, создания иного поэтического словаря, в котором слово обретало бы еще неизвестные читателю значения. Особого совершенства Дмитриев добивался «в роде легкой поэзии». Язык Дмитриева передавал живые чувства и отличался свежестью, игривостью, нарочитой небрежностью и легкостью. П. А. Вяземский указывал, что эта привлекающая читателей легкость «есть часто вывеска побежденной трудности». Он свидетельствовал, что «в надписях, эпиграммах и других мелких стихотворениях поэт наш открыл дорогу своим преемникам. До него не умели ни хвалить тонко, ни насмехаться тонко. Мадригалы и эпиграммы наших старых умников давно поблекли или притупились и пробуждают разве одну закоренелую улыбку привычки на устах их суеверных поклонников. Мелочи нашего поэта у всех в памяти и присвоены общим употреблением». [1]

Вторая книга состояла из двух частей — в первой печатались популярные у читателя сказки, во второй — избранные басни.

К середине 20-х годов была ясна не только исчерпанность сентиментализма, но и естественная, историческая связь его с победившим романтизмом. Вот почему оправдан был выход двухтомного собрания стихотворений Дмитриева в 1823 году, — его поэзия, лишенная связи с новым временем, в то же время не была анахронизмом. Эти два тома оказывались наглядным свидетельством преемственного хода развития русской поэзии. Оттого П. А. Вяземский написал вступительную статью к стихотворениям Дмитриева, а сам сборник был издан по постановлению «Вольного общества любителей российской словесности», по представлению Н. Гнедича, при поддержке А. Бестужева и К. Рылеева. Историко-патриотические стихотворения И. Дмитриева воспринимались поэтами-декабристами как актуальные. В них видели пример плодотворного овладения героическими темами отечественной истории. Выражая общее мнение, П. А. Вяземский писал, что эти стихотворения поэта «исполнены огня поэтического», «огня любви к отечеству». «Желательно, чтобы данный им пример, почерпать вдохновение поэтическое в источнике истории народной, имел более подражателей». «Пора, выводя ее (поэзию. — *Г. М.*) из тесного круга общежительных удовольствий, вознести на степень высокую, которую она занимала в древности, когда поучала народы и воспламеняла их к мужеству и добродетелям государственным». [2] Не случайно в одно время с написанием и

---

[1] П. А. Вяземский, «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». — В кн.: Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, ч. 1, СПб., 1823, с. XXVIII—XXIX.

[2] Там же, с. XXIII—XXIV.

обсуждением статьи П. А. Вяземского о Дмитриеве в «Вольном обществе» обсуждались думы Рылеева «Смерть Ермака» и «Дмитрий Донской». Член «Вольного общества» А. Ф. Воейков напечатал в 1822 году думу Рылеева «Смерть Ермака», а в 1824 году откликнулся на выход стихотворений Дмитриева большой положительной рецензией и похвальными стихами.

Отношение Пушкина к Дмитриеву было сложным.[1] Оно определялось и обстоятельствами литературной борьбы, и эстетической эволюцией поэта. В научной же литературе принято почему-то приводить без объяснений только резкие отзывы Пушкина, относящиеся к 20-м годам. Первые два десятилетия XIX века господствующее положение занимала поэзия эпигонов сентиментализма, рабски подражавшая французской поэзии и Дмитриеву, также во многом зависевшему от французской традиции. Жуковский сдружил свою музу с немецкой поэзией. Вот почему, отстаивая самостоятельность русской литературы, Пушкин высоко ценил достижения Крылова, создателя самобытной, подлинно народной басни, учился «быть оригинальным» у Давыдова и осуждал отсутствие самобытности у Дмитриева. Естественно, когда в 1823 году П. А. Вяземский во вступительной статье к сочинениям Дмитриева, откровенно преувеличивая значение Дмитриева, объявил его великим поэтом, да к тому же демонстративно поставил его басни выше басен Крылова, Пушкин не мог согласиться с таким мнением. В письме к П. А. Вяземскому он с подчеркнутой резкостью отозвался о творчестве Дмитриева («Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова, все его сатиры — одного из твоих посланий, а всё... первого стихотворения Жуковского»).[2]

Возражение Пушкина Вяземскому понятно и объяснимо — попытка объявить Дмитриева образцовым поэтом, противопоставить ему Крылова была исторически несостоятельна. Обстоятельства литературной борьбы как бы снимали вопрос о роли поэзии Дмитриева в ходе преемственного развития русской поэзии. Тогда же в письмах к А. Бестужеву Пушкин резко возражал против превращения в образцового поэта Державина.

С 1830 года, когда изменилась вся общественная обстановка в России и изменились обстоятельства литературной борьбы, Пушкин вновь обратился к поэтам прошлого, с тем чтобы на этот раз

---

[1] Подробнее об этом см. в моей статье «Пушкин и Дмитриев». — «Русская литература», 1964, № 4.

[2] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 10, М.—Л., АН СССР, 1949, с. 83.

подчеркнуть прежде всего преемственную связь их творчества с современной поэзией. Более того: свою работу он станет соотносить с творчеством и Державина, и Дмитриева. В неоконченной статье «Опровержение на критика» (1830) Пушкин свою «сказку» «Граф Нулин» свяжет с русской традицией, и в частности со сказками Дмитриева и эротическими стихотворениями Державина: «Какой угрюмый дурак станет важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина?»[1] В том же 1830 году, в статье, напечатанной в «Литературной газете», Пушкин сочувственно процитирует басню Дмитриева (из сборника «Апологи»), назвав его «известным баснописцем».

В 30-е годы Пушкин вступит в переписку с Дмитриевым, будет посылать ему свои произведения, станет встречаться с ним в Москве и Петербурге, когда старый поэт посещал столицу. Во время встреч он расспрашивал Дмитриева о прошлом, и особенно о пугачевском восстании, читал любезно предложенные ему рукописные автобиографические записки. В своих письмах Пушкин не раз поминал добрым словом прошлые литературные заслуги Дмитриева, отмечая сильные стороны его дарования. «Радуюсь, что успел Вам угодить стихами, хотя и белыми. Вы должны любить рифму, как верного слугу, который никогда с Вами не спорил и всегда повиновался малейшим Вашим прихотям». Он искренне считал, что «мощные и стройные стихи» Дмитриева «переживут тщедушные нынешние произведения».[2]

Возможно, что в какой-то мере подобные отзывы определялись вежливостью. Но бесспорно, что Пушкин перечитывал в эту пору многих поэтов старшего поколения, и в частности Дмитриева, и с все большим историзмом рассматривал проблему преемственности. Характерным примером является задуманная и частично написанная статья о небольшом сатирическом стихотворении Дмитриева «Путешествие N.N. в Париж и Лондон». Героем «Путешествия» был приятель Дмитриева и дядя Пушкина — Василий Львович. Это «Путешествие», написанное в 1803 году, было издано в 1808 году тиражом в 50 экземпляров и в продажу не поступало. Дмитриев подарил Пушкину свой экземпляр («едва ли не последний»).

Желая напомнить широкой публике об этом мало кому известном сочинении Дмитриева, Пушкин пишет для «Современника» ста-

---

[1] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 7, М.—Л., АН СССР, 1949, с. 187.

[2] Там же, т. 10, с. 406.

тью, исполненную не только похвал, но и серьезных размышлений о важных особенностях дарования истинного поэта. «„Путешествие", — писал Пушкин, — есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора... в которой с удивительной точностью изображен весь Василий Львович. Это образец игривой легкости и шутки живой».[1] Пушкин ценит Дмитриева за свободу от жанровых регламентаций, которая позволяет воспроизводить реальный характер индивидуальной личности Василия Львовича, передавать в легких, непринужденных стихах обстоятельства его жизни, точно живописать бытовые картины, выражать детски-наивную восторженность путешественника.

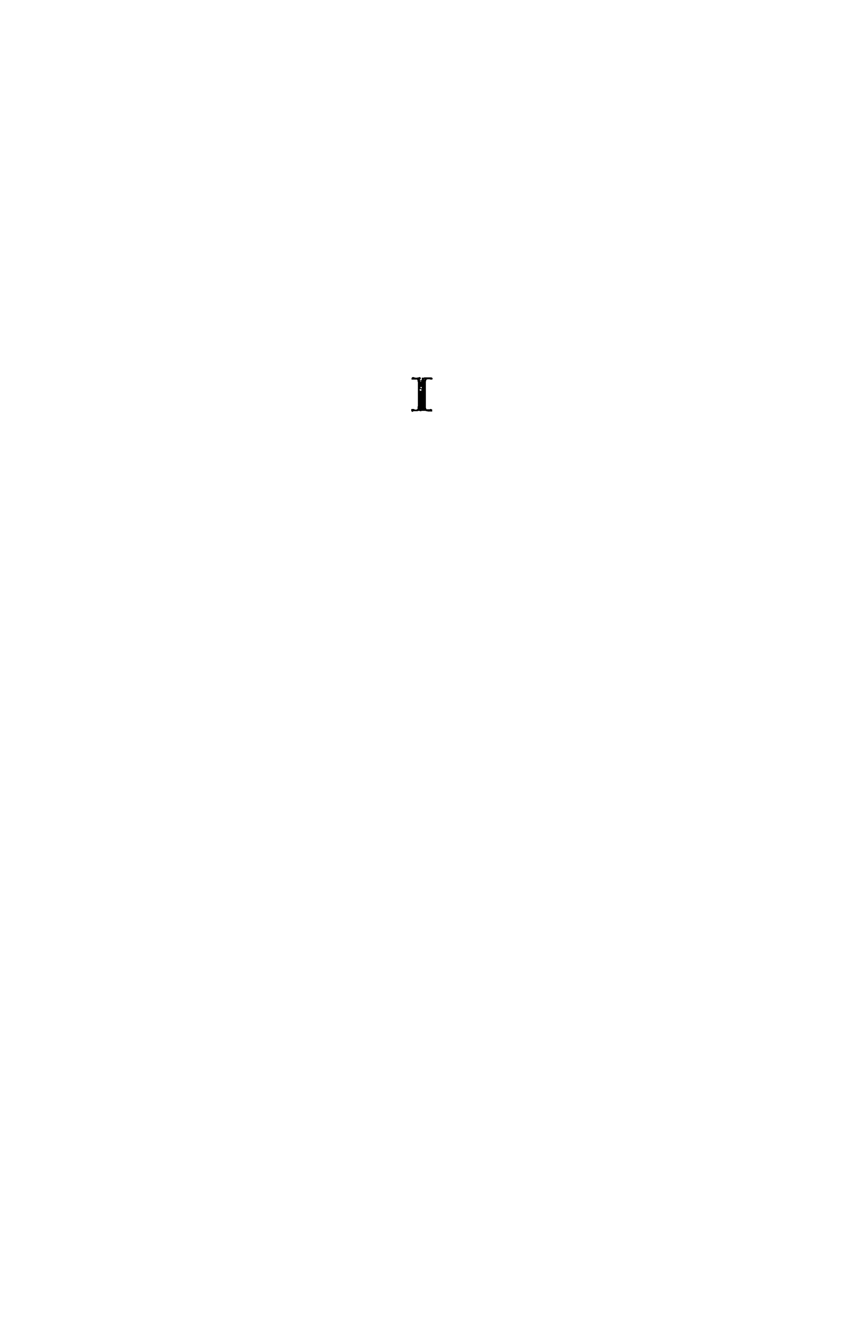
Размышляя об особенностях «Путешествия» Дмитриева и некоторых сочинений других своих предшественников, Державина прежде всего, Пушкин формулирует важную мысль об искренности поэта как важнейшей черте реалистической поэзии: «Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...»[2]

Скромность и трезвость оценки своей деятельности отличали характер и дарование Дмитриева — человека и поэта. Из своих современников он на первое место ставил Державина и Карамзина, сумев оценить лучшее сочинение последнего — «Историю государства Российского». Себя он называл «рядовым на Пинде воином». Но поэтические достижения «рядового воина» заметили и учли поэты нового времени, чье творчество определило мощный расцвет отечественной поэзии. Судьба Дмитриева сложилась счастливо — прожив после завершения творчества еще 30 лет, он видел этот расцвет, был дружескими узами связан с крупными поэтами XIX века — Жуковским, Батюшковым и Вяземским, услышал от Пушкина слова одобрения и привета.

Г. Макогоненко

---

[1] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 7, с. 435.
[2] Там же.

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть первая

1. ГЛАС ПАТРИОТА НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ

Где буйны, гордые Титаны,
Смутившие Астреи дни?
Стремглав низвержены, попраны
В прах, в прах! Рекла... и где они?
Вопи, союзница лукава,
Отныне ставшая рабой:
«Исчезла *собиесков* слава!»
Ходи с поникшею главой;
Шатайся, рвись вкруг сел несчастных,
Вкруг древних, гордых, падших стен,
В терзаньях совести ужасных,
И век оплакивай свой плен!

А ты, гремевшая со трона,
Любимица самих богов,
Достойна гимнов Аполлона!
Воззри на цвет своих сынов:
Се веют шлемы их пернаты,
Се их белеют знамена,
Се их покрыты пылью латы,
На коих кровь еще видна!
Воззри: се идут в ратном строе!
Всяк истый в сердце славянин!
Не Марса ль в каждом зришь герое?
Не всяк ли рока властелин?
Они к стопам твоим бросают

Лавровы свежие венки.
«Твои они, твои! — вещают, —
С тобой нам рвы не глубоки;
С тобою низки страшны горы.
Скажи, скажи, о матерь, нам,
Склоня величественны взоры,
Куда еще лететь орлам?»

Куда лететь? кто днесь восстанет,
Сарматов зря ужасну часть?
Твой гром вотще нигде не грянет:
Страшна твоя, царица, власть!
Страшна твоя и прозорливость
Врагу, злодею твоему!
Везде найдет его строптивость
Препон неодолимых тьму;
Везде обрящутся преграды:
Твои, как медною стеной,
Бойницами прикрыты грады,
И каждый в оных страж герой;
Пределы царств твоих щитами,
А седмь рабынь твоих, морей,
Покрыты быстрыми судами,
И жезл судьбы в руке твоей!
Речешь — и двигнется полсвета,
Различный образ и язык:
Тавридец, чтитель Магомета,
Поклонник идолов калмык,
Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят с шумом вслед за нами
И прах поднимут до небес!
Твой росс весь мир дрожать заставит, —
Наполнит громом чудных дел
И там столпы свои поставит,
Где свету целому предел.

1794

2. СТИХИ
НА ВЫСОКОМОНАРШУЮ МИЛОСТЬ, ОКАЗАННУЮ ИМПЕРАТОРОМ ПАВЛОМ ПЕРВЫМ ПОТОМСТВУ ЛОМОНОСОВА

О радость! дайте, дайте лиру:
Я вижу Пинда божество!
Да возвещу в восторге миру
Славянской музы торжество
И новый блеск монаршей славы!
Талантам возвратились правы:
Герой, вельможа, судия!
Не презирайте днесь певцами:
Сам Павел их равняет с вами,
Щедроты луч и к ним лия.

Се глас его, глас благотворный,
Несется до морских валов,
При коих, жребию покорный,
Кидает мрежи рыболов.
«Возвысь чело! — ему вещает. —
Царь иго с плеч твоих снимает:
Твой предок Ломоносов был!»
О Павел! Ты единым словом,
Не потрясая мира громом,
Себя к бессмертным приобщил.

Падут надменны пирамиды
С размаху Кроновой руки;
Сотрутся обелисков виды;
Исчезнут Ксерксовы полки
И царства, ими покоренны;
Но дарования нетленны!
В потомстве, северный Орфей,
Вторый возникнет Ломоносов,
И поздный род узнает россов
О благости души твоей.

28 августа 1798

8. ПЕСНЬ
НА ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО

П о э т

И я питомец Аполлонов:
Так умолчу ль в сей важный час!
Судьба решится миллионов;
Взор мира обращен на нас,
И свыше громовержец внемлет:
Младый сподвижник восприемлет
Обет, который всех святей:
Быть стражем и отцом полсвета!
Утешь нас радугой завета,
О бог судеб! о царь царей!

Х о р

Даруй твой суд царю младому,
Да будет другом правды он;
Любезен добрым, грозен злому,
Дальнейшего услышит стон;
Народов разных повелитель,
Да будет гений-просветитель,
Краса и честь своим странам!
Да будут дни его правленья
Для россов днями прославленья
И преданы от них векам.

П о э т

Монарх! под сими небесами,
На сем же месте, Иоанн
Приял геройскими руками
Венец, которым ты венчан.
Благоговей к своей порфире:
Ее носил великий в мире,
Сам Петр на мочных раменах!
Благоговей пред сей державой:
Она горит, блистает славой
Премудрыя, *одной* в женах!

Х о р

Да ниспошлет бессмертна внуку
Свой дар сердцами обладать;

Да укрепит монаршу руку
Кормилом царства управлять!
О ветвь, о кровь Екатерины!
При ней корабль наш[1] чрез пучины
Отважно к счастию летел;
При ней россиянин, сын славы,
Вселенной подавал уставы
И жребием ее владел.

П о э т

Не изменимся и с тобою:
Тебе душа ее дана!
Я вижу, вижу пред собою,
Монарх! грядущи времена:
Россия в силе возрастает
И обелиски воздвигает
Во мзду заслуг своих сынов;
Гремят в ней Пиндары, Платоны,
О дни златые! .. Миллионы,
Несите сердце вместо слов!

Х о р

Гряди на трон России с богом,
Гряди, отечества отец!
Будь счастья нашего залогом
И утешением сердец!
Цари всемощны и священны:
Хотят — и смертные блаженны
И на земле вкушают рай!
Им небо власть *свою* вручило;
Всходи, о новое светило!
И благостью в веках сияй.

1801

---

[1] Корабль правления.

4. ЕРМАК

Какое зрелище пред очи
Представила ты, древность, мне?
Под ризою угрюмой ночи,
При бледной в облаках луне,
Я зрю Иртыш: крутит, сверкает,
Шумит и пеной подмывает
Высокий берег и крутой;
На нем два мужа изнуренны,
Как тени, в аде заключенны,
Сидят, склонясь на длань главой;
Единый млад, другой с брадой
Седою и до чресл висящей;
На каждом вижу я наряд,
Во ужас сердце приводящий!
С булатных шлемов их висят
Со всех сторон хвосты змеины
И веют крылия совины;
Одежда из звериных кож;
Вся грудь обвешана ремнями,
Железом ржавым и кремнями;
На поясе широкий нож;
А при стопах их два тимпана
И два поверженны копья;
То два сибирские шамана,
И их словам внимаю я.

Старец

Шуми, Иртыш, реви ты с нами
И вторь плачевным голосам!
Навек отвержены богами!
О, горе нам!

Младый

О, горе нам!
О, страшная для нас невзгода!

Старец

О ты, которыя венец
Поддерживали три народа,[1]

[1] Татары, остяки и вогуличи.

Гремевши мира по конец,
О сильна, древняя держава!
О матерь нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плен!

Младый

Твои народы расточенны,
Как вихрем возмятенный прах,
И сам Кучум,[1] гроза вселенны,
Твой царь, погиб в чужих песках!

Старец

Священные твои шаманы
Скитаются в глуши лесов.
На то ль судили вы, шайтаны,[2]
Достигнуть белых мне власов,
Чтоб я, столетний ваш служитель,
Стенал и в прахе, бывши зритель
Паденья тысяч ваших чад?

Младый

И от кого ж, о боги! пали?

Старец

От горсти русских!.. Мор и глад!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ах, лучше б трус, потоп иль гром
Всемощны на нее послали,
Чем быть попранной Ермаком!

Младый

Бичом и ужасом природы!..
Кляните вы его всяк час,
Сибирски горы, холмы, воды:
Он вечный мрак простер на вас!

Старец

Он шел как столп, огнем палящий,
Как лютый мраз, всё вкруг мертвящий!

---

[1] Кучум из царства своего ушел к калмыкам, и убит ими.
[2] Сибирские кумиры.

Куда стрелу ни посылал —
Повсюду жизнь пред ней бледнела
И страшна смерть вослед летела.

Младый

И царский брат пред ним упал.

Старец

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула,[1]
Сибирских стран богатыря:
Рассыпав стрелы все из тула
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!» — он сказал —
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! они сразились!
Их сабли молнией блестят,
Удары тяжкие творят,
И обе разом сокрушились.
Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;
От вопля их дубравы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сыплет пот, как град;
Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат;
То сей, то оный на бок гнется;
Крутятся, и — Ермак сломил!
«Ты мой теперь! — он возопил, —
И всё отныне мне подвластно!»

Младый

Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, попрал Сибирь Ермак! . .
Но что? ужели стон сердечный
Гонимых будет. . .

---

[1] Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья Сибирские.

Старец

Вечный! вечный!
Внемли, мой сын: вчера во мрак
Глухих лесов я углубился
И тамо с пламенной душой
Над жертвою богам молился.
Вдруг ветр восстал и поднял вой;
С деревьев листья полетели;
Столетни кедры заскрыпели,
И вихрь закланных серн унес!
Я пал и слышу глас с небес:
«Неукротим, ужасен Рача, [1]
Когда казнит вселенну он.
Сибирь, отвергша мой закон!
Пребудь вовек, стоная, плача,
Рабыней *белого царя!*
Да светлая тебя заря
И черна ночь в цепях застанет;
А слава грозна Ермака
И чад его вовек не вянет
И будет под луной громка!» —
Умолкнул глас, и гром трикратно
Протек по бурным небесам...
Увы! погибли невозвратно!
О, горе нам!

Младый

О, горе нам!

Потом, с глубоким сердца вздохом
Восстав с камней, обросших мохом,
И сняв орудия с земли,
Они вдоль брега потекли
И вскоре скрылися в тумане.

Мир праху твоему, Ермак!
Да увенчают россияне

---

[1] Главный остяцкий идол. Кучум, родившийся в магометанской вере, частию уговорил, частию принудил большую половину Сибири верить Алкорану.

Из злата вылитый твой зрак,
Из ребр Сибири источенна
Твоим булатным копием!
Но что я рек, о тень забвенна!
Что рек в усердии моем?
Где обелиск твой? — Мы не знаем,
Где даже прах твой был зарыт.
Увы! он вепрем попираем
Или остяк по нем бежит
За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой,
Но будь утешен ты, герой!
Парящий стихотворства гений
Всяк день с Авророю златой,
В часы божественных явлений,
Над прахом плавает твоим
И сладку песнь гласит над ним:

«Великий! Где б ты ни родился,
Хотя бы в варварских веках
Твой подвиг жизни совершился;
Хотя б исчез твой самый прах;
Хотя б сыны твои, потомки,
Забыв деянья предка громки,
Скитались в дебрях и лесах
И жили с алчными волками, —
Но ты, великий человек,
Пойдешь в ряду с полубогами
Из рода в род, из века в век;
И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится
И время на косу падет!»

1794

5. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Примите, древние дубравы,
Под тень свою питомца муз!
Не шумны петь хочу забавы,

Не сладости цитерских уз;
Но да воззрю с полей широких
На красну, гордую Москву,
Седящу на холмах высоких,
И спящи веки воззову!

В каком ты блеске ныне зрима,
Княжений знаменитых мать!
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скиптр в твоих руках;
Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах;
От Норда, Юга и Востока —
Отвсюду быстротой потока
К тебе сокровища текут;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А девы — розами цветут!

Но некогда и ты стенала
Под бременем различных зол;
Едва корону удержала
И свой клонившийся престол;
Едва с лица земного круга
И ты не скрылась от очес!
Сармат простер к тебе длань друга
И остро копие вознес!
Вознес — и храмы воспылали,
На девах цепи зазвучали,
И кровь их братьев потекла!
«Я гибну, гибну! — ты рекла,
Вращая устрашенно око. —
Спасай меня, о гений мой!»
Увы! молчанье вкруг глубоко,
И меч, висящий над главой!

Где ты, славянов храбрых сила!
Проснись, восстань, российска мочь!
Москва в плену, Москва уныла,
Как мрачная осення ночь, —

Восстала! всё восколебалось!
И князь, и ратай, стар и млад —
Всё в крепку броню ополчалось!
Перуном возблистал булат!
Но кто из тысяч видим мною,
В сединах бодр и сановит?
Он должен быть вождем, главою:
Пожарский то, России щит!
Восторг, восторг я ощущаю!
Пылаю духом и лечу!
Где лира? смело начинаю!
Я подвиг предка петь хочу!

Уже гремят в полях кольчуги;
Далече пыль встает столбом;
Идут России верны слуги;
Несет их вождь, Пожарский, гром!
От кликов рати воют рощи,
Дремавши в мертвой тишине;
Светило дня и звезды нощи
Героя видят на коне;
Летит — и взором луч отрады
В сердца унывшие лиет;
Летит, как вихрь, и движет грады
И веси за собою вслед!

«Откуда шум?» — приникши ухом,
Рек воин, в думу погружен.
Взглянул — и, бледен, с робким духом
Бросается с кремлевских стен.
«К щитам! к щитам! — зовет сармата, —
Погибель нам минуты трата!
Я видел войско сопостат:
Как змий, хребет свой изгибает,
Главой уже коснулось врат;
Хвостом всё поле покрывает».
Вдруг стогны ратными сперлись —
Мятутся, строятся, делятся,
У врат, бойниц, вкруг стен толпятся;
Другие вихрем понеслись
Славянам и громам навстречу.

И се — зрю зарево кругом,
В дыму и в пламе страшну сечу!
Со звоном сшибся щит с щитом –
И разом сильного не стало!
Ядро во мраке зажужжало,
И целый ряд бесстрашных пал!
Там вождь добычею Эреве;
Здесь бурный конь, с копьем во чреве,
Вскочивши на дыбы, заржал
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду треск и громы внемлю,
Глушащи скрежет, стон и вой.

Пирует смерть и ужас мещет
Во град, и в долы, и в леса!
Там дева юная трепещет;
Там старец смотрит в небеса
И к хладну сердцу выю клонит;
Там путника страх в дебри гонит,
И ты, о труженик святой,
Живым погребшийся в могиле,
Еще воспомнил мир земной
При бледном дней твоих светиле;
Воспомнил горесть и слезой
Ланиту бледну орошаешь,
И к богу, сущему с тобой,
Дрожащи руки простираешь!

Трикраты день воссиявал,
Трикраты ночь его сменяла;
Но бой еще не преставал
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарский мещет гром;
Везде летает он орлом —
Там гонит, здесь разит, карает,
Удар ударом умножает,
Колебля мощь литовских сил.
Сторукий исполин трясется —
Падет — издох! и вопль несется:
«Ура! Пожарский победил!»

И в граде отдалось стократно:
«Ура! Москву Пожарский спас!»

О, утро памятно, приятно!
О, вечно незабвенный час!
Кто даст мне кисть животворящу,
Да радость напишу, горящу
У всех на лицах и в сердцах?
Да яркой изражу чертою
Народ, воскресший на стенах,
На кровах, и с высот к герою
Венки летящи на главу;
И клир, победну песнь поющий,
С хоругви в сретенье идущий;
И в пальмах светлую Москву!..

Но где герой? куда сокрылся?
Где сонм и князей и бояр?
Откуда звучный клик пустился?
Не царство ль он приемлет в дар? —
О! что я вижу? Победитель,
Москвы, отечества спаситель,
Забывши древность, подвиг дня
И вкруг него гремящу славу,
Вручает юноше державу,
Пред ним колена преклоня!
«Ты кровь царей! — вещал Пожарский. —
Отец твой в узах у врагов;
Прими венец и скипетр царский,
Будь русских радость и покров!»

А ты, герой, пребудешь ввеки
Их честью, славой, образцом!
Где горы небо прут челом,
Там шумныя помчатся реки;
Из блат дремучий выйдет лес;
В степях возникнут вертограды;
Родятся и исчезнут грады;
Натура новых тьму чудес
Откроет взору изумленну;
Осветит новый луч вселенну —

И воин, от твоей крови,
Тебя воспомнит, возгордится
И паче, паче утвердится
В прямой к отечеству любви!

Лето 1795

6. К ВОЛГЕ

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!
Прости!.. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!

Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал
Еще в младенческие леты,
Когда я руки простирал
К тебе из отческия кущи,
Взирая на суда, бегущи
На быстрых белых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!

То нежным ветерком лобзаем,
То ревом бури и валов
Под черной тучей оглушаем
И отзывом твоих брегов,
Я плыл, скакал, летел стрелою —
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали —
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

Там кормчий, руку простирая
Чрез лес дремучий на курган,
Вещал, сопутников сзывая:
«Здесь Разинов был, други, стан!»
Вещал и в думу погрузился;
Холодный пот по нем разлился,
И перст на воздухе дрожал.
А твой певец в сии мгновенья,
На крылиях воображенья,
В протекших временах летал.

Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой веселый ток
Под ратью грозна Иоанна;
И видел Астрахани рок.
Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны
И сыплют стрелы по судам:
Бесстрашный росс на брег ступает,
И гордо царство упадает
Со трепетом к его стопам.

Я слышал Каспия седого
Пророческий, громовый глас:
«Страшитесь, персы, рока злого!
Идет, идет царь сил на вас!
Его и Юг и Норд трепещет;
Он тысячьми перуны мещет,
Затмил Луну и Льва сразил!..
Внемлите шум: се волжски волны

Несут его, гордыни полны!
Увы, Дербент! .. идет царь сил!»

Прорек, и хлынули реками
У бога воды из очес;
Вдруг море вздулося буграми,
И влажный Каспий в них исчез.
О, как ты, Волга, ликовала!
С каким восторгом поднимала
Победоносного царя!
В сию минуту пред тобою
Казались малою рекою
И Бельт и Каспий, все моря!

Но страннику ль тебя прославить?
Он токмо в искренних стихах
Смиренну дань хотел оставить
На счастливых твоих брегах.
О, если б я внушен был Фебом,
Ты первою б рекой под небом,
Знатнейшей Гангеса была!
Ты б славою своей затмила
Величие Евфрата, Нила
И всю вселенну протекла.

1794

7. РАЗМЫШЛЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА

Гремит! .. благоговей, сын персти!
Се *ветхий деньми* с небеси
Из кроткой, благотворной длани
Перуны сеет по земли!
Всесильный! с трепетом младенца
Целую я священный край
Твоей молниецветной ризы,
И весь теряюсь пред тобой!

Что человек? парит ли к солнцу,
Смиренно ль идет по земле,

Увы! там ум его блуждает,
А здесь стопы его скользят.
Под мраком, в океане жизни,
Пловец на утлой ладие,
Отдавши руль слепому року,
Он спит и мчится на скалу.

Ты дхнешь, и двигнешь океаны!
Речешь, и вспять они текут!
А мы... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о безначальный!
Пред тайной вечностью твоей
Едва минутное мечтанье,
Луч бледный утренней зари.

<1805>

8–9. ПОДРАЖАНИЕ ОДАМ ГОРАЦИЯ

(КНИГА III, ОДА I)

Служитель муз, хочу я истины воспеть
В стихах, неслыханных доныне:
Феб движет, — прочь, враги святыне!
А вы, о юноши!.. внимать, благоговеть!

Царям подвластен мир, цари подвластны богу
Тому, кто с облачных высот
Гигантам в ад отверз дорогу,
Кто манием бровей колеблет неба свод.

Владей во всей земле ты рудами златыми,
А ты народов будь отцом,
Хвались ты предками своими,
А вы талантами, геройством и умом, —

Умрете все: закон судьбины непреложен;
Кто б ни был — мал или велик,
Пред смертью всяк равно ничтожен;
В сосуде роковом нет жребиям отлик!

За царскою ль себя трапезой насыщает,
Пернатым внемлет ли весной,
Ко сну ль главу на пух склоняет —
Злодей всегда зрит меч, висящий над собой.

Сон сладкий только дан оратаям в отраду:
Он любит их смиренный кров,
Тенистой рощицы прохладу,
Цветы и злак долин, журчанье ручейков.

Пусть грозный океан клокочет под валами,
Пусть буря черными крылами
При блеске молний восшумит —
Мудрец на брань стихий спокойно с брега зрит.

Один громадами стесняет рыб и давит,
Казною пропасти бутит
И на зыбях чертоги ставит —
Но где он от забот, печали будет скрыт?

Безумец! ты бежишь от совести напрасно:
Тиран твой сердца в глубине;
Она с тобою повсечасно
Летит на корабле и скачет на коне.

Что ж пурпур, аромат и мраморы фригийски?
К чему фалернское вино?
Почто взносить мне обелиски,
Когда спокойствия мне с ними не дано?

Нет! злату не бывать души моей кумиром;
Мои желанья: скромно жить,
Не с завистью — с сердечным миром,
И счастье в уголку собинском находить.

1794

(КНИГА I, ОДА III)

Лети, корабль, в свой путь с Виргилием моим,
Да сохранят тебя светила благотворны:
И Поллукс, и Кастор, и тот, кому покорны
Все ветры на водах, и та, котору чтим
Богиней красоты, всех радостей душою.
Лети! и принеси безвредно по волнам
Ты друга моего к Аттическим брегам:
Дражайшу часть меня я отпустил с тобою!
Конечно, твердою, дубовою корой,
Тройным булатом грудь была вооруженна
Того, в ком перва мысль родилась дерзновенна
Неверной поручать стихии жребий свой!
Ни дожденосные, зловещие гиады,
Ни африканский ветр, ни бурный Аквилон,
Ни Нот, не знающий пощады,
Не сделали ему препон.
И что они? какой род смерти был ужасен
Тому, чей смелый взор был неподвижен, ясен,
Когда зияла хлябь, горой вздымался вал,
Из волн чудовища скакали
И стрелы молний обвивали
Верхи Эпирских грозных скал?
Так, втуне от небес народы разделенны,
Обширные моря в предел им положенны!
Афетов дерзкий сын всё смеет одолеть:
Хотел, и мог сии пространства прелететь;
Хотел, и святость всех законов нарушает,
И даже огнь с небес коварно похищает.
О святотатство, сколь твой гибелен был след!
По свету океан разлился новых бед,
И неизбежна смерть, но медленна дотоле,
Удвоила свой шаг и всех разит по воле!
Но только ли? Дедал, родившийся без крыл,
Отважно к солнцу воспарил;
Алкид потряс пределом ада!
Где нашей дерзости преграда?
Мы, в буйстве, даже в брань вступаем с божеством.
И Диев никогда не отдыхает гром.

1794

10. ПРЕЛОЖЕНИЕ 49-го ПСАЛМА

Кто в блесках молнии нисходит?
Колеблет гласом гор сердца?
И взором в трепет всё приводит?
Падите пред лицом творца!
Се меч в его десной сверкает,
А в шуйце вечные весы,
Се к вам, народы, он вещает —
О страх! о грозные часы!

«Не мни, гласит, о род строптивый!
Загладить жертвами свой грех,
Когда во гневе суд правдивый
Приду изречь на смертных всех!
Что мне до ваших всесожжений,
До ваших жертв и тучных стад?
Бог пьет ли кровь своих творений?
Бессмертный чувствует ли глад?

Я всю вселенную объемлю
И в длани жизнь ее ношу;
Я вздоху насекомых внемлю;
Хощу, и солнце погашу.
Пожри же мне своей душою,
Очисти совесть от грехов,
И непорочных уст хвалою
Да будет славим бог богов!

Но да прильпнет язык к гортани
Твоей, о грешный человек!
Не простирай ко мне ты длани
И не блажи меня вовек!
Тебе ли бога песнословить,
Коль духом не живешь о нем;
Коль ад спешишь себе готовить
В порочном житии твоем?

Из уст твоих течет яд лести
И злоба ухищренных змей;
Ты брату ков творил из мести,
Корысти разделял татей.

О лицемеры! вечно ль стану
Я гром удерживать в руках?
Вострепещите! гряну, гряну
И уничтожу яко прах!»

<1797>

11. ГИМН БОГУ

Парю душой к тебе, всечтимый,
Превечно слово, трисвятый!
Блажу тебя, непостижимый,
Всемощный, безначальный, сый!
Блажу и сердцем восхищаюсь,
Зря тьмы, куда ни обращаюсь,
В творении твоем чудес!
Велик равно ты в насекомом,
Как в бурях, к нам ревущих с громом
С недосягаемых небес!

Где пункт начатия вселенны?
Что в солнце огнь питает твой?
Чем звезды в тверди утвержденны,
И что вращает шар земной?
Откуда сонмы вод пустились
И вкруг земли совокупились
В неизмеримый океан?
Что вне его, что вне эфира?
Кто в тайнах сих, о творче мира!
Участником твоим избран?

Никто, никто в твоем совете!
Непроницаем твой покров!
Седящий в неприступном свете,
Над мириадами миров,
Ты взором солнцы возжигаешь,
Ты манием миры вращаешь,
Ты духом ангелов творишь,
И словом, мыслию одною —
Сию пылинку пред тобою —
Громаду света истребишь!

<1794>

12. СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД
ЮВЕНАЛОВОЙ САТИРЫ О БЛАГОРОДСТВЕ

Скажи мне, По́нтикус, какая польза в том,
Что ты, обиженный и сердцем и умом,
Богат лишь прадедов и предков образами,
Прославивших себя великими делами,
Что видим их везде во храмине твоей?
Здесь Гальба без носу, Корванус без ушей;
А там, в торжественной Эмилий колеснице,
С лавровой ветвию и копием в деснице;
Иль Курии в пыли, в лоскутьях на стене.
Что прибыли, что ты, указывая мне
Шестом иль хлыстиком на ветхие портреты,
Которы у тебя коптятся многи леты,
Надувшись, говоришь: «Смотри, вот предок мой,
Начальник римских войск, — великий был герой!
А это прадед мой, разумный был диктатор!
А это дедушка, вот прямо был сенатор!»
А сам ты, внучек, что? Герои на стенах,
А ты пред ними ночь всю пьянствуешь в пирах;
А ты ложишься спать тогда, как те вставали
И к бою со врагом знамена развивали.
Возможно ль Фабию гордиться только тем,
Что пред Иракловым[1] взлелеян алтарем
И с жизнью получил званье Альборога,

[1] Эвандр в честь Геркулесу воздвигнул храм, препоруча смотрение над ним Фабианову роду, который почитал себя происходящим от сего полубога.

Когда сей правнучек законный полубога
Честолюбив и горд лишь славой праотца,
А сам вялее, чем падуйская овца?
Когда он дряблостью прапрадедов бесславит,
Когда его их шлем обыкновенный давит,
Коль тени самые дрожат героев сих
С досады, видя лик его между своих?
Надменный! титла, род — пустое превосходство!
Но дух, великий дух — вот наше благородство!

Будь Кассий, Павел, Друз, но буди по делам;
Показывай их дух, а не портреты нам!
Когда в тебе их ум, их дельность, добры нравы,
То консул ты иль нет — достоин вечной славы;
Ты знатен, и тогда с Силаном наравне
Ты честь отечеству и мил, бесценен мне;
Тогда возрадуюсь тебе, как Озириду! [1]
Но чтобы, истинным героям я в обиду,
Их недостойное исчадие почтил!
Не будет! я б себя тем вечно посрамил.
Что имя? Разве нет вседневного примера,
Что говорят, сойдясь с старухой: «Вот Венера!» —
А с карлой: «Вот Атлант!» — и кличут тигром, львом
Негодного щенка с обрубленным хвостом?
Рубеллий! трепещи гордиться предков чином:
Недолго и тебя прозвать нам Кимерином.

Ты столь возносишься породою своей,
Как будто сам и блеск и знатность придал ей.
«Я род мой, говоришь, с Цекропа начинаю;
А ты из подлости, из черни!» — Уступаю;
Честь предку твоему и должная хвала!
Однако ж эта чернь нам витию дала,
Защитника в правах безграмотна дворянства;
Однако ж эта чернь, скажу еще без чванства,
Дает блюстителей законов нам, судей,
Которы тщанием и тонкостью своей
Для пользы общества их узлы разрешают
Иль темный оных смысл нередко объясняют;

---

[1] Египтяне обожали Озирида в образе своего Аписа, или вола; когда они его находили, то все кричали в голос: «Радость! радость! нашли его!»

И ежели Евфрат среди своих брегов
Мятется и дрожит от имени орлов,
Когда вселенная покорствует римлянам —
То тем одолжены мы храбрым плебеянам.
А ты, скажи мне, чем отечеству служил
И что от древнего Цекропа сохранил?
Лишь имя... О бедняк! о знатный мой повеса!
Ты то же для меня, что истукан Гермеса:
Тот мраморный, а ты, к бесславию, живой —
Вот вся и разница у статуи с тобой.

Чем отличаются животны, как не силой?
Один конь быстр, горяч; другой ленивый, хилый;
Того, который всех на скачке передит,
Следами сыплет огнь и вихрем пыль крутит,
Мы хвалим, бережем и ежедневно холим;
А клячу за ничто продать на торг отводим,
Хотя б Гарпинова отродия была;
Равно и ты презрен, коль знатные дела,
Которыми твои прапрадеды сияют,
Лишь только нам твою ничтожность озаряют.
Достоинство других нам блеска не дает:
От зданья отними столпы — оно падет;
А скромный плющ растет без страха и не гнется,
Хотя и срубишь вяз, вкруг коего он вьется.

Итак, желаешь ли уважен быть, любим?
Знай долг свой: в брани будь искусен и решим,
В семействе друг, в суде покров, защитник правых,
И лжесвидетелей, кто б ни были, лукавых,
Забыв и род, и сан, и мощь их, обличай;
За истину на всё бестрепетно дерзай,
Хотя бы Фаларид, подвигнут адским гневом,
Грозил тебе за то вола разжженным чревом:
Нет нужды! Изверг тот, урод, не человек,
Кто думает продлить бесчестием свой век!
Пускай для них полет свой остановит время;
Но жизнь, должайша жизнь без чести тяжко бремя!
Так жизни ль жертвовать, сим нескольким часам,
Тем самым, для чего и жизнь любезна нам?
Рубеллий! тот уж мертв, кто казни стал достоин,
Хотя он и поднесь над устрицами воин,

Которых сотнями глотает на пирах,
Хоть всякий день еще купается в водах,
Настоянных цветов и амбры ароматом.

Когда же наконец ты хитростью, иль златом,
Иль и заслугами взойдешь на верх честей,
Став, например, главой обширных областей,
Не будь, не будь своим предместникам подобен,
Толико ж, как они, мздоимен, горд и злобен;
Не лей союзных кровь, смягчай их горьку часть
И в правосудии являй свою лишь власть;
Твори, что глас тебе законов возвещает,
И помни, что сенат в возмездье обещает:
Отлику или гром! Так, гром, которым он,
За слезы вдов, сирот, за их сердечный стон,
Сразил Нумитора с жестоким Капитоном,
Сих алчных кровопийц!.. Увы! что пользы в оном,
Коль Панса грабит то, что Натта пощадил?
Не долго ты, Керип, спокойствие хранил;
Неси скорей, бедняк, домашние уборы,
Весь скарб под молоток, пока не придут воры;
Продай всё и молчи, а с просьбой не тащись,
Иль и с последними ты крохами простись;
Хотя и в старину не более щадили
Друзей, которых мы мечом усыновили,
Но им сносней была отеческая власть;
В то время было что у деток и украсть:
Дома их красились Мироновой работой,
Сияли золотом еще, не позолотой;
Где кисть Паразия, где Фидия резец
Оставили векам в изящном образец.
А Верресу соблазн! так, всё сие богатство
Украдкой перешло... какое святотатство!..
Бесстыдна Верреса с Антонием в суда.
Несчастным сим принес мир более вреда,
Чем самая война! Но что похитишь ныне?
Заросшие поля, подобные пустыне,
С десяток кобылиц иль пары две волов...
Быть может, пастуха, отеческих богов,
Быть может, инде бюст — кумир уединенный;
Добыча бедная! но им урон бесценный,
Затем, что это их последнее добро!

Грабитель! смело грабь и злато и сребро
Трусливых родиян, коринфян умащенных —
Чего бояться их, всех в роскошь погруженных?
Но пощади жнецов, питающих наш град,
Столицу праздности, позорищ и прохлад!
Но галла ты не тронь, ибернца также бойся;
И что взять в Африке? О! там, не беспокойся,
Давно уж Марий [1] был. Страшись, страшись привесть
В отчаянье людей, в которых сердце есть!
Ты можешь захватить и домы их и селы;
Но вырвешь ли из рук их щит, их меч и стрелы?
Булат, булат еще останется при них.

Но обратим к тебе, о Понтикус, наш стих.
Когда подвластные в тебе увидят друга,
Отца и судию; когда твоя супруга
Не будет города и веси обтекать,
Чтобы, как Гарпия, несчастных хлеб снедать, —
Тогда, хоть Пикусов будь внучек, я согласен;
Пожалуй, выбирай из повестей и басен
Любого в прадеды: пусть будет он Титан,
Хоть самый Промефей — почту твой род и сан.
Но если, ослепясь своим высоким саном,
Ты будешь не судьей — мздоимцем и тираном;
Когда ты ликторов секиры притупишь
И руки кровию союзных обагришь,
Тогда твой знатный род против тебя ж восстанет,
Он первый на тебя проклятьем страшным грянет,
И первый мерзости, ты коими покрыт,
Как яркий пламенник пред миром озарит:
Преступник чем знатней, тем более он винен!

Смотри, как Дамазин и гнусен и бесчинен:
Вдоль места, где его почиет предков прах,
Летит на шестерне, имея бич в руках!

---

[1] Сей Марий — не тот, который разбил тевтонов и кимвров, — был проконсулом в Африке. Сенат осудил его за грабительство в ссылку, но область, им разоренная, никакого более удовлетворения не получила; половина из похищенного у него сокровища описана была в казну, а другая осталась у Мария, и он, будучи в ссылке, жил еще великолепнее, нежели в своей губернии.

Смотри, как званием возницы он гордится!
И кто же? консул сам! кто боле осрамится?
Конечно, в ночь его не сторожит никто;
Но месяц с небеси, но звезды видят то!
Увидим, погоди, и все, коль скоро минет
Срок консульству его; тогда он тогу скинет
И в белый день во всей предстанет славе нам,
Возжами бья коней усталых по бокам;
Тогда он станет сам ходить уже за ними,
И клясться будет он богами не иными,
Как лишь Гипоною,[1] висящей на стене
В конюшне у него! «Он молод, — скажут мне, —
И мы ведь были то ж». Я и не спорю, были!
Но с первой бородой себя переменили.
Срок буйства юных лет быть должен короток.
Согласен я и в том, что слишком тот жесток,
Который молодость ни в чем уж не прощает;
Но консула ль простить? того ль, кто посещает
Все подлые места, какие в Риме есть,
Тогда как молодость, порода, долг и честь
Зовут его на Рейн, на берега Дуная,
В Армению, на Нил, где, лавры пожиная,
Он мог бы заслужить бессмертия венец?
О Цезарь! где найдешь вождей ты наконец?
Ищи, ищи их впредь не в сонме отличенных,
Не в Остии — в местах, разврату посвященных;
Там, там ты их найдешь в толпе бродяг, рабов,
Между Цибелиных неистовых жрецов,
При бубнах на полу простертых и храпящих;
Всяк первый, всякий брат в вертепах сих смердящих.
И всё там общее: стол, чаша и постель;
Забыть самих себя — есть главная их цель.
Когда б ты, Понтикус, узнал, что твой служитель,
Последний самый раб, попал в сию обитель,
Скажи мне, как бы с ним за это поступил?
Конечно бы его надолго заключил
В Луканию или в тосканские темницы![2]

[1] Гипона, богиня, покровительствующая конским заводам.

[2] Это были подземелья, называвшиеся у римлян ergastula; почти каждый римский владелец имел в поместьи своем подземелье, куда он в наказание сажал своих невольников.

Что ж тем, которые бесчестят багряницы?
О век! что и бойцу вменяют в срам и студ,
Тем могут щеголять Воллезиус и Брут!

Кто родом был знатней Цетега, Катилины?
Казалось, не было завидней их судьбины!
Какой просторный был им к славе предков след!
Но что ж? в свирепости и галлов превзошед,
Они острят мечи и раздувают пламя,
Чтоб ночью, развернув мятежническо знамя,
Разрушить, сжечь дома, и храмы, и весь Рим!
Но консул бодрствует, преграды ставит им;
Стрежет их все шаги, сограждан ободряет,
И словом, не мечом, республику спасает.
Кто ж этот, кто отвел от нас враждебный рок?
Марк Туллиус, пришлец арпинский, *новичок!* [1]
Но Рим его почтил не теми именами:
Он лавры Августа всегда кропил слезами,
А Туллия — отцом отечества нарек.
Кто ж, Понтикус, теперь твой знатный человек?
По мне, так лучше будь потомком ты Терсита, [2]
Но с мужеством, с душой Ахилла именита!

<1803>

13. ПОСЛАНИЕ
ОТ АНГЛИЙСКОГО СТИХОТВОРЦА ПОПА К ДОКТОРУ АРБУТНОТУ

Иван! запри ты дверь, защелкни, заложи
И, кто бы ни стучал, отказывай! Скажи,
Что болен я; скажи, что умираю,
Уверь, что умер я! Как спрятаться, не знаю!
Откуда, боже мой, писцов такой содом?
Я вижу весь Парнас, весь сумасшедших дом!
И там и здесь они встречаются толпами,
С бумагою в руках, с горящими глазами,
Всех ловят, всех к себе и тянут и тащат,
И слушай их иль нет, а оду прокричат!

---

[1] Цицерон родился в местечке Арпинум. Римляне называли новичками всех тех, которые вышли в знатность сами по себе, а не по предкам.

[2] Это был безобразный и малодушный князь, упоминаемый в Илиаде.

Какой стеной, какой древ тенью защититься,
Чтоб этот скучный рой не мог ко мне пробиться?
Беспрестанно он копышется везде,
Гоняется за мной на суше, по воде,
Заползывает в грот, встречается в аллее,
Я в церковь, он туда ж! И, что всего мне злее,
Гонимый голодом и стужей с чердака,
Не даст спокойно мне и хлеба съесть куска!

То подлый стиховраль, в котором, без рожденья
Иль смерти богача, нет силы воображенья;
То крупный господин, слагатель мелочей,
То автор в чепчике, то бедный дуралей,
Который, быв лишен чернилицы, в замену
На привязи углем исписывал всю стену;
То молодой судья, наместо чтенья прав,
Кропающий *экспромт,* до полночи не спав;
Все, все — кто возгордясь моими похвалами,
Кто ж недоволен мной — дождят в меня стихами!
И я ж еще другим обязан дать ответ,
Артуру, для чего охоты в детях нет
К судейству! всё стихи мои тому виною!
А Корну, для чего он не прельщает Клою.

О ты, без коего не мог бы мир узнать,
Что станут на меня и за меня писать,
Спаситель дней моих! яви еще услугу
Ты ныне своему признательному другу:
Скажи, как с этой мне разделаться чумой?
Какое зелие глупцов отгонит рой?
И что опасней мне, их дружба или злоба?
Ах, видно, не иметь отрады мне до гроба!
Как друг, боюсь их од, как недруг — клеветы:
Там скука, здесь вражда, и всё страдаешь ты!
Но кто там? — Кодр. — Конец с моею головою!
С стихами, как с ножом, стоит он надо мною.
Вообрази, мой друг, к чему я осужден!
Ты знаешь, что я лгать и льстить не сотворен!
Молчать мне — тяжело; назвать чистосердечно
Писателя в глаза вралем — бесчеловечно;
А слушать вздор его — тотчас изобличусь.
Какая мука! Что ж? взяв кроткий вид, сажусь,

Вздохнувши перед ним с учтивостью зеваю,
В молчании бешусь; но наконец бросаю
Все с автором чины и прямо говорю:
«За вашу вежливость ко мне благодарю.
Вы с дарованием, однако... подержите
Тетрадку вашу с год». — «Что вы сказать хотите?» —
Вскричал привыкший век пером своим чертить,
И по охоте врать, и по охоте жить;
Привыкший рифмовать вседневно с ранним светом,
Покоясь еще под авторским наметом,
Которого мохры, не отлетая прочь,
Целуют нежные Зефиры день и ночь.
«Год целый! — повторил. — Так вам не полюбилась?
Тем большая во мне доверенность родилась:
Возьмите же ее и, что угодно вам,
Прибавьте, выкиньте, на всё согласье дам».
«Могу ль отрады ждать к моей суровой доле, —
Другой мне говорит, — две милости, не боле!
Во-первых, дружества, потом же сто рублей!»
— «А вы кто?» — «Я в числе Дамоновых друзей,
И с просьбой от него: вы с герцогом в союзе;
Склоните взор его Дамона к бедной музе?»
— «Но ваш почтенный друг сто раз меня бранил».
— «Ах! сколько ж он и слез раскаяния лил!
Уважьте просьбу вы, иль гнев его опасный:
Дамон издателем журнала *«Беспристрастный»*,
И к Курлову[1] столу бывает приглашен».
Что за пакетище! еще ли не взбешен?
Посмотрим: «Скудных сил се плод новорожденный.
Трагедия! Пока отец ее смиренный
Во мраке принужден от всех себя таить,
Благоволи отцом сиротки этой быть!»
Опять забота мне! За правду б он озлился;
Я промолчал. С другой он просьбою явился:
Отдать ее играть! Я ожил; с давних лет
Меж скоморохами и мною связи нет!
Трагедии отказ. Писатель раздраженный
Кричит: «Да гибнет весь актеров род презренный!
А я сейчас в печать трагедию отдам:
Пусть судит публика!.. Еще я с просьбой к вам:

[1] Лондонский книгопродавец.

Нельзя ли слова два сказать об ней Линтоту?»
Как! этому срамцу? И он свою щедроту,
Что не взял за печать, всем станет возносить!
«Ну, хоть поправьте же — вам скучно, может быть?
Но я (мне на ухо), что выручу, всё с вами!»
Признаться, тут его обеими руками
Я обернул к дверям, промолвя: «Вот поклон
Тебе за твой дележ! Теперь же... просим вон!»

Мне часто говорят: «Уж быть беде с тобою!
Не тронь ты тех и тех, не схватывайся с тою!»
Какая нужда мне до глупости людей?
Пусть хвастает осел длиной своих ушей;
Что может сделать он? — «Что может он? лягаться!
Таков-то и глупец». — Я колок, может статься;
Но можно ль говорить о глупости слегка?
По крайней мере мне всё сносней дурака.
Неустрашимый Кодр, где есть тебе примеры?
Весь свет против тебя: и ложи, и партеры
Со всех сторон бранят, зевают и свистят,
И шляпы на тебя и яблоки летят.
Ни с места! ты сидишь! Честь Кодру-исполину!
С каким трудом паук мотает паутину!
Смети ее, паук опять начнет мотать:
Равно и рифмача не думай обращать!
Брани его, стыди; а он, доколе дышит,
Пока чернила есть, перо, всё пишет, пишет
И горд своим тканьем, нет нужды, что оно,
Дохни, так улетит, — враль мыслит: мудрено!

Но, впрочем, где ж моя вина перед глупцами?
Лишаю ль их утех моими я стихами?
Кодр меньше ль от того доволен сам собой?
Престал ли надувать Милорд подзобок свой?
Расстался ли Циббер с кокеткой и патроном,
Которому он льстил? Мор меньше ль франмасоном?
Не тот ли же Генлей оратор подлецов?
Не то же ль действие Филипсовых стихов
Над сердцем и умом ученого прелата?
А Сафо? .. «Боже мой! оставишь ли хоть брата?
Не страшно ли вражду навлечь таких людей?»
Страшнее во сто раз иметь из них друзей!

Дурак, бранив меня, смешит, не досаждает,
А лаской своей беситься принуждает:
Один мне том своих творений приписал
И боле ста врагов хвалой своей ругал;
Другой, с пером в руках, моей став рыцарь славы,
Ведет с журналом бой; иной — какие нравы! —
Украв мою тетрадь, печатать отдает;
Иной же ни на час покоя не дает,
Везде передо мной с поклоном: *подпишися!*
А многие еще — теперь, мой друг, дивися,
Как часто с глупостью сходна бывает лесть, —
И безобразие мое мне ставят в честь!
«Ваш нос Овидиев; вы так же кривошея,
Как и Филиппов сын, а с глаз...» — Нельзя умнея!
Довольно уж, друзья! И так в наследство мне
Лишь недостатки их осталися одне.
Не позабудьте же, как слягу от бессилья,
Представить точно так лежавшего Виргилья;
А как умру, сказать, что так же, наконец,
Скончался и Гомер, поэзии отец.

Откуда на меня рок черный накачался?
Почто я с ремеслом безвыгодным спознался?
Какой злой дух меня пером вооружил?
О небо! сколько мной потраченных чернил!
Но льзя ль противиться влечению природы?
От самой люльки я в младенческие годы
Невинным голосом на рифмах лепетал.
О, возраст счастливый, в котором я сбирал
Цветы, не думав быть уколот их шипами,
И удовольствия не вспоминал с слезами!
Но, стихотворствуя, по крайней мере я
Не отравлял минут незлобного житья
Родителей моих. Моя младая муза,
Со добродетелью ища всегда союза,
Наставила меня ее лишь только петь,
В бедах и горестях терпение иметь,
Питать признательность, ничем не загладиму,
К тебе, о нежный друг! за жизнь, тобой храниму.

Но скажут: для чего ж в печать он отдает?
Ах, с счастием моим кто в слабость не впадет?

Вальс, тонкий сей знаток; Гренвиль, сей ум
толь нежный,
Сказали мне: пиши, питомец муз надежный!
Тальбот, Соммерс меня не презрили внимать
И важный Аттербур улыбкой ободрять;
Великодушный Гарт был мой путеводитель;
Конгрев меня хвалил, Свифт не был мой хулитель,
И Болингброк, сей муж, достойный вечных хвал,
Друг старца Драйдена, с восторгом обнимал
В отважном мальчике грядущего поэта.
Цвети же, мой венок, ты бесконечны лета!
Я счастлив! я к тебе склонял бессмертных взгляд;
По ним и мой талант и сердце оценят!
Что ж после мне Бурнет и все ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны?
Тогда еще не смел порок я порицать,
А только находил утеху рисовать
Цветочки, ручеек, журчащий средь долины;
Обидны ли кому столь милые картины?
Однако ж и тогда Гильдон меня ругал.
Увы! он голоден, бог с ним! — я отвечал.

За критику моих стихов я не сержуся:
Над вздорною смеюсь, от правильной учуся.
Но кто наш Аристарх? кто важные судьи,
Которых трепетать должны стихи мои?
Обильные творцы бесплодных примечаний,
Уставщики кавык, всех строчных препинаний.
Терпеньем, памятью, они богаты всем,
Окроме разума и вкуса; между тем
И мертвым и живым суд грозный изрекают,
Сиянием чужим свой мрак рассеивают,
И съединением безвестных сих имен
С славнейшими дойдут до будущих времен;
Так в амбре червяков мы видим и солому.
Но, кроме критиков, уйду ли я от грому
Писателей, и чем себя от них спасать?
И дельно! для чего их цену открывать?
Но Тирса я хвалил, а недоволен мною
За то, что слишком Тирс доволен сам собою.
Хваля писателя, потребно нам открыть

Не то, каков он есть, но чем он хочет быть.
Увядшия красы портрет всегда несходен;
Ее и лоб и глаз, а говорит: негоден.
Один корячится, надувшись, дичь несет
И то высокостью поэзии зовет;
Другой рисовкою быть хочет отличаем;
Иной метафорой, и ввек непонимаем;
А этот, навсегда рассоряся с стыдом,
До самой старости живет чужим добром;
В год собственных стихов напишет нам с десяток,
И то чтоб показать в таланте недостаток;
Обновы музе шьет из разных лоскутков,
Щечится, тратить скуп, а всё из бедняков!
Скажи же, что они удачно выбирают, —
Какой поднимут вопль! Вот как певцов ругают!
Все в голос закричат: да и чего хотим?
И самый Аддисон прострелен будет им! —
Пускай же мрут они в безвестности презренной!

Но если я скажу, что автор есть почтенной:
Исполнен разума, умеющий равно
Как мыслить, так и жить, которому дано
В словах приятным быть, в творениях высоким
И ловкость съединять с учением глубоким;
Он к чести щекотлив, в изящное влюблен,
Рожден быть счастливым, для славы сотворен;
Но думает, как все властители Евфрата,
Что крепок скиптр в руках удавкой только брата;
Надмен к соперникам, но в сердце к ним ревнив;
Бранит с учтивостью, коварствует, хвалив;
Улыбкою грозит, лаская ненавидит;
Украдкою язвит, но явно не обидит,
Наукам должен всем, а гонит их в другом,
На Пинде он министр, в Виндзоре остряком;
Считает критику проступком уголовным,
Вертит и властвует народом стихословным
В сенатике своем, как друг его *Катон*...[1]
Смеетесь? — плачьте же: сей автор... Аддисон!
Ах! кто не поражен сим жалким сочетаньем
Столь малыя души с столь редким дарованьем!

---

[1] «Смерть Катона», трагедия описываемого здесь автора.

На что притворствовать? Я сам самолюбив
И обществу скучать стихами не ленив!
Конечно, и мои различные творенья,
В листах, и мокрые, лишь только из тисненья,
Гуляют в Лондоне у дрягилей в руках,
И пышный их титул приклеен на стенах
По многим улицам; но не боюсь улики,
Чтоб, в глупой гордости, хотел я сан владыки
Присвоить сам собой над пишущей толпой,
Чтоб новые стихи сбирал по мостовой.
Они родятся, мрут, а я об них не знаю;
На лица эпиграмм нигде не распускаю
И тайно ничего в печать не отдаю;
Ни желчи на дела правительства не лью
В кофейных, праздности народной посвященных;
Ни жребья не решу пиес новорожденных,
В партерах заводя и в ложах заговор;
И проза, и стихи, и самых муз собор —
Всё мне наскучило, и всё я уступаю
От сердца Бардусу. — Но, кстати, вспоминаю,
Как Феб средь чистых дев сияет с двух холмов,
Дебелый Меценат сидит в кругу льстецов
И услаждается курения их паром;
Святилище его, украшенно Пиндаром
С отбитой головой, отверсто лишь тому,
Кто пишет вопреки и сердцу и уму;
И каждый враль в него вступает без препоны.
От вкуса Бардуса там все берут законы;
И чтобы раз хотя попасть к его столу,
Иной по месяцу поет ему хвалу.
Таков-то Бардус наш! Однако ж кто поверит,
Чтоб тот, который все дары так верно мерит,
Так ловит, не нашел их... в Драйдене одном?
Но знатный господин с ученьем и умом
Не завтра, так вперед вину свою познает:
Он голодом морит, по-царски погребает.

Вельможи! славьтеся хвалами рифмачей;
Дарите щедро тех, кто вас еще тупей;
Любите подлость, лесть, невежество Циббера,
Кричите, что ему не видано примера;
Пускай он будет *ваш* любимец и герой,

А добрый, милый Ге пусть остается *мой!*
Дай бог не знать и мне, как он, порабощенья!
О, если бы я мог, без рабства, обольщенья,
Почтенным быть всегда в почтенном ремесле,
Считать весь мир друзей в умеренном числе;
Для утешенья их употреблять все силы,
Читать, что нравится, а видеть, кто мне милы;
На знатного глупца с презрением смотреть
И с знатным иногда свидания иметь!
Чего мне боле? Я к большим делам несроден;
Спокоен, без долгов, достаток мой свободен;
Читаю Отче наш, пишу и по трудах
Я, слава богу, сплю, не бредя о стихах;
И жив иль нет Деннис, не думаю нимало.

«Не написали ль вы что нового?» — бывало,
Жужжат мне. Боже мой! как будто для письма
Я только и рожден! в вас, право, нет ума!
Ужель я не могу чем лучшим заниматься?
Пристроить сироту, о друге постараться!
«Вы были с Свифтом? Он мне встретился сейчас;
Уж, верно, что-нибудь готовится у вас?»
Божусь, что ничего; болтун и сам божится:
«Не верю!.. но ведь Поп в стихах не утаится!»
И первый злой пасквиль, достойный быть в огне,
Чрез два дни мой знаток приписывает мне!
Увы! и самый дар Виргилия несносен,
Когда, невинности смиренной вредоносен,
Злословит доброго и вводит в краску дев.
Пусть грянет на меня, не медля, божий гнев,
Коль скоро уязвлю, в словах или на лире,
Хотя одиножды честного мужа в мире!
Но барин с рабскою и низкою душой,
Скрывающий ее под лентою цветной;
Но злой, готовящий ков пагубный, но скрытный
Таланту, красоте невинной, беззащитной;
Но Шаль, который всем, тщеславяся, твердит,
Что он мой меценат, что я его пиит,
Везде мои стихи читает и возносит;
Когда же кто меня от зависти поносит,
Тогда он промолчит, чтоб не нажить врагов;
Который на часу и ласков и суров,

И ежели не зол, так враль, всегда готовой
И тайну разболтать для весточки лишь новой,
И, злой давая толк мной выданным стихам,
Сказать: *«Он метил в вас»* — придворным господам.
Вот, вот мои враги! я вечный их гонитель,
Я бич, я ужас злых, но добрых защититель.

Страшись меня, Генлей! Как! этот часовой
Минутный червячок под пылью золотой?
Достойна ль бабочка быть в море потопленна?
Так раздави ж ногой ты червяка презренна,
Который, возгордясь, что ночью светит он,
Везде ползет, язвит и смрадом гонит вон;
Все в обществе цветы дыханьем иссушает.
С утра до вечера Генлей перелетает
От Пинда к Пафосу, как ветреный Зефир;
Но хладен близ красот, но глух к согласью лир.
Так выученный пес пред дичию вертится,
Теребит, но вонзить зубов в нее боится.
Вглядись в него: я бьюсь с тобою об заклад,
Какого рода он, не скажешь мне впопад!
Мужчина, женщина ль? не то и не другое,
Едва ль и человек, а так... что-то живое,
Которое всегда клевещет иль поет,
Иль свищет, иль хулу и на творца несет;
Пременчивая тварь: в кокетстве хуже дамы,
То философствует, то мечет эпиграммы,
Пред женщинами враль, пред государем льстец,
Сердечкин и нахал, и пышен, и подлец.
Таков прекрасныя был Евы искуситель,
Невинности ея и рая погубитель:
Взор ангела имел сей ядовитый змей,
Но даже красотой он ужасал своей;
Для видов гордости приветливым казался
И для тщеславия смиренно пресмыкался.

Но кто по чувствиям сердечным говорит,
Приветлив, а не подл, не горд, а сановит,
И знаем без чинов, без знатности и злата? —
Поэт: он ни за что не будет друг разврата.
Всегда велик душой и мыслями высок,
Ласкать самим царям считает за порок:

Он добродетели талант свой посвящает
И в самых вымыслах приятно поучает:
Стыдится быть врагом совместников своих,
Талантом лишь одним смиряет дерзость их;
С презрением глядишь на ненависть бессильну,
На мщенье критики, на злость, вредом обильну,
На промах иногда коварства и хулы,
На ложную приязнь и глупые хвалы.
Пускай сто раз его ругают и поносят
И глупости других на счет его относят;
Пусть безобразит кто, в глаза его не знав,
В эстампе вид его иль в сочиненьи нрав,
И если не стихи, порочит их уроки;
Пускай не престают сплетать хулы жестоки
На прах его отца, на изгнанных друзей;
Пусть даже, наконец, доводят до ушей
И самого царя шишикалы придворны
И толки злых об нем и небылицы вздорны;
Пусть ввек томят его в плачевнейшей судьбе, —
О добродетель! он не изменит тебе;
Он страждет за тебя, тобой и утешаем.
Но знатный мной браним, но бедный презираем! —
Да! подлый человек, кто б ни был он такой,
Есть подл в моих глазах и ненавидим мной:
Копейку ль он украл иль близко миллиона,
Наемный ли писец иль продавец закона,
Под митрою ли он иль просто в клобуке,
За красным ли сукном сидит, иль в шишаке,
На колеснице ли торжественной гордится,
Иль по икру в грязи по мостовой тащится,
Пред троном иль с доской на площади стоит.

Однако ж этот бич, который всех страшит,
Готов на самого Денниса в том сослаться,
Что, право, он не столь ужасен, может статься;
Признался б и Деннис, когда бы совесть знал,
Что даже и враля он бедность облегчал.
Кричат: «Поп мстителен, Поп в гордости примером!»
А он столь горд, что пил с Тибальдом и Циббером!
А он столь мстителен, что и за целый том
Ругательств, на него написанных Попом,
Ни капли не хотел чернил терять напрасно!

В угодность милой, *Шаль* бранит его всечасно;
А он в отмщение желает всей душой,
Чтоб эта милая была его женой.
Но пусть Поп виноват и стоит осужденья:
За что ж бранить его виновников рожденья?
Кто смел обидчиком отца его назвать?
Злословила ль об ком его смиренна мать?
Не троньте ж, подлецы, вы род его почтенной:
Он будет знаменит, доколе во вселенной
Воздастся должная, правдивая хвала
За добрые стихи и добрые дела.

Родители его друг с другом были сходны:
И родом и душой не меньше благородны;
А предки их, любовь к отечеству храня,
Отваживали жизнь средь бранного огня.
Но что достаток их? — Не мздой приобретенный;
Законный: сей отец, мной вечно незабвенный,
Наследник без обид, без спеси дворянин,
Супруг без ревности и мирный гражданин,
Шел тихо по пути незлобивого века;
Он в суд ни одного не позвал человека
И клятвой ложных прав нигде не утверждал;
Он много о своих познаньях не мечтал;
Витийство всё его в том только состояло,
Что сердце завсегда словами управляло;
Учтив по доброте, от опытов учен,
Здоров от трезвости, трудами укреплен,
Он знаком старости имел одни седины.
Отец мой долго ждал часа своей кончины;
Но скоро, не томясь, дух богу возвратил,
Как будто сладким сном при вечере почил.
Создатель! дай его признательному сыну
Подобно житие, подобную кончину,
То в зависть приведет и царских он детей.

Довольствуйся, мой друг, беспечностью своей,
А мне, лишенному спокойства невозвратно,
Мне с меланхолией беседовать приятно.
О! если бы могла сыновняя любовь
Хотя у матери согреть остылу кровь;

Прибавить жизни ей и на краю могилы
Поддерживать ее скудеющие силы,
Покоить, утешать до смертного часа
И отдалить ее полет на небеса!

1798

14. ЧУЖОЙ ТОЛК

«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием всё оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!
Ужели выдал Феб свой именной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру и их собратьи равным
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь?.. Вчера случилось мне сличать
И их и нашу песнь: в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо, как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во́ сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парою стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж, и в правилах: сперва прочтешь вступленье,
Тут предложение, а там и заключенье —
Точь-в-точь как говорят учены по церквам!
Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;

Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда, — короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник иль на что подобное тому:
Тут на́йдешь то, чего б нехитрому уму
Не выдумать и ввек: *зари багряны персты,*
И райский крин, и Феб, и небеса отверсты!
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит,
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!»

Так дедовских времен с любезной простотою
Вчера один старик беседовал со мною.
Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно;
Но, к счастью — ежели назвать то счастьем можно,
Чтоб слышать и себе ужасный приговор, —
Какой-то Аристарх с ним начал разговор.

«На это, — он сказал, — есть многие причины;
Не обещаюсь их открыть и половины,
А некоторы вам охотно объявлю.
Я сам язык богов, поэзию, люблю,
И нашей, как и вы, утешен так же мало;
Однако ж здесь, в Москве, толкался я, бывало,
Меж наших Пиндаров и всех их замечал:
Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,
Асессор, офицер, какой-нибудь подьячий
Иль из кунсткамеры антик, в пыли ходячий,
Уродов страж, — народ всё нужный, должностной;
Так часто я видал, что истинно иной
В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.
Лишь только мысль к нему счастливая придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону, [1]
А тут и ночь... Когда ж заехать к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет, — уж билет:
На пробу в пять часов... Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.

[1] Бывший содержатель в Петербурге вольных маскерадов.

До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю;[1]
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простись!

К тому ж, у древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? О! он — он брал не с высока:
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала:
«Он славен, чрез него и я бессмертна стала!»
А наших многих цель — награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другова,
Кроме придворного подчас месяцеслова,
Иль похвала своих приятелей; а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.
Судя ж, сколь разные и тех и наших виды,
Наверно льзя сказать, не делая обиды
Ретивым господам, питомцам русских муз,
Что должен быть у них и особливый вкус
И в сочинении лирической поэмы
Другие способы, особые приемы;
Какие же они, сказать вам не могу,
А только объявлю — и, право, не солгу, —
Как думал о стихах один стихотворитель,
Которого трудов «Меркурий» наш, и «Зритель»,[2]
И книжный магазин, и лавочки полны.
«Мы с рифмами на свет, — он мыслил, — рождены;
Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться
На взморье в хижину, как Демосфен, забиться,
Читать да думать всё, и то, что вздумал сам,
Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
Природа делает певца, а не ученье;
Он не учась учен, как придет в восхищенье;
Науки будут всё науки, а не дар;
Потребный же запас — отвага, рифмы, жар».
И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков разгромил
Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил,

[1] Петербургский портной.
[2] Петербургские журналы.

Он тотчас за перо и разом вывел: ода!
Потом в один присест: *такого дня и года!*
«Тут как? .. *Пою!* .. Иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: *Даждь мне, Феб!* .. Иль так: *Не ты одна*
Попала под пяту, о чалмоносна Порта!
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме черта?
Нет, нет! нехорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу».
Пошел и на пути так в мыслях рассуждает:
«Начало никогда певцов не устрашает;
Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
С Румянцевым его, иль с Грейгом, иль с Орловым?
Как жаль, что древних я не читывал! а с новым —
Неловко что-то всё. Да просто напишу:
Ликуй, Герой! ликуй, Герой ты! — возглашу.
Изрядно! Тут же что! Тут надобен восторг!
Скажу: *Кто завесу мне вечности расторг?*
Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света
И то, и то... А там? .. известно: *многи лета!*
Брависсимо! и план и мысли, всё уж есть!
Да здравствует поэт! осталося присесть,
Да только написать, да и печатать смело!»
Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело!
И оду уж его тисненью предают,
И в оде уж его нам ваксу продают!
Вот как пиндарил он, и все, ему подобны,
Едва ли вывески надписывать способны!
Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им рек:
«Кто в громкий славою Екатеринин век
Хвалой ему сердец других не восхищает
И лиры сладкою слезой не орошает,
Тот брось ее, разбей, и знай: он не поэт!»

Да ведает же всяк по одам мой клеврет,
Как дерзостный язык бесславил нас, ничтожил,
Как лирикой ценил! Воспрянем! Марсий ожил!
Товарищи! к столу, за перья! отомстим,
Надуемся, напрем, ударим, поразим!
Напишем на него предлинную сатиру
И оправдаем тем российску громку лиру.
1794

15. К Г. Р. ДЕРЖАВИНУ[1]

Бард безымянный! тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет.
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
　　В жилище сует.

Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где враны глушат соловьев;
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
　　Близ светлых ручьев.

Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и вакховых жриц,[2]
Скачущих с воплем и плеском в отваге
　　Вкруг древних гробниц.

Гул их *эвое*[3] несется вдоль рощи,
Гонит пернатых скрываться в кустах;
Даже далече наводит средь нощи
　　На путника страх.

[1] Это был ответ на стихи, присланные в «Вестник Европы». Почтенный автор их, не подписавший своего имени, думал, что я в деревне, и пенял мне за мою леность.

[2] Здесь описаны цыгане и цыганки, которые во всё лето промышляют в Марьиной роще песнями и пляскою.

[3] Эвое, или эван, был употребительный припев вакханок при отправлении их оргий. Это примечание для детей, не знающих еще мифологии.

О песнопевец! один ты способен
Петь и под шумом сердитых валов,
Как и при ниве, — себе лишь подобен —
Языком богов!

1805

16. К Г. Р. ДЕРЖАВИНУ
(ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ ПЕРВОЙ СУПРУГИ ЕГО)

Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой,
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Твою ли вижу я на кипарисе лиру,
И твой ли глас зовет бесценную Плениру?
Зовет ее и вдруг пускает вопль и стон.
О, участь горькая! о, тягостный урон!
Расстался ты с своей возлюбленною вечно!
Прости, сказал ей вслед, веселие сердечно!
Рыдай, певец, рыдай! тебя ли утешать?
Ах, нет! я сам с тобой душой хочу стенать.
Достойна вечных слез столь милая супруга:
Три люстра видел ты вернейшего в ней друга;
Три люстра ты ее прельщался красотой,
Умом, и чувствами, и ангельской душой.
Сколь часто, быв ее деяниям свидетель,
В восторге мыслил я: «Краса и добродетель!
Ах, если бы всегда встречались вместе нам!»
Сколь часто заставал сиротку и вдовицу,
Лобзавших щедрую Пленирину десницу!
Сколь часто в тишине, по зимним вечерам,
Приятною ее беседой научался,
Дышал невинностью и лучшим возвращался —
Довольней и добрей — в смиренный домик мой!
Бывало, ясною сопутствуем луной,
И в мыслях проходя все наши разговоры,
К жилищу твоему еще стремил я взоры;
Стремил и с чувствием сердечным восклицал:
Блажен ты, добрый муж! ты ангела снискал!
И где ж сей ангел днесь? и где твое блаженство?
Увы! всё в мире сем мечта, несовершенство!
Твой ангел к своему началу воспарил,

Къ Гаврiилу Романовичу Державину

по случаю кончины первой супруги его.

Державинъ! ты ль сосудъ печальный, но драгой,
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Того ли вижу я на кипарисѣ лиру,
И той ли гласъ зоветъ безцѣнную Плениру
Зоветъ ее, и вдругъ пускаетъ вопль и стонъ —
О участь горькая! о жалостный урокъ!
Разстался ты съ своей возлюбленною вѣчно!
Прости, спасалъ её въ слезъ, веселiе сердечно!
Рыдай, Пѣвецъ, рыдай! тебѣ ли утѣшать?
Ахъ, нѣтъ! я самъ ~~хочу~~ съ тобой душой хочу стенать.

Достойна вѣчныхъ слезъ столь милая супруга!
Три люстра видѣлъ ты вѣрнѣйшаго въ ней друга
Три люстра ты ея прельщался красотой,
Умомъ и чувствами и ангельской душой;
Столь часто былъ ея утѣшенъ сладостью.
Въ несчастьи видѣлъ я и крова и доброхотель!
Ахъ! если бъ всегда встрѣчалъ несчастный полъ!
Столь часто застигалъ сироту и вдовицу,
Лобызающихъ щедрую Плѣнирину десницу!

И рок печаль и плач в храм счастья поселил!
Теперь ты во своих чертогах как в пустыне,
И в людстве сирота! Уж не с кем наедине
И скуку, и печаль, и радость разделить;
К кому сердечные в грудь таинства пролить?
Кто отягченный ум заботами, трудами
Утешит, облегчит нежнейшими словами?
Кто первый поспешит дать искренний совет?
Кто первый по тебе от сердца воздохнет?
Кто первый ободрит бессмертной лиры звуки
И прежде всех прострет на сретение руки?
К кому теперь, к кому в объятия лететь?
Что делать, что начать?.. Крушиться и терпеть!
Конечно, так судьбы всемощны предписали,
Чтоб счастье и напасть познал ты, сын печали!
Но воззрим к вышнему! — Кто манием очес
Волнует океан, колеблет свод небес
И солнцы и миры творит и разрушает —
Тот страждущих целит, упадших поднимает.

Осень 1794

17. К ГРАФУ Н. П. РУМЯНЦЕВУ

Что может более порадовать певца,
    Как в лестный дар принять от сына
Почтенный лик его бессмертного отца!
    Мне не дозволила судьбина
    Быть подвигов его певцом.
В то время, как метал он молнию и гром,
    Я бедный ратник был, не боле,
И видел не Парнас, но ратное лишь поле;
Я только пению Петрова соплескал,
    Который звучною трубою,
    Сквозь мрачны веки, путь герою
        В храм славы отверзал.
Но мог ли б я и днесь быть чести сей достоин?
Довольно и того мне жребия в удел,
    Что рядовый на Пинде воин
Давно желанный лик героя приобрел!
Украшу им свою смиренную обитель,

И, глядя на него, я в мыслях буду зритель
Поверженных градов России ко стопам,
Дрожащих агарян, окованных сарматов
И гибели по всем местам
Надменных супостатов.
А если от такой картины утомлюсь,
Тогда я к сыну обращусь,
И тотчас грустну мысль рассеет луч спокойства,
Забуду вмиг следы печальные геройства
И, сладостной пленен мечтой,
Увижу в райском восхищенье
Всеобще дружество, любезность, просвещенье,
Весь мир одной семьей и всюду век златой.

1798

18. ПОСЛАНИЕ К Н. М. КАРАМЗИНУ

Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых
От музы моея! Ни фавны рощ дубовых,
Ни нимфы диких гор и бархатных лугов,
Ни боги светлых рек и тихих ручейков
Не слышали еще им незнакомой лиры.
Под мраком грозных туч играют ли зефиры?
Поет ли зяблица, как бури заревут
И с гибкого куста гнездо ее сорвут?
До песней ли и мне под гнетом рока злова?
Еще дымится пепл отеческого крова,
Еще смущенна мысль всё бродит в тех местах,
Недавно где земле навеки предан прах,
Прах старца,[1] для меня толико драгоценна!

Каких же песней ждать от сердца огорченна?
Печальных. Но почто мне грациям скучать,
Когда твой нежный глас их будет услаждать?
Пускай они твое Послание[2] читают
И розовый венок любимцу соплетают;

---

[1] Автор лишился тогда родного своего дяди, П. А. Б<екетова>.
[2] Послание к женщинам.

Пускай Херасков, муж, от детства чтимый мной,
То в мир фантазии пусть кажет за собой,
То к райским красотам на небо восхищает,
То на цветущий брег Пенея провождает
И, даже в зиму дней умом еще цветя,
Манит на лирный глас крылатое дитя
И с кротостью влечет, нежнейших чувств владетель,
Любить поэзию, себя и добродетель.
Пускай Державин всех в восторг приводит дух;
Пускай младый герой, к нему склоняя слух,
Пылает и дрожит, и ищет алчным взглядом
Копья, чтобы лететь потрясть землей и адом.

Притворства и в стихах казать я не хочу:
Поется мне — пою; невесело — молчу
И слушаю других иль, взявши посох в руку,
В полях и по горам рассеиваю скуку;
Разнообразности природы там дивлюсь
И сколки слабые с нее снимать учусь.
Как волжанин, люблю близ вод искать прохлады;
Люблю с угрюмых скал гремящи водопады;
Люблю и озера спокойный, гладкий вид,
Когда его стекло вечерний луч златит.
А временем идя — куда, и сам не зная —
Чрез холмы, чрез леса, не видя сеням края
Под сводом зелени, вдруг на свет выхожу
И новую для глаз картину нахожу:
Открытые поля под золотою нивой!
Везде блестят серпы в руке трудолюбивой!
Какой приятный шум! какая пестрота!
Здесь взрослый, тут старик, с ним рядом красота;
Кто жнет, кто вяжет сноп, кто подбирает класы;
А дети между тем, амуры светловласы,
Украдкой по снопу, играючи, берут,
Кряхтят под ношею, друг друга ею прут,
Валяются, встают и, усмотря цветочек,
Все врознь к нему летят, как майский ветерочек.
Ах! я и сам готов за ними вслед лететь!
Уже недолго мне и на цветы смотреть:
Уже я с каждым днем чего-нибудь лишаюсь.
Иду под тень кустов — ступлю и возвращаюсь
С поникшей головой: там нет уж соловья!

Сегодня у пруда остановился я:
И ласточки над ним кружилися, вилися,
И серы облака по небесам неслися.
Ах! скоро, милый друг, неистовый Эол
Помчится на крылах шумящих с гор на дол,
Завоет, закрутит, кусты к земле приклонит,
Свинцовые валы на озеро нагонит,
В пещерах заревет и засвистит в дуплах
И с воздухом смесит и листвия и прах:
День, два — и, может быть, цветочка не застану;
День, два — и, может быть... как знать?..
и сам увяну!

1795

19. СТАНСЫ К Н. М. КАРАМЗИНУ

«Прочь от нас, Катон, Сенека,
Прочь, угрюмый Эпиктет!
Без утех для человека
Пуст, несносен был бы свет.

Младость дважды не бывает.
Счастлив тот, который в ней
Путь цветами устилает,
Не предвидя грозных дней».

Так мою настроя лиру
И призвав одну из муз,
Дружбу, сердце и Темиру,
С ними пел я мой союз.

Пел, не думая о славе,
Не искав ничьих похвал:
Лишь друзей моих к забаве
Лиру я с стены снимал.

Всё в глазах моих играло,
Я в волшебной был стране:
Солнце ярче луч бросало
И казалось Фебом мне.

В роще ль голос разольется
Сладкопевца соловья,
Сердце вмиг во мне забьется —
Филомелу вспомню я.

С нею вместе унываю
И доволен, что грущу! ..
Но почто я вспоминаю
То, чего уж не сыщу?

Утро дней моих затмилось
И опять не расцветет;
Сердце с счастием простилось
И мечтой весенних лет.

Резвый нежных муз питомец,
Друг и смехов и утех,
Ныне им как незнакомец
И собой пугает всех.

Осужден к несносной скуке
Грусть в самом себе таить —
Ах! и с другом быть в разлуке,
И от дружбы слезы лить! ..

О любимый сын природы,
Нежный, милый наш певец!
Скоро ль отческие воды
Нас увидят наконец?

Скоро ль мы на Волгу кинем
Радостный, сыновний взор,
Всех родных своих обнимем
И составим братский хор?

С нами то же, что со цветом:
Был — и нет его чрез день.
Ах, уклонимся ж хоть летом [1]
Древ домашних мы под тень.

---

[1] Т. е. в лето жизни нашей.

Скажем им: «Древа! примите
Вы усталых пришлецов
И с приязнью обнимите
В них друзей и земляков!

Было время, что играли
Здесь под тенью мы густой —
Вы цветете... мы увяли!
Дайте старости покой».

1793

20. К А. Г. С⟨ЕВЕРИНО⟩Й

Какое зрелище для нежныя души!
О Грёз! дай кисть свою иль сам ты напиши!
В румяный майский день, при солнечном восходе,
Тогда, как всё цветет и нежится в природе,
Всё нектар пьет любви, весной своей гордясь, —
Климена скромная, на люльку опустясь,
    Ни молвить, ни дышать не смея,
Любуется плодом бесценным Гименея,
Любуется его улыбкою сквозь сон
И чуть не говорит: «Как мил... и точно он!..»
Итак, Климена, ты теперь уже спокойна:
Ты счастлива, ты мать и ею быть достойна!
    Уже любимых ты певцов,
Делиля, Колардо с Торкватом, забываешь
И в скромную свою диванну мудрецов,
Бюффона, и Руссо, и Локка, призываешь;
И даже в этот час, как Терпсихора всех
Зовет чрез Фауля [1] в свой храм забав, утех,
Как пудры облака покрыли туалеты,
Как всё в движении: флер, шляпки и корсеты,
Картоны, ящики, мужья и сундуки, —
Сколь мысли у тебя от шума далеки!
Сидишь, облокотясь, над книгою смиренно,
Сидишь, и всё твое понятие вперенно
В систему, в правила британского творца,
Который только сух для одного глупца.

[1] Бывший тогда содержатель английских балов.

Вся мысль и всё твое желание, чтоб сына
Соделать звания достойным гражданина.
О, подвиг сладостный, священный искони!
Климена! увенчай ты им прекрасны дни.
Кто более тебя во способах обилен?
Не матери ль одной достоин сей предмет?
Глас матери всегда красноречив и силен.
Так, умница! храни, лелей ты нежный цвет
Под собственной рукою
И удобряй его учения росою.
Пекись, чтоб излиял он райский аромат,
Когда желанный день созрения настанет;
Да усладит твое и сердце он и взгляд
И в осень дней твоих весну твою вспомянет!
А ты, дитя, залог дражайший двух сердец!
Живи и усугубь их счастье наконец:
Будь честен, будь умен, чувствителен, незлобен,
Приятен, мил, — во всем будь маменьке подобен!

1791

21. К ⟨А. Г. СЕВЕРИНОЙ⟩ НА ВЫЗОВ ЕЕ НАПИСАТЬ СТИХИ

Ах, когда бы в древни веки
Я с тобой, Филлида, жил!
Например, мы были б греки;
Как бы я тебя хвалил!

Под румяным, ясным небом
В благовонии цветов,
Оживленных кротким Фебом,
Между миртовых кустов —

Посреди тебя с супругом
Сел бы твой Анакреон,
И, своим упрошен другом,
Стал бы лиру строить он.

Вы б и гости замолчали,
Чтоб идеи мне скопить,

И малютки б перестали
Пестру бабочку ловить.

Как в саду твоем порхала
В мае пчелка по цветам,
Так рука б моя летала
Резвой лиры по струнам.

Там бы каждый мне цветочек
К пенью мысли подавал:
Милый, скромный василечек
Твой бы нрав изображал.

Я твою бы миловидность
И стыдливость применил
К нежной розе; а невинность
С белой лилией сравнил.

Ты б растрогалась, вскочила —
Я уверен точно в том —
И певца бы наградила
Поцелуем и венком.

Но, увы! мой ум мечтает;
Сколь далек я от Афин!
Здесь не Флора обитает,
А Мороз, Бореев сын!

<1794>

22. К Ф. М. ДУБЯНСКОМУ, СОЧИНИВШЕМУ МУЗЫКУ НА ПЕСНЮ „ГОЛУБОК“

Нежный ученик Орфея!
Сколь меня ты одолжил!
Ты, смычком его владея,
Голубка мне возвратил.

Бедный сизый Голубочек
Долго всеми был забвен;
Лишь друзей моих веночек
Голубку был посвящен.

Вдруг навеяли зефиры,
Где лежал он, на лужок,
Глас твоей волшебной лиры —
И воскреснул Голубок!

Он вспорхнул и очутился
Милой грации в руках:
На клавир ее спустился
И запрыгал на струнах.

Я глядел и сомневался,
Точно ль он передо мной:
Мне пригожей показался
И милей Голубчик мой!

1793

23

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;

Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

<1792>

24

Видел славный я дворец
Нашей матушки — царицы;
Видел я ее венец
И златые колесницы.

«Всё прекрасно!» — я сказал
И в шалаш мой путь направил:
Там меня мой ангел ждал,
Там я Лизоньку оставил.

Лиза, рай всех чувств моих!
Мы не знатны, не велики;
Но в объятиях твоих
Меньше ль счастлив я владыки?

Царь один веселий час
Миллионом покупает;
А природа их для нас
Вечно даром расточает.

Пусть певцы не будут плесть
Мне похвал кудрявым складом:
Ах! сравню ли я их лесть
Милой Лизы с нежным взглядом?

Эрмитаж мой — огород,
Скипетр — посох, а Лизета —
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света!

<*1794*>

25

Что с тобою, ангел, стало?
Не слыхать твоих речей;
Всё вздыхаешь! а бывало,
Ты поешь как соловей.

«С милым пела, говорила,
А без милого грущу;
Поневоле приуныла:
Где я милого сыщу?»

Разве милого другого
Не найдешь из пастушков?
Выбирай себе любого,
Всяк тебя любить готов.

«Хоть царевич мной прельстится,
Всё я буду горевать!
Сердце с сердцем подружится —
Уж не властно выбирать».

<*1796*>

26

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! [1] припевай.

---

[1] Известный припев одной из цыганских песен.

Мил, любезен василечек —
Рви, доколе он цветет;
Солнце зайдет, и цветочек...
Ах! увянет, опадет!

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припевай.

Соловей не умолкает,
Свищет с утра до утра;
Другу милому, он знает,
Петь одна в году пора.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припевай.

Кто, быв молод, не смеялся,
Не плясал и не певал,
Тот ничем не наслаждался;
В жизни не жил, а дышал.

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки в боки подпирай!
Мчись в веселии, жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припевай.

<1795>

27

Всё ли, милая пастушка,
Всё ли бабочкой порхать?
Узы сердца не игрушка:
Тяжело их разрывать!

Ах! по мне и вчуже больно
Видеть горесть пастушка!

Любишь милое невольно!
Любишь прямо — не слегка!

Будь в любовной ты науке
Ученицею моей:
Я с Филлидой и в разлуке,
А она мне всех милей.

<1805>

28

Ах! когда б я прежде знала,
Что любовь родит беды,
Веселясь бы не встречала
Полуночныя звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой, злой моей судьбе
Я слила б из воска яра[1]
Легки крылышки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;
Возрыдала б, возопила:
Добры люди! как мне быть?
Я неверного любила...
Научите не любить.

<1792>

---

[1] Эта песня есть точное подражание старинной простонародной песне.

Всех цветочков боле
Розу я любил;
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее,
Всё как вновь цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь:
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красы порок!

<1795>

30

По чести, от тебя не можно глаз отвесть;
Но что к тебе влечет?.. загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу... а приятна!
Ты б лучше быть могла; но лучше так, как есть.

<1795>

31

Задумчива ли ты, смеешься иль поешь,
О Хлоя милая! ты всем меня прельщаешь:
Часам ты крылья придаешь,
А у любви их похищаешь.

<1795>

32. К АМУРУ

Кто б ни был ты, пади пред ним!
Был, есть иль должен быть владыкой он твоим.

<1803>

33. К ПОРТРЕТУ М. М. ХЕРАСКОВА

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют;
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн [1] щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.

<1803>

34. ⟨К ПОРТРЕТУ⟩ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Державин в сих чертах блистает;
Потребно ли здесь больше слов
Для тех, которых восхищает
Честь, правда и язык богов?

<1803>

35. ⟨К ПОРТРЕТУ⟩ М. Н. МУРАВЬЕВА

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велит труды его читать.

<1803>

36. ⟨К ПОРТРЕТУ⟩ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА

Целуйте вы сей лик,
О матери семейств, и вы, отроковицы!
Не страшен боле враг спокойствию столицы:
Суворова стоит на страже ученик. [2]

1812

---

[1] Две эпические его поэмы.
[2] В Отечественную войну 1812 года граф Витгенштейн стоял с корпусом между Ригой и Псковом.

37. ⟨К ПОРТРЕТУ Н. М. КАРАМЗИНА⟩

Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом
Грозит тебе он пленом:
В Аркадии б он был счастливым пастушком,
В Афинах — Демосфеном.

<1803>

38. ⟨К ПОРТРЕТУ П. И. ШАЛИКОВА⟩

Янтарная заря, румяный неба цвет;
Тень рощи; в ночь поток, сверкающий в долине;
Над печкой соловей; три грации в картине —
Вот всё его добро... и счастлив! он поэт!

<1803>

39

Вот мой тебе портрет; сколь счастлив бы я был,
Когда б ты иногда сказала:
«Любезней и умней его я многих знала;
Но кто меня, как он, любил?»

<1803>

40

И это человек?
О времена! о век!

1791

41. И. Ф. БОГДАНОВИЧУ, АВТОРУ «ДУШЕНЬКИ»

На урну преклонясь вечернею порою,
Амур невидимо здесь часто слезы льет
И мыслит, отягчен тоскою:
«Кто *Душеньку* мою так мило воспоет?»

1803

42. В. И. С.

Быть может, мудреца сей памятник не тронет;
Но друг к нему простреет умильный, слезный взгляд;
Но добрый, нежный сын всегда над ним восстонет,
И бедный... вспомнит час отрад.

<1803>

43. Ф. М. Д⟨УБЯНСКОМ⟩У

Любезного и прах останется ль безвестным?
Дубянского был дар — гармонией прельщать;
Страсть — дружба и любовь; закон — быть добрым, честным;
А жребий — бурну жизнь в пучине окончать.[1]

1796

44. В. А. В⟨ОЕЙКОВ⟩У

Здесь тихая могила
Прах юноши взяла;
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

<1799>

---

[1] Он утонул в Неве.

45

Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах.
Вот жребий наш каков!
Живи, живи, умри — и только что в газетах
Осталось: *выехал в Ростов*.

<1803>

46

Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай:
«Я воин, грамоты не знал за недосугом.
Направо кру́гом!
Ступай!»

<1805>

47. ПУТЕШЕСТВИЕ

Начать до света путь и ощупью идти,
На каждом шаге спотыкаться;
К полдням уже за треть дороги перебраться;
Тут с бурей и грозой бороться на пути,
Но льстить себя вдали какою-то мечтою;
Опомнясь, по́д вечер вздохнуть,
Искать пристанища к покою,
Найти его, прилечь и наконец уснуть...
Читатели! загадки в моде;
Хотите ль ключ к моей иметь?
Всё это значит в переводе:
Родиться, жить и умереть.

<1803>

48. СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ

Баллада

Как мило жили в старину!
Бывало, в теремах высоких
В кругу красавиц черноокиx
Певцы поют любовь, войну,
Любви и храбрости победы!
Но мы не так живем, как деды!
И пенье смолкло в теремах.

Дай для красавиц я спою,
Как в старину певцы любили.
Бывало, и меня хвалили!
Напомним молодость свою.
Жил-был когда-то вождь великой
С своею дочкой Миloликой
Во белокаменной Москве.

Бояры, витязи, князья
Вкруг Милолики увивались;
Но тщетно счастием ласкались:
Никто не мог тронуть ея,
Никто, кроме певца младова!
Она таилась, он ни слова;
Но у любви есть свой язык.

Певец лишь только по ночам
Под старой липой, близ светлицы,
Пел прелести своей царицы,
Брягая лиры по струнам;
Душа его из уст летела!
Он пел, а Милолика млела
И воздыхала у окна.

Узнал о страсти их отец,
И гордость в нем вострепетала!
«Позор ты мой, не дочь мне стала!
О стыд! кто мил тебе? .. певец!»
Сказал — и в терем запирает.
Дочь только в мыслях отвечает:
«Что знатность! сердцу все равны!»

Она под стражей, а певец
И день и ночь на томной лире
Бряцает: «Нет мне счастья в мире!
Настал отрадам всем конец!
Увижусь ли еще я с милой?
Внемли, о небо, вопль унылый:
Отдай ее иль смерть пошли!»

Поет он день, поет другой,
На третий — утренне светило

Несчастну жертву озарило:
Отец низводит дочь с собой;
Она... едва на труп взглянула,
Увы! .. в последний раз вздохнула.
Красавицы! песнь эта — быль.

<1805>

49. ПРОХОЖИЙ И ГОРЛИЦА

Прохожий

Что так печально ты воркуешь на кусточке?

Горлица

Тоскую по моем дружочке.

Прохожий

Неужель он тебе, неверный, изменил?

Горлица

Ах, нет! стрелок его убил.

Прохожий

Несчастная! страшись и ты его руки!

Горлица

Что нужды! ведь умру ж с тоски.

<1791>

50. ЛЮДМИЛА

Идиллия

Старик

Кого мне бог послал среди уединенья?

Пастушка

Я, дедушка, со стороны;
Иду до ближнего селенья
На праздник красныя весны.

Старик

Чего же ищешь ты под тению кусточков?

Пастушка

Богатой ленты нет, так я ищу цветочков,
Чтоб свить себе венок и скрасить мой наряд:
Там есть красавица Людмила, говорят.

Старик

Но знаешь ли, где ты, соперница Людмилы?

Пастушка

Не ведаю...

Старик

Ты рвешь цветы с ее могилы.

<1805>

51. ЭЛЕГИЯ

Подражание Тибуллу

Пускай кто многими землями обладает,
В день копит золото, а в ночь недосыпает,
Страшася и во сне военныя трубы, —
Тибулл унизился б, желав его судьбы;
Тибулл в убожестве, незнатен... но доволен,
Когда он в хижинке своей спокоен, волен,
Живет с надеждою, с любовию втроем
И полный властелин в владении своем.
Хочу, и делаю: то в скромном огороде
Душисты рву цветы и гимн пою природе;
То тропки по снуру прямые провожу,
То за прививками младых дерев хожу;
То гряды, не стыдясь, сам заступом копаю;
А иногда волов ленивых загоняю;
Иль весело бегу с барашком на руках,
Который позабыт был матерью в лугах.

Богам усердный жрец, я первенцы земные
Всегодно приношу на алтари святые:

Палесе жертвую домашним молоком,
Помоне каждым вновь родившимся плодом;
А пред тобой всегда, Церера златовласа,
Я вешаю венок, сплетенный мной из класа.
О Лары! некогда я в жертву приносил
Прекрасных вам тельцов: тогда... богат я был!
А ныне и овна считаю важным даром.
Но я и в бедности благодаренья с жаром
Любимого из них закланию предам;
Да воскурится пар от жертвы к небесам
При песнях юности беспечной и веселой,
Просящей от небес вина и жатвы зрелой!
Услышьте, боги, наш сердечный, кроткий глас
И скудные дары не презрите от нас!
Первоначальный дар, вам, боги, посвященный,
Простейший был сосуд, из глины сотворенный.

Я о родительском богатстве не тужу;
Беспечно дней моих остаток провожу;
Работаю, смеюсь, иль с музами играю,
Или под тению древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою дарит.
Сквозь солнца иногда дождь мелкий чуть шумит:
Я, слушая его, помалу погружаюсь
В забвение и сном приятным наслаждаюсь;
Иль в мрачну, бурну ночь, в объятиях драгой,
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вот сердца моего желанья и утехи!
Пускай Мессале льстят оружия успехи,
Одержанные им победы на войне!
Пускай под лаврами, на гордом он коне,
С полками пленников, при плесках в Рим вступает
И славы своея лучами поражает;
А я... пускай от всех остануся забвен!
Пусть скажут обо мне, что робким я рожден,
Но Делии вовек не огорчу разлукой;
Одна ее слеза была б мне тяжкой мукой.
Прочь, слава! не хочу жить в будущих веках;
Пребудь лишь ты в моих, о Делия, глазах:
С тобой и дика степь Тибуллу будет раем;
С тобою он готов быть зноем пожигаем
И ночи на сырой земле препровождать.

Ах! может ли покой и одр богатый дать
Тому, кто одинок и с пламенной душою?
О Делия! я жизнь лишь чувствую с тобою;
Один твой на меня умильный, страстный взгляд
Бесценней всех честей, триумфов и наград!

Но всё пройдет... увы! и Делии не станет!
Быть может... нет! пускай твой прежде друг увянет;
Пускай, когда чреда отжить ему придет,
Еще он на тебя взор томный возведет;
Еще, готовяся на вечную разлуку,
Дрожащею рукой сожмет твою он руку,
Вздохнет... и на твоей груди испустит дух.
О Делия! душа души моей и друг!
Ужель на мой костер ни слезки не уронишь?
Нет! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
Рыдаешь, Делия! — и нежные сердца
Желают моему подобного конца.

Исчезни, грустна мысль! Что будет, не минует;
Почто ж душа моя до времени тоскует?
Еще Сатурн моих не осребрил власов;
Еще я крепок, здрав, по благости богов;
Не унывай, Тибулл, и пользуйся годами!
Укрась чело свое ты свежими венками
И посвяти любви сей быстрый жизни час,
В который жаркий спор утехою для нас
И смелый, дерзкий шаг есть подвигом геройства:
Отважность и любовь — то молодости свойства.
Начальствую ль как вождь иль сам я предводим,
Равно я в сей войне велик, неутомим.
Сверни же предо мной знамена, Марс кровавый!
И не прельщай меня бессмертной в мире славой;
Готовь трофеи ты с увечьем для других:
Пред ними все венцы! я счастлив и без них;
Богатства не хочу, а нужное имею,
И, что всего милей, — я Делией владею!

<1795>

52. СТИХИ В АЛЬБОМ Е. С. О⟨ГАРЕВОЙ⟩

Поэту ль своего таланта не любить?
Как смертный, осужден к премене повсечасной,
Он старится, но всё принадлежит прекрасной:
Не в сердце, так в ее альбоме будет жить.

<1810>

53. НА СЛУЧАЙ ПОДАРКА ОТ НЕИЗВЕСТНОЙ

Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!
Лестнее сердцу он лаврового венца.
Кто ж та, которая руки своей искусством
Почтила... в старости счастливого певца?
Не знаю, остаюсь среди недоумений!
Так будь же от меня ей имя: *добрый гений.*

1805

54. А. Г. С⟨ЕВЕРИНОЙ⟩ В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ

Вступая в новый год, любезная Климена,
Не бойся, чтоб в судьбе твоей произошла
Какая перемена;
Ты будешь завсегда приятна и мила,
И лет твоих считать друзья твои не станут:
Душой прекрасные не вянут.

1798

55. АМУР И ДРУЖБА

«Сестрица, душенька!» — «Здорово, братец мой!»
— «Летал, летал!» — «А я до устали шаталась!»
— «Где взять любовников? все сгибли как чумой!»
— «Где други? ни с одним еще
не повстречалась!..»
— «Какой стал свет!» — «Давно уж это говорят».

— «Все клятвы на песке!» — «Услуги в обещанье!
Под именем моим *Корысть* боготворят».
— «А под моим — *Желанье*».

<1803>

56. ТРИССОТИН И ВАДИУС

(*Вольный перевод из Мольеровой комедии «Les femmes savantes»*)

ДЕЙСТВИЕ 3. ЯВЛЕНИЕ 5.

Вадиус

Вы истинный поэт! скажу вам беспристрастно.

Триссотин

Вы сами рифмы плесть умеете прекрасно.

Вадиус

Какой высокий дух в поэзии у вас!
Я часто вашу мысль отгадываю в час.

Триссотин

А ваш в эклогах стих так прост, невинен, плавен!
И самый Теокрит едва ль вам будет равен.

Вадиус

Ах! в ваших басенках не меньше красоты;
Мы как условились срывать одни цветы.

Триссотин

Но ваши буриме... о! это верх искусства!

Вадиус

А в ваших мелочах какой язык и чувства!

Триссотин

Когда б отечество хотело вас ценить...

Вадиус

Когда б наш век умел таланты ваши чтить...

Триссотин

Конечно б вас листом похвальным наградили.

Вадиус

А вам бы монумент давно соорудили.

Триссотин

Дождемся, может быть. — Хотите ль, мой поэт,
Послушать строфы две?

Вадиус

Прочесть ли вам сонет
На прыщик Делии?

Триссотин

Ах! мне его читали.

Вадиус

Известен автор вам?

Триссотин

Прозванья не сказали,
Но видно по стихам, что он семинарист:
Какие плоскости! Язык довольно чист,
Но вкуса вовсе нет; вы согласитесь сами.

Вадиус

Однако ж он хвалим был всеми знатоками.

Триссотин

А я и вам и им еще сказать готов,
Что славный тот сонет собранье рифм и слов.

Вадиус

Немного зависти...

Триссотин

Во мне? избави боже!
Завидовать глупцам и быть глупцом — всё то же.

Вадиус

Сонет, сударь, хорош, скажу вам наконец;
А доказательство... я сам его творец.

Триссотин

Вы?

Вадиус

Я.

Триссотин

Не может быть; по чести, это чудо!
Конечно, мне его читали очень худо,
Иль я был развлечен. — Но кончим этот спор;
Я вам прочту рондо.

Вадиус

Парнасский, старый сор,
Над коим лишь себя педантам сродно мучить.

Триссотин

Так, следственно, и вам не может он наскучить.

Вадиус

Прошу, сударь, своих имен мне не давать.

Триссотин

Прошу и вас равно меня не унижать.

Вадиус

Пошел, тащись, тугой, надутый умоборец!

Триссотин

Пошел, ползи ты сам, водяный рифмотворец!

Вадиус

Пачкун!

Триссотин

Ветошник!

Вадиус

Враль!

Триссотин

Ругатель под рукой!

Вадиус

Когда бы не был трус, ты был бы сам такой.

Триссотин

Пошел проветривать лежалые творенья!

Вадиус

А ты ступай, беги просить у муз прощенья
За нестерпимый свой, проклятый перевод,
За изувеченье Горация...

Триссотин

Урод!
А ты каков с твоим классическим поэтом?
Стыдись пред справщиком, стыдись пред
целым светом!

Вадиус

Но ни один журнал меня не оглашал,
А ты уже давно добычей критик стал.

Триссотин

Я тем-то и горжусь, рифмач, перед тобою;
Во всех журналах ты пренебрежен с толпою
Вралей, которые не стоят и суда;
А я на вострие пера их завсегда,
Как их опасный враг!

Вадиус

Так будь и мой отныне;
Сейчас иду писать в стихах о Триссотине!

Триссотин

И только их прочтут, зеваючи, друзья.
Пожалуй, мучь себя, не испугаюсь я
И гряну сам в стихах!

Вадиус

А мы им посмеемся.

Триссотин

Довольно! я молчу; на Пинде разочтемся!

<1810>

57. ФИЛЕМОН И БАВКИДА

Вольный перевод из Лафонтена

Ни злато, ни чины ко счастью не ведут:
Что в них, когда со мной заботы век живут?
Когда дух зависти, несчастным овладея,
Терзает грудь его, как вран у Промефея?
Ах, это сущий ад! Где ж счастье наконец?
В укромной хижине: живущий в ней мудрец
Укрыт от гроз и бурь, спокоен, духом волен,
Не алча лишнего, и тем, что есть, доволен;
Захочет ли за луг, за тень своих лесов
Тень только счастия купить временщиков?
Нет! суетный их блеск его не обольщает:
Он ясно на челе страдальцев сих читает,
Что даром не дает фортуна ничего.
Придет ли к цели он теченья своего,
Смерть в ужас и тоску души его не вводит:
То солнце после дня прекрасного заходит.

Примером в этом нам послужит Филемон.
С Бавкидой с юных лет соединился он;
Ни время, ни Гимен любви их не гасили:
Четыредесять жатв вдвоем они ходили
За всем в своем быту, без помощи других.
Всё старится; остыл любовный жар и в них —
Однако в нежности любовь не ослабела
И в чувствах дружества продлить себе умела.
Но добрых много ли? Разврат их земляков
Подвигнул наконец на гнев царя богов:
Юпитер сходит к ним с своим крылатым сыном —
Не с громом, не в лучах, а так, простолюдином,
Под видом странника, — и что ж? Везде отказ,
Везде им говорят: «Нам тесно и без вас,
Ступайте далее!» Отринутые боги
Пошли уже назад, как влеве от дороги,
Над светлым ручейком, орешника в тени,
Узрели хижину смиренную они
И повернули к ней. Меркурий постучался.
В минуту на крыльце хозяин показался.
«Добро пожаловать! — сказал им Филемон. —
Вы утрудилися, дорожным нужен сон —

Ночуйте у меня, повечеряя с нами;
Спознайтесь с нашими домашними богами:
Они скудельные, но к смертному добры.
У предков был и сам Юпитер из коры,
Но менее ль за то они в приволье жили?
Увы! теперь его из золота мы слили,
А он уже не так доступен стал для нас!
Бавкида! там вода; согрей ее тотчас;
Поставим хлеб и соль; мы скудны, но усердны;
Дай всё, что боги нам послали милосердны!»
Бавкида хворосту сухого набрала,
Потом погасший огнь в горнушке разгребла
И силится раздуть. Вода уже вскипает;
Хозяин путников усталых обмывает,
Прося за медленность его не осудить;
А чтоб до ужина им время сократить,
Заводит с ними речь, не о любимцах счастья,
Не о влиянии и блеске самовластья,
Но лишь о том, что есть невинного в полях,
Что есть полезного и лучшего в садах.
Бавкида между тем трапезой поспешает,
Стол ветхий черепком сосуда подпирает,
Раскидывает плат, кидает горсть цветов
И ставит хлеб, млеко и несколько плодов;
Потом худой ковер, который сберегала
На случай праздников, по ложу разостлала
И просит на него возлечь своих гостей.
Уже они, среди приветливых речей,
За вечерей вином усталость подкрепляют;
Но сколько ни пиют, вина не убавляют.
Бавкида, Филемон недвижимы стоят,
Со изумленьем друг на друга мещут взгляд,
И оба с трепетом пред путниками пали.
По чудодействию легко они познали
Того, кто вздымет бровь и зыблет свод небес!
«О боже! — Филемон дрожащий глас вознес. —
Прости невольного минуту заблужденья!
И мог ли смертный ждать такого посещенья?
О гость божественный! где взять нам фимиам?
Прилична ль наша снедь, толь скудная, богам?
Но чем и самый царь их угостит достойно?
Простым усердием: вот всё, что нам пристойно!

Пусть море и земля им пиршество дадут:
Всесильные ему дар сердца предпочтут».
Бавкида с речью сей беседу оставляет
И входит в огород; там перепел гуляет,
Которого сама взлелеяла она;
Признанием к богам и верою полна,
Уже она его во снедь для них готовит;
Уже дрожащими руками птичку ловит,
Но птичка от нее ушла к стопам богов,
И милосердый Дий невинной дал покров.

Меж тем вечерня тень с гор пала на долины.
«Чета! иди за мной, — сказал отец судьбины. —
Сейчас свершится суд: на родину твою
Весь гнева моего фиал я пролию
И смерти всё предам! пусть злые погибают:
Ни хижин, ни сердец они не отверзают».
Бессмертный рек и, горд, к хребту направил путь;
И ветр, предвестник бурь, ужасно начал дуть.
Бавкида, Филемон, на посох опираясь,
Под тяжкой древностью трясясь и задыхаясь,
Едва-едва идут; но с помощью богов
И страха взобрались на ближний из хребтов.
Вдруг сонмы грозных туч под ними разразились
И с шумом реки вод губительных пустились,
Вал гонит вал и мчит всё, что ни попадет:
Скот, кущи и людей... исчезли, следа нет.
Бавкида родине вздох сердца посвящает
И взором, полным слез, у бога вопрошает:
«Пусть люди... но почто животных он казнит?»
Но чудо новое внезапу их разит:
Явился пышный храм, где куща их стояла;
Обмазка — мрамором, солома златом стала,
И тяжкие столпы по всем ее бокам
В минуту вознесли главы ко облакам!
Внутрь храма был везде представлен на порфире.
В страх будущим векам, сей дивный случай в мире —
Невидимо ваял всё это божий перст.
Супруги мнят, что им Олимп уже отверст:
В смятеньи, вне себя, на всё кругом взирают.
«Бог, велий в благости! — потом они вещают. —
Мы видим храм; но кто служители ему?

Кто будет возносить к престолу твоему
Молитвы путников? О, если бы мы оба
Могли сподобиться в сем званьи быть до гроба!
О, если бы при том и гений смерти нас
Коснулся обоих в один и тот же час,
Чтоб мы друг пó друге тоски не испытали!»
— «Да будет так, — сказал им бог, — как вы
желали!»
И было так. Теперь дерзну ль поведать вам
О том, чему едва могу поверить сам?
В день некий путники в ограде сей божницы
С благоговением стояли вкруг двоицы
И слушали ее о бывших чудесах.
«Издревле, — Филемон вещал им, — в сих местах
Была весь грешников, жилище нечестивых;
Но Дий не потерпел сих извергов кичливых:
Он рек, настал потоп и всех их потребил.
Остались только мы — так бог благоволил!»
Тут Филемон взглянул на кроткую супругу,
И что? уже она, простерши руки к другу,
Вся изменяется, приемлет древа вид!
Он хочет ей сказать, обнять ее спешит;
Нет сил поднять руки, уста его немеют;
Супруга и супруг равно деревенеют;
Пускают отрасли, готовятся цвести;
Друг другу говорят лишь мыслию: прости!
Один предел и срок власть божья им послала:
Муж праведный стал дуб, Бавкида липой стала;
И зрители, все вraз воскликнув: чудеса! —
В молчаньи набожном глядят на небеса.

Предание гласит, что к сим древам священным,
Под тяжестью даров бесчисленных согбенным,
Супруги на поклон текли из дальных стран,
По слуху, что им дар чудотворенья дан;
И те, которые к ним с верой приходили,
В цвету и в зиму дней друг друга век любили.

<1805>

58. К ДРУЗЬЯМ МОИМ

по случаю первого свидания с ними
после моей отставки из обер-прокуроров
Пр<авительствующего> сената

В Москве ль я наконец? со мною ли друзья?
О, радость и печаль! различных чувств смешенье!
Итак, еще имел я в жизни утешенье
Внимать журчанию домашнего ручья,
Вкусить покойный сон под кровом, где родился,
И быть в объятиях родителей моих!
Не сон ли был и то?.. Увидел и простился
И, может быть, уже в последний видел их!
Но полно, этот день не помрачим тоскою.
Где вы, мои друзья? Сберитесь предо мною;
Дай каждый мне себя сто раз поцеловать!
Прочь посох! не хочу вас боле покидать,
И вот моя рука, что буду ваш отныне.

Сколь часто я в шуму веселий воздыхал,
И вздохи бедного терялись, как в пустыне,
И тайной грусти в нем никто не замечал!
Но ежели ваш друг, во дни разлуки слезной,
Хотя однажды мог подать совет полезный,
Спокойствие души вдовице возвратить,
Наследье сироты от хищных защитить,
Спасти невинного, то всё позабывает —
Довольно: друг ваш здесь, и вас он обнимает.

Но буду ли, друзья, по-прежнему вам мил?
Увы! уже во мне жар к пению простыл;
Уж в мыслях нет игры, исчезла прежня живость!
Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныние? — Терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что к вам привязан я;
Что сердце приношу чувствительно, незлобно
И более еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвратит от вас,
Ни честолюбие, ни блеск прелестных глаз...
И самая любовь навеки отлетела!
Итак, владейте впредь вы мною без раздела;
Питайте страсть во мне к изящному всему

И дайте вновь полет таланту моему.
Означим остальной наш путь еще цветами!
Где нет коварных ласк с притворными словами,
Где сердце на руке,[1] где разум не язвит,
Там друг ваш и поднесь веселья не бежит.
Так, братья, данные природой мне и Фебом!
Я с вами рад еще в саду, под ясным небом,
На зелени в кустах душистых пировать;
Вы станете своих любезных воспевать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я вперед уж весел! может статься,
Пример ваш воскресит и мой погибший дар.
О, если б воспылал во мне пермесский жар,
С какою б радостью схватил мою я лиру
И благ моих творца всему поведал миру!
Да будет счастие и слава вечно с ним!
Ему я одолжен пристанищем моим,
Где солнце дней моих в безмолвьи закатится,
И мой последний взор на друга устремится.

1800

---

[1] Древние представляли дружбу в образе женщины, держащей на ладони сердце.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть вторая

59. ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

У Льва родился сын. В столице, в городах,
Во всех его странах
Потешные огни, веселья, жертвы, оды.
Мохнатые певцы все взапуски кричат:
«Скачи, земля! взыграйте, воды!
У Льва родился сын!» И вправду, кто не рад?
Меж тем, когда всяк зверь восторгом упивался,
Царь Лев, как умный зверь, заботам предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать:
Наставник должен быть умен, учен, незлобен!
Кто б из зверей к тому был более способен?
Не шутка скоро отгадать.
Царь, в нерешимости, велел совет собрать;
В благоволении своем его уверя,
Препоручил избрать ему,
По чистой совести, по долгу своему,
Для сына в менторы достойнейшего зверя.
Встал Тигр и говорит:
«Война, война царей великими творит;
Твой сын, о государь, быть должен страхом света;
И так образовать его младые лета
Лишь тот способен из зверей,
Который всех, по Льве, ужасней и страшней».
— «И осторожнее, — Медведь к тому прибавил, —
Чтоб он младого Льва наставил
Уметь и храбростью своею управлять».

Противу мненья двух Лисе идти не можно;
Однако ж, так и сяк начав она вилять,
Заметила, что дядьке должно
Знать и политику, быть хитрого ума,
Короче: какова сама.
За нею тот и тот свой голос подавали,
И все они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что в дядьки лучше их уж некого избрать:
Советы и везде почти на эту стать.
«Позволено ль и мне сказать четыре слова? —
Собака наконец свой голос подала. —
Политики, войны нет следствия другова,
Как много шума, много зла.
Но славен добрый царь коварством ли и кровью?
Как подданных своих составит счастье он?
Как будет их отцом? чем утвердит свой трон?
Любовью.
Вот таинство, вот ключ к высокой и святой
Науке доброго правленья!
Кто ж принцу лучшие подаст в ней наставленья?
Никто, как сам отец». Тигр смотрит как шальной,
Медведь, другие то ж, а Лев, от умиленья
Заплакав, бросился Собаку обнимать.
«Почто, — сказал, — давно не мог тебя я знать?
О добрый зверь! тебе вручаю
Я счастие мое и подданных моих;
Будь сыну моему наставником! Я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его от них,
Укрой и от меня — в твоей он полной воле».
Собака от царя идет с дитятей в поле,
Лелеет, пестует и учит между тем.
Урок был первый тот, что он Щенок, не Львенок,
И в дальнем с ним родстве. Проходит день за днем,
Уже питомец не ребенок,
Уже наставник с ним обходит все страны,
Которые в удел отцу его даны;
И Львенок в первый раз узнал насильство власти,
Народов нищету, зверей худые страсти:
Лиса ест кроликов, а Волк душит овец,
Оленя давит Барс; повсюду, наконец,
Могучие богаты,

Бессильные от них кряхтят,
Быки работают без платы,
А Обезьяну золотят.
Лев молодой дрожит от гнева.
«Наставник, — он сказал, — подобные дела
Доходят ли когда до сведенья царева?
Ах, сколько бедствий, сколько зла!»
— «Как могут доходить? — Собака отвечает. —
Его одна толпа счастливцев окружает,
А им не до того; а те, кого съедят,
Не говорят».
И так наш Львеночек, без дальних размышлений
О том, в чем доброту и мудрость ставит свет,
И добр стал и умен; но в этом дива нет:
Пример и опытность полезней наставлений.
Он, в доброй школе той взрастая, получил
Рассудок, мудрость, крепость тела;
Однако же еще не ведал, кто он был;
Но вот как случай сам о том ему открыл.
Однажды на пути Собака захотела
Взять отдых и легла под тению дерев.
Вдруг выскочил злой Тигр, разинул страшный зев
И прямо к ней, — но Лев,
Закрыв ее собою,
Взмахнул хвостом, затряс косматой головою,
Взревел — и Тигр уже растерзанный лежит!
Потом он в радости к наставнику бежит
И вопит: «Победил! благодарю судьбину!
Но я ль то был иль нет?.. Поверишь ли, отец,
Что в этот миг, когда твой близок был конец,
Я вдруг почувствовал и жар и силу львину;
Я точно... был как Лев!» — «Ты точно Лев и есть, —
Наставник отвечал, облившися слезами. —
Готовься важную услышать, сын мой, весть:
Отныне... кончилось равенство между нами;
Ты царь мой! Поспешим возвратом ко двору.
Я всё употребил, что мог, тебе к добру;
Но ты... и радости и грусти мне причина!
Прости, о государь, невольно слезы лью...
Отечеству отца даю,
А сам... теряю сына!»

1802

60. ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ

Кто на своем веку Фортуны не искал?
Что, если б силою волшебною какою
Всевидящим я стал
И вдруг открылись предо мною
Все те, которые и едут, и ползут,
И скачут, и плывут,
Из царства в царство рыщут,
И дочери судьбы отменной красоты
Иль убегающей мечты
Без отдыха столь жадно ищут?
Бедняжки! жаль мне их: уж, кажется, в руках...
Уж сердце в восхищеньи бьется...
Вот только что схватить... хоть как, так увернется,
И в тысяче уже верстах!
«Возможно ль, — многие, я слышу, рассуждают, —
Давно ль такой-то в нас искал?
А ныне как он пышен стал!
Он в счастии растет; а нас за грязь кидают!
Чем хуже мы его?» Пусть лучше во сто раз,
Но что ваш ум и всё? Фортуна ведь без глаз;
А к этому прибавим:
Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар лучший всех даров,
Который в древности уделом был богов?
Фортуна — женщина! умерьте вашу ласку;
Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.
Так милый Лафонтен давал советы нам
И сказывал в пример почти такую сказку.
В деревне ль, в городке,
Один с другим невдалеке,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Один всё счастье ставил в том,
Чтобы нажить огромный дом,
Деревни, знатный чин, — то и во сне лишь видел;
Другой богатств не ненавидел,
Однако ж их и не искал,
А кажду ночь покойно спал.
«Послушай, — друг ему однажды предлагает, —
На родине никто пророком не бывает;

Чего ж и нам здесь ждать? — Со временем сумы.
Поедем лучше мы
Искать себе добра; войти, сказать умеем;
Авось и мы найдем, авось разбогатеем».
— «Ступай, — сказал другой, —
А я останусь; мне дорог мой покой,
И буду спать, пока мой друг не возвратится».
Тщеславный этому дивится
И едет. На пути встречает цепи гор,
Встречает много рек, и напоследок встретил
Ту самую страну, куда издавна метил:
Любимый уголок Фортуны, то есть двор;
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
Пристал к нему и по обряду
Всех жителей его он начал посещать:
Там стрелкою стоит, не смея и дышать,
Здесь такает из всей он мочи,
Тут шепчет на ушко; короче: дни и ночи
Наш витязь сам не свой;
Но всё то было втуне!
«Что за диковинка! — он думает. — Стой, стой
Да слушай об одной Фортуне,
А сам всё ничего!
Нет, нет! такая жизнь несноснее всего.
Слуга покорный вам, господчики, прощайте
И впредь меня не ожидайте;
В Сурат, в Сурат лечу! Я слышал в сказках, там
Фортуне с давних лет курится фимиам. . .»
Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.
Но что же? Не прошло недели,
Как странствователь наш отправился в Сурат,
А часто, часто он поглядывал назад,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок;
Бедняк бесился, клял — известно, лютый рок,
Себя, — и всем и всем изрядна песня пета!
«Безумцы! — он судил. — На край приходим света
Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!»
Синеют между тем Индийски берега,
Попутный дунул ветр; по крайней мере кстати
Пришло мне так сказать, и он уже в Сурате!

«Фортуна здесь?» — его был первый всем вопрос.
«В Японии», — сказали.
«В Японии? — вскричал герой, повеся нос. —
Быть так! плыву туда». И поплыл; но, к печали,
Разъехался и там с Фортуною слепой!
«Нет! полно, — говорит, — гоняться за мечтой».
И с первым кораблем в отчизну возвратился.
Завидя издали отеческих богов,
Родимый ручеек, домашний милый кров,
Наш мореходец прослезился
И, от души вздохнув, сказал:
«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал
И двор, и океан, и о слепой богине!
Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне».
И так с восторгом он и в сердце и в глазах
В отчизну наконец вступает,
Летит ко другу, — что ж? как друга обретает?
Он спит, а у него Фортуна в головах!

1794

61. КАЛИФ

Против Калифова огромного дворца
Стояла хижина, без кровли, без крыльца,
Издавна ветхая и близкая к паденью,
Едва ль приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленник в ней жил;
Однако он еще по мере сил трудился,
Ни злых, ни совести нимало не страшился
И *тихим вечером* своим доволен был.
Но хижиной его Визирь стал недоволен:
«Терпим ли, — он своим рассчитывал умом, —
Вид бедности перед дворцом?
Но разве государь сломать ее не волен?
Подам ему доклад, и хижине не быть».
На этот раз Визирь обманут был в надежде.
Доклад подписан так: *«Быть по сему; но прежде
Строенье ветхое купить».*
Послали Кадия с соседом торговаться;
Кладут пред ним на стол с червонными мешок.
«Мне в деньгах нужды нет, — сказал им простачок. —

А с домом ни за что не можно мне расстаться;
Я в нем родился, в нем скончался мой отец,
Хочу, чтоб в нем же бог послал и мне конец.
Калиф, конечно, самовластен,
И каждый подданный к нему подобострастен;
Он может при моих глазах
Развеять вмиг гнездо мое, как прах;
Но что ж последует? Несчастным слезы в пищу:
Я всякий день приду к родиму пепелищу;
Воссяду на кирпич с поникшей головой
Небесного под кровом свода
И буду пред отцом народа
Оплакивать мой жребий злой!»
Ответ был Визирю до слова пересказан,
А тот спешит об нем Калифу донести.
«Тебе ли, государь, отказ такой снести?
Ужель останется раб дерзкий не наказан?» —
Калифу говорил Визирь наедине.
«Да! — подхватил Калиф. — Ответ угоден мне;
И я тебе повелеваю:
Впредь помня навсегда, что в правде нет вины,
Исправить хижину на счет моей казны;
Я с нею только жить в потомках уповаю;
Да скажет им дворец: такой-то пышно жил;
А эта хижина... он правосуден был!»

<1805>

62. КАРТИНА

Уж ночь на Петербург спустила свой покров;
Уже на чердаках у многих из творцов
Погасла свечка и курилась,
И их объятая восторгом голова
На рифмы и слова
Сама собой скатилась.
Козлова ученик
В своем уединеньи,
Сидевший с Гением в глубоком размышленьи,
Вдруг слышит стук и крик:
«Где, где он? Там? А! Здесь?» — и видит пред собою
Кого ж? — Князь Ветров шарк ногою!

«Слуга покорнейший! а я, оставя бал,
Заехал на *часок* за собственным к вам делом.
Я слышал, в городе вас все зовут Апеллом:
Не можете ли вы мне кистию своей
Картину написать? да только поскорей!
Вот содержание: Гимен, то есть бог брака,
Не тот, что пишется у нас сапун, зевака,
Иль плакса, иль брюзга, но легкий, милый бог,
Который бы привлечь и труженика мог, —
Гимен и с ним Амур, всегда в восторге новом,
Веселый, миленький, и живчик одним словом,
Взяв за руки меня, подводят по цветам,
Разбросанным по всем местам,
К прекрасной девушке, боготворимой мною —
Я завтра привезу портрет ее с собою, —
Владычица моя в пятнадцатой весне,
Вручает розу мне;
Вокруг нее толпой забавы, игры, смехи;
Вдали ж, под миртами, престол любви, утехи,
Усыпан розами и весь почти в тени
Дерев, где ветерок заснул среди листочков...
Да! не забыть притом и страстных голубочков —
Вот слабый вам эскиз! Чрез два, четыре дни
Картина, думаю, уж может быть готова;
О благодарности ж моей теперь ни слова:
Докажет опыт вам — прощайте!» И — исчез.
Проходит ночь; с зарей, разлившей свет с небес,
Художник наш за кисть — старается, трудится:
Что ко лбу перст, то мысль родится,
И что черта,
То нова красота.
Уже творец картины
Свершил свой труд до половины,
Как вдруг
Почувствовал недуг,
И животворна кисть из слабых рук упала.
Минута между тем желанная настала:
Князь Ветров женится, хотя картины нет.
Уже он райские плоды во браке жнет;
Что день, то новый дар в возлюбленной княгине;
Мила, божественна, при всех и наедине.
Уж месяц брака их протек

И Апеллесову болезнь с собой увлек.
Благодаря судьбину,
Искусник наш с постели встал,
С усердьем принялся дописывать картину
И в три дни дописал.
Божественный талант! изящное искусство!
Какой огонь! какое чувство!
Но полно, поспешим мы с нею к князю в дом.
Князь вышел в шлафроке, нахлучен колпаком,
И, сонными взглянув на живопись глазами:
«Я более, — сказал, — доволен был бы вами,
Когда бы выдумка была
Не столь игрива, весела.
Согласен я, она нежна, остра, прекрасна,
Но для женатого... уж слишком любострастна!
Не можно ли ее поправить как-нибудь?..
Какой мороз! моя ужасно терпит грудь:
Прощайте!» Апеллес, расставшись с сумасбродным,
Засел картину поправлять
С терпением, артисту сродным;
Иное в ней стирать, иное убавлять,
Соображаяся с последним князя вкусом.
Три месяца пробыв картина под искусом,
Представилась опять сиятельным глазам;
Но, ах! знать, было так угодно небесам:
Сиянье их совсем затмилось,
И уж почти ничто в картине не годилось.
«Возможно ль?.. Это я? —
Вскричал супруг почти со гневом. —
Вы сделали меня совсем уже *Хоревом,* [1]
Уж слишком пламенным... да и жена моя
Здесь сущая Венера!
Нет, не прогневайтесь, во всем должна быть мера!»
Так о картине князь судил,
И каждый день он в ней пороки находил.
Чем более она висела,
Тем более пред ним погрешностей имела,
Тем строже перебор от князя был всему:
Уже не взмилились и грации ему,
Потом и одр любви, и миртовы кусточки;

---

[1] Действующее лицо в трагедии г. Сумарокова.

Потом и нежные слетели голубочки;
Потом и смехи все велел закрасить он,
А наконец, увы! вспорхнул и Купидон.

1790

63. ВОЗДУШНЫЕ БАШНИ

Утешно вспоминать под старость детски леты,
Забавы, резвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли нас!
Я часто и в гостях хозяев забываю;
Сижу повеся нос; нет ни ушей, ни глаз;
Все думают, что я взмостился на Парнас;
А я... признаться вам, игрушкою играю,
Которая была
Мне в детстве так мила;
Иль в память привожу, какою мне отрадой
Бывал тот день, когда, урок мой окончав,
Набегаясь в саду, уставши от забав
И бросясь на постель, займусь *Шехеразадой*.[1]
Как сказки я ее любил!
Читая их... прощай, учитель,
Симбирск и Волга!.. всё забыл!
Уже я всей вселенны зритель
И вижу там и сям и карлов, и духов,
И визирей рогатых,
И рыбок золотых, и лошадей крылатых,
И в виде кадиев волков.
Но сколько нужно слов,
Чтоб всё пересчитать, друзья мои любезны!
Не лучше ль вам я угожу,
Когда теперь одну из сказочек скажу?
Я знаю, что оне неважны, бесполезны;
Но всё ли одного полезного искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушают ее без скуки, добровольно
И может иногда улыбку с нас сорвать.
Послушайте ж. Во дни иль самого Могола,
Или наследника его престола,

[1] Лицо из арабских сказок «Тысяча одна ночь».

Не знаю города какого мещанин,
У коего детей — один был только сын,
Жил, жил, и наконец, по постоянной моде,
Последний отдал долг, как говорят, природе,
Оставя сыну дом
Да денег с сотню драхм, не боле.
Сын, проводя отца на общее всем поле,
Поплакал, погрустил, потом
Стал думать и о том,
Как жить своим умом.
«Дай, — говорит, — куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну
И ею торговать начну;
Сначала в малый торг, а там — авось и в дальный!»
Сказал и сделал так: купил себе лубков,
Построил лавочку; потом купил тарелок,
Чаш, чашек, чашечек, кувшинов, пузырьков,
Бутылей — мало ли каких еще безделок! —
Всё, всё из хрусталя! Склал в короб весь товар
И в лавке на полу поставил;
А сам хозяин Альнаскар,
Ко стенке прислонясь, глаза свои уставил
На короб и с собой вслух начал рассуждать.
«Теперь, — он говорит, — и Альнаскар купчина!
И Альнаскар пошел на стать!
Надежда, счастие и будуща судьбина
Иль, лучше, вся моя казна
Здесь в коробе погребена —
Вот вздор какой мелю! — погребена?.. пустое!
Она плодится в нем и, верно, через год
Прибудет с барышом по крайней мере вдвое;
Две сотни — хоть куда изрядненький доход!
На них... еще куплю посуды; лучше тише —
И через год еще две сотни зашибу
И также в короб погребу,
И так год от году всё выше, выше, выше,
Могу я наконец уж быть и в десяти
И более — тогда скажу моим товарам
С признательною к ним улыбкою: прости!
И буду... ювелир! Боярыням, боярам
Начну я продавать алмазы, изумруд,
Лазурь и яхонты и... и — всего не вспомню!

Короче: золотом наполню
Не только лавку, целый пруд!
Тогда-то Альнаскар весь разум свой покажет!
Накупит лошадей, невольниц, дач, садов,
Евнухов и домов
И дружбу свяжет
С знатнейшими людьми:
Их дружба лишь на взгляд спесива;
Нет! только кланяйся да хорошо корми,
Так и полюбишься — она неприхотлива;
А у меня тогда
Все тропки порастут персидским виноградом;
Шербет польется как вода;
Фонтаны брызнут лимонадом,
И масло розово к услугам всех гостей.
А о столе уже ни слова:
Я только то скажу, что нет таких затей,
Нет в свете кушанья такова,
Какого у меня не будет за столом!
И мой великолепный дом
Храм будет роскоши для всех, кто мне любезен
Иль властию своей полезен;
Всех буду угощать: пашей, наложниц их,
Плясавиц, плясунов и кадиев лихих —
Визирских подлипал. И так умом, трудами,
А боле с знатными водяся господами,
Легко могу войти в чины и в знатный брак...
Прекрасно! точно так!
Вдруг гряну к визирю, который красотою
Земиры-дочери по Азии гремит;
Скажу ему: «Вступи в родство со мною;
Будь тесть мой!» Если он хоть чуть зашевелит
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся он с усами!
Но нет! Визирска дочь так верно мне жена,
Как на небе луна;
И я, по свадебном обряде,
Наутро, в праздничном наряде,
Весь в камнях, в жемчуге и в злате, как в огне,
Поеду избочась и гордо на коне,
Которого чепрак с жемчужной бахромою
Унизан бирюзою,

В дом к тестю-визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два в ряд.
Визирь, еще вдали завидя мой парад,
Уж на крыльце меня встречает
И, в комнаты введя, сажает
По праву руку на диван,
Среди курений благовонных.
Я, севши важно, как султан,
Скажу ему: «Визирь! вот тысяча червонных,
Обещанные мной тебе за перву ночь!
И сверх того еще вот пять, во уверенье,
Сколь мне мила твоя прекраснейшая дочь,
А с ними и мое прими благодаренье».
Потом три кошелька больших ему вручу
И на коне стрелой к Земире полечу.
День этот будет днем любви и ликований,
А завтра... О, восторг! о, верх моих желаний!
Лишь солнце выпрыгнет из вод,
Вдруг пробуждаюсь я от радостного клика
И слышу: весь народ,
От мала до велика,
Толпами приваля на двор,
Кричит, составя хор:
«Да здравствует супруг Земиры!»
А в зале знатность: сераскиры,
Паши и прочие стоят
И ждут, когда войти с поклоном им велят.
Я всех их допустить к себе повелеваю
И тут-то важну роль вельможи начинаю:
У одного я руку жму;
С другим вступаю в разговоры;
На третьего взгляну, да и спиной к нему.
А на тебя, Абдул, бросаю зверски взоры!
Раскаешься тогда, седой прелюбодей,
Что разлучил меня с Фатимою моей,
С которой около трех дней
Я жил душою в душу!
О! я уже тебя не трушу;
А ты передо мной дрожишь,
Бледнеешь, падаешь, прах ног моих целуешь,
«Помилуй, позабудь прошедшее!» — жужжишь...
Но нет прощения! Лишь пуще кровь взволнуешь;

И я, уже владеть не в силах став собой,
Ну по щекам тебя, по правой, по другой!
Пинками!» — И в жару восторга наш мечтатель,
Визирский гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою в короб толк: тот на бок; а хрусталь
Запрыгал, зазвенел и — вдребезги разбился!
Итак, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бедный Альнаскар — что делать! —
разженился.

1794

64. МОДНАЯ ЖЕНА

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
Той песню, той сонет, той лестный мадригал;
А вы, о нежные мужья под сединою!
Ни строчкой не были порадованы мною.
Простите в том меня: я молод, ветрен был,
Так диво ли, что вас забыл?
А ныне вяну сам: на лбу моем морщины
Велят уже и мне
Подобной вашей ждать судьбины
И о цитерской стороне
Лишь в сказках вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикам разглаживают лицы:
Так слушайте меня, я сказку вам начну
Про модную жену.

Пролаз в течение полвека
Всё полз, да полз, да бил челом,
И наконец таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть стал с именем, — я говорю ведь так,
Как говорится в свете:
То есть стал ездить он шестеркою в карете;
Потом вступил он в брак
С пригожей девушкой, котора жить умела,
Была умна, ловка
И старика
Вертела как хотела;
А старикам такой закон,

Что если кто из них вскружит себя вертушкой,
То не она уже, а он
Быть должен наконец игрушкой;
Хоть рад, хотя не рад,
Но поступать с женою в лад
И рубль подчас считать полушкой.
Пролаз хотя пролаз, но муж, как и другой,
И так же, как и все, ценою дорогой
Платил жене за нежны ласки;
Узнал и он, что блонды, каски,
Что креп, лино-батист, тамбурна кисея.
Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то ни се... как будто не своя,
Супругу говорит: «Послушай, жизнь моя,
Мне к празднику нужна обнова:
Пожалуй, у мадам Бобри купи тюрбан;
Да слушай, душенька: мне хочется экран
Для моего камина;
А от нее ведь три шага
До английского магазина;
Да если б там еще... нет, слишком дорога!
А *ужасть* как мила!» — «Да что, мой свет, такое?»
— «Нет, папенька, так, так, пустое...
По чести, мне твоих расходов жаль».
— «Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать мое, а не твое уж дело».
— «Меня... стыжусь... пленила *шаль;*
Послушай, ангел мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывал нарочно
Князь для княгини, как у князя праздник был».
С последним словом прыг на шею
И чок два раза в лоб, примолвя: «Как ты мил!»
— «Изволь, изволь, я рад со всей моей душею
Услуживать тебе, мой свет! —
Был мужнин ей ответ. —
Карету! .. Только вряд поспеть уж мне к обеду!
Да я... в Дворянский клуб оттоле заверну».
— «Ах, мой жизненочек! как тешишь ты жену!
Ступай же, Ванечка, скорее». — «Еду, еду!»
И Ванечка седой,

Простясь с женою молодой,
В карету с помощью двух долгих слуг втащился,
Сел, крякнул, покатился.
Но он лишь со двора, а гость к нему на двор —
Угодник дамский, Миловзор,
Взлетел на лестницу и прямо порх к уборной.
«Ах! я лишь думала! как мил!» — «Слуга покорный».
— «А я одна». — «Одне? тем лучше! где же он?»
— «Кто? муж?» — «Ваш нежный Купидон».
— «Какой, по чести, ты ругатель!»
— «По крайней мере я всех *милых* обожатель.
Однако ж это ведь не ложь,
Что друг мой на него хоть несколько похож».
— «То есть он так же стар, хотя не так прекрасен».
— «Нет! Я вам докажу». — «О! этот труд напрасен».
— «Без шуток, слушайте: тот слеп, а этот крив;
Не сходны ли ж они?» — «Ах, как ты злоречив!»
— «Простите, перестану...
Да! покажите мне диванну:
Ведь я еще ее в отделке не видал;
Уж, верно, это храм! Храм вкуса!» — «Отгадал».
— «Конечно, и... любви?» — «Увы! еще не знаю.
Угодно поглядеть?» — «От всей души желаю».
О бедный муж! спеши иль после не тужи,
И от дивана ключ в кармане ты держи:
Диван для городской вострушки,
Когда на нем она сам-друг,
Опаснее, чем для пастушки
Средь рощицы зеленый луг.
И эта выдумка диванов,
По чести, месть нам от султанов!
Но как ни рассуждай, а Миловзор уж там,
Рассматривает всё, любуется, дивится;
Амур же, прикорнув на столике к часам,
Приставил к стрелке перст, и стрелка не вертится,
Чтоб двум любовникам часов досадный бой
Не вспоминал того, что скоро возвратится
Вулкан домой.
А он, как *в руку сон*!.. Судьбы того хотели!
На тяжких вереях вороты заскрипели,
Бич хлопнул, и супруг с торжественным лицом
Явился на конях усталых пред крыльцом.

Уж он на лестнице, таща в руках покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Уж он и в комнате, а верная жена
Сидит, не думая об нем, и не одна.
Но вы, красавицы, одной с Премилой масти,
Не ахайте об ней и успокойте дух!
Ее пенаты с ней, так ей ли ждать напасти?
Фиделька резвая, ее надежный друг,
Которая лежала,
Свернувшися клубком,
На солнышке перед окном,
Вдруг встрепенулася, вскочила, побежала
К дверям и, как разумный зверь,
Приставила ушко, потом толк лапкой в дверь,
Ушла и возвратилась с лаем.
Тогда ж другой пенат, зовомый попугаем,
Три раза вестовой из клетки подал знак,
Вскричавши: «Кто пришел? дурак!»
Премила вздрогнула, и Миловзор подобно;
И тот, и та — о, время злобно!
О, непредвиденна беда! —
Бросаяся туда, сюда,
Решились так, чтоб ей остаться,
А гостю спрятаться хотя позадь дверей, —
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо нас хитрей!
Кто мог бы отгадать, чем кончилась тревога?
Муж, в двери выставя расцветшие два рога,
Вошел в диванную и видит, что жена
Вполглаза на него глядит сквозь тонка сна;
Он ближе к ней — она проснулась,
Зевнула, потянулась;
Потом,
Простерши к мужу руки:
«Каким же, — говорит ему, — я крепким сном
Заснула без тебя от скуки!
И знаешь ли, что мне
Привиделось во сне?
Ах! и теперь еще в восторге утопаю!
Послушай, миленький! лишь только засыпаю,
Вдруг вижу, будто ты уж более не крив;
Ну, если этот сон не лжив?

Позволь мне испытать». — И вмиг, не дав супругу
Прийти в себя, одной рукой
Закрыла глаз ему — здоровый, не кривой, —
Другою же, на дверь указывая другу,
Пролазу говорит: «Что, видишь ли, мой свет?»
Муж отвечает: «Нет!»
— «Ни крошечки?» — «Нимало;
Так тёмно, как теперь, еще и не бывало».
— «Ты шутишь?» — «Право, нет; да дай ты мне взглянуть».
— «Прелестная мечта! — Лукреция вскричала. —
Зачем польстила мне, чтоб после обмануть!
Ах! друг мой, как бы я желала,
Чтобы один твой глаз
Похож был на другой!» Пролаз,
При нежности такой, не мог стоять болваном;
Он сам разнежился и в радости души
Супругу наградил и шалью и тюрбаном.
Пролаз! ты этот день во святцах запиши:
Пример согласия! Жена и муж с обновой!
Но что записывать? Пример такой не новый.

1791

65. ПРИЧУДНИЦА

В Москве, которая и в древни времена
Прелестными была обильна и славна,
Не знаю подлинно, при коем государе,
А только слышал я, что русские бояре
Тогда уж бросили запоры и замки,
Не запирали жен в высоки чердаки,
Но, следуя немецкой моде,
Уж позволяли им в приятной жить свободе;
И светская тогда жена
Могла без опасенья,
С домашним другом иль одна,
И на качелях быть в день светла воскресенья,
И в кукольный театр от скуки завернуть,
И в роще Марьиной под тенью отдохнуть, —
В Москве, я говорю, Ветрана процветала.
Она пригожеством лица,
Здоровьем и умом блистала;

Имела мать, отца;
Имела лестну власть щелчки давать супругу;
Имела, словом, всё: большой тесовый дом,
С берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутов и дур содом
И даже двух сорок, которые болтали
Так точно, как она, — однако ж меньше знали.
Ветрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нежными сердцами;
Но все они при ней казались быть льстецами,
Затем что всяк из них завидовал то ей,
То цугу вороных коней,
То парчево́му ее платью,
И всяк хотел бы жить с такою благодатью.
Одна Ветрана лишь не ведала цены
Всех благ, какие ей фортуною даны;
Ни блеск, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь — ведь есть же на свету
Такие чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующий град казался пуст и скучен,
И всяк, кто ни был ей знаком,
С каким-нибудь да был пятном:
«Тот глуп, другой урод; тот *ужасть* [1] неразлучен;
Сердечкин ноет всё, вздыханьем гонит вон;
Такой-то всё молчит и погружает в сон;
Та всё чинится, та болтлива;
А эта слишком зла, горда, самолюбива».
Такой отзыв ее знакомых всех отбил!
Родня и друг ее забыл;
Любовник разлюбил;
Приезд к пригоженькой невеже
Час от часу стал реже, реже —
Осталась наконец лишь с гордостью одной:
Утешно ли кому с подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучит в нас, а не питает душу!
Пожалуй, я в глаза сказать ей то не струшу.
Итак, Ветрана с ней сначала ну зевать,

[1] Слово, употребительное и поныне в губерниях.

Потом уж и грустить, потом и тосковать,
И плакать, и гонцов повсюду рассылать
За крестной матерью; а та, извольте знать,
Чудесной силою неведомой науки
Творила на Руси неслыханные штуки! —
О, если бы восстал из гроба ты в сей час,
Драгунский витязь мой, о ротмистр Брамербас,
Ты, бывший столько лет в Малороссийском крае
Игралищем злых ведьм! .. Я помню, как во сне,
Что ты рассказывал еще ребенку мне,
Как ведьма некая в сарае,
Оборотя тебя в драгунского коня,
Гуляла на хребте твоем до полуночи,
Доколе ты уже не выбился из мочи;
Каким ты ужасом разил тогда меня!
С какой, бывало, ты рассказывал размашкой,
В колете вохряном и в длинных сапогах,
За круглым столиком, дрожащим с чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылал в твоих глазах!
Как волосы твои, седые с желтиною,
В природной простоте взвевали по плечам!
С каким безмолвием ты был внимаем мною!
В подобном твоему я страхе был и сам,
Стоял как вкопанный, тебя глазами мерил
И, что уж ты не конь. . . еще тому не верил!
О, если бы теперь ты, витязь мой, воскрес,
Я б смелый был певец неслыханных чудес!
Не стал бы истину я закрывать под маску, —
Но, ах, тебя уж нет, и быль идет за сказку.
Простите! виноват! немного отступил;
Но, истинно, не я, восторг причиной был;
Однако я клянусь моим Пермесским богом,
Что буду продолжать обыкновенным слогом;
Итак, дослушайте ж. Однажды, вечерком,
Сидит, облокотясь, Ветрана под окном
И, возведя свои уныло-ясны очи
К задумчивой луне, сестрице смуглой ночи,
Грустит и думает: «Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Где матушка моя ликует?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,

Неведомо теперь, что дочь ее тоскует,
Что крестница ее оставлена от всех
И в жизни никаких не чувствует утех?
Ах, если бы она хоть глазки показала!»
И с этой мыслью вдруг Всеведа ей предстала.
«Здорово, дитятко! — Ветране говорит. —
Как поживаешь ты? .. Но что твой кажет вид?
Ты так стара! так похудела!
И бывши розою, как лилия бледна!
Скажи мне, отчего так скоро ты созрела?
Откройся...» — «Матушка! — ответствует она. —
Я жизнь мою во скуке трачу;
Настанет день — тоскую, плачу;
Покроет ночь — опять грущу
И всё чего-то я ищу».
— «Чего же, светик мой? или ты нездорова?»
— «О нет, грешно сказать». — «Иль дом ваш не богат?»
— «Поверьте, не хочу ни мраморных палат».
— «Иль муж обычая лихого?»
— «Напротив, вряд найти другого,
Который бы жену столь горячо любил».
— «Иль он не нравится?» — «Нет, он довольно мил».
— «Так разве от своих знакомых неспокойна?»
— «Я более от них любима, чем достойна».
— «Чего же, глупенька, тебе недостает?»
— «Признаться, матушка, мне так наскучил свет,
И так я всё в нем ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтоб как-нибудь попасть отсель
Хотя за *тридевять* земель;
Да только, чтобы всё в глазах моих блистало,
Всё новостию поражало
И редкостью мой ум и взор;
Где б разных дивностей собор
Представил быль как небылицу...
Короче: дай свою увидеть мне столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
«Что делать, — мыслила, — мне с просьбою такой?
Желанье дерзко... безрассудно,
То правда; но его исполнить мне нетрудно;

Зачем же дурочку отказом огорчить?..
К тому ж, я тем могу ее и поучить».
«Изрядно! — наконец сказала. —
Исполнится, как ты желала».
И вдруг, о чудеса!
И крестница, и мать взвились под небеса
На лучезарной колеснице,
Подобной в быстроте синице,
И меньше, нежель в три мига,
Спустились в новый мир, от нашего отменный,
В котором трон весне воздвигнут неизменный!
В нем реки как хрусталь, как бархат берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы все или янтарны, иль топазны.
Каков же феин был дворец — признаться вам,
То вряд изобразит и Богданович[1] сам.
Я только то скажу, что все материалы
(А впрочем, выдаю я это вам за слух),
Из коих феин кум, какой-то славный дух,
Дворец сей сгромоздил, лишь изумруд, опалы,
Порфир, лазурь, пироп, кристалл,
Жемчуг и лалл,
Все, словом, редкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты русски оды;
А сад — поверите ль? — не только описать
Иль в сказке рассказать,
Но даже и во сне его нам не видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно,
Но всё то будет мало, скудно,
Иль много-много, что во тьме кудрявых слов
Удастся Сарское Село себе представить,
Армидин сад иль Петергоф;
Так лучше этот труд оставить
И дале продолжать. Ветрана, николи
Диковинок таких не видя на земли,
Со изумленьем все предметы озирает
И мыслит, что мечта во сне над ней играет;
Войдя же в храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блеск от хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся с лучами,

[1] Автор поэмы «Душенька».

Которые б почлись за солнечные нами,
Как яркой молнией слепит Ветранин взор;
То перламутр хрустит под ней или фарфор...
Ахти! Опять понес великолепный вздор!
Но быть уж так, когда пустился.
Итак, переступя один, другой порог,
Лишь к третьему пришли, богатый вдруг чертог
Не ветерком, но сам собою растворился!
«Ну, дочка, поживай и веселися здесь! —
Всеведа говорит. — Не только двор мой весь,
Но даже и духов подземных и воздушных,
Велениям моим послушных,
Даю во власть твою; сама же я, мой свет,
Отправлюся на мало время —
Ведь у меня забот беремя —
К сестре, с которою не виделась сто лет;
Она недалеко живет отсюда — в Коле;
Да по дороге уж оттоле
Зайду и к брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надеюсь, что тебя довольнее застану!»
Тут коврик-*самолет* она подостлала,
Ступила, свистнула и вмиг из глаз ушла,
Как будто бы и не была.
А удивленная Ветрана,
Как новая Диана,
Осталась между нимф, исполненных зараз;
Они тотчас ее под ручки подхватили,
Помчали и за стол роскошный посадили,
Какого и видо́м *не видано* у нас.
Ветрана кушает, а девушки прекрасны,
Из коих каждая почти как ты... мила,
Поджавши руки вкруг стола,
Поют ей арии веселые и страстны,
Стараясь слух ее и сердце услаждать.
Потом, она едва задумала вставать,
Вдруг — девушек, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Уж спальней сделалась она!
Ветрана чувствует приятну томность сна,
Спускается на пух из роз в сплетенном нише;

И в тот же миг смычок невидимый запел,
Как будто бы сам Диц за пологом сидел;
Смычок час от часу пел тише, тише, тише
И вместе наконец с Ветраною уснул.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефир вспорхнул,
И жертва от цветов душистых воскурилась;
Взыграл и солнца луч, и голос соловья,
Слиянный с сладостным журчанием ручья
И с шумом резвого фонтана,
Воспел: «Проснись, проснись, счастливая Ветрана!»
Она проснулася — и спальная уж сад,
Жилище райское веселий и прохлад!
Повсюду чудеса Ветрана обретала;
Где только ступит лишь, тут роза расцветала;
Здесь рядом перед ней лимонны дерева,
Там миртовый кусток, там нежна мурава
От солнечных лучей, как бархат, отливает;
Там речка по песку златому протекает;
Там светлого пруда на дне
Мелькают рыбки золотые;
Там птички гимн поют природе и весне,
И попугаи голубые
Со эхом взапуски твердят:
«Ветрана! насыщай свой взгляд!»
А к полдням новая картина.
Сад превратился в храм,
Украшенный по сторонам
Столпами из рубина,
И с сводом в виде облаков
Из разных в хрустале цветов.
И вдруг от свода опустился
На розовых цепях стол круглый из сребра
С такою ж пищей, как вчера,
И в воздухе остановился;
А под Ветраной очутился
С подушкой бархатною трон,
Чтобы с него ей кушать,
И пение, каким гордился б Амфион,
Тех нимф, которые вчера служили, слушать:
«По чести, это рай! Ну, если бы теперь, —
Ветрана думает, — подкрался в эту дверь. . .»

И, слова не скончав, в трюмо она взглянула —
Сошла со трона и вздохнула!
Что делала потом она во весь тот день,
Признаться, сказывать и лень,
И не умеется, и было бы некстате;
А только объявлю, что в этой же палате,
Иль в храме, как угодно вам,
Был и вечерний стол, приличный лишь богам,
И что наутро был день новых превращений
И новых восхищений;
А на другой день то ж. «Но что это за мир? —
Ветрана говорит, гармонии внимая
Висящих по стенам золотострунных лир. —
Всё эдак, то тоска возьмет и среди рая!
Всё чудо из чудес, куда ни поглядишь;
Но что мне в том, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселит, когда его делишь».
Лишь это вымолвить успела,
Вдруг набежала тьма, встал вихорь, грянул гром,
Ужасна буря заревела;
Всё рушится, падет вверх дном,
Как не бывал волшебный дом;
И бедная Ветрана,
Бледна, безгласна, бездыханна,
Стремглав летит, летит, летит —
И где ж, вы мыслите, упала?
Средь страшных Муромских лесов,
Жилища ведьм, волков,
Разбойников и злых духов!
Ветрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Все жилки с страха в ней дрожали!
Ночь адская была! ни звезды, ни луна
Сквозь черного ее покрова не мелькали;
Всё спит!
Лишь воет ветр, лишь лист шумит,
Да из дупла в дупло сова перелетает,
И изредка в глуши кукушка занывает.
Сиротка думает, идти ли ей иль нет,
И ждать, когда луны забрезжит бледный свет?

Но это час воров! Итак, она решилась
Не мешкая идти; итак, перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхом и тоскою;
Бледнеет и дрожит, лишь ступит шаг ногою;
Там предвещает ей последний час *ку-ку!*
Там леший выставил из-за деревьев роги;
То слышится *ау;* то вспыхнул огонек;
То ведьма кошкою бросается с дороги
Иль кто-то скрылся за пенек;
То по лесу раздался хохот,
То вой волков, то конский топот.
Но сердце в нас вещун: я сам то испытал,
Когда мои стихи в журналы отдавал;
Недаром и Ветрана плачет!
Уж в самом деле кто-то скачет
С рогатиной в руке, с пищалью за плечьми.
«Стой! стой! — он гаркает, сверкаючи очьми. —
Стой! кто б ты ни шел, по воле иль неволе;
Иль света не увидишь боле!..
Кто ты?» — нагнав ее, он грозно продолжал;
Но, видя, что у ней страх губы оковал,
Берет ее в охапку
И поперек кладет седла,
А сам, надвинув шапку,
Припав к луке, летит, как из лука стрела,
Летит, исполненный отваги,
Чрез холмы, горы и овраги
И, Клязьмы доскакав высоких берегов,
Бух прямо с них в реку, не говоря двух слов;
Ветрана ж: ах!.. и пробудилась —
Представьте, как она, взглянувши, удивилась!
Вся горница полна людей:
Муж в головах стоял у ней;
Сестры и тетушки вокруг ее постели
В безмолвии сидели;
В углу приходский поп молился и читал;
В другом углу колдун *досужий* [1] бормотал;

[1] В старину их называли *досужими*. См. Ядро Росс. истории кн. Хилкова.

У шкафа ж за столом, восчанкою накрытым,
Прописывал рецепт хирургус из немчин,
Который по Москве считался знаменитым,
Затем, что был один.
И всё собрание, Ветраны с первым взором:
«Очнулась!» — возгласило хором;
«Очнулась!» — повторяет хор;
«Очнулась!» — и весь двор
Запрыгал, заплясал, воскликнул: «Слава богу!
Боярыня жива! нет горя нам теперь!»
А в эту самую тревогу
Вошла Всеведа в дверь
И бросилась к Ветране.
«Ах, бабушка! зачем явилась ты не ране? —
Ветрана говорит. — Где это я была?
И что я видела?.. Страх... ужас!» — «Ты спала,
А видела лишь бред, — Всеведа отвечает. —
Прости, — развеселясь, старуха продолжает, —
Прости мне, милая! Я видела, что ты
По молодости лет ударилась в мечты;
И для того, когда ты с просьбой приступила,
Трехсуточным тебя я сном обворожила
И в сновидениях представила тебе,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбе
И новых благ желая,
Из доброй воли в ад влечем себя из рая.
Где лучше, как в своей родимой жить семье?
Итак, вперед страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всеми ты почтенна и счастлива».
С сим словом бросилась Ветрана обнимать
Супруга, всех родных и добрую Всеведу;
Потом все сродники приглашены к обеду;
Наехали, нашли и сели пировать.
Уж липец зашипел, всё стало веселее,
Всяк пьет и говорит, любуясь на бокал:
«Что матушки Москвы и краше и милее?» —
Насилу досказал.

1794

66. ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры:
«Жалею, — Дуб сказал, склоня к ней важны
взоры, —
Жалею, Тросточка, об участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжел и воробей;
Легчайший ветерок, едва струящий воду,
Ужасен для тебя, как буря в непогоду,
И гнет тебя к земли,
Тогда как я — высок, осанист и вдали
Не только Фебовы лучи пересекаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою и слышу вкруг спокойно треск и стон;
Всё для меня Зефир, тебе ж всё Аквилон.
Блаженна б ты была, когда б росла со мною:
Под тению моей густою
Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил
Расти, наместо злачна дола,
На топких берегах владычества Эола,
По чести, и в меня твой жребий грусть вселил».
— «Ты очень жалостлив, — Трость Дубу
отвечала, —
Но, право, о себе еще я не вздыхала,
Да не о чем и воздыхать:
Мне ветры менее, чем для тебя, опасны.
Хотя порывы их ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождем конца». — С сим словом вдруг
завыла

От севера гроза и небо помрачила;
Ударил грозный ветр — всё рушит и валит,
Летит, кружится лист; Трость гнется — Дуб стоит.
Ветр, пуще воружась, из всей ударил мочи —
И тот, на коего с трудом взирали очи,
Кто ада и небес едва не досягал, —
Упал!

<1795>

67. ПЕТУХ, КОТ И МЫШОНОК

О дети, дети! как опасны ваши лета!
Мышонок, не видавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей:
«Оставя нашу нору
И перебравшися чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.
Вдруг с ро́змаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой нахал, крикун, теперь лишь будто с бою;
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост;
Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И будто две руки, служащи для полета;
Он ими так махал
И так ужасно горло драл,
Что я, таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! Без него я, верно, бы в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга;
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;

Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными мышами».
— «А я тебе на то скажу, —
Мышонка мать остановила, —
Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот... Кот!
Под видом кротости он враг наш, злой губитель;
Другой же был Петух, миролюбивый житель.
Не только от него не видим мы вреда
Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда.
Вперед по виду ты не делай заключенья».

1802

68. МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТ СВЕТА

Восточны жители, в преданиях своих,
Рассказывают нам, что некогда у них
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слепого счастия игрою,
Оставила сей шумный мир
И скрылась от него в глубокую пещеру:
В голландский сыр.
Там, святостью одной свою питая веру,
К спасению души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландский сыр скребла, скребла
И выскребла досужным часом
Изрядну келейку с достаточным запасом.
Чего же более? В таких-то Мышь трудах
Разъелась так, что страх!
Короче — на пороге рая!
Сам бог блюдет того,
Работать миру кто отрекся для него.
Однажды пред нее явилось, воздыхая,
Посольство от ее любезных земляков;

Оно идет просить защиты от дворов
Противу кошечья народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крысополис их в осаде уж держал.
«Всеобща бедность и невзгода, —
Посольство говорит, — причиною, что мы
Несем пустые лишь сумы;
Что было с нами, всё проели,
А путь еще далек! И для того посмели
Зайти к тебе и бить челом
Снабдить нас в крайности посильным подаяньем».
Затворница на то, с душевным состраданьем
И лапки положа на грудь свою крестом,
«Возлюбленны мои! — смиренно отвечала. —
Я от житейского давно уже отстала;
Чем, грешная, могу помочь?
Да ниспошлет вам бог! А я и день и ночь
Молить его за вас готова».
Поклон им, заперлась, и более ни слова.

Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
Монах? — Избави бог и думать!.. Нет, дервиш.

<1803>

69. ЧИЖИК И ЗЯБЛИЦА

Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет:
«Ах! скоро ль солнышко взойдет
И с домиком меня застанет?
Ах! скоро ли оно проглянет?
Но вот уж и взошло! как тихо и красно!
Какая в воздухе, в дыханье, в жизни сладость!
Ах! я такого дня не видывал давно».
Но без товарища и радость нам не в радость:
Желаешь для себя, а ищешь разделить!
«Любезна Зяблица! — кричит мой Чиж соседке,
Смиренно прикорнувшей к ветке. —
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, как солнышко...» — Но солнце вдруг сокрылось,

И небо тучами отвсюду обложилось;
Все птицы спрятались, кто в гнезды, кто в реку,
Лишь галки стаями гуляют по песку
И криком бурю вызывают;
Да ласточки еще над озером летают;
Бык, шею вытянув, под плугом заревел;
А конь, поднявши хвост и разметавши гриву,
Ржет, пышет и летит чрез ниву.
И вдруг ужасный вихрь со свистом восшумел,
Со треском грянул гром, ударил дождь со градом,
И пали пастухи со стадом.
Потом прошла гроза, и солнце расцвело,
Всё стало ярче и светлее,
Цветы душистее, деревья зеленее —
Лишь домик у Чижа куда-то занесло.
О, бедненький мой Чиж! Он, мокрыми крылами
Насилу шевеля, к соседушке летит
И ей со вздохом и слезами,
Носок повеся, говорит:
«Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит:
Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит».

1793

70. ЛИСА-ПРОПОВЕДНИЦА

Разбитая параличом
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всем телом дряхлая, но бодрая умом
И в логике своей из первых мастерица,
Лисица
Уединилася от света и от зла
И проповедовать в пустыню перешла.
Там кроткие свои беседы растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правоте;
То плакала, то воздыхала
О братии, в мирской утопшей суете;
А братий и всего на проповедь сбиралось
Пять-шесть наперечет;
А иногда случалось

И менее того, и то Сурок да Крот,
Да две-три набожные Лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор;
Какой же ожидать от них Лисице дани?
Но лисий дальновиден взор:
Она переменила струны;
Взяла суровый вид и бросила перуны
На кровожаждущих медведей и волков,
На тигров, даже и на львов!
Что ж? слушателей тьма стеклася,
И слава о ее витийстве донеслася
До самого царя зверей,
Который, несмотря что он породы львиной,
Без шума управлял подвластною скотиной
И в благочестие вдался под старость дней.
«Послушаем Лису! — Лев молвил. — Что за диво?»
За словом вслед указ;
И в сутки, ежели не лживо
Историк уверяет нас,
Лиса привезена и проповедь сказала.
Какую ж проповедь! Из кожи лезла вон!
В тиранов гром она бросала,
А в страждущих от них дух бодрости вливала
И упование на время и закон.
Придворные оцепенели:
Как можно при дворе так дерзко говорить!
Друг на друга глядят, но говорить не смели,
Смекнув, что царь Лису изволил похвалить.
Как новость, иногда и правда нам по нраву!
Короче вам: Лиса вошла и в честь и славу;
Царь Лев, дав лапу ей, приветливо сказал:
«Тобой я истину познал
И боле прежнего гнушаться стал пороков;
Чего ж ты требуешь во мзду твоих уроков?
Скажи без всякого зазренья и стыда;
Я твой должник». Лиса глядь, глядь туда, сюда,
Как будто совести почувствуя улику.
«Всещедрый царь-отец! —
Ответствовала Льву с запинкой наконец. —
Индеек... *малую толику»*.

<1805>

71. ЛАСТОЧКА И ПТИЧКИ

Летунья Ласточка и там и сям бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И боле многих знала.
Пришла весна,
И стали сеять лен. «Не по сердцу мне это! —
Пичужечкам она твердит. —
Сама я не боюсь, но вас жаль; придет лето,
И это семя вам напасти породит;
Произведет силки и сетки,
И будет вам виной
Иль смерти, иль неволи злой;
Страшитесь вертела и клетки!
Но ум поправит всё, и вот его совет:
Слетитесь на загон и выклюйте всё семя».
— «Пустое! — рассмеясь, вскричало мелко племя. —
Как будто нам в полях другого корма нет!»
Чрез сколько дней потом, не знаю,
Лен вышел, начал зеленеть,
А птичка ту же песню петь.
«Эй, худу быть! еще вам, птички, предвещаю:
Не дайте льну созреть;
Вон с корнем! или вам придет дождаться лиха!»
— «Молчи, зловещая вралиха! —
Вскричали птички ей. —
Ты думаешь, легко выщипывать всё поле!»
Еще прошло десяток дней,
А может, и гораздо боле,
Лен вырос и созрел.
«Ну, птички, вот уж лен поспел;
Как хочете меня зовите, —
Сказала Ласточка, — а я в последний раз
Еще пришла наставить вас:
Теперь того и ждите,
Что пахари начнут хлеб с поля убирать,
А после с вами воевать:
Силками вас ловить, из ружей убивать
И сетью накрывать;
Избавиться такого бедства

Другого нет вам средства,
Как дале, дале прочь. Но вы не журавли,
Для вас ведь море край земли;
Так лучше ближе приютиться,
Забиться в гнездышко да в нем не шевелиться».
— «Пошла, пошла! других стращай
Своим ты вздором! —
Вскричали пташечки ей хором. —
А нам гулять ты не мешай».
И так они в полях летали да летали,
Да в клетку и попали.

Всяк только своему рассудку вслед идет;
А верует беде не прежде, как придет.

<1797>

72. ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА

«Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель,
И сторож, и министр, и алтарей служитель,
И доктор, и больной, и самый государь —
Все чувствуют, что я важней, чем календарь!
Я каждому из них минуты означаю;
Деля и день и ночь, я время измеряю!»
Так, видя на нее зевающий народ,
Хвалилась Стрелка часовая,
Меж тем как бедная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрелке ход!

Пружина — секретарь; а Стрелка, между нами...
Но вы умны: смекайте сами.

<1805>

73. ЧЕЛОВЕК И КОНЬ

Читатели! хотите ль знать,
Как лошадь нам покорна стала?
Когда семья людей за лакомство считала

Коренья, желуди жевать;
Когда еще не так, как ныне,
Не знали ни карет, ни шор, ни хомутов;
На стойлах не было коней, ни лошаков,
И вольно было жить, где хочешь, всей скотине,
В те времена Олень, поссорившись с Конем,
Пырнул его рогами.
Конь был и сам с огнем,
И мог бы отплатить, да на бегу ногами
Не так проворен, как Олень;
Гоняяся за ним напрасно, стал он в пень.
Что делать? Мщение от века
Пружина важная сердец;
И Конь прибегнул наконец
К искусству человека.
А тот и рад служить: скотину он взнуздал,
Вспрыгнул к ней на спину и столько рыси дал,
Что прыткий наш Олень в минуту стал их жертвой:
Настигнут, поражен и пал пред ними мертвый.
Тогда помощника она благодарит:
«Ты мой спаситель! — говорит. —
Мне не забыть того, пока жива я буду;
А между тем... уже невмочь моей спине,
Нельзя ль сойти с меня? Пора мне в степь отсюду!»
— «Зачем же не ко мне? —
Сказал ей Человек. — В степи какой ждать холи?
А у меня живи в опрятстве и красе
И по брюхо всегда в овсе».
Увы! что сладкий кус, когда нет милой воли!
Увидел бедный Конь и сам, что сглуповал,
Да поздно: под ярмом состарелся и пал.

<1805>

74. ЛЕБЕДЬ И ГАГАРЫ

За то, что Лебедь так и бел и величав,
Гагары на него из зависти напали
И крылья, тиной замарав,
Вкруг Лебедя теснясь, нарочно отряхали
И брызгами его марали!

Но Лебедю вреда не сделали оне!
Он в воду погрузился
И в прежней белизне
С величеством явился.

Гагары в прозе и в стихах!
Возитесь как хотите,
Но, право, истинный талант не помрачите;
Удел его: сиять в веках.

<1805>

75. РУЖЬЕ И ЗАЯЦ

Трусливых наберешь немало
От скорохода до щенка;
Но Зайца никого трусливей не бывало:
Увидя он Ружье, которое лежало
В ногах у спящего стрелка,
Так испугался,
Что даже и бежать с душою не собрался,
А только сжался
И, уши на спину, моргая носом, ждет,
Что вмиг Ружье убьет.
Проходит полчаса — перун еще не грянул.
Прошел и час — перун молчит,
А Заяц веселей глядит;
Потом, поободрясь, воспрянул,
Бросает любопытный взгляд —
Прыжок вперед, прыжок назад —
И наконец к Ружью подходит.
«Так это, — говорит, — на Зайца страх наводит?
Посмотрим ближе... да оно
Как мертвое лежит, не говорит ни слова!
Ага! хозяин спит, — так и Ружье равно
Бессильно, как лоза, без помощи другова».
Сказавши это, Заяц мой
В минуту стал и сам герой:
Храбрится и Ружье уж лапою толкает.
«Прочь, бедна тварь! — Ружье молчанье
прерывает. —
Или не знаешь ты, что я, лишь захочу,

Сейчас тебя в ничто за дерзость превращу?
От грома моего и Лев победоносный,
И кровожадный Тигр со трепетом бегут;
Беги и ты, зверек несносный!
Иль молнии мои тебя сожгут».
— «Не так-то строго! —
От Зайца был Ружью ответ. —
Ведь ныне умудрился свет,
И между зайцами трусливых уж не много.
Ты страшно лишь в руках стрелка, а без него —
Ты ничего».

Ничто и ты, закон! — подумает читатель, —
Когда не бодрствует, но дремлет председатель.

1803

76. ОРЕЛ, КИТ, УЖ И УСТРИЦА

Орел парил под облаками,
Кит волны рассекал, а Уж полз по земли;
И всё, что редкость между нами,
О том и думать не могли,
Чтоб позавидовать чужой на свете доле.
Однако говорить и мыслить в нашей воле,
И Устрица моя нимало не винна,
Что, глядя на того, другого,
Восстала на судьбу она.
«Возможно ль! — думает, — неужель никакого
Таланта не дано лишь только мне одной?
Дай полечу и я! .. Нет, это дар не мой;
Дай поплыву!» — Всё и́дет хило.
«Хоть поползем». — Не тут-то было!
А что и этого досаднее сто раз:
Подкрался водолаз,
Который, видно, что подслушал,
Схватил ее, да в рот, и на здоровье скушал.

Вот так-то весь наш век
В пустых желаньях погибает,
И редкий человек

Доволен участью бывает.
«Изрядно, но... авось и лучшее найду».
А смотришь: и нашел беду!

<1795>

77. КАРЕТНЫЕ ЛОШАДИ

Две лошади везли карету;
Осел, увидя их, сказал:
«С какою завистью смотрю на пару эту!
Нет дня, чтоб где-нибудь ее я не встречал;
Всё вместе: видно, очень дружны!»
— «Дурак, дурак! при всей длине своих ушей! —
Сказала вслед ему одна из лошадей. —
Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинка ль всегда в упряжке быть одной,
А розно жить душой?
Увы! не нам чета живут на нас похоже!»

Вчера мне Хлоин муж шепнул в собраньи то же.

1802

78. ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя друзьями были,
Издавна вместе жили,
И кушали, и пили.
Соскучился один всё видеть то ж да то ж;
Задумал погулять и другу в том открылся.
Тому весть эта острый нож;
Он вздрогнул, прослезился
И к другу возопил:
«Помилуй, братец, чем меня ты поразил?
Легко ль в разлуке быть? .. Тебе легко, жестокой!
Я знаю; ах! а мне... я, с горести глубокой,
И дня не проживу... к тому же рассуди,
Такая ли пора, чтоб в странствие пускаться?
Хоть до зефиров ты, голубчик, погоди!

К чему спешить? Еще успеем мы расстаться!
Теперь лишь Ворон прокричал,
И без сомнения — страшуся я безмерно! —
Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал,
А сердце в горести и пуще имоверно!
Когда расстанусь я с тобой,
То будет каждый день мне угрожать бедой:
То ястребом лихим, то лютыми стрелками,
То коршунами, то силками —
Всё злое сердце мне на память приведет.
Ахти мне! — я скажу, вздохнувши, — дождь идет!
Здоров ли-то мой друг? не терпит ли он холод?
Не чувствует ли голод?
И мало ли чего не вздумаю тогда!»
Безумцам умна речь — как в ручейке вода:
Журчит и мимо протекает,
Затейник слушает, вздыхает,
А всё-таки лететь желает.
«Нет, братец, так и быть! — сказал он. — Полечу!
Но ведь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь; пройдет дни три, и буду я с тобою
Клевать
И ворковать
Опять под кровлею одною;
Начну рассказывать тебе по вечерам —
Ведь всё одно да то же приговорится нам, —
Что видел я, где был, где хорошо, где худо;
Скажу: я там-то был, такое видел чудо,
А там случилось то со мной,
И ты, дружочек мой,
Наслушаясь меня, так сведущ будешь к лету,
Как будто бы и сам гулял по белу свету.
Прости ж!» — При сих словах
Наместо всех *увы!* и *ах!*
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и расстались.
Один, носок повеся, сел;
Другой вспорхнул, взвился, летит, летит стрелою,
И, верно б, сгоряча край света залетел;
Но вдруг покрылось небо мглою,
И прямо страннику в глаза
Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам словом —

Со всею свитою, как водится, гроза!
При случае таком, опасном, хоть не новом,
Голубчик поскорей садится на сучок
И рад еще тому, что только лишь измок.
Гроза утихнула, Голубчик обсушился
И в путь опять пустился.
Летит и видит с высока
Рассыпанно пшено, а возле — Голубка;
Садится, и в минуту
Запутался в сети; но сеть была худа,
Так он против нее носком вооружился;
То им, то ножкою тянув, тянув, пробился
Из сети без вреда,
С утратой перьев лишь. Но это ли беда?
К усугубленью страха
Явился вдруг Сокóл и, со всего размаха,
Напал на бедняка,
Который, как злодей, опутан кандалами,
Тащил с собой снурок с обрывками силка.
Но, к счастью, тут Орел с широкими крылами
Для встречи Сокола спустился с облаков;
И так, благодаря стечению воров,
Наш путник Соколу в добычу не достался,
Однако всё еще с бедой не развязался:
В испуге потеряв и ум и зоркость глаз,
Задел за кровлю он как раз
И вывихнул крыло; потом в него мальчишка —
Знать, голубиный был и в том еще умишка —
Для шутки камешек лукнул
И так его зашиб, что чуть он отдохнул;
Потом... потом, прокляв себя, судьбу, дорогу,
Решился брести назад, полмертвый, полхромой;
И прибыл наконец калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которых бог любви соединил!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь!
Пускай один в другом находит каждый час
Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный!
Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?

Любовь, поверьте мне, всё заменит для вас.
Я сам любил: тогда за луг уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах! .. Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?
Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых обольщений
И полно мне любить?

<1795>

79. ОРЕЛ И ЗМЕЯ

Орел из области громов
Спустился отдохнуть на луг среди цветов
И встретил там Змею, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипит и на Орла кидается с размаху.
Что ж делает пернатых царь?
Бросает гордый взгляд и к солнцу возлетает.

Так гений своему хулителю отмщает.

1805

80. ЗМЕЯ И ПИЯВИЦА

«Как я несчастна!
И как завидна часть твоя! —
Однажды говорит Пиявице Змея. —
Ты у людей в чести, а я для них ужасна;
Тебе охотно кровь они свою дают;
Меня же все бегут и, если могут, бьют;
А кажется, равно мы с ними поступаем:
И ты и я людей кусаем».
— «Конечно! — был на то пиявицын ответ. —
Да в цели нашей сходства нет:
Я, например, людей к их пользе уязвляю,
А ты для их вреда;

Я множество больных чрез это исцеляю,
А ты и не больным смертельна завсегда.
Спроси самих людей: все скажут, что я пра́ва;
Я им лекарство, ты отрава».

Смысл этой басенки встречается тотчас:
Не то ли Критика с Сатирою у нас?

<1803>

БАСНИ

Книга вторая

81. МУДРЕЦ И ПОСЕЛЯНИН

Как я люблю моих героев воспевать!
Не знаю, могут ли они меня прославить;
Но мне их тяжело оставить,
С животными я рад всечасно лепетать
И век мой коротать;
Люблю их общество! — Согласен я, конечно,
Есть и у них свой плут, сутяга и пролаз,
И хуже этого; но я чистосердечно
Скажу вам между нас:
Опасней тварей всех словесную считаю,
И плут за плута — я Лису предпочитаю!
Таких же мыслей был покойник мой земляк,
Не автор, ниже чтец, однако не дурак,
Честнейший человек, оракул всей округи.
Отец ли огорчен, размолвятся ль супруги,
Торгаш ли заведет с товарищем расчет,
Сиротка ль своего лишается наследства —
Всем нужда до его советов иль посредства.
Как важно иногда судил он у ворот
На лавке, окружен согласною семьею,
Детьми и внуками, друзьями и роднею!
«Ты прав! ты виноват!» — бывало, скажет он,
И этот приговор был силен, как закон;
И ни один не смел, ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды пред его почтенной сединою.
Однажды, помню я, имел с ним разговор
Проезжий моралист, натуры испытатель:
«Скажи мне, — он спросил, — какой тебя
писатель

Наставил мудрости? Каких монархов двор
Открыл перед тобой все таинства правленья?
Зенона́ ль строгого держался ты ученья
Иль Пифагоровым последовал стопам?
У Эпикура ли быть сча́стливым учился
Или божественным Платоном озарился?»
— «А я их и не знал ниже по именам! —
Ответствует ему смиренно сельский житель. —
Природа мне букварь, а сердце мой учитель.
Вселенну населил животными творец;
В науке нравственной я их брал в образец;
У кротких голубков я перенял быть нежным;
У муравья — к труду прилежным
И на зиму запас копить;
Волом я научен терпенью;
Овечкою — смиренью;
Собакой — неусыпным быть;
А если б мы детей невольно не любили,
То куры бы меня любить их научили;
По мне же, так легко и всякого любить!
Я зависти не знаю;
Доволен тем, что есть, — богатый пусть богат,
А бедного всегда как брата обнимаю
И с ним делиться рад;
Стараюсь наконец рассудка быть под властью,
И то́лько, — вот и вся моя наука счастью!»

<1805>

82. ВОРОБЕЙ И ЗЯБЛИЦА

«Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен
Или подружкой недоволен,
А может, и несчастлив в ней!
Мне жалок он!» — сказал печально Воробей.
«Он жалок? — Зяблица к словам его пристала. —
Как мало в сердце ты читал!
Я лучше отгадала:
Любил он, так и пел; стал счастлив — замолчал».

<1805>

83. ИСТОРИЯ

Столица роскоши, искусства и наук
Пред мужеством и силой пала;
Но хитрым мастерством художнических рук
Еще она блистала
И победителя взор дикий поражала.
Он с изумлением глядит на истукан
С такою надписью: «Блюстителю граждан,
Отцу отечества, утехе смертных рода
От благодарного народа».
Царь-варвар тронут был
Столь новой для него и благородной данью;
Влеком к невольному вниманью,
В молчаньи долго глаз он с лика не сводил.
«Хочу, — сказал потом, — узнать его деянья».
И вмиг толмач его, разгнув бытописанья,
Читает вслух: «Сей царь бич подданных своих,
Родился к гибели и посрамленью их:
Под скипетром его железным
Закон безмолвствовал, дух доблести упал,
Достойный гражданин считался бесполезным,
А раб коварством путь к господству пролагал».
В таком-то образе Историей правдивой
Потомству предан был *отечества отец*.
«Чему же верить мне?» — воскликнул наконец
Смятенный скиф. «Монарх боголюбивый! —
Согнувшись до земли, вельможа дал ответ:
Я, раб твой, при царях полвека пресмыкался;
Сей памятник в моих очах сооружался,
Когда еще тиран был бодр и в цвете лет;
А повесть, сколько я могу припомнить ныне,
О нем и прочем вышла в свет
Гораздо по его кончине».

1818

84. ПРОХОЖИЙ

Прохожий, в монастырь зашедши на пути,
Просил у братий позволенья
На колокольню их взойти.
Взошел и стал хвалить различные явленья,
Которые ему открыла высота.
«Какие, — он вскричал, — волшебные места!
Вдруг вижу горы, лес, озера и долины!
Великолепные картины!
Не правда ли?» — вопрос он сделал одному
Из братий, с ним стоящих.
«Да! — труженик, вздохнув, ответствовал ему: —
Для проходящих».

<1803>

85. МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? — мы пахали!»

От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«*Мы* сбили! *Мы* решили!»

<1805>

86. ДВА ДРУГА

Давно уже, давно два друга где-то жили,
Одну имели мысль, одно они любили
И каждый час
Друг с друга не спускали глаз;
Всё вместе; только ночь одна их разводила;

Но нет, и в ночь душа с душою говорила.
Однажды одному приснился страшный сон;
Он вмиг из дому вон,
Бежит встревоженный ко другу
И будит. Тот вскочил.
«Какую требуешь услугу? —
Смутясь, он говорил. —
Так рано никогда мой друг не пробуждался!
Что значит твой приход? Иль в карты проигрался?
Вот вся моя казна! Иль кем ты огорчен?
Вот шпага! Я бегу — умру иль ты отмщен!»
— «Нет, нет, благодарю; ни это, ни другое, —
Друг нежный отвечал, — останься ты в покое:
Проклятый сон всему виной!
Мне снилось на заре, что друг печален мой,
И я... я столько тем смутился,
Что тотчас пробудился
И прибежал к тебе, чтоб успокоить дух».

Какой бесценный дар — прямой, сердечный друг!
Он всякие к твоей услуге ищет средства:
Отгадывает грусть, предупреждает бедства;
Его безделка, сон, ничто приводит в страх,
Друг в сердце, друг в уме — и он же на устах!

<1795>

87. ДОН-КИШОТ

Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться,
Решился лучше их пасти
И жизнь невинную в Аркадии вести.
Проворным долго ль снаряжаться?
Обломок дротика пошел за посошок,
Котомкой с табаком мешок,
Фуфайка спальная пастушечьим камзолом,
А шляпу, в знак его союза с нежным полом,
У клюшницы своей соломенную взял
И лентой родового цвета
Под бледны щеки подвязал
Узлами в образе букета.
Спустил на волю кобеля,

Который к хлебному прикован был амбару;
Послал в мясном ряду купить баранов пару,
И стадо он свое рассыпал на поля
По первому морозу;
И начал воспевать зимой весенню розу.
Но в этом худа нет: веселому всё в лад,
И пусть играет всяк любимою гремушкой;
А вот что невпопад:
Идет коровница — почтя ее пастушкой,
Согнул наш пастушок колена перед ней
И, размахнув руками,
Отборными словами
Пустился петь эклогу ей.
«Аглая! — говорит, — прелестная Аглая!
Предмет и тайных мук и радостей моих!
Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
Лелеять и любить овечек лишь своих?
Послушай, милая! там, позади кусточков,
На дереве гнездо нашел я голубочков:
Прими в подарок их от сердца моего;
Я рад бы подарить любезную полсветом —
Увы! мне, кроме их, бог не дал ничего!
Они белы как снег, равны с тобою цветом,
Но сердце не твое у них!»
Меж тем как толстая коровница Аглая,
Кудрявых слов таких
Седого пастушка совсем не понимая,
Стоит разинув рот и выпуча глаза,
Ревнивый муж ее, подслушав селадона,
Такого дал ему туза,
Что он невольно лбом отвесил три поклона;
Однако ж головы и тут не потерял.
«Пастух — невежда! — он вскричал. —
Не смей ты нарушать закона!
Начнем пастуший бой:
Пусть победителя Аглая увенчает —
Не бей меня, но пой!»
Муж грубый кулаком вторичным отвечает,
И, к счастью, в глаз, а не в висок.
Тут нежный, верный пастушок,
Смекнув, что это въявь увечье, не проказа,
Чрез поле рысаком во весь пустился дух

И с этой стал поры не витязь, не пастух,
Но просто — дворянин без глаза.

Ах! часто и в себе я это замечал,
Что, глупости бежа, в другую попадал.

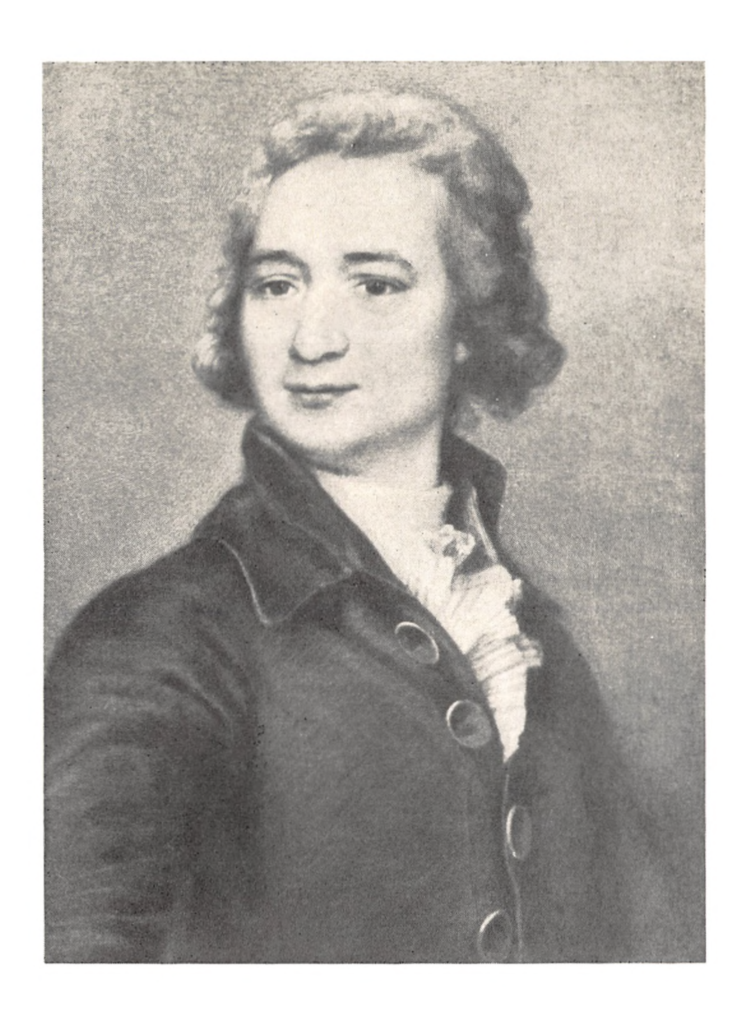
<1805>

88. СОВЕСТЬ

Не тигр, а человек — и сын убил... отца!
Убил, но никому не ведомо то было;
Однако ж сердце в нем уныло,
Завянул цвет лица,
Стал робок, одичал и наконец сокрылся
В дремучие леса.
Однажды, между тем как он бродил, томился,
Попалося ему в глаза
Воробышков гнездо; он подобрал каменья
И начал в них лукать.
Прохожий, видя то и выйдя из терпенья,
Кричит ему: «Почто невинных убивать?»
— «Как! — он ответствует. — Легка ли небылица?
Проклятые кричат, что я отцеубийца!»
Прохожий на него бросает строгий взор;
Он весь трясется и бледнеет;
Злодейство на челе час от часу яснеет;
Винится, и вкусил со смертию позор.

О совесть! добрых душ последняя подруга!
Где уголок земного круга,
Куда бы не проник твой глас?
Неумолимая! везде найдешь ты нас.

<1798>

89. ПРИДВОРНЫЙ И ПРОТЕЙ

Издавна говорят, что будто царедворцы
Для польз отечества худые ратоборцы;
А я в защиту их скажу, что в старину
Придворный именно спас целую страну.
А вот как это и случилось.
Был мор; из края в край всё царство заразилось;
И раб, и господин, и поп, лейбмедик сам —
Всё мрет; а срок бедам
Зависел от ума Протея.
Но кто к нему пойдет? Кривляка этот бог
И прытких делывал без ног,
Различны виды брать умея.
Из тысячи граждан один был только смел,
Хотя он при дворе возрос и поседел,
Идти на всякий страх, во что бы то ни стало.
Увидя рыцаря, Протей затрепетал,
И вмиг — как не бывал,
А выползла змея красивая, скрыв жало.
«Куда как мудрено! —
Сказал с усмешкою Придворный. —
Я ползать и колоть уж выучен давно».
И кинулся герой проворный
Ловить Протея. Тот вдруг обезьяной стал,
Там волком, там лисою.
«Не хвастайся передо мною!
И этому горазд!» — Придворный говорил,
А между тем его веревкою крутил;
Скрутя же, говорить легко его заставил
И целую страну от мора тем избавил.

<1803>

90. СЛЕПЕЦ И РАССЛАБЛЕННЫЙ

«И ты несчастлив! .. дай же руку!
Начнем друг другу помогать.
Ты скажешь: есть кому мне вздох мой передать;
А я скажу: мою он знает грусть и муку —
И легче будет нам».

Так говорил мудрец Востока,
И вот его же притча вам.
Два были нищие, и оба властью рока
Лишенны были средств купить трудами хлеб;
Один был слеп,
Другой расслабленный; желают смерти оба;
Но горемыки здесь как дара ждут и гроба:
На помощь к ним и смерть нейдет.
Расслабленный конца своим страданьям ждет
На голой мостовой, снося и жар, и холод,
Всего же чаще голод
И нечувствительность румяных богачей.
Слепец равно терпел, или еще и боле:
Тот мог, хотя вдали, в день летний видеть поле;
А для него уж нет и солнечных лучей!
Вся жизнь глубока ночь, и скоро ль рассветает,
Увы! не знает.
Одной собачкой он был искренно любим,
Ласкаем и водим;
И ту какие-то злодеи не украли,
А нагло от его веревки отвязали
И увели с собой.
Слепец случайно очутился
На том же месте, где расслабленный томился;
Он слышит стон его, и сам пускает вздох.
«Товарищ! — говорит. — Несчастных сводит бог;
Нам должно побрататься,
Иметь одну суму
И вместе горевать. Не станем разлучаться!»
— «Согласен, — отвечал расслабленный ему, —
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Друг другу можем быть? Ты слеп, а я безногой!
Что ж будем делать мы? еще тебе скажу».
— «Как? — подхватил слепец. — Ты зряч, а я хожу;
Так ты ссужай меня глазами,
А я с охотою ссужусь тебе ногами;
Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
И будем каждый так служить в свою чреду».

<1805>

91. ОТЕЦ С СЫНОМ

— «Скажите, батюшка, как счастия добиться?» —
Сын спрашивал отца. А тот ему в ответ:
«Дороги лучшей нет,
Как телом и умом трудиться,
Служа отечеству, согражданам своим,
И чаще быть с пером и книгой,
Когда быть дельными хотим».
— «Ах, это тяжело! как легче бы?» — «Интригой,
Втираться жабой и ужом
К тому, кто при дворе фортуной вознесется...»
— «А это низко!» — «Ну, так просто... быть глупцом:
И этак многим удается».

<1805>

92. СУП ИЗ КОСТЕЙ

«О времена! о времена! —
Собака, выходя из кухни, горько выла. —
Прощайся и с костьми! будь вечно голодна
И околей за то, что с верностью служила!
Вот дождались каких мы дней!
Безвременная смерть! уж нет нам и костей!»
— «Да где ж они?» — вопрос ей сделала другая,
Собака пожилая,
Прикованна подле ворот.
— «В котле, да не для нас, а для самих господ:
Какой-то выдумщик, злодей собачью роду,
И верно уж француз, пустил и кости в моду!
Он выдумал из них дешевый суп варить
И хочет им людей кормить;
А нам уже ни кости!
Я тресну с голода и злости!»
— «А мой совет, — сказал на привязи мудрец, —
В молчании терпеть, пока судьба сурова!
Ведь этот случай нам не первый образец:
Большой всегда на счет меньшова».

<1805>

93. ПЧЕЛА И МУХА

«Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела
Так Мухе говорила. —
Сказать ли весточку? Какой я сот слепила!
Мой мед прозрачнее стекла;
И как душист! как сладок, вкусен!»
— «Поверю, — Муха ей ответствует, — ваш род
Природно в том искусен;
А я хотела б знать, каков-то будет плод,
Продлятся ли жары?» — «Да! что-то будет с медом?»
— «Ах! этот мед да мед, твоим всегдашним бредом!»
— «Да для того, что мед...» — «Опять? нет сил терпеть...
Какое малодушье!
Я, право, получу от слов твоих удушье».
— «Удушье? ничего! съесть меду да вспотеть,
И всё пройдет; мой мед...» — «Чтоб быть тебе без жала! —
С досадой Муха ей сказала. —
Сокройся в улий свой, вралиха, иль молчи!»

О, эгоисты-рифмачи!

<1805>

94. СЛОН И МЫШЬ

Как ни велик и силен Слон,
Однако же и он
Поиман мудростью людскою:
Превосходительный тяжелою стопою
Ступил по хворосту — и провалился в ров.
Чрез час потом и Мышь подверглась той же доле.
Но Мышке там простор; она, не тратя слов,
Пошла карабкаться и выпрыгнула в поле;
А великан мой, став по нужде философ,
Не могши в западне ниже пошевелиться:
«Увы! — кричит. — К чему ведет нас толщина?
Что в росте? Мелочным не страх и провалиться,
И Мышка в западне свободнее Слона!»

<1810>

95. БЫК И КОРОВА

«Как жалок ты! — Быку Корова говорила. —
Судьба тебя на труд всегдашний осудила».
Наутро повели Корову на убой,
К закланию богам. Бык, вспомня речь вчерашню,
«Гордись, красавица, — сказал, — своей судьбой:
Ты к алтарям идешь, а я — опять на пашню».

<1810>

96. БОБР, КАБАН И ГОРНОСТАЙ

Кабан, да Бобр, и Горностай
Стакнулись к выгодам искать себе дороги.
По долгом странствии, в пути отбивши ноги,
Приходят наконец в обетованный край,
Привольный для всего; однако ж этот рай
Был окружен болотом,
Вместилищем и жаб и змей.
Что делать? Никаким не можно изворотом
Болота миновать, а кто себе злодей?
Кому охотно жизнь отваживать без славы?
В раздумьи путники стоят у переправы.
«Осмелюсь», — Горностай помыслил; и слегка
Он лапку вброд и вон, и одаль в два прыжка:
«Нет! братцы, — говорит, — по совести признаться,
Со всем обилием край этот не хорош;
Чтоб вход к нему найти, так должно замараться,
А мне и пятнышко ужаснее, чем нож!»
— «Ребята! — Бобр сказал. — С терпеньем
И уменьем
Добьешься до всего; я в две недели мост
Исправный здесь построю:
Тогда мы перейдем к довольству и покою;
И гады в стороне, и не замаран хвост;
Вся сила не спешить и бодрствовать в надежде».
— «В полмесяца? пустяк! я буду там и прежде», —
Вскричал Кабан — и разом вброд:
Ушел по рыло в топь, и змей и жаб — всё давит,
Ногами бьет, пыхтит, упорно к цели правит,

И хватски на́ берег из мутных вылез вод.
Меж тем как на другом товарищи зевают,
Кабан, встряхнувшися, надменный принял вид
И чрез болото к ним с презрением хрючит:
«Вот как по-нашему дорогу пробивают!»

<1818>

БАСНИ

Книга третья

97. КОТ, ЛАСТОЧКА И КРОЛИК

Случилось Кролику от дома отлучиться,
Иль лучше: он пошел Авроре поклониться
На тмине, вспрыснутом росой.
Здоров, спокоен и на воле,
Попрыгав, пощипав муравки свежей в поле,
Приходит Кроличек домой,
И что же? — чуть его не подкосились ноги!
Он видит: Ласточка расставливает там
Своих пенатов по углам!
«Во сне ли я иль нет? Страннолриимны боги!» —
Изгнанник возопил
Из отческого дома.
«Что надобно?» — вопрос хозяйки новой был.
«Чтоб ты, сударыня, без грома
Скорей отсюда вон! — ей Кролик отвечал. —
Пока я всех мышей на помощь не призвал».
— «Мне выдти вон? — она вскричала. — Вот прекрасно!
Да что за право самовластно?
Кто дал тебе его? И стоит ли войны
Нора, в которую и сам ползком ты входишь?
Но пусть и царство будь: не все ль мы здесь равны?
И где, скажи мне, ты находишь,
Что бог, создавши свет, его размежевал?
Бог создал Ласточку, тебя и Дромадера;
А землемера
Отнюдь не создавал.
Кто ж боле права дал на эту десятину
Петрушке Кролику, племяннику иль сыну

Филата, Фефела, чем Карпу или мне?
Пустое, брат! земля всем служит наравне;
Ты первый захватил — тебе принадлежала;
Ты вышел — я пришла, моею норка стала».
Петр Кролик приводил в дово́д
Обычай, *давность.* «Их законом, —
Он утверждал, — введен в владение наш род
Бесспорно этим домом,
Который Кроликом Софроном
Отказан, справлен был за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, в силу права,
Тож сыну, именно мне, Кролику Петру;
Но если думаешь, что вру,
То отдадим себя на суд мы Крысодава».
А этот Крысодав, сказать без многих слов,
Был постный, жирный Кот, муж свят из всех котов,
Пустынник набожный средь света
И в казусных делах оракул для совета.
«С охотой!» — Ласточка сказала. И потом
Пошли они к Коту. Приходят, бьют челом
И оба говорят: «Помилуй!» — «Рассудите! . .»
— «Поближе, детушки, — их перервал судья, —
Не слышу я,
От старости стал глух; поближе подойдите!»
Они подвинулись, и вновь ему поклон;
А он
Вдруг обе лапы врозь, царап того, другова,
И вмиг их примирил,
Не вымолвя ни слова:
Задавил.

Не то же ль иногда бывает с корольками,
Когда они в своих делишках по землям
Не могут примириться сами,
А прибегают к королям?

<*1805*>

98. ЖАВОРОНОК С ДЕТЬМИ И ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Пословица у нас: *на ближних уповай,*
А сам ты не плошай!
И правда; вот пример. В прекрасные дни года,
В которые цветет и нежится природа,
Когда всё любится, медведь в лесу густом,
Киты на дне морском,
А жаворонки в поле,
Не ведаю того, по воле иль неволе,
Но самочка одна
Из племя жавронков летала да гуляла!
И о влиянии весны не помышляла,
А уж давно весна!
Сдалася наконец природе и она,
И матерью еще назваться захотела:
У птичек много ли затей?
Свила во ржи гнездо, снесла яичек, села
И вывела детей.
Рожь выросла, созрела,
А птенчики еще не в силах ни порхать,
Ни корма доставать:
Всё матушка ищи. — «Ну, детушки, прощайте!
Я за припасом полечу, —
Сказала им она, — а вы здесь примечайте,
Не соберутся ль жать, и тотчас голос дайте;
Так я другое вам пристанище сыщу».
Она лишь из гнезда, пришел хозяин в поле
И сыну говорит: «Ведь рожь и жать пора,
Смотри, как матера!
Ступай же ты, не медля боле,
И попроси друзей на помощь к нам прийти».
«Ах, матушка! лети, скорее к нам лети!» —
Малютки в страхе запищали.
«Что, что вам сделалось?» — «Ахти! мы все пропали:
Хозяин был, он хочет жать,
Уж сыну и друзей велел на помочь звать».
— «А боле ничего? — ответствовала мать. —
Так не к чему спешить: *день ночи мудренее;*
Вот, детушки, вам корм; покушайте скорее,
Да ляжем с богом спать!» Они того, сего
Клевнули,

Прижались под крыло к родимой и уснули.
Уж день, а из друзей нет в поле никого.
Пичужечка опять пустилась за припасом;
А селянин на рожь,
И мыслит: на родню сторонний не похож!
«Поди-ка, сын мой, добрым часом
Ты к дяде своему да свату поклонись».
Малютки пуще взволновались
И матери вослед все в голос раскричались:
«Ах! милая, скорей, родима, воротись!
Уж за родней пошли». — «Молчите, не пугайтесь! —
Ответствовала мать, — и с богом оставайтесь».
Еще проходит день; хозяин в третий раз
Приходит в поле. «Изрядно учат нас, —
Он сыну говорит, — и дельно! впредь не станем
С надеждою зевать, а поскорей вспомянем,
Что всякий сам себе вернейший друг и брат;
Ступай же ты назад
И матери скажи с сестрами,
Чтоб на поле пришли с серпами».
А птичка, слыша то, сказала детям так:
«Ну, детки, вот теперь к походу верный знак!»
И дети в тот же миг скорей, скорей сбираться,
Расправя крылья, в первый раз
За маткой кое-как вверх, вверх приподниматься,
И скрылися из глаз.

<1793>

99. ВЕРБЛЮД И НОСОРОГ

Верблюду говорил однажды Носорог:
«Вовек я приложить ума к тому не мог,
За что пред нами вы в такой счастливой доле?
Вас держит человек всегда в чести и холе,
И кормит вдоволь, и поит,
И ваше разводить старается он племя;
Согласен, что на вас нередко вьючат бремя,
От коего ваш брат довольно и кряхтит,
Что кротки вы, легки, притом неутомимы;
Но те же самые достоинства и в нас,

Да по рогу еще для случая в запас, —
А всё мы презрены, гонимы!»
— «Дружок! — ответствовал
Верблюд. —
Покорность иногда достоинствам замена.
Чтоб людям угодить, один ли нужен труд?
Умей и подгибать колена».

<1810>

100. РЫСЬ И КРОТ

Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота,
Из жалости ему по-свойски говорила:
«Увы! мой бедный Крот! несчастье слепота!
И рощица, и луг с цветами — все места
Тебе как темная могила!
Какая жизнь твоя!
С утра до вечера ты спишь или зеваешь
И ни о чем не рассуждаешь;
А я
Теперь же, будто на ладоне,
Всё вижу на версту вокруг
И всё пересказать готова, — слушай, друг:
Вот ястреб в облаках за коршуном в погоне;
Здесь ласточка своих птенцов
Питает мухами, добычей пауковой;
Там хитрая лиса цыпленку строит ков;
Там кролика постиг ружья удар громовой;
Здесь кошка давит мышь; а там
Змея впилась в корову;
А далее — медведь, разинув пасть багрову,
Ревет и гонится за серной по скалам;
А вот и лютый волк ягненочка терзает...»
— «Ах, полно, полно! — Крот болтунью
прерывает. —

Утешно ль зрячим быть для ужасов таких?
Довольно и того, что слышал я об них».

<1810>

101. ИСТУКАН И ЛИСА

Осел, как скот простой,
Глядит на Истукан пустой
И лижет позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилежно раза два,
Пошла и говорит: «Прекрасна голова,
Да жаль, что мозгу нет!» — Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы с сим Истуканом схожи?

<1795>

102. ЖЕЛАНИЯ

Сердися Лафонтен иль нет,
А я с ним не могу расстаться.
Что делать? Виноват, свое на ум нейдет,
Так за чужое приниматься.
Слыхали ль вы когда от нянек об духах,
Которых запросто зовем мы домовыми?
Как не слыхать! детей всегда стращают ими;
Они во всех странах
Живут между людей, неся различны службы, —
Без всякой платы, лишь из дружбы;
Кто правит кухнею, кто холит лошадей;
Иные берегут людей
От злого глаза и уроков,
И все имеют дар пророков.
Один из тех духов
Был в Индии у мещанина
Хранителем его садов;
Он госпожу и господина
Любил не меньше, чем родных;
Всегда, бывало, их
Своим усердьем утешает
И в упражненьи всякий час:
То мирточки садит, то лучший ананас
К столу хозяев выбирает.
Хозяям клад был гость такой!
Но доброе всегда непрочно;
Не знаю точно,
Что было этому виной —

Политика или товарищей коварство, —
Вдруг от начальника приказ ему лихой
Лететь в другое государство;
Куда ж? сказать ли вам,
Сердца чувствительны и нежны?
Из мест, где счета нет цветам,
Из вечного тепла — в сугробы, в горы снежны,
На край Норвегии! Вдруг из индейца будь
Лапландец! Так и быть, слезами не поправить,
А только лишь надсадишь грудь.
«Прощайте, господа! Мне должно вас оставить! —
Со вздохом добрый дух хозяйвам говорил. —
Я здесь уж отслужил;
Наш князь указ наслал, предписывает строго
Лететь на север мне. Хоть грустно, но лететь!
Недолго, милые, уже на вас глядеть:
С неделю, месяц много.
Что мне оставить вам за вашу хлеб и соль,
В знак моего признанья?
Скажите: я могу исполнить три желанья».
Известен человек: просить чего? — изволь,
Сейчас готовы крылья.
«Ах! изобилья, изобилья!» —
Вскричали в голос муж с женой.
И изобилие рекой
На дом их полилося:
В шкатулы золотом, в амбары их пшеном,
А в выходы вином;
Верблюдов табуны, — откуда что взялося!
Но сколько ж и забот прибавилося с тем!
Легко ли усмотреть за всем,
Всё счесть, всё записать? Минуты нет покоя:
В день доброхотов угощай,
Тому в час добрый в долг, другому так давай,
А в ночь дрожи и жди разбоя.
«Нет, Дух! — они кричат, — возьми свой дар назад;
С богатством не житье, а вживе сущий ад!
Приди, спокойствия подруга неизменна,
Наставница людей,
Посредственность бесценна!
Приди и возврати нам счастье прежних дней!..»
Она пришла, и два желания свершились,

Осталось третье объявить:
Подумали они и наконец решились
Благоразумия просить,
Которое во всяко время
Нигде и никому не в бремя.

<1797>

103. НИЩИЙ И СОБАКА

Большой боярский двор Собака стерегла.
Увидя старика, входящего с сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною! —
С боязнью, пóшептом бедняк ее молил. —
Я сутки уж не ел... от глада умираю!»
— «Затем-то я и лаю, —
Собака говорит, — чтоб ты накормлен был».

Наружность иногда обманчива бывает:
Иной как зверь, а добр; тот ласков, а кусает.

<1803>

104. СВЕРЧКИ

Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А нацией сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейский дом;
Один в передней жил, другой же в кабинете,
И каждый день они видалися тайком.
«Нет лучше нашего хозяина на свете! —
Сказал товарищу Сверчок, —
Как гнется, даром что высок!
Какая кротость в нем! какая добродетель!
И как трудолюбив! Я сам тому свидетель,
Какую кучу он записок отберет,
И что же? Ни одной из них не издерет,
А всё за ним тащат!» — «На произвол судьбины, —
Товарищ подхватил. —

Дружок! Ты, видно, век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины;
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
В передней барин то, чем хочет он казаться,
А здесь — каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
А до других и дела нет:
Вот нашего ханжи и всё тут уложенье!
Оставь же лишнее к нему ты уваженье!
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
Парадного с приватным».

<1810>

105. ОСЕЛ И КАБАН

Не знаю, отчего зазнавшийся Осел
Храбрился, что вражду с Кабаном он завел,
С которым и нельзя иметь ему приязни.
«Что мне Кабан! — Осел рычал. —
Сейчас готов с ним в бой без всякия боязни!»
— «Мне в бой с тобой? — Кабан с презрением сказал. —
Несчастный! Будь спокоен:
Ты славной смерти недостоин».

<1805>

106. ЛЕТУЧАЯ РЫБА

Есть рыбы, говорят, которые летают!
Не бойтесь: я хочу не Плиния читать,
А только вам сказать,
Что и у рыб бывают
Такие ж мудрецы и трусы, как у нас;
Вот и пример для вас.
Одна из рыб таких и день и ночь грустила
И бабушке своей твердила:
«Ах, бабушка! Куда от злобы мне уйти?
Гонение и смерть повсюду на пути!

Лишь только я летать, орлы клюют носами;
Нырну в глубь моря, там встречаема волками!»
Старуха ей в ответ:
«Что делать, дитятко! Таков стал ныне свет!
Кому не суждено орлом быть или волком,
Тому один совет, чтоб избежать беды:
Держись всегда своей тропинки тихомолком,
Плывя *близ* воздуха, летая *близ* воды».

<1802>

107. ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

С восходом солнечным переходя лужок,
Три путника нашли с червонцами мешок;
Они потом находку разделили
И с общего согласья положили,
Чтоб младшему идти за хлебом на обед.
Товарищ их пошел; а старший, глядя вслед,
Другому говорит: «Почто его мы взяли?
Не будь он, так мешок достался б только двум.
Но знаешь ли, что мне пришло, товарищ, в ум?
Кинжал бы в бок ему, и поминай как звали!»
— «А часть его в раздел», — товарищ подхватил.
Меж тем и закупщик дорогой в мыслях был:
«Что, если бы вчера, не ныне,
Попался мне мешок? Тогда я шел один,
Тогда б я был не в половине,
А полной суммы господин! ..
Дай хлеб отравим!
Товарищей моих постигнет вечный сон,
А мы к своей казне и их казну прибавим».
Как думал, так и сделал он.
Хлеб с ядом принесен; но прежде в два кинжала
Товарищи его пронзили наповал;
Потом, когда в нем кровь под сердцем замирала,
Но он еще дышал,
Они, наевшись хлеба,
И сами у его простерлись хладных ног.
Их нет, а деньги тут! — и голос грянул с неба:
«Всевидящ скрытый бог».

<1810>

108. ОРЕЛ И КАПЛУН

Юпитеров Орел за облака взвивался:
Уже он к трону приближался
Властителя громовых стрел —
И весь пернатых род на след его смотрел.
«Недаром он любим Юнониным супругом! —
В восторге восклицал Петух. —
Какая быстрота! какой великий дух!
Каким он очертил свой путь обширным кругом!
Недаром, повторю, вручен ему перун;
Кто равен с ним?» — «Кто? Ты и я, — сказал
Каплун, —
Конечно; будем только смелы,
То так же обтечем небесные пределы
И к солнцу возлетим;
А это покажу примером я моим».
С сим словом, размахнув крылами,
Уже задорный удалец
Между землей и небесами —
И вмиг... на кровлю, как свинец.

Спасибо Каплуну! и он урок оставил:
Отважный без ума всегда себя бесславил.

<1810>

109. МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

Природу одолеть превыше наших сил:
Смиримся же пред ней, не умствуя нимало.
«Зачем ты льнешь?» — Магнит Железу говорил.
«Зачем влечешь меня?» — Железо отвечало.

Прелестный, милый пол! чем кончу я рассказ,
Легко ты отгадаешь.
Подобно так и ты без умысла прельщаешь;
Подобно так и мы невольно любим вас.

<1800>

110. СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел.
Добро бы строить, нет! садить еще хотел!
А трое молодцов, зевая на работу,
Смеялися над ним. «Какую же охоту
На старости бог дал!» —
Один из них сказал.
Другой прибавил: «Что ж? еще не опоздал!
Ковчег и большего терпенья стоил Ною».
— «Смешон ты, дедушка, с надеждою пустою! —
Примолвил третий Старику. —
Довольно, кажется, ты пожил на веку;
Когда ж тебе дождаться
Под тению твоей рябинки прохлаждаться?
Ровесникам твоим и настоящий час
Неверен;
А *завтрем* льстить себя оставь уже ты нас».
Совет довольно здрав, довольно и умерен
Для мудреца в шестнадцать лет!
«Поверьте мне, друзья, — Старик сказал в ответ, —
Что *завтре* ни мое, ни ваше;
Что парка бледная равно
Взирает на теченье наше.
От провидения нам ведать не дано,
Кому из нас оно судило
Последнему взглянуть на ясное светило!
Не можете и вы надежны быть, как я,
Ниже на миг один... Работа же моя
Не мне, так детям пригодится;
Чувствительна душа и вчуже веселится.
Итак, вы видите, что мной уж собран плод,
Которым я могу теперь же наслаждаться
И *завтре,* может статься,
И далее... как знать — быть может, что и год.
Ах! может быть и то, что ваш безумец хилый
Застанет месяца восход
Над вашей, розами усыпанной... могилой!»
Старик предчувствовал: один, прельстясь песком —
Конечно, золотым, — уснул на дне морском;

Другой под миртами исчез в цветущи лета;
А третий — дворянин, за честь к отмщенью скор, —
Войдя с приятелем в театре в легкий спор,
За креслы, помнится... убит из пистолета.

<1795>

111. ЛЕВ И КОМАР

«Прочь ты, подлейший гад, навоза
порожденье!» —
Лев гордый Комару сказал.
«Потише! — отвечал Комар ему, — я мал,
Но сам не меньше горд, и не снесу презренье!
Ты царь зверей,
Согласен;
Но мне нимало не ужасен:
Я и Быком верчу, а он тебя сильней».
Сказал и, став трубач, жужжит повестку к бою;
Потом с размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетел и в шею Льву впился:
У Льва глаз кровью налился;
Из пасти пена бьет; зубами он скрежещет,
Ревет, и всё вокруг уходит и трепещет!
От Комара всеобщий страх!
Он в тысячи местах,
И в шею, и в бока, и в брюхо Льва кусает,
И даже в глубь ноздри влетает!
Тогда несчастный Лев, в страданьи выше сил,
Как бешеный, вкруг чресл хвостом своим забил
И начал грызть себя; потом... лишившись мочи,
Упал, и грозные навек смыкает очи,
Крылатый богатырь тут пуще зажужжал
И всюду разглашать о подвигах помчался;
Но скоро сам попал
В засаду к Пауку и с жизнию расстался.

Увы! в юдоли слез неверен каждый шаг;
От злобы, от беды когда и где в покое?
Опасен *крупный* враг,
А *мелкий* часто вдвое.

<1805>

112. ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА

Какой-то государь, прогуливаясь в поле,
Раздумался о царской доле.
«Нет хуже нашего, — он мыслил, — ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое!
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля; чтоб народ мой ликовал в покое;
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.
Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут.
Бояра лишь чины берут,
Народ мой стонет, я страдаю,
Советуюсь, тружусь, никак не успеваю;
Полсвета властелин — не веселюсь ничем!»
Чувствительный монарх подходит между тем
К пасущейся скотине;
И что же видит он? Рассыпанных в долине
Баранов, тощих до костей,
Овечек без ягнят, ягнят без матерей!
Все в страхе бегают, кружатся,
А псам и нужды нет: они под тень ложатся;
Лишь бедный мечется Пастух:
То за бараном в лес во весь он мчится дух,
То бросится к овце, которая отстала,
То за любимым он ягненком побежит,
А между тем уж волк барана в лес тащит;
Он к ним, а здесь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастух рвет волосы, ревет,
Бьет в грудь себя и смерть зовет.
«Вот точный образ мой, — сказал самовластитель. —
Итак, и смирненьких животных охранитель
Такими ж, как и мы, напастьми окружен,
И он, как царь, порабощен!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Так думая, вперед он путь свой продолжал,
Куда? и сам не знал;
И наконец пришел к прекраснейшему стаду.
Какую разницу монарх увидел тут!
Баранам счету нет, от жира чуть идут;

Шерсть на овцах как шелк и тяжестью их клонит:
Ягнятки, кто кого скорее перегонит,
Толпятся к маткиным питательным сосцам;
А Пастушок в свирель под липою играет
И милую свою пастушку воспевает.
«Несдобровать, овечки, вам! —
Царь мыслит. — Волк любви не чувствует закона,
И Пастуху свирель худая оборона».
А волк и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потом один из них ягненочка догнал,
Который далеко от страха забежал,
И тотчас в кучку всех по-прежнему собрал;
Пастух же всё поет, не шевелясь нимало.
Тогда уже в царе терпения не стало.
«Возможно ль? — он вскричал. — Здесь множество волков,
А ты один... умел сберечь большое стадо!»
— «Царь! — отвечал Пастух, — тут хитрости не надо:
Я выбрал *добрых* псов».

1802

113. СМЕРТЬ И УМИРАЮЩИЙ

Один охотник жить, не старее ста лет,
Пред Смертию дрожит и во́пит,
Зачем она его торопит
Врасплох оставить свет,
Не дав ему свершить, как водится, духовной,
Не предваря его хоть за год наперед,
Что он умрет.
«Увы! — он говорит, — а я лишь в подмосковной
Палаты заложил; хотя бы их докласть;
Дай винокуренный завод мой мне поправить
И правнуков женить! а там... твоя уж власть!
Готов, перекрестясь, я белый свет оставить».
— «Неблагодарный! — Смерть ответствует ему. —
Пускай другие мрут в весеннем жизни цвете;
Тебе бы одному
Не умирать на свете!

Найдешь ли двух в Москве, — десятка даже нет
Во всей империи, доживших до ста лет.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранее тебя к свиданию со мной:
Тогда бы ты успел красивый дом достроить,
Духовную свершить, завод поправить свой
И правнуков женить; а разве мало было
Наветок от меня? Не ты ли поседел?
Не ты ли стал ходить, глядеть и слышать хило?
Потом пропал твой вкус, желудок ослабел,
Увянул цвет ума и память притупилась;
Год от году хладела кровь,
В день ясный средь цветов душа твоя томилась,
И ты оплакивал и дружбу и любовь.
С которых лет уже отвсюду поражает
Тебя печальна весть: тот сверстник умирает,
Тот умер, этот занемог
И на одре мученья?
Какого ж более хотел ты извещенья?
Короче: я уже ступила на порог,
Забудь и горе и веселье;
Исполни мой устав!» —
Сказала — и Старик, не думав, не гадав
И не дострoя дом, попал на новоселье!!

Смерть пра́ва: во сто лет отсрочки поздно ждать;
Да как бы в старости страшиться умирать?
Дожив до поздних дней, мне кажется, из мира
Так должно выходить, как гость отходит с пира,
Отдав за хлеб и соль хозяину поклон.
Пути не миновать, к чему ж послужит стон?
Ты сетуешь, старик?! Взгляни на ратно поле:
Взгляни на юношей, на этот милый цвет,
Которые летят на смерть по доброй воле,
На смерть прекрасную, сомнения в том нет,
На смерть похвальную, везде превозносиму,
Но часто тяжкую, притом неизбежиму!..
Да что! я для глухих обедню вздумал петь:
Полмертвый пуще всех боится умереть!

<1805>

АПОЛОГИ

114. РАВНОВЕСИЕ

Сын севера! суров и хладен твой климáт;
Ужасны льды твои, но счастлив ты сто крат:
В тебе и бодрый дух, и богатырска сила.
В Сицилии ж вулкан; чума на бреге Нила.

<1826>

115. ЛЬВИНОЕ ПРАВО

Медведя Лев спросил: «Через твою берлогу
Позволь мне проложить военную дорогу».
— «Нельзя!» — сказал Медведь; и в шубу нос уткнул.
Что ж сделал Лев? — Перешагнул.

<1826>

116. ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК

Простой цветочек, дикой,
Нечаянно попал в один пучок с гвоздикой;
И что же? От нее душистым стал и сам. —
Хорошее всегда знакомство в прибыль нам.

<1805>

117. ДИТЯ НА СТОЛЕ

«Как я велик!» — дитя со столика вскричал.
А нянька говорит: «Сниму, так будешь мал».
Богач с надменною душою!
Смекай заранее: урок перед тобою.

<1805>

118. РАЗБИТАЯ СКРИПКА

Скрипица пошлая упала и разбилась.
Скрипач ее склеил,
И скрипка из дурной — прекрасной очутилась.
Тот, верю, стал умней, кто в школе бедствий был.

<1805>

119. ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНИЕ

«Что сделалось с тобою ныне?
О милый куст! ты бледен стал;
Где зелень, запах твой?» — «Увы! — он отвечал. —
Я на чужбине».

<1826>

120. ПЛОДЫ МУДРОГО ПРАВЛЕНИЯ

При пятом Льве Медведь за правду лез из кожи,
Вол сдабривал поля и был неутомим;
Конь смелостью блистал. Короче заключим:
Велик монарх — отличны и вельможи.

<1826>

121. ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Тигр, ужас всех зверей, подняв кровавы взоры,
Морфея умолял, чтоб сон к нему послал.
«Для извергов, тебе подобных, — бог сказал, —
Готовлю я не мак, но совести укоры».

<1826>

122. РОЗА И ШМЕЛЬ

«Прочь, наглый, прочь ты, Шмель! — вскричала *утром* Роза. —
Ты осквернишь меня; ты мне страшней мороза».
— «Прощаю спесь твою: ты только расцвела;
Я *вечером* приду, авось не будешь зла».

<1826>

123. ПЕСНЬ ЛЕБЕДЯ

Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владетель.
«Ты весел? — я его, растроганный, спросил.
«Да, — он ответствовал, — час смерти наступил».
Спокойно жизни путь свершает добродетель.

<1826>

124. ПОРОК И ДОБРОДЕТЕЛЬ

«Я царь земной!» — Порок в надменности изрек.
«А я царю небес мой жребий поручила», —
Смиренно Доблесть говорила.
Решись и выбирай, бессмертный человек!

<1826>

125. СКОРБЬ И ФОРТУНА

Отрады луч блеснул у Скорби на челе:
«Что этому виной? — Фортуна вопросила. —
Давно ль твой томный взор поникнут был к земле?»
— «Я малостью слезу сиротки осушила».

<1826>

126. ОШИБКА ЧИЖА

Чиж, в птичник залетя, прельстился им как раем.
Раздолье! пьет и ест одно он с Попугаем.
Но долго ль? Нет! Скворец там заклевал его. —
Опасно выходить из круга своего.

<1826>

127. ЖЕРТВЕННИК И ПРАВОСУДИЕ

Во храме Жертвенник преступника скрывал.
«Как? — Правосудие вопило раздраженно. —
Скрывать преступника!» — «Да, — Жертвенник сказал. —
Несчастие священно».

<1826>

128. ПЛОД

Садовник сетовал, что долго плод не зреет;
А плод судил: вина не от моих семян:
Дай больше света мне, и буду я румян. —
Без солнца и талант в созрении коснеет.

<1826>

129. ЕЖ И МЫШЬ

Еж говорил, что он из одного презренья
К мирскому скрыл себя во мрак уединенья.
«Сосед! — сказала Мышь, — рассказывай другим:
От мира злой не прочь, но в мире тесно с ним».

<1826>

130. ДЕРЕВЦО

Березка выросла пред домом кривобока:
Пришлось выкапывать; но корни так ушли
Далёко в глубину, что вырыть не могли. —
История порока.

<1826>

131. ЧАДОЛЮБИВАЯ МАТЬ

Мартышка, с нежностью дитя свое любя,
Без отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? Наконец в объятьях задушила. —
Мать слабая! Поэт! остереги себя.

<1826>

132. РЕПЕЙНИК И ФИАЛКА

Между Репейником и розовым кустом
Фиалочка себя от зависти скрывала;
Безвестною была, но горестей не знала. —
Тот счастлив, кто своим доволен уголком.

<1824>

133. КУРИЦА И УТЯТА

«Ты всё с утятами». — «Кому ж ходить за ними?
Я высидела их». — «Но что тебе они?
Чужие». — «Нужды нет! хочу считать моими». —
Кто любит помогать, тот всякому сродни.

<1826>

134. КЛЕВЕТА

Честон был поражен кинжалом, но слегка.
Дан промах, так и быть! Злодей вскричал: «Отселе
По крайней мере знак останется на теле». —
Черта клеветника.

<1826>

135. СВЕТЛЯК И ЗМЕЯ

Со светлым червячком встречается Змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
«Убийца! — он вскричал. — За что погибнул я?»
— «Ты светишь», — отвечает.

<1824>

136. СВОЕНРАВНАЯ ЛИСА

Свет полон чудаков: Медведь Лисе был друг;
И с Тигром и Слоном хлеб-соль она водила,
Но никого в своем соседстве не любила,
А пуще всех своих подруг.

<1826>

137. ЗМЕЯ И ПТИЦЕЛОВ

У сетки сторожа добычу, Птицелов
Давнул Змею, а та в него вонзила жало,
И вмиг его не стало! —
Нередко гибнет злой, другому строя ков.

<1826>

138. ПАВЛИН

Индеек не на вкус пришел павлиний рост.
«Какой, — кричат, — урод!» А он в ответ злодейкам
Лишь только раздувал свой изумрудный хвост. —
Творенье гения — ответ *его* индейкам.

<1826>

139. ЧЕЛОВЕК, ОБЕЗЬЯНА, ЧЕРВЬ И ЯБЛОКО

Садовник, яблоко отняв у Обезьяны,
Вскричал: «Оно мое!» — и тотчас раскусил.
«Неправда, а мое! вы сильны, так и рьяны», —
Из яблока ему Червь бедный возразил.

<1826>

140. МАРТЫШКА И ЛИСА

«Скажи мне, есть ли зверь,
Которого бы я замашки не схватила?»
— «Конечно, нет; но всякий, мне поверь,
Стыдится захотеть, чтоб ты его учила».

<1826>

141. НЕВИННОСТЬ И ЖИВОПИСЕЦ

В Амуре на холсте всё жизнию дышало;
Невинность перед ним горит, потупя взор.
Артист встревожился: «Что значит сей укор?
Что надобно еще Амуру?» — *Покрывало.*

<1826>

142. ДУХ СМИРЕНИЯ

Сыны Османовы вопили: «Мщенье, мщенье!
Наполним ужасом и кровью все места!»
А вы что им в отпор, о воины Христа? —
«Прощенье».

<1826>

143. ОРЕЛ И ФИЛИН

Орел стремил полет свой к Фебову престолу,
А Филин говорил: «От солнца мука нам».
Так доблесть ясный взор возводит к небесам,
Злодейство опущает долу.

<1824>

144. МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

«Зачем ты льнешь?» — Магнит Железу говорил.
«Зачем влечешь меня?» — Железо отвечало. —
И в нас бы сердце то ж, прелестный пол, сказало:
Природу одолеть превыше наших сил.

<1826>

145. УТОПШИЙ УБИЙЦА

Убийца, чтоб спастись от строгости судей
И казни, весь дрожа, бежал через плотину,
Споткнулся и в реке нашел свою кончину. —
Суд Промысла везде найдет тебя, злодей!

<1826>

146. МЩЕНИЕ ПЧЕЛЫ

Обиду мстя, Пчела
В обидчика вонзила жало.
«И возгордилася?» — «Нимало:
На язве умерла».

<1826>

147. ХЛЕБ И СВЕЧКА

«Прочь, дале! близ тебя лежать я не хочу», —
Хлеб Свечке говорил; а та ему: «Напрасно;
Чем хуже я тебя? Подумай беспристрастно:
Ты кормишь — я свечу».

<1826>

148. ЛЕВ И ВОЛК

Волк, полуночный тать,
Схватил козленочка. «Не смей его терзать, —
Воскликнул Лев, — пусти!» И Волк ему послушен.
Подлец всегда свиреп; герой великодушен.

<1826>

149. МЯЧИК

«Несносный жребий мой! то вверх, то вниз лечу;
Вперед, назад меня толкают.
Ракете смех, а я страдаю и молчу». —
Проситель! и с тобой не лучше поступают.

<1826>

150. КОМ ЗЕМЛИ

«Не амбра ль ты? — подняв Ком, персти я сказал. —
Как от тебя благоухает!»
— «Нет, — он мне отвечает, —
Я Ком простой земли, но с розою лежал».

<1826>

151. ЧЕРЕПАХА

«Над Черепахою нельзя не прослезиться».
— «Спасибо! что б тебя растрогать так могло?»
— «Легко ль носить свой дом, повсюду с ним тащиться?»
— «Что в пользу, то не тяжело».

<1826>

152. ДВЕ МОЛИТВЫ

Средь храма, ниц челом, Моллак молился вслух:
«Всезрящий! ты мне всё: пошли мне воздаянье!»
А нищий в уголку шептал, смиря свой дух:
«Отец! дай мне отжить в сердечном покаяньи!»

<1826>

153. КАМЕННАЯ ГОРА И ВОДЯНАЯ КАПЛЯ

«С умом ли, Капля, ты? Меня пробить взялась!
Меня, гранитную! Ты, право, стоишь смеха».
Но Капля молча всё кап, кап... и пробралась. —
Настойчивость — залог успеха.

<1826>

154. БОГАЧ И ПОЭТ

«Поэт и горд еще! — сказал спесивый Клим. —
А чем богат? Ума палата!»
— «Купи бессмертие себе ценою злата, —
Ответствовал Поэт, — и я смирюсь пред ним».

<1824>

155. ЖЕЛАНИЕ И СТРАХ

Неугомонное и вздорное Желанье
Пред Дием завсегда толклось как на часах.
«Постой же, — он сказал, — отныне в обузданье
Пускай сопутствует ему повсюду Страх».

<1826>

156. МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЕК

Блестящий тысячью Ирисиных цветов,
Из мыла Пузырек на воздухе гордился;
Но дунул ветр, и вмиг он в каплю превратился. —
Судьба временщиков.

<1826>

157. БЕСПЕЧНОСТЬ ПОЭТА

Поэт случайно в честь и круг бояр попал;
Но буря зависти против его восстала,
И всюду разнеслось: певцу грозит опала.
«Так я был в случае? вот новость!» — он сказал.

<*1826*>

158. СОБАКА И ПЕРЕПЕЛ

За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом,
Но Перепел не слеп: он с места вмиг спорхнул
И песню с высоты в насмешку затянул:
«Изменник! ты берешь ползком, а я полетом».

<*1824*>

159. ПОДСНЕЖНИК

«Что мне зима? — сказал Подснежник, ранний цвет. —
Пускай ее страшатся розы;
Я все превозмогу и бури, и морозы». —
Для гения препоны нет.

<*1824*>

160. УЗДА И КОНЬ

С чего Конь пышет, ржет? — Гортань дерут Уздою.
Ослабили Узду, и Конь пошел на стать. —
Властитель! хочешь ли спокойно обладать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою.

<*1826*>

161. ПРОХОЖИЙ И ПЧЕЛА

«О Пчелка! меж цветов, прекраснейших для взора,
Есть ядовитые: отравят жизнь твою;
Смотри же не садись на каждый без разбора!»
— «Не бойся: яд при них; я только нектар пью».

<1826>

162. ОРЕЛ И КОРШУН

Юпитер Коршуну сказал: «Твоя чреда,
Орел в опале: будь его преемник власти».
И вдруг раздор, грабеж, все взволновались страсти.
Ошибка в выборе — беда.

<1826>

163. ДВА ВРАЧА

Один угрюмый Врач подобен был тирану:
Больной отчаянье в глазах его читал.
Другой участием, приветством жизнь вливал. —
Так бережно целить нам должно сердца рану.

<1826>

164. ЦВЕТ И ПЛОД

Цветной горох под суд хозяина попал
За то, что, возгордясь, всех братьев презирал;
И вот как приговор был справедлив и точен:
«Цвет мил на час, а Плод питателен и прочен».

<1826>

165. САДОВАЯ МЫШЬ И КАБИНЕТСКАЯ КРЫСА

«Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!
Умнее ль будешь ты? Пустая то мечта», —

Сказала Крысе Мышь, жилица в темном гроте.
Ответ был: «Что мне ум? Была бы лишь сыта».

<1826>

166. ОСЕЛ И ВЫЖЛИЦА

«Скот глупый взял перед! и по какому праву? —
Шумела Выжлица. — Иль я не удала,
Иль обгоню его на славу». —
Не много славы в том, чтоб обогнать Осла.

<1826>

167. НИСПРОВЕРЖЕННЫЙ ИСТУКАН

«Что вижу? Истукан мой в прахе! Мщенье,
мщенье, —
Вскричал Деспот, себя равнявший с божеством, —
Накажем смертью дерзновенье!
Кто низложил его? кто этот враг мой?» — Гром.

<1826>

168. ЧЕЛНОК БЕЗ ВЕСЛА

По ветру, без весла, Челнок помчался в море,
Ударился в скалу и раздробил свой бок.
На жизненной реке и нам такое ж горе:
Без мудрости прощай наш утлый челночок!

<1826>

Эпилог

169. АВТОР И КРИТИКА

Что вздумалось тебе сухие апологи
Представить критикам на суд?
Ты знаешь, как они насмешливы и строги. —
Тем лучше: их прочтут.

<1826>

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

170. НАДПИСЬ ⟨К ПОРТРЕТУ⟩ КНЯЗЮ АНТИОХУ ДИМИТРИЕВИЧУ КАНТЕМИРУ

Се князь изображен Молдавский Кантемир,
Что первый был отцом *российскиих* сатир,
Которы в едкости Боаловым равнялись
И коих остротой читатели пленялись.

Но только ль что в стихах он разумом блистал?
Не меньше он и тем хвалы достоин стал,
Что дух в нем мудрого министра находился:
И весь *британский* двор политике его дивился.

1777

171. ИДИЛЛИЯ

Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь,
Престань, поток, журчать, а ты, о лес, шуметь!
Усни, природа вся, и дай на час мне время
Оплакать жизнь мою, котору чту за бремя!

О вы, прекрасные, зеленые места!
Куда девалася днесь ваша красота,
Которой мы всегда с Ирисой восхищались,
Когда здесь воздухом прохладным наслаждались?

Но ах, Ирисы нет! Прошли уж те часы,
В которые я мог все зреть ее красы..,

Ирисы больше нет!.. Воспоминанье слезно!
Но что мне здесь стоять и плакать бесполезно?

Пойду хоть к тем местам, где с нею я бывал
И где я истинно блаженство ощущал,
Пойду и током слез тропинки все омою,
По коим бегала любезная со мною!

Вот место, где ее я в первый раз узрел,
Стал вечно пленником и страстью воскипел!..
На этой мураве Ириса отдыхала
И, сонная моя, лобзанья принимала.

Вот здесь, на бережку, я с нею говорил
И, в первый раз еще, любовь мою открыл!
А струйки оных вод свидетелями были,
Как мы взаимную присягу учинили.

Возможно ль мне, увы, сдержати слезный ток,
Когда я ни взгляну на милый сей лесок,
Где вскоре увенчать любовь свою мы льстились,
Но строгостью судьбы друг с другом разлучились!

О рок, почто ты к нам толико ныне строг?
Скажи мне, чем тебя озлобити я мог?
За что столь жестоко невинного караешь
И вечно от меня Ирису отнимаешь?

Но суетен мой вопль! Никем не внемлем он!
Не слышит и сама любезная мой стон:
Уже в других странах Ириса обитает,
А бедный Полидор... с печали умирает!

<1782>

172. СТИХИ
НА КОНЧИНУ ДОКТОРА ВИРА

Что вижу? злая смерть днесь косу поднимает
И Вира поразить с свирепостью алкает!
Оставь, чудовище, стремление свое

И вспомни, чье пресечь стремишься бытие?
Престань ты суетной надеждою гордиться!
Возможно ли тому тобою сокрушиться,
Который сам тебя нередко побеждал
И из когтей твоих жертв многих исторгал?
Беги от здешних мест... но суетно вещанье:
Сугубит смерть свое злодейско пореванье,
Подъемлется коса, — удар уж совершен,
И, ах, почтенный муж вдруг оным стал сражен!
Померкнул огнь очей и живость вся увяла,
Дух к небу воспарил, а плоть земля приняла:
Природе отдан долг, открылся человек...
Расстались, Вир, с тобой, расстались мы навек!
Уж нет тебя, одно лишь имя остается,
О коем память в нас потоле не минется,
Поколь Сарептский ключ, тобою что открыт,
Врачебную своих вод силу сохранит.

<1782>

173. ЭПИГРАММА

За что Ликаста осуждают,
Что вяло пишет он?
Им издан только «Сон»,
Когда же складны сны бывают?

<1782>

174. ОТВЕТ

Мой друг, судьба определила,
Чтоб я терзался всякий час;
Душа моя во мне уныла,
И жар к поэзии погас.
Узрю ль весну я? Неизвестно,
Но только то скажу нелестно,
Что если счастлив я в тебе,

Любезна для меня природа
Во все четыре время года,
И не пеняю я судьбе.

Март 1788

175. К***, КОТОРАЯ ХОТЕЛА ИСПОРТИТЬ ЧАСЫ

Ах, Лиза! мне ль на то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тем лучше: я не буду знать,
Когда с тобою разлучиться.

1788

176. ОТЪЕЗД

Простите, Лары и Пенаты!
Прости и ты, волшебный край,
В котором гении крылаты
Казали мне и в дебрях рай;
Где я мечтами забавлялся,
Где лютый всех знобил мороз;
А я лежал средь нежных роз
И ароматом их питался;
И где в замерзлом ручейке
Видался каждый день с Наядой;
Где куст, береза вдалеке
Казались мне гамадриадой;
А дьяк или и сам судья
Какой-нибудь Цирцеи жертвой.
Ах, как в тебе был счастлив я!
Бывало, и живой и мертвый
Равно повиновались мне,
И я, не выходя из дому,
Чудесил так, что вряд другому
Увидеть даже и во сне.
Лишь месяц лик уставит в воду
И светлу твердь застелет мрак —
То есть как ночь на всю природу

Накинет флеровый колпак —
С восторгом я в тебя вступаю
И, как могучий чародей,
Натурою повелеваю:
Хочу — и зрю толпу людей,
За *тридевять* земель лежавших
Два века в мать сырой земле,
В их прежнем образе представших
Глазам моим в прозрачной мгле.
Вздохну — и вижу я Темиру,
В ее объятия лечу,
И в тот же миг, наладя лиру,
Что придет на сердце, бренчу.
Еще вздохну — и вмиг предстанет
Покрытый муравою луг;
С улыбкой нежной солнце взглянет,
Вспорхнет зефир, явится друг
С своею арфой сладкогласной
И маю возгласит на ней:
«Спеши, спеши, о май прекрасный,
Любезный вождь весенних дней!
Дохни к нам нежными устами —
И ландыш с розой расцветут;
Тебя с простертыми руками
Прелестны нимфы с неба ждут».
Но время, хоть никто не просит,
На быстрых крылиях своих
Мечты, утехи все уносит,
И я почти лишен моих
Необходимою судьбою!
Ах! скоро, скоро я с тобою
Расстануся, волшебный мир!
Пройдет недели две, не боле,
И я уже на чистом поле
Лечу на тройке, как зефир.
Удалы мчат, закинув гривы,
Земля бежит, и пыль столбом!
Прощайте, дни мои счастливы!
Прощай, отеческий мой дом!
Прощайте, грации и музы!
Увы! невольно сладки узы
Я должен с вами перервать...

Прощай, прощай и ты, о Волга! —
О Марс! о честь! о святость долга!
Скачу, скачу... *маршировать.*

1788

177. ЛЮБОВЬ И ДРУЖЕСТВО

Священно дружество, о коль твой силен глас!
Под тяжким бременем недугов злых страдая,
В унынии души отрад не ожидая,
Уже я навсегда хотел забыть Парнас;
Уже не строил больше лиру,
Не воспевал на ней ни друга, ни Плениру;
Лишь только, на нее взирая, воздыхал
И слезы из очей безмолвно проливал.
Но днесь твои, мой друг, приятнейшие строки,
Как будто животворны соки,
Влияли жар и силу вновь
В мою, уже хладевшу, кровь
И к музе паки обратили,
С которою меня дни мрачны разлучили.
Покорствуя тебе, долг дружества плачу,
Внемли: я петь стихи печальные хочу.
Божественным владевый даром,
Бессмертный Оссиан, высокий сей певец,
Дермида предал со Оскаром
Потомству дружбы в образец.
И в склонностях, и летах равны,
Сии два друга были славны
Согласием их душ и мужеством равно.
Узнав их, всякий мнил, что сердце в них одно.
В сражениях они друг друга защищали
И вместе лавры пожинали,
Примерной дружбы их узла
И самая любовь расторгнуть не могла.
Уллином в мир произведенна,
Комала, красотой небесной одаренна,
По смерти дней своих творца,
Который низложен Оскаровой рукою,
Была назначена судьбою
Пленить героев двух сердца.

Уже они клянут тот день, который славой
Их подвиг увенчал,
Когда толь сильный враг от их меча упал;
Уже, исполненны любовною отравой,
Во славе счастия не зрят —
Их счастие в любви, ее боготворят.
Довольно ль за отца, Комала! ты отмстила?
Но, ах, сим тень его лишь больше раздражила!
Героев ты пленя, познала горший плен.
Оскар, которым твой родитель умерщвлен,
Кто б мог вообразить? — Оскар тебе любезен!
Вотще ты хочешь быть сама к себе строга,
Вотще желаешь зреть в Оскаре ты врага,
Увы! среди любви рассудок бесполезен! —
«Оскар! — Дермид в слезах ко другу так вещал: —
Оскар! кляни меня: я твой соперник стал —
Комалу я люблю! Но ты пребудь спокоен!
Ты счастлив в ней, я нет...
Вкушай плоды любви, а я оставлю свет;
Умру, слез дружества достоен!
Мой друг! в последний раз ты мне послушен будь,
Возьми свой меч и им пронзи несчастну грудь!..»
— «Что слышу? — рек Оскар, сугубо изумленный. —
Ужель Дермид меня способным чает быть
Кровь друга своего дражайшую пролить?
Бывал ли таковой злой изверг во вселенной?
Дермид! хотя ты мне совместник по любви,
Но я лишь помню то, что ты мой друг: живи!»
— «Мне жить? Ах, нет! мне век уж не прелестен!
Рази меня, доколь невинен я и честен!
Рази!.. Иль хочешь ты меня толь низким зреть,
Чтоб выю я простер под недостойну руку,
Дабы со срамом умереть?
Оскар, не множь мою ты муку, —
Дай смерть рукой своей, и верь мне, что она
Пребудет для меня и для тебя славна!»
— «Дермид, ты требуешь? О, горестная доля!
Зри слезы... Что сказать?.. Твоя свершится воля!
Но что, ужели ты с бесславием умрешь?
Как агнец, выю сам под острие прострешь?
Нет! Смерть твоя должна быть смертию героя!
Ступай, вооружись, назначим место боя!

Сражен твоей рукой, безропотно паду
Или, сразя тебя, сам путь к тебе найду».

Уже они текут на брег шумящей *Бранны,*
Где были столько крат победой увенчанны.
Остановляются, в слезах друг друга зрят;
Безмолвствуют, но, ах, сердца их говорят!
Объемлются; потом, мечами
Ударив во щиты, вступают в смертный бой.
Уже с обеих стран лиется кровь ручьями;
Уже забвен был друг — сражался лишь герой,
Но чувство дружества Оскара просвещает:
Оскар, воспомня то, что друга поражает,
Содрогнулся и свой умерил пылкий жар.
Дермид же, в смерти зря себе небесный дар,
Отчаян, яростен, опасность презирая,
Бросается на меч, колеблется, падет
И, руки хладные ко другу простирая,
С улыбкой на устах сей оставляет свет.
Оскар, отбросив меч, очам его ужасный,
Источник пролил слез и горько восстенал:
«Кого ты поразил рукой своей, несчастный? —
На труп взирая, он вещал. —
Се друг твой, се Дермид, тобою убиенный!
А ты, ты, кровию Дермида обагренный,
Еще остался жив! Оскару ль то снести?
Умри, злодей, умри! .. Комала, ах! прости!»

С сим словом путь к своей возлюбленной направил,
Котору посреди смущения оставил.
С пришествием его она узрела свет.
«Но отчего Оскар толь медленно идет? —
Комала говорит. — Печально он взирает
И рук своих ко мне уже не простирает? ..
Вздыхает... Небеса! Какой еще удар!
Дражайший мой, скажи, что сделалось с тобою?»
— «Комала! — рек Оскар. —
Внимай, тебе я стыд и грусть мою открою!
Известна ты, что я доднесь в метанье стрел
Подобного себе из воинов не зрел:
Стрела, которую рука моя пускала,
Всегда желаема предмета достигала;

Но днесь — о стыд, о срам, о горька часть моя! —
Искусства я сего, сверх чаянья, лишился,
И славы блеск моей навек уже затмился!
Комала, видишь ли близ оного ручья
Надменный дуб, главу меж прочих возносящий,
И светлый оный щит, внизу его висящий?
Сей щит Гармуров был,
Которого мой меч дни славны прекратил.
Кто б думал, чтоб рука, пославша смерть герою
(О стыд, о вечный стыд! куда тебя сокрою!)
Пронзить в средину щит бессильною была?»
— «Оскар, — с улыбкой дщерь Уллинова рекла, —
Утешься! Мой отец... прости, что я вздохнула,
Хоть властвует любовь, природа не уснула...
Дражайший мой отец в младенчестве своем
Учил меня владеть стрелой и копием.
Пойдем, любезный мой! Мне счастье вместо дара
Пособит, может быть, загладить стыд Оскара».

Посем они спешат в уединенный лес,
Где им назначен был рок лютый от небес.
Достигши до него, Комала отступает,
Остановляется и лук свой напрягает;
А между тем Оскар скрывается за щит...
Увы! летит стрела и в грудь его разит!..

«Благодарю тебя, — он рек, упав на землю, —
Что от руки твоей, Комала, смерть приемлю!
Достоин я сего: я друга пролил кровь!
Закрой, дражайшая, закрой мои зеницы;
Простись со мной и две гробницы
Любовникам своим готовь!» —
Вздохнул и кончил жизнь... Отчаянна Комала
Не долго труп его слезами орошала:
В Оскаре счастие, вселенну погубя,
Вонзила острый меч немедленно в себя.

Три жертвы, бедственно любовию сраженны,
По смерти стали быть навеки сопряженны.
Чувствительны сердца их вместе погребли
И кроткий памятник над ними вознесли,

Который и поднесь в дубраве существует
И их печальную кончину повествует.

Когда пресветлый Феб с лазуревых небес
В полудни жаркие лучи распростирает
И сладостный зефир во густоте древес,
От зноя утомлен, едва не умирает,
Невинны пастыри незлобивых овец
Стекаются вкушать при гробе сем отраду,
Где, вспомня жалостный почиющих конец,
Лиют потоки слез, забыв идти ко стаду.

1788

178. ЛЕСТНИЦА

Примеры гордости и счастия превратна
Мы видим каждый день.
Стояла лестница у дома благодатна,
И верхняя ее ступень
Всегда с презрением на сестр своих смотрела,
А на последнюю не только не глядела,
Но даже и родней считати не хотела.
«Возможно ль, — говорит, — равняться с ними мне?
Оне
Всегда замараны, по них всечасно ходят.
А я на самой высоте;
Всяк час в опрятности и красоте;
И все ко мне глаза с почтением возводят;
Меня и мой хозяин чтит;
Но вот и он... Что я сказала?
Он тотчас сам то подтвердит».

Ах! как же плохо ты, ступенька, отгадала!
Хозяин инако судил:
Он лестницу оборотил;
Увы! ты на землю спустилась,
А нижняя ступень на самый верх взмостилась.

<1789>

179. ДВЕ ГРОБНИЦЫ

Идиллия

Пастух

Прохожий! Буди твой благополучен путь,
Что делаешь ты здесь?

Прохожий

Желая отдохнуть,
Искал я место, где б под тению густою
Прохладу мне найти от солнечного зною;
И вот нечаянно послала мне судьба
Отломки мраморны разрушенна столба.
Нет вечного! и мрамор бренный!

Пастух

Ты зришь остатки здесь гробницы разоренной.

Прохожий

Но что-то там еще белеется в кустах?
Приближимся... сосуд!
(Поднимает его.)

Пастух

(подойдя к Прохожему и смотря во внутренность сосуда)

Высокомерный прах!
И ты не уцелел! Как люди безрассудны!

Прохожий

(рассматривая с ужасом иссеченные на нем изображенья)

Что вижу я на нем!.. О, боги правосудны!
Какое страшное позорище глазам!
(Читает)

«Лиется кровь по всем местам,
Жилища в пепел превращенны,
Лежат младенцы умерщвленны.
Как звери воины текут,
Ужасну смерть в руках несут,
И жен и старцев заколают,
И тучны нивы попирают!..»

(Бросает сосуд с видом негодования.)

Исчезни от меня ты, ужаса предмет!
Да смотрит на тебя всяк путник с отвращеньем,
Да будет проклят тот, со всем своим киченьем,
Которого хранил ты прах толико лет!..
Но кто был варвар сей?..

Пастух

Был изверг смертных рода,
Хотя и слыл отцом великого народа:
Он все дал чувствовать нам бедствия войны,
Пришед из дальних мест с мечом в сии страны,
Где наши прадеды, под сенью кротка мира,
Не ведали того, что узы, что порфира;
Но вскоре оные им чужды имена
Познала наша вся, к несчастию, страна.
Как волк, томимый сильным гладом,
Стремится, воя, вслед за боязливым стадом,
Так он лишь с войсками смертоубийц вступил
Во беззащитное и мирное селенье,
Незлобливый народ без брани покорил
И ввергнул в рабское уничиженье.

Потом, чтоб будущим векам
Известной учинить победу горьку нам,
Рушитель нашея свободы и покою
Сей пышный памятник воздвиг своей рукою,
Дымящейся еще в крови... О, суд богов!
В крови, ах! наших праотцов.
Безумный! Он хотел, чтоб даже и потомки
С проклятием его, к нему питали страх;
Но гроба вот его уже отломки,
Со смрадной тиною его уж смешан прах.
Уже без трепета подлейше насекомо
По притупленному мечу его ползет,
Как будто чувствием влекомо,
Что варвара сего уж нет.
Он мертв, но смерть его ему не в облегченье,
Невинный терпит здесь, злодей в аду мученье.
Такая всех тиранов часть!
Ах! лестно ль сей ценой купить верховну власть!
Я лучше соглашусь в посредственной быть доле,
Иметь насущный хлеб да двух овец; не боле,

Из коих бы одну принес еще богам,
Из благодарности за их призренье к нам.

Прохожий

Пойдем отсюда прочь, душа моя стесненна!

Пастух

Коль добродетель ей мила и драгоценна,
Так следуй же за мной:
Пусть памятник тебя возвеселит другой.

Прохожий

Еще ли царский?..

Пастух

Нет! простого гражданина,
Которого ты зришь перед собою сына.
(По сем его провел
Тропой, усеянной цветами,
К спокойной хижине, обсаженной древами,
На коих зрелый плод висел.)

Прохожий

Прелестный вид! Но се луч солнца померкает,
Я медлю, а меня семейство ожидает,
Где ж памятник? Пойдем скорей к нему...

Пастух

Постой,
Взгляни ты на сию обширную долину:
Скажи, что видишь там?

Прохожий

Прекрасную картину!
Здесь вьется виноград, там вижу лес густой;
Здесь рощи, поле там укладено скирдами;
Здесь тучные луга, покрытые стадами.

Пастух

Вот памятник, моим оставленный отцом!
Во трудолюбии он всем был образцом.
Он первый жителей, войной порабощенных,

Именья, вольности и бодрости лишенных,
Надеждой на богов всесильных ободрил
И от отчаянья к работе возвратил;
Природа их за то сугубо наградила.
Смотри на оный дуб! Под ним его могила,
Котору ископал пред смертию он сам;
Мы каждый день ее цветами осыпаем
И, как он в благости подобен был богам,
То все мы прах его священным почитаем.

<1789>

180. БЫЛЬ

Уже опять орлы российски
На дерзостных своих крылах
Несут в пределы византийски
С отчаянием стыд и страх.

Любовь к отечеству, звук славы,
Честонову проникши грудь,
Гласят ему: оставь забавы!
Росс именем и делом будь!

Хотя в стенах роскошна града,
В Москве Честон воспитан был,
Но россы все усердны чада:
Для славы всё Честон забыл.

Пылая благородным рвеньем
Себя во брани отличить,
Желает он со нетерпеньем
В геройский сонм себя включить.

Отец на то соизволяет,
И нежна мать с пролитьем слез
Честона в путь благословляет,
Вруча его в покров небес.

Уже для юного героя
Настал разлуки горький час;

Отец, печаль внутрь сердца кроя,
Простер к нему дрожащий глас:

«Ступай, мой сын, своею кровью
Отечеству венцов искать,
Пылай к нему всегда любовью,
Котору тщился я внушать.

Будь верный сын, будь храбрый воин,
Но будь чувствителен притом:
Сугубо лавров тот достоин,
Кто слезы льет и над врагом.

Прости!» — По сем ему вручает
Ружье, служил с которым сам;
И взоры тотчас отвращает,
Свободу дав своим слезам.

Честон едва сей дар опасный
Приял трепещущей рукой,
Как вдруг... о рок! о день злосчастный!..
Раздался выстрел громовой.

Родители без чувств упали, —
Честон окаменен стоит,
Какой удар судьбы наслали:
Сестра пред ним в крови лежит!

Несчастнейший Честон готовил
Удары смертны на врагов,
Но прежде, ах, сестре устроил
Единокровной смертный ров.

В минуту вечна разлученья
Сестру свою он утешал
В слезах надеждой возвращенья
И лавр принесть ей обещал.

Но се ее закрылись вежды
И в жилах охладела кровь!
Честон! не льстись лучом надежды,
Не лавры, кипарис готовь!

Весь дом объят печали мраком;
Всечасно слышны вопль и стон;
И только то лишь служит знаком,
Что жив с родительми Честон.

Уже в их храмины несчастны
Не проницает солнца свет,
И день и ночь для них ужасны,
И смерть на праге их стрежет.

1790

181. СЧЕТ ПОЦЕЛУЕВ

Прелестна Лизонька! на этом самом поле,
Под этой липою, ты слово мне дала
Сто поцелуев дать; но только сто, не боле.
Ах, Лиза! видно, ты ввек страстной не была!
Дай сто, дай тысячу, дай тьму — всё будет мало
Для сердца, что к тебе любовью воспылало!
Послушай, Лизонька: который из богов
На расточение был скуп своих даров?
Благотворить, не знав пределов, вот их мера!
Считала ли Церера
Все класы, коими она
Чело природы украшает,
Когда ее обогащает?
И Флора милая, с которой ты сходна
Приятностью, красою,
Не щедрою ль, скажи, рукою
Кидает на землю душистые цветы?
Иль нежного возьми в пример Зефира ты:
Он вечно росписи не знает
Всем розам, кои здесь в кусточках лобызает.
По капле ль падает небесная вода
Для освежения полей, лугов от зною?
Не правда ли, что иногда
Юпитер льет ее рекою?
Жалела ль для цветов своих Аврора слез?
Нет! мир свидетель в том, что жители небес
И худо и добро — всё сыплют к нам без меры.
А ты, совместница Венеры,

Которой сын ее вручил такую власть,
Что взглядом можешь в нас рождать бессмертну
страсть,
Ты, Лиза, ты теперь... ах! может ли то статься?
Ты хочешь хладной быть и с богом сим считаться!
Жестокая! скажи, считал ли я хоть раз,
Сколь много пролил слез отчаянья из глаз;
Сколь часто, посреди восторгов и желаний,
Я сердце надрывал от вздохов и стенаний?
Сочти все горести, стеснявшие мне грудь,
И после ты сама судьею нашим будь.
Но нет! смешаем всё, и радости и муки;
Пади, любезная, пади в мои ты руки!
Позволь, чтоб я тебя без счета целовал
За столько, столько слез... которых не считал.

<1791>

182. К***
О ВЫГОДАХ БЫТЬ ЛЮБОВНИЦЕЮ СТИХОТВОРЦА

Прелеста, веселись! Мой рок уже решился.
Внимай и торжествуй: я с вольностью простился!
Стыжуся слабости, но признаюся в том,
Что стала ты моим отныне божеством:
Тебе и лиру я, и сердце посвящаю.
Но что я о твоей победе возвещаю?
Я падаю к твоим с признанием ногам,
А ты моим словам
С холодностью внимаешь!
Ужели ты не постигаешь,
Какое счастие, какая слава той,
Которая прельстит своею красотой
Питомца муз и Аполлона?
Или не знаешь ты, что властен дать он то,
Пред чем богатство, власть, корона,
Все благи мира — вздор, ничто.
Поэт, примером я, едва воспламенится,
И вмиг в уме его тьма, тьма чудес родится.
В минуту он тебя в богиню претворит
И всех тебе сердца навеки покорит;
Он тотчас даст тебе усмешку, взгляд Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную тень Флоры

И всех умильностей и прелестей собор,
Какими грации блистают и Венера;
На что ни взглянешь ты, всё твой украсит взор,
Везде представится иль Книд или Цитера;
Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой
Различные утехи,
Забавы, игры, смехи
Погонятся толпой.
О красоте твоей узнают все пределы;
Из глаз твоих посыплют стрелы,
Которые пронзят и у факира грудь;
Лишь взглянешь, пленник кто-нибудь;
Распустишь волосы свои пред туалетом
Когда бы ни было, зимой ли то иль летом,
Тотчас Зефир готов их кудри развевать
И, прохлаждая, целовать;
К источнику ль свой путь направишь,
Он тише потечет — ты и его заставишь
Удерживать свои блестящие струи,
Чтоб долее глядеть на прелести твои;
На луг ли ступишь ты — цветы на нем родятся;
Лилеи нежные и розы возгордятся,
Надеяся, что ты, Прелеста, их сорвешь
И милому дружку венок из них сплетешь.
Но, верно, на тебя они лишь только взглянут,
С досады и стыда увянут, —
Ты всех, Прелеста, их затмишь!
Под липою ль сидишь,
Где тень тебе готова,
В минуту птички все, не говоря ни слова,
Слетятся, запоют, чтоб слух твой утешать;
Но вздумай только ты к их пению пристать —
Они умолкнут вдруг. Да кто, и в самом деле,
Столь будет дерзновен, чтоб петь при Филомеле?
А что до разума, — о, в том поверь, мой свет,
Что я, который сам изрядный ум имею,
Легко найду и в той, к которой в страсти тлею.
Мне стоит захотеть, и вмиг создашь сонет
Иль песню. . . что тебе угодно?
Всё напишу, хотя поэту и несродно
Ссужать добром своим других;
Чего не сделаешь для прелестей твоих?

Когда же наконец Киприда раздраженна
За то, что для тебя краса ее забвенна,
Упросит парк пресечь нить жизни твоея...
Прелеста! не страшись нимало, будь спокойна:
Не плача смерть твоя, но зависти достойна!
Прелеста! ты умрешь, но жив останусь я!
Любовник страстный твой в элегии восстонет,
Растреплет волосы и *в море слез* потонет;
Всё скажет, что сказать Овидии могли,
И ты бессмертною пребудешь на земли.
Любовник твой тебя во храме Мнемозины
Между *Глицерии* посадит и *Корины*, —
Не лестная ль тебя, Прелеста, ждет судьба?
Ах, осчастливь же ты любовника, раба,
Который пред тобой клянется Аполлоном,
Что он малейшее желание твое
Священным будет чтить законом!
Возьми, возьми навек ты сердце в дар мое,
Люби меня, хотя для собственныя славы,
Или страшись и жди, что, пересиля страсть,
Забывши верности уставы
И скучась наконец сносить сурову часть,
Со равнодушием навек тебя оставлю,
Другую полюблю, другую и прославлю.

<1791>

183. Я

Умен ли я, никем еще в том не уверен;
Пороков не терплю, а в слабостях умерен;
Немножко мотоват, немножко я болтлив;
Немножко лгу, но лгу не ко вреду другого,
Немножко и колю, но не от сердца злого,
Немножко слаб в любви, немножко в ней стыдлив
И пред любовницей немножко боязлив.
Но кто без слабостей? .. Итак, надеюсь я,
Что вы, мои друзья,
Не будете меня за них судити строго.
Немножко дурен я, но вас люблю я много.

<1791>

184. ЭПИГРАММА

Поверю ль я тебе, Кощей,
Что польза от всего на свете происходит?
Какую, например, кто пользу в том находит,
Что разоряешь ты людей?

<1791>

185. ЭПИГРАММА

«Почто ты Ма́зона,[1] мой друг, не прочитаешь?»
— «Какая польза в том?» — «Ты сам себя узнаешь».
— «А ты его читал?»
— «Два раза». — «Хорошо ж, что я не начинал».

<1791>

186. НАДПИСЬ К СТАТУЕ ЮПИТЕРА

Перевод из антологии

Или Юпитер сам с превыспренних кругов
Ко смертным нисходил, чтоб образ им оставить,
Достойнейший царя богов;
Иль Фидий, чтоб черты представить
Имущего перун в руках,
Сам был на небесах.

<1791>

187. ПЛАЧ МАТЕРИ

Нежной страсти плод любезный,
Научись со мной страдать!
Рок судил нам в жизни слезной
Дней счастливых не видать.

---

[1] Иоанна Мазона о познании самого себя.

В матерней еще утробе,
Сын мой, стал ты сиротой;
Твой родитель, ах! во гробе,
Первый плач не слышал твой!

Лишь взглянул ты на вселенну,
Лютый рок тебе изрек:
«Зри печалью мать сраженну,
Но отца... не узришь ввек!»

Так! его не узришь боле:
Он окончил бытие
На широком чести поле
За отечество свое.

О мой милый! ты не знаешь,
Сколько важен твой урон!
О невинность! ты играешь,
Слыша мой плачевный стон.

Ах! играй, пока есть время,
Скоро, скоро будешь сам
Чувствовать печали бремя,
Стон пускати к небесам.

Как войны потухнет пламень,
Мы искать с тобой пойдем
Кроющий героя камень,
Сердце будет нам вождем.

Тяжкий вздох его мне скажет,
Где супруг мой погребен,
Бедна мать тебе покажет
Прах того, кем ты рожден.

Ах, отцу, супругу мертву
Долг последний воздадим;
Пролием слез токи в жертву
И простимся... вечно с ним!

<1791>

188. ЭПИГРАММА

«Кто хочет, тот несчастья трусь! —
Философ говорил. — Ко отвращенью бедства
Я знаю верны средства:
Я в добродетель облекусь».
— «Ну, подлинно! — сказал невежда. —
Вот сама легкая одежда!»

<1891>

189. ЭПИГРАММА

«Он врал — теперь не врет».
Вот эпитафия, когда Бурун умрет.

<1791>

190. ЭПИГРАММА

Мне лекарь говорил: «Нет, ни один больной
Не скажет обо мне, что не доволен мной!»
«Конечно, — думал я, — никто того не скажет:
Смерть всякому язык привяжет».

<1791>

191. К ЛИРЕ

О ты, котора утешала
Меня в мои спокойны дни,
Священну дружбу воспевала.
Любовь и радости одни, —
Забудь твой глас, о нежна лира,
Иль повторяй единый стон!
Отъемлет жизнь мою Пленира,
Исчезло счастие, как сон!

Тверди по всякую минуту
Темирину над сердцем власть,

Ее ко мне жестокость люту,
Мою к ней пламенную страсть!
Но, ах, ты тем не успокоишь
Мою растерзанную грудь,
Лишь торжество ее удвоишь,
Нет, лучше ты безгласна будь!

Молчи, доколь судьбы во гневе
Устремлены меня карать,
Виси на кипарисном древе, —
Не буду на тебя взирать.
Виси, безмолвствуя, доколе
Мой искренний, любезный друг
На Марсовом пребудет поле...
Увы, и он смущает дух!

Когда войны погаснет пламень,
Быть может, что младый герой,
Спеша ко мне, увидит камень,
Не омочен ничьей слезой;
Увидит в прахе тут висящу,
Любезна лира, и тебя,
Расстроенную и молчащу, —
Восстонет он, меня любя!

Восстонет и смягчит слезою
Засохши струны он твои,
Потом дрожащею рукою
Страданья возвестит мои.
Он скажет: «Доримон был вреден
Себе лишь только самому,
Он ветрен был, несчастлив, беден.
Но друг всегда был друг ему».

<1791>

192. НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ

Любезный попугай! давно ли ты болтал
И тем Климену утешал!
Но вот уж ты навек, увы, безгласен стал!

Султан и попугай — всё в мире умирает.
Ах, пусть хоть чучела твоя напоминает
Вралям, которые всё врут,
Что также и они со испущеньем духа
К отраде ближних слуха
Досадные уста когда-нибудь сомкнут!

1791

193. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!
Он в списываньи лиц имел чудесный дар,
И кисть его всегда над смертными играла:
Архипа — Сидором, Кузьму — Лукой писала.

1791

194. К КЛИМЕНЕ,
КОТОРАЯ СПРАШИВАЛА МЕНЯ, МНОГО ЛИ КРАСАВИЦ ВИДЕЛ Я В КОНЦЕРТЕ

Красавиц не видал, да их и не бывало;
Пригожих несколько, иль очень, очень мало;
Прелестной ни одной, —
Но вижу я теперь ее перед собой.

1791

195. СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА

Уныл внезапу лавр зеленый,
Уныл и долу преклонен!
Восстани, свыше вдохновенный,
Восстани, бард, сын всех времен!
Бери обвиту крепом лиру;
Гласи на ней, поведай миру
Печаль чувствительных сердец,
Стон воинов непобедимых,

В слезах среди трофеев зримых;
Гласи... Потемкина конец!

О, коль ужасную картину
Печальный гений мне открыл!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крыл
Ни здесь, ни там любимца Флоры —
Всё томно, что ни встретят взоры!
Поникнул злак, ручей молчит;
И тот, кого весь юг страшится,
Увы! простерт на холме зрится —
Простерт, главу склоня на щит!

Герой — геройски умирает
В виду попранных им градов
И дух свой небу возвращает
Средь ратников, своих сынов!
Почил — и вопль вокруг раздался,
И шумный глас молвы помчался
Вливать в сердца печаль и страх!
Синил,[1] Бендеры изумленны,
Героев слыша вопль плачевный
В поверженных от них стенах;

Очаков, гордый и под прахом,
Чудится и сомненья полн,
Чтоб тот, кто был дракону страхом
В степях, вертепах, среди волн,
Кто рану дал ему глубоку,
Был общему подвластен року!
И черный Понт, надув хребет,
Валит, ревет во слух Селиму,
Объяту думой, нерешиму:
«Воспрянь! уже Перуна нет!..»

Но чьи там слышу томны лиры
С Днепровых злачных берегов?
Чей сладкий глас несут зефиры?
То глас не смертных, но богов,

---

[1] Древнее название Измаила.

То вопиют херсонски музы:
«Увы! расторглись наши узы,
Любитель наш навек с тобой!
Давно ль беседовал ты с нами
И лиру испещрял цветами, [1]
Готовясь в кроволитный бой?

Давно ль Херсон, тобой украшен,
Цветущ на бреге быстрых вод,
Взирал с своих высоких башен
На твой со славою приход?
Давно ль тебя мы здесь встречали
И путь твой лавром устилали?
Давно ль? . .» — и боле не могли. . .
Из рук цевницы покатились,
Главы к коленам их склонились,
Власы упали до земли.

Где, где не плачут и не стонут
Во мзду Ираклозых заслуг?
В слезах там родственники тонут;
Там одолженных страждет дух;
Там, под соломенным покровом,
Зрю воина в венке лавровом
Среди родимыя семьи;
Он алчно внемлющей супруге
Рассказывает, как на юге
Князь подвиги творил свои;

Как в поле бился с супостатом;
Как во стенах его карал,
Как кончил жизнь. . . Тут белым платом
Текущи слезы утирал. . .
Слеза бесценная, священна,
Из сердца чиста извлеченна! —
О витий, что твоя хвала!
Но сею ль жертвою одною
Воздашь, Россия, днесь герою,
Которым славима была?

---

[1] Я видел рукопись одного из наших стихотворцев с поправками кн. Потемкина.

Нет! сын твой вечно будет громок!
Потемкина геройский лик
Увидит поздный твой потомок
И возгласит: «Он был велик!»
И вольный грек, забыв железы,
Прольет пред ним сердечны слезы;
И самый турк, нахмуря взор,
Сынам своим его покажет:
«Се бич наш был!» — вздохнув, он скажет —
И муз его прославит хор.

Ноябрь 1791

196. КАРИКАТУРА

Сними с себя завесу,
Седая старина!
Да возвещу я внукам
Что ты откроешь мне.

Я вижу чисто поле;
Вдали ж передо мной
Чернеет колокольня
И вьется дым из труб.

Но кто вдоль по дороге,
Под шляпой в колпаке,
Трях, трях, а инде рысью,
На старом рыжаке,

В изодранном колете,
С котомкой в тороках?
Палаш его тяжелый,
Тащась, чертит песок.

Кто это? — Бывший вахмистр
Шешминского полку,
Отставку получивший
Чрез двадцать службы лет.

Уж он в версте, не боле,
От родины своей;

Все жилки в нем взыграли
И сердце расцвело!

Как будто в мир волшебный
Он ведьмой занесен;
Всё, всё его прельщает,
В восторг приводит дух.

И воздух будто чище,
И травка зеленей,
И солнышко светлее
На родине его.

«Узнает ли Груняша? —
Ворчал он про себя, —
Когда мы расставались,
Я был еще румян!

Ступай, рыжак, проворней!» —
И шпорою кольнул;
Ретивый конь пустился,
Как из лука стрела.

Уж витязь наш проехал
Околицу с гумном —
И вот уж он въезжает
На свой господский двор.

Но что он в нем находит?
Его ль жилище то?
Весь двор заглох в крапиве!
Не видно никого!

Лубки прибиты к окнам,
И на дверях запор;
Всё тихо! лишь на кровле
Мяучит тощий кот.

Он с лошади слезает,
Идет и в дверь стучит —
Никто не отвечает!
Лишь в щелку ветр свистит.

Заныло веще сердце,
И дрожь его взяла;
Побрел он, как сиротка,
Нахохляся, назад.

Но робкими ногами
Спустился лишь с крыльца,
Холоп его усердный
Представился ему.

Друг друга вмиг узнали —
И тот и тот завыл.
«Терентьич! где хозяйка?» —
Помещик вопросил.

«Охти, охти, боярин! —
Ответствовал старик, —
Охти!» — и, скорчась, слезы
Утер своей полой.

«Конечно, в доме худо! —
Мой витязь возопил. —
Скажи, не дай томиться:
Жива иль нет жена?»

Терентьич продолжает:
«Хозяюшка твоя
Жива иль нет, бог знает!
Да здесь ее уж нет!

Пришло тебе, боярин,
Всю правду объявить:
Попутал грех лукавый
Хозяюшку твою.

Она держала пристань
Недобрым молодцам;
Один из них поиман
И на нее донес.

Тотчас ее схватили
И в город увезли;

Что ж с нею учинили,
Узнать мы не могли.

Вот пятый год в исходе, —
Охти нам! — как об ней
Ни слуха нет, ни духа,
Как канула на дно».

Что делать? Как ни больно...
Но вечно ли тужить?
Несчастный муж, поплакав,
Женился на другой.

Сей витязь и поныне,
Друзья, еще живет;
Три года, как в округе
Он земским был судьей.

1791

197

Прелестна Грация, служáщая Венере,
Или, по крайней мере,
Субреточка подобной ей,
Прими в знак дружбы ты моей
В подарок веер сей,
Могущий быть тебе заменою Зефира...
Когда Амур, властитель мира,
Или, ясней сказать, любовь
Прольет свой сладкий огнь в твою чистейшу кровь,
Когда он по твоим всем жилкам разольется
И новое твое сердчишечко забьется, —
Припадков таковых, Анюта, не страшись.
Прибегни к вееру, машись, машись, машись
И вмиг почувствуешь в крови своей прохладу,
Единую, увы, для ваших сестр отраду.

1791 (?)

198. ПОДРАЖАНИЕ ПРОПЕРЦИЮ

Вотще мы, гордостью безумною надменны,
Мечтаем таинства провидеть сокровенны
И в ясных небесах планету зреть свою!
С парфянами ли мы, с британцами ль в бою,
На суше ль, на валах перуны в них бросаем,
Когда и как умрем?.. увы, того не знаем:
Пределы смертного известны лишь богам!
Нет, не возможно знать в жару сраженья нам,
Тогда как смерть равно с обеих стран карает,
Кому бессмертных суд победы лавр вручает!
Мы ведаем лишь то, что рок неизбежим,
Что всюду с нами смерть, хотя ее не зрим,
И что погибельны везде ее удары:
Землетрясение, болезни, яд, пожары
Лишают жизни нас и в недрах тишины,
В той самой хижине, в которой рождены.
Но рок свой предузнать старание напрасно!
Единый только тот, который любит страстно,
Имеет оный дар, чтоб ведать свой предел,
Не вострепещет он быть целью вражьих стрел;
Без страха под собой разверстое зрит море,
Когда Борей с волнами в споре,
И с треском молнии сверкают в небесах.
Вотще пред ним Харон на черных парусах
Стигийский мутный ток поспешно рассекает
И новой добычи алкает!
Предстань очам его, любезная, в тот час;
Взгляни с умильностью, простри свой нежный глас,
Скажи ему: «Живи!» — и во мгновенье ока
Счастливый смертный сей увидит паки свет...
Любовь, любовь сильней вседействующа рока,
Любовь отъемлет жизнь и оную дает!

<1792>

199. К ЧЕСТНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Что слышу?.. О, приятна весть!
Питомец Аонид любимый,
Порока враг непримиримый,

Стяжал заслугой нову честь!
Излейте, звуки скромной лиры,
Сердечну радость вы мою!
А вы несите их, зефиры,
К тому, которого пою!
Уже я вижу, восхищенный,
Его с надеждою в глазах,
Ведущего пред трон священный
Вдовицу робкую в слезах,
Тесниму сильного рукою;
Там дряхлый Марс стоит с клюкою,
К сынам его я внемлю глас:
«Благодарите, чада, бога!
Дошел до царского чертога,
Дошел мой стон, мой плач за вас!
Отныне жребий ваш устроен:
Вы сыты, — я умру спокоен».
Там он удерживает меч,
Которым юность в бездне бедствий,
Несчастных расточенья следствий,
Стремится дни свои пресечь.
«Постой, отчаянный! — вещает. —
Иль ты не знаешь россов мать?»
И взоры скромны отвращает,
Чтоб слез своих не показать.
О музы, правящие нами!
Ликуйте днесь, ликуйте вы!
Украсьте вечными цветами
Священные свои главы;
Сойдите с Пиндовой вершины
И пред лицом Екатерины
Воспойте должну ей хвалу,
Коварства посрамя хулу;
Она ток милостей сугубит
К тому, кого сам вождь ваш любит
И кто сим богом предызбран
Предать бессмертью в песнях лирных
Владычицу морей обширных,
Пяти держав и многих стран.

<1792>

200. СЛАБОСТЬ

Мне Хлоя сделала решительный отказ.
В досаде на нее и горести безмерной,
Вчера я говорил: «Уже в последний раз
Был в доме легковерной!»
А ныне поутру, не знаю как и сам,
Опять я там!

<1792>

201. ВЕСНА

Под розово-сребристым небом,
Возжженным лучезарным Фебом,
Виляючи туда-сюда,
Летят, летят, спускаясь ниже,
К зеленой роще ближе, ближе
И вьются около гнезда —
Нашли, и обе вдруг запели!
Опять вы, птички, прилетели
На милу родину свою —
Какой восторг! какая радость!
Весна, весна! Природы младость!
Ты паки здесь, и я пою!..
Везде, везде Амур летает,
Любовь и счастье разливает,
И самы, вижу, небеса
С землей любовью сопряглися;
Там резвые струи слилися;
Здесь обнялися древеса;
Там кролик, притаясь в кусточки,
Колеблет вздохами листочки;
Там нежит слух бряцанье лир;
Там Дафнис шороху внимает,
А Хлоя сзади обнимает;
Там шепчет с розою зефир...
Но чьим невидимым я гласом
Внезапу сладко восхищен?
Не сам ли Феб со всем Парнасом
Снишел сюда, весной прельщен?

Я оглушён! я млею! таю!
Восторжен, весел, унываю!
Небесный глас! небесна трель!
Умолк — и Пан свою свирель
Попрал мохнатою ногою;
И Дафнис, преклонясь на Хлою,
Еще внимает сквозь ветвей —
Почий на лаврах соловей!
Ликуй, весна, краса природы!
Тебе земля, тебе и воды,
Всё, всё творенье гимн поет!
Но кто се с гор, вдали бегуща,
В деснице лук златой имуща,
От взоров тихий луч лиет?
Мелькнула — и незрима стала!..
И се, се паки воссияла
Уже в лазурных небесах!
Весь мир в безмолвье погрузился —
И зрак ее изобразился
Недвижим в сребряных водах;
Цветочек исподволь бледнеет,
Над рощею простерлась мгла,
Хребты исчезли, холм синеет:
Се нощь свинцовый скиптр взяла!
Уснуло всё! — Покой священный!..
Певец, весною вдохновенный,
Не смеет более брячать,
Но сердце в нем еще пылает,
Еще, еще оно алкает
Красу природы созерцать.

<1792>

202. ГИМН ВОСТОРГУ

Восторг, восторг души поэта!
Ты мчишь на дерзостных крылах
По всем его пределам света!
Тобой теперь он на валах
И воздувает пенны горы;
Тобою вмиг в чертог Авроры,

Как быстра мошка, возвился —
И вмиг стремглав падет в долину,
Где нет цветов, окроме крину,
В которой Ганг с Невой слился...
И в тот же миг — дрожу и млею!
Между эфиром и землею
С хребтов кавказских, льдяных гор,
Куда не досягает взор,
Сквозь мерзлы облака вещает,
Как чрево Этны, ржет, рыгает!
Уже не смертного то глас,
Големо каждое тут слово,
Непостижимо, громко, ново,
Соплещет сам ему Пегас!
Уже не слышны лирны струны,
Но токмо яркие перуны,
Вихрь, шум, рев, свист, блеск,
треск, гром, звон —
И всех крылами кроет сон!

<1792>

203. ГОЛУБОК

(Подражание Анакреону)

Прекрасный голубчик! Скажи мне, отколе,
Куда и к кому ты столь быстро летишь?
Душист ты, как роза, цветущая в поле;
Кого ты, голубчик, кого веселишь?

Голубок

Я служу Анакреону,
А любезный сей певец
Получил меня в награду
От Венеры за стихи;
С той минуты, как ты видишь,
Письма я его ношу,
И теперь лечу к Батиллу,
Кто пленяет всех сердца.
Господин мой обещает
Скоро дать свободу мне,

Но, хотя бы то и сделал,
Я останусь всё при нем.
Что за радость мне летати
По полям и по горам,
Укрываться на деревьях
И питаться чем-нибудь,
Если я во всем доволен,
Хлеб клюю всегда из рук
Самого Анакреона
И вино с ним вместе пью?
Пью за ним из той же чаши,
А насытясь им, вспрыгну
На его тотчас я темя
И тихохонько кружусь,
А потом его крылами
Я своими обойму
И, слегка спустясь на лиру,
Забываюся и сплю.

<1792>

204. К МЛАДЕНЦУ

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
С завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь
И ниже во кратком сне
Грусти, горести не знаешь,
День и ночь знакомых мне.

Лишь проснешься, прибегают,
С нежной радостью в глазах,
Мать, отец тебя лобзают
И качают на руках.

Все в восторге пред тобою,
Всех ты взоры веселишь,
Коль улыбкой их одною
Или взглядом подаришь.

Чувство горести бессильно
Долго дух твой возмущать;
Приголубь тебя умильно,
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожит,
А уста уже смеются. —
О незлобный, милый вид!

Но, увы! дни быстро мчатся,
Вступишь в возраст ты другой,
Рок и страсти ополчатся,
И прости твой век златой!

Ах! я опытом то знаю,
Сколько я сердечных слез
Проливал и проливаю,
Сколько муки перенес!

Смерть родных и сердцу милых,
Страсти, немощь, хлад друзей...
Часто в мыслях я унылых
Жизни был не рад моей.

Но скреплюся и отселе,
Если снова загрущу,
При твоей я колыбеле
Томно сердце облегчу.

Так твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зрак
Пролиют мне в грудь отрады
И души рассеют мрак.

О невинность! ты, как гений,
Шлешь целение сердцам!
Я, хоть несколько мгновений,
Был теперь невинен сам.

И давно погибшу радость
В бедном сердце ощутил.

Милый ангел мой, ты младость
Хоть на час мне возвратил!

<*1792*>

205

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах! а мне пришло терпеть.
Я расстаться должен с милой
На заре, к моим слезам...
О луна! твой свет унылый
Краше солнышка был нам!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах! а мне пришло терпеть.
Знать, и сонная мечтала
О любови ты своей:
Ты к утехам рано встала,
А я к горести моей!

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно петь!
Ты с зарею вновь счастлива, —
Ах! а мне пришло терпеть.
О, когда б и ты имела
Участь, равную со мной!
Ты б молчала, а не пела
И встречала день с тоской.

<*1792*>

206. НАСЛАЖДЕНИЕ

Всяк в своих желаньях волен,
Лавры! вас я не ищу;

Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Будь мудрец светилом мира,
Будь герой вселенной страх, —
Рано ль, поздно ли, Темира,
Всяк истлеет, будет прах!

Розы ль дышат над могилой
Иль полынь на ней растет, —
Всё равно, о друг мой милый!
В прахе чувствия уж нет.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота;
Дорог, дорог каждый час!

Может быть, в сию минуту,
Милый друг, всесильный рок
Посылает парку люту
Дней моих прервати ток.

Ах! почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас еще сердца!

<1792>

207. К ХЛОЕ

Дрожащею рукою
За лиру я берусь,
Хочу, хочу петь Хлою,
Но в сердце я мятусь.

Какой мне ждать награды
За мой, о Хлоя! стих?
Но, ах! быть другом правды
Есть должность лет моих.

В сей день тебе свершилась
Тридцатая весна —
Увы! еще затмилась
Зараза с ней одна!

Еще одна морщина
Прибавилась к другим —
О, прелестей кончина!
В тебе-то смерть мы зрим.

Ах! кстати вы, морозы
Декабрьские, пришли:
Уже поблекли розы,
Что на щеках цвели.

И лилия желтеет
У Хлои на грудях,
Хотя зефир и веет
Еще в ее кудрях.

Амуры, утирая
Ручонкою глаза,
Уж вьются, воздыхая,
Под светлы небеса.

А грации, гордяся
Бессмертной красотой,
В насмешку ей, резвяся,
Кричат: «О время! стой!»

Но ты... зевнула, Хлоя?
И мне уже невмочь, —
Так скажем же мы двое
Друг другу: *добра ночь!*

<1792>

208. НА МИР С ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ

Во сне ли сладком я мечтаю,
Иль истину в восторге зрю?
Мир! Мир! — отвсюду я внимаю: —

Хвала всемощному царю!
«Мир! Мир!» — гласят орудий громы,
Колебля, потрясая домы;
«Мир!» — звуки возвещают лир;
«Мир!» — старец вопиет согбенный,
И к персям родшей преклоненный
Младенец повторяет: — «Мир!».

О радость! о восторг всеместный!
Здесь непритворна красота
С улыбкой искренней, нелестной
Целует жениха в уста,
Не возгнушаясь смрадом серным.
Там с чадолюбием безмерным
Объемлет сына нежна мать;
С невесткой напрерыв лобзает
И внучатам повелевает
С отца, героя, меч снимать.

Там юноша румяный, здравый
С весельем серп кривой острит,
С гремящей незнакомый славой
В незлобном сердце говорит:
«Кормилец мой! едва войною
Не разлучен я был с тобою;
Но бог теперь нам мир послал.
Спеши, спеши ты, лето красно!
Отныне мне ты не ужасно,
Пожну, что в осень засевал».

Там воины поют походы
В кругу внимающих отцов
Иль составляют хороводы
С толпой пастушек, пастушков;
Как братья с ними цепь сплетают,
Как легки соколы летают,
Не прикасаясь к мураве.
На ратнике венок пестреет,
А шлем его пернатый веет
У земледельца на главе.

Ура! смирился враг кичливой!
Ликуй! любимый славы сын!

Ликуй, и лавром и оливой
Увенчан храбрый славянин!
Ликуй и, позабыв злодеев,
Почий отныне средь трофеев,
Почий по тягостных трудах!
Довольно ты гремел во брани:
Вкушай плоды, приемли дани —
Ты царь на суше и водах.

1792

209. ЭПИГРАММА

О Бардус![1] не глуши своим нас лирным звоном;
Молвь просто: человек... смесь Бардуса с Невтоном.

1793

210

Без друга и без милой
Брожу я по лугам;
Брожу с душой унылой
Один по берегам.
Там те же всё встречаю
Кусточки и цветки,
Но, ах! не облегчаю
Ничем моей тоски!

Срываю я цветочек
И в мыслях говорю:
«Кому сплести веночек?
Кого им подарю?»
Со вздохом тут катится
Из сердца слезный ток,
И из руки валится
Увядший в ней цветок.

[1] Автор поэмы на человека.

Во времена счастливы,
Бывало, в жаркий день,
Развесистые ивы,
Иду я к вам под тень.
Пошлете ль днесь отраду
Вы сердцу моему?
Ах! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Всё, всё постыло в мире!
И персты уж мои
Не движутся на лире,
Лишь слез текут струи.
Престань же петь, несчастный!
И лиру ты разбей;
Не слышен голос страстный
Душе души твоей!

1793

211. СКАЗКА

Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?
Довольно, право, ведь устали!
Послушайте меня, я сказку вам скажу;
Садитесь все вокруг, да чур... уж не жу-жу!
Однажды адский воевода,
Вы знаете, кто он? —
Угрюмый бородач, по имени Плутон,
Зовет к себе богов проворна скорохода,
Эрмия, и дает приказ:
«Ступай на землю ты в сей час
И выбери мне там трех девушек пригожих,
Или хоть вдовушек, лишь с фуриями схожих,
А эти уж стары, пора им отдохнуть!»
Меркурий порх — и кончил путь
Скорей, чем два раза мигнуть.
С минуту погодя и важная Юнона
Ирисе говорит с блистательного трона:
«Послушай, душенька, не можешь ли ты мне

Найти в подлунной стороне
Трех девушек прекрасных,
Невлюбчивых, бесстрастных
И целомудренных, как чистых голубиц?
Мне очень хочется привесть Венеру в краску...
Поверю ль я, что все смиренья носят маску
И нет упорных ей ни жен, ниже девиц!»
Ириса также порх, и по земному шару
Кидается и тут и там,
По кротким хижинам, по гордым теремам,
По кельям, — нет нигде толь редкого товару!
Взвилася бедная опять под небеса.
«Возможно ль! Что за чудеса? —
Увидевши одну, Юнона закричала. —
О непорочность! что ты стала?»
— «Богиня, — воздохнув, посланница рекла. —
Из рук находка утекла!
Сыскались было три, которы век не знали
И имени любви, но, ах, к моей печали,
Я поздно уж пришла: Эрмий перехватил!»
— «Ах он негодница! да кем он послан был?»
— «Плутоном». — «Как! и хрыч затеял уж измену?»
— «Нет, фуриям на смену».

1793

212

Птичка, вырвавшись из клетки,
Долго в воздухе кружит,
От зеленой даже ветки,
Быв напугана, дрожит.

Далеко гнездо свивает;
Не глядит на мягкий дерн:
По несчастию уж знает,
Что где роза, там и терн.

Всем, кто чувствует, в природе
Мила вольность дорога,

Лишь любовник во свободе
Видит злейшего врага.

Он, смотря на те оковы,
В коих долго так стенал,
Всякий день досады новы
От жестокой получал.

Воздыхает и, слезами
Окропя их, говорит:
«Не хочу расстаться с вами,
Пусть любезна уморит!»

<1794>

213. ЭЛЕГИЯ

Коль надежду истребила
В страстном сердце ты моем,
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты из жалости по нем!
Дай хоть эту мне отраду,
Чтоб я жизнь мою влачил,
Быв уверен, что в награду
Я тобой жалеем был!

Если б в нашей было воле
И любить и не любить,
Стал ли б я в злосчастной доле
Потаенно слезы лить?
Нет! на ту, котора к гробу,
Веселясь, мне кажет путь,
За ее жестокость, злобу,
Не хотел бы и взглянуть.

Но, любовь непостижима,
Будь злодейкою моей —
Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей.
О жестокая! любезна!

Смейся, смейся, что терплю!
Я достоин... участь слезна!
Презрен, стражду и... люблю!

<1794>

214. РУЧЕЕК

Любовны утешенья
Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.

Как был любим Анютой
У сих прозрачных вод,
Казался день минутой;
А ныне день как год.

Ужели позабыла,
Вдруг став ты жестока,
Что прежде говорила,
Сидев у ручейка?

«Ручей доколе станет
В брегах своих журчать,
Анюта не престанет
Любви к тебе питать».

Но ручеек всё льется,
По камешкам шумит;
Жестокая ж смеется,
Не то уж говорит.

Любовны утешенья
Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.

<1794>

215. ПЕСНЯ

Бывало, я с прекрасной
Подругой вместе жил,
Толико ж мною страстной,
Сколь я ее любил.
То роза нежна в цвете...
Ах! с чем ее сравнил?
Ей нет сравненья в свете —
Я счастлив, счастлив был!

Здесь часто мы сидели,
Я нежностью дышал.
Сколь сладко птички пели
И ты, ручей, журчал!
Я, с милою бывая,
Всё лучшим находил:
Здесь образ видел рая! —
Ах! счастлив, счастлив был!

Но роща опустела,
Ручей смущен слезой,
И птичка улетела
Вслед милой, дорогой!
Теперь... грущу всечасно
И весь мне мир постыл —
Увы! страдать ужасно
Тому, кто счастлив был.

<1794>

216. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ Н. А. БЕКЕТОВА

Воспитанник любви и счастия богини,
Он сердца своего от них не развратил,
Других обогащал, а сам как стоик жил
И умер посреди безмолвныя пустыни.

1794

217. СТИХИ
НА ПОБЕДУ ГРАФА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО, ОДЕРЖАННУЮ НАД ПОЛЬСКИМИ ВОЙСКАМИ, КОГДА ОН В ТРИ ДНЯ ПЕРЕШЕЛ СЕДМЬСОТ ВЕРСТ

Не твоего ль, Израиль, сына
Чудесно видим между нас?
Течет шагами исполина
И к солнцу простирает глас:
«Стой, солнце!» — и остановляет!
Три нощи в нощь совокупляет
И оным чудом из чудес
Связует мышцы вознесенны,
Ломает сабли изощренны
И копий сокрушает лес!
Се ты, о Навин, наш Суворов!
Предмет всеобщих днесь похвал,
Благословений, разговоров!
Се тако ты, герой, летал
На крылиях бессмертной славы
И сонмы буйные, лукавы,
Сынов Моссоховых громил;
Блеснул мечом — и сонмы пали,
Другие в бегстве восклицали:
Притек, узрел и победил!

1794

218. СТИХИ
ГРАФУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ, НА СЛУЧАЙ ПОКОРЕНИЯ ВАРШАВЫ

Кто росс — и ныне не восплещет,
От радости не вострепещет,
Сердечных чувств не пролиет
И не сплетет венка герою?
Еще, еще гремим тобою,
О друг и славы, и побед!
О старец, к вечности идущий
Всяк миг путем полубогов,
Благоговение влекущий
И чад России и врагов!

Еще, еще пред целым светом
Востек ты орлием полетом,
Востек — и молнию пустил!
Стократ, о узы Филарета,
Звучавшие толь многи лета,
Стократ Суворов вас отмстил!
И ты, прах Шуйского священный,
Вкушай, прах царский, днесь покой,
Уже тебя иноплеменный
Не станет попирать ногой.

«Карай!» — рекла императрица —
И се... се польская столица
Тобой, Алкид, сокрушена,
Тобой, невинных мститель стона!
«О, горе мне! — валясь со трона,
Вопила в ярости она, —
Навек попранна я колоссом!
Но кий народ, какая власть
Не будет одоленна россом?
Греметь, карать — его есть часть!

Ударь в него, стократ отгрянет!
Низвергни в бездну, он восстанет
Еще ужаснее, сильней!
И кто их вождь?.. Дрожи вселенна!»
Но, граф, душа твоя смиренна
Хвалой смущается моей,
Ты кротким мне вещаешь взором:
«Восторг певцов меня не льстит,
Ни самый Феб с священным хором
Хвалой меня не ослепит».

Так, вождь! Твой лавр: быть церкви сыном,
Усердным, верным гражданином,
Готовым прать ехидн, химер,
Лишь праздности страшиться ига.
Вся жизнь твоя — разверста книга,
Могуща подавать пример,
Как в мире чтить себя заставить,

Не предками — собой блистать,
Отечество, себя прославить
И в род и род не умирать.

1794

219. ЭПИГРАММА

Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова,
Нас, боже, упаси от разума такова.

1794

220. НА НОВЫЙ 1795 ГОД

«Будь счастливей в твоем теченьи! —
Так брату сын Сатурнов рек, —
В каком, о брат мой, огорченьи
И сколь медлительно я тек!
Увы, что видел ежечасно,
То вспомнить горько и ужасно!
Весь мир, всех бедствий в океан
Низвержен, плавает и тонет;
Здесь сын природы в узах стонет
Пришельца из дальнейших стран;
А там, где с велелепна трона
Под меч влечен был полубог,
Кто прежде оком без закона
Владеть судьбой народов мог,
Там самые сии народы,
Не внемля гласу днесь природы,
Отвергнув и ее творца,
Разбили оного скрижали
И смерть, ужасну смерть, избрали
На место нежного отца.
Она их бог, пред ней дымится
Вседневно кровь невинных жертв;
Друг друга, родший чад страшится,
Кто ныне жив, тот завтра мертв.

Там фурии трясут змеями,
И смертны проливать ручьями
Взаимно кровь устремлены;
Валятся грозны исполины,
Падут полки, горят долины,
И гибнут целые страны.
Се образ страждущего мира!»
Умолк... и в веяньи зефира
В глубоку вечность отлетел.
О, буди счастливей, взываем
И мы к тебе, небесный гость!
Да паки мир сей будет раем
И потребится в оном злость;
Да мудрость с правдой воцарятся
И смертный им лишь воскурит;
Да вопль и стоны претворятся
Во сладки гласы Пиерид;
А росс, Алкид неутомимый,
Свой шлем и меч непобедимый
Цветущей пальмой да увьет!
И под Минервиным эгидом,
С торжественным возлегши видом,
На вечных лаврах отдохнет.

1794

221

Други! время скоротечно,
И не видишь, как летит!
Молодыми быть не вечно;
Старость вмиг нас посетит.
Что же делать? Так и быть,
В ожиданьи будем пить.

Пусть арак ума убавит
Между нас у остряков!
Он сердца зато заставит
Говорить без колких слов.
Лучший способ дружно жить —
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, как уныла
Вся природа на земли;
Осень рощи обнажила;
Ах! и розы отцвели.
Как же грусть нам усладить?
Чаще пунш с араком пить.

О арак, арак чудесный!
Ты весну нам возвратил;
Ты согрел, как май прелестный,
Щеки розами покрыл.
Чем же нам тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

<1795>

222

Куда мне, сердце страстно,
Куда с тобой бежать?
Здесь должен я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняют,
Что я всегда уныл:
Увы! они не знают,
Таков ли прежде был.

Ах! некогда на лире
И я, резвясь, играл;
И я путь скромный в мире
Цветами устилал!

О, грустно вспоминанье!
Не медлим ни часа,
Пойдем сокрыть стенанье
В дремучие леса!

Там горестью глубокой
Никто не укорит;

Ни имени жестокой
При мне не повторит.

Пускай один с тобою
Я буду горевать;
И непрестанно Хлою
Винить — и обожать.

<1795>

223

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!..
Ах, и ты как тень пройдешь!

Други, матери природы
Слышите ль приятный глас?
Составляйте ж хороводы,
Пойте, ваш доколе час.

В жизнь однажды срок утехам,
Пролетя, не придут вновь!
Дайте руку играм, смехам,
Призовите и любовь.

А певца, который с вами
Уж резвиться устарел,
Увенчайте хоть цветами,
Чтоб еще он вам пропел.

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цветешь;
Пой, пляши, люби, резвися!
Ах, и ты как тень пройдешь!

<1795>

О любезный, о мой милый!
Где ты власть небесну взял?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу дал.

Прочь, печали и напасти!
Прочь, заботы! .. вас уж нет!
Покоряся нежной страсти,
Я гляжу на новый свет.

Всё в нем лучше, веселее,
Всё об милом говорит;
Даже солнышко светлее
Для меня теперь горит;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше от тебя;
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И приятнее пою;
Всё мне рай и всем питаю
Страсть, любовь к тебе мою, —

Страсть, навеки воспаленну!
Что скажу я наконец? ..
Ты украсил всю вселенну,
Ты мой ангел, мой творец!

<1795>

225. СТИХИ
НА ИГРУ ГОСПОДИНА ГЕСЛЕРА, СЛАВНОГО ОРГАНИСТА

О Геслер! где ты взял волшебное искусство?
Ты смертному даешь, какое хочешь, чувство!
Иль гений над тобой невидимо парит
И с каждою струной твоею говорит?

Сердца томного биенье,
Что вещаешь мне в сей час?
Отчего в крови волненье,
Слезы капают из глаз?
Звук приятный и унылый,
Ты ль сему виною стал?
Ах! когда в глазах у милой
Я судьбу мою читал,
Сердце также млело, билось,
Унывало, веселилось
И летело на уста!..
Но что! Иль Феб или мечта
Играет надо мною?
Внезапу всё покрылось тьмою;
Слышу лишь топот бурных коней,
Слышу гром с треском ядер возженных,
Свист стрел каленых, звуки мечей,
Вопли разящих, стон пораженных,
Тысячей фурий слышу я рев.
Прочь, прочь, ты жалость! смерть без пощады!
Ад ли разинул алчный свой зев?..
Увы! то одного отца несчастны чады,
То братия, забыв ко ближнему любовь,
То низши ангелы лиют друг друга кровь,
Дышáт геенною, природу попирают
И злобой тигров превышают!
О смертны! о позор и ужас естества!
Вы ль это дело рук и образ божества!
Ах, не шли гонцов ко граду,
Верна, милая жена,
Погаси свою лампаду,
Ты навек уже одна!
Не напрасно предвещали
И тебе, нежнейша мать,
Сны ужасные печали:
Перестань уж сына ждать!
Перестань! Уж он страдает
С лютой смертию в борьбе,
Томным взглядом подзывает
Друга нежного к себе.
И с последнею слезою
«Друг, — вещает, — не тоскуй!

Дай проститься... Бог с тобою!..
Бедну матерь... поцелуй»...
Сокройся от меня, терзательна картина,
Юдоль печалей, мук, о бедствующий мир!
Но чей я внемлю глас, сладчайший лебедина,
Нежнейший томных арф, стройнейший громких
лир?
О коль величествен! Я с оным возвышаюсь!
Восторжен! к тверди восхищаюсь,
Уже над тучами парю!
Что чувствую и что я зрю?
Я солнцы зрю незаходимы;
Зрю солнца солнцев горний храм;
Там светодарны херувимы
Брячают по златым струнам,
В восторге распростерши крилы.
И движут стройные светилы.
О непостижность! что со мной?
Где смертного несовершенства?
Я в море плаваю блаженства!
Я вне себя! — Стой, Геслер, стой!..
Лишаюсь сил, изнемогаю...
И лиру пред тобой бросаю.

<1795>

226. К***
В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ

Если б ты и не сказала,
Что сегодня праздник твой,
Муза б тотчас отгадала,
Что родилась ты весной,
В дни торжественны природы,
В это время, как она
Небо, солнце, землю, воды
Украшает после сна.

Ты и телом и душою
Дочь весны являешь нам;
Так же мило быть с тобою
Молодым и старикам;

Так же, как она, прелестна,
Молода и весела,
И, как ей, равно всеместна,
И тебе от всех хвала.

<1795>

227. СТИХИ
НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

В сей день, как росс, простерши руки,
Блажит творца сквозь нежных слез,
Разлей и ты сладчайши звуки,
Сопутница друзей небес,
О, движима восторгом лира!
Бряцай не нарушенье мира, —
Прочь, прочь, войны и сама тень!
Но благостей залог судьбины,
Рождения Екатерины
Драгой и нам и чадам день!

О радость! .. В день сей небесами,
Монархиня, ты нам дана,
Бессмертна многими венцами
И боле, чем войной, славна!
Хотя и ею век твой громок,
Но храбрый росс славян потомок;
Его и предок гром бросал;
Ведом отвагой, не компасом,
Летел в ладье и грозным гласом,
Взмахнувши копие, вещал:

«Давай, грек, дань! иль алчный пламень!
Пожрет тебя и Царьград с ним!
На камне не оставим камень,
Сожжем, разрушим, истребим!»
Бесстрашна грудь — наследство наше,
Но, что всего любезней, краше,
Образование сердец.
Луч просвещенья, кротость нрава —

Се твой нам дар, се лучша слава
И лучший царский твой венец!

Тобою совесть воцарилась;
Преломлен меч, но зло дрожит,
И вся Россия превратилась
В обитель нежных аонид;
Тобой безродные призренны,
Томимы гладом насыщенны;
Скорбящие — исцелены;
Жилища их — священны храмы,
Тебе курящи фимиамы,
О матерь северной страны!

Кто ж росс, кто с сердцем — и хвалою
Твоей не будет умилен?
Какой питомец муз тобою
В парении не воскрилен?
О, что за гимны слух мой внемлет!
Восторг, восторг меня объемлет!
Мне будущий открылся век...
Продлись, о сладкое мечтанье!
Отсюду слышу восклицанье:
«То ангел был, не человек!

Его лучи на нас блистают!» —
И се усердною рукой
Цветами стар и млад венчают,
Богиня, зрак любезный твой.
О царие, судеб владыки!
Вы благостью одной велики,
Лишь тем завидна ваша часть!
Завоеватель царств преславен;
Но добрый царь — бессмертным равен!
И се твоя, царица, часть.

<1795>

228. ОДА
П. П. БЕКЕТОВУ

Пускай тщеславный предается
Морским изменчивым волнам,
На полных парусах несется
К искому счастью иль бедам.
Бекетов! малым кто доволен,
Тому век бедным не бывать!
Он больше счастлив, больше волен,
Чем толь завидуема знать,
Котора от косого взгляда,
В алмазах, в золоте кругом
И на диване парчевом,
Внутрь сердца терпит муки ада.
Перуны чаще шлют удары
К вершинам неприступных гор
И с большей силой вихри яры
Колеблют дуб, страшащий взор.
Под низкой кровлей безопасней,
Спокойнее, мой милый, жить:
Чем выше башня, тем ужасней
Ее паденье должно быть.
Мудрец в бедах ждет лучшей части
И тем свой подкрепляет дух,
А в счастьи сторожит свой слух,
Не крадутся ль к нему напасти?
Угрюмый север наш морозы,
Снег, иней, мглу низводит к нам,
Но и у нас прелестны розы
Цветут, алеют по лугам.
Теперь мы томными очами
С унынием на всё глядим,
А завтра, может быть, и сами
С весельем дружбу заключим.
Всегда ль бог Пинда [1] с грозным луком?
Нередко светлый Аполлон,
Прервав златые лиры сон,
Пленяет оной сладким звуком.

<1795>

---

[1] Гомер говорит, что Аполлоновы стрелы производили смертоносную язву в греческом стане.

229. К ПРИЯТЕЛЮ

(С дачи)

Льстивый друг моей цевницы!
Вот стихи тебе — прочти:
Недалеко от столицы,
К Петергофу на пути,
Есть китайская лачуга,
Иль, учтивее, — *пагод;*
Там без милой и без друга
Не китайский *бог* — *урод*,
А к жрецу его подходит...
Добрый друг своих друзей
Дни смирнехонько проводит,
Не боясь лихих людей.
Он тебя с любезным братом
На обед к себе зовет;
Ни фарфором он, ни златом
Перед вами не блеснет,
Но Усердие вас примет,
Дружба скажет: в *добрый час!*
Смела Искренность обнимет
И за стол посадит вас,
А Веселость по стакану
Поднесет чего-нибудь...
Ах! не худо быть и пьяну;
Всё вздыхать — устанет грудь.

<1795>

230. К Ю. А. Н⟨ЕЛЕДИНСКОМУ⟩-М⟨ЕЛЕЦКОМУ⟩

Заведен в лесок тоскою
На свободе погрустить,
Вспомянуть прелестну Хлою
И слезу из глаз пролить, —
Я твою услышал лиру,
Милый наш Анакреон!
Ты бесстрастну пел Темиру
И пускал из сердца стон.

«Дайте, боги, — я воскликнул, —
Мне Н<елединского> дар!
Верно б, Хлои грудь проникнул
Мой, увы, несчастный жар!»
Кто с тобою не восстонет,
Нежный, пламенный певец?
Ах, твой глас и камень тронет,
У тебя лишь ключ сердец!

<1795>

231. НАДПИСЬ
К БРОНЗОВОЙ СТАТУЕ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКОГО, ПОСТАВЛЕННОЙ ГРАФОМ ЗАВАДОВСКИМ В ЕГО ДЕРЕВНЕ

Почтенный лик! Когда б ты был изображен
С перуном пламенным на берегах Кагула,
Где гордый мусульман растерзан, низложен
И где земля в крови несчастных жертв тонула;
Тогда бы, на тебя взирая, каждый рек:
«Румянцев, славный вождь!» — и мимо бы протек.
Но здесь, здесь всяк тебя прохожий лобызает:
Здесь не герой в тебе блистает,
Прославивший себя единою войной,
Обрызган кровию врагов среди сражений,
Но друг, но ближний мой
И благотворный гений!

<1795>

232. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

«Ай, как его ужасен взор! —
Бормочет швед. — Он горче хрена!»
— «Ах, как он мил», — твердит Климена.
Как разрешить сей странный спор?
И тот и та, конечно, правы:
Любимец граций он и славы.

<1795>

233. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Возможно ль, как легко по виду ошибиться!
Когда б знаком я не был с ним,
То, право, бы готов божиться,
Что это вощаной на вербе херувим.

<1795>

234. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Родятся лилии, родятся мухоморы —
Глядишь, безмолвствуешь и потупляешь взоры.

<1795>

235. ЭПИГРАММА

«Завидна, — я сказал, — Терситова судьбина:
Чин знатный, и что год, то дочь ему иль сына!»
— «Да, он не без друзей, — ответствовали мне, —
И при дворе и при жене».

<1795>

236. ЭПИТАФИЯ

Когда и дружество струило слез потоки,
На мраморе сии начертывая строки,
Что ж должны чувствовать, увы, отец и мать? ..
О небо! .. и детей ужасно нам желать!

<1795>

237. ЭПИГРАММА

«Дамон! Кто бытию всевышнего не верит,
Тот, верно, лицемерит».
— «Нет, случай Рифмина лишь произвесть возмог,
А Локка и Боннета — бог».

<1795>

238. СТИХИ
ПО ПРОСЬБЕ ОДНОЙ МАТЕРИ НА ДВУХ ЕЕ ДЕТЕЙ

Прочь, затеи стихотворства!
Я уж вас не призову,
Ныне вижу без притворства
Двух амуров наяву.

Больше милы, чем прекрасны,
Точно их любезна мать,
И, что лучше, не опасны,
Можно их расцеловать.

О Филлида! утешайся
Даром сим благих небес
И отнюдь не огорчайся,
Что уже твой май исчез.

И природой, и судьбою
Столько быв награждена,
Будь довольна, и с тобою
Будет вечная весна.

<1795>

239. СИЛА ЛЮБВИ

Кто в страсти не ревнив? И можно ли дивиться,
Что сердце, пленное тобой, всего страшится
И думает, что ты, душа души моей,
Не меньше, как и мне, мила природе всей?
Так! всё в природе дух мой ревностью смущает:
И солнце, кажется, ярчей к тебе пылает;
Нежнее, чем других, и резвый ветерок
Касается тебя сквозь флеровой платок;
И даже воздух тот, пускай всю слабость знаешь,
Который ты с своим дыханием мешаешь,
И воздух... словом всё, мне кажется, со мной
Прельщается тобой!

<1795>

240. ПЕСНЯ

Настроив томну лиру,
Я песенку играл
И милую Эльвиру
Игрою утешал.

Она с улыбкой нежной
Глядела на меня.
Взор ангельский любезной!..
Смутился сердцем я.

Потом она запела —
Умолк и соловей!
Душа моя горела
Любовью страстной к ней.

Под кустиком скрываясь,
Амур, резвясь, шумел;
К нам тихо приближаясь,
Пустить стрелу хотел.

«Напрасно, бог вселенной,
Ты хочешь грудь пронзать, —
Сказал я, восхищенный, —
Напрасно сердце рвать!

Оно покорно милой,
Одной покорно ей,
Оно горит Эльвирой,
Не в власти я твоей».

<1795>

241. К ГОЛУБКУ

Голубочек сизокрылый,
Голубочек нежный, милый!
Отчего ты так уныл,
Легки крылья опустил?

Отчего ты всё вздыхаешь,
Плачешь, стонешь, иссыхаешь?
Где девался твой покой,
Век счастливый, золотой?

Прежде с милой пред зарею
Ты с голубкою своею
Страстно-страстно ворковал,
Не томился, не вздыхал.

Где теперь твоя любезна?
Видно, часть постигла слезна!
Не о том ли ты грустишь?
Ах! ее не оживишь.

Не один ты, друг мой, стонешь,
Не один в печали тонешь;
Злую грусть и я терплю. . .
Я — жестокую люблю.

<1795>

242. СТИХИ
НА ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ПРОВИНЦИЙ, КУРЛЯНДИИ И СЕМИГАЛИИ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Всяк подвиг божеству возможен,
Бессмертна! нет тебе препон!
Еще венец к венцам приложен,
Еще возвысился твой трон!
Брать крепки грады россам мало, —
Рекла — и царства вдруг не стало!
И сильных вождь оцепенел!
«Где Польша? — вздрогнув, размышляет, —
Где ж будет, — в ужасе вещает, —
Российским подвигам предел?»
Нигде! .. Царица несравненна!
По сердцу ты народ нашла;
С тобой нам целая вселенна
Для храбрых подвигов мала.
И где противиться нам смеют?
Все слабы! Взглянем — и бледнеют;
Сверкнем булатом — и падут.

Да встанут страшны Энкелады,
Да кинут в россов гор громады,
Восхощешь ты — и тех попрут.
Но да молчит перун отныне
Державного орла в когтях!
Творец судил Екатерине —
Да царствует во всех сердцах!
И се невиданны народы
Чрез шумные камчатски воды
С подоблачных Кавказских гор
Гласят к ней сердцем и устами:
Владей, как бог незримый, нами!
Простри и к нам твой светлый взор!
Но что? И ты, страна блаженна,
С цветущих двинских берегов,
Венком оливным увязенна,
И ты среди твоих сынов
Чело покорное склоняешь?
И ты, Курляндия, желаешь
Екатерины дщерью быть?
О радость! о восторг! о слава!
Красуйся, Росская держава!
Чей блеск, чью мочь с твоей сравнить?
Ликуй с престола полвселенны
И ты, владычица сердец,
Чрез кою барды вдохновенны
Бессмертный обретут венец.
О! кто тебе в величьи равен?
Твой каждый шаг полезен, славен,
А трон незыблем: он стрегом
Сей верной грудью, сим колоссом,
С железной булавою россом —
Поднимет — и раздастся гром!

<1795>

243. ОБЕЗЬЯНЫ

Во всяком роде есть безумцы и буяны:
И глупы обезьяны
Однажды вздумали туда же рассуждать
И на Юпитера роптать,

Зачем изволил он лишь людям скипетр дать!!
«Неужто люди нас, — кричат они, — умнее?
Неужто руки их для скипетра длиннее?
Неужели и в нас таких же нет даров:
Проворства, памяти иль, например, зубов
Для собственной защиты?
Так, точно ни за что Юпитером забыты!»
— «Изрядно же, — сказал им громовержец бог: —
Даю я вам на царство право;
Вручаю вам кротов и племя лис лукавых,
И зайца, славного давно проворством ног.
Довольны ль? Выбирайте сами,
Кто всех умней, кому царем быть между вами?»
— «Мне! Мне! — все в голос тут. — Нет, мне, а не ему».
— «Пустое! Я умней». — «Нет, я!» — «Так никому, —
Юпитер произнес. — И слушать вас не стану».
Читатель! Понял ли рассказ?
Оставим всё творцу: он знает лучше нас,
Что дать Петру и что Ивану.

<1795>

244. ДУХОВНАЯ ПЕСНЬ,
ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ 48 ПСАЛМА

Внуши, земля! владыки мира,
Народы! преклоните слух:
Высоку песнь взыграет лира,
Святый меня восхитил дух:
Я возношуся, я пылаю,
Я в горних небесах читаю
И важны истины пою!
Внемлите: сколь ни процветает,
Но тщетно, тщетно уповает
На силу человек свою!

Се яко кедр с холма высока
Главу подъемлет к небесам;
Бог рек — и во мгновенье ока
Повергла смерть его к стопам.

Что ваша сила в день кончины,
Надменны счастьем исполины?
Увы! от смерти нет щита!
Тогда и раб и друг оставит;
Ни брат, ни родший не избавит
Ниже ценою живота.

Нет искупленья! Нет отрады!
Еще ваш терем всех дивит,
Еще во цвете вертограды,
Но кто в них пиршество творит? —
Пришлец, пришлец, ко злату жадный,
Кто, яко волк несытый, гладный,
С весельем вашей смерти ждал;
А вы... вы в персть преобращенны,
И сан, и вы уже забвенны,
И самый след ваш здесь пропал!

Но коль мы редко вспоминаем
Ужасну истину сию,
Всечасно равных погребаем,
А чтим бессмертной жизнь свою.
Предавшися сует прельщенью,
Как звери токмо побужденью
Покорствуем своих страстей:
Зияет бездна перед нами,
А мы с закрытыми очами
Упоеваемся над ней!

И се... стремглав в нее упали!
О, горе, горе будет тем,
Которы слабых угнетали
В минутном счастии своем!
Невинных вздох не пропадает,
Творец на лица не взирает,
И страшный ад неумолим.
Злодеи! бойтесь, трепещите!
А вы, гонимы, не ропщите!
Есть бог, есть вечность обоим.

<1795>

245. НАДПИСЬ
К ПАМЯТНИКУ МОРЕХОДЦА ШЕЛЕХОВА

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелехов без войск, без громоносных сил
Пустился в новый свет чрез бурные пучины
И три народа [1] ей и богу покорил.

1795

246. ГОРЛИЦА И МАЛЬЧИК
(Подражание французскому)

Когда блестящий день,
Явившись на земле, прогнал угрюму тень
Задумчивыя нощи
И светом землю устилал,
Сидела горлица на кустике близ рощи.
Случилося тогда, что мальчик тут гулял,
Гулял, резвился, забавлялся
И бегать там и сям пускался.
В руках у мальчика была
Каленая стрела.
Он птицу зрит уединенну,
Добыче радуется сей.
Подходит ближе к ней.
Какой же ужас вдруг его объемлет!
Не рад добыче он, не рад стрелам своим.
Он внемлет,
Как горлица, сраженна им,
Трепещет и вздыхает.
Он видит кровь ее, текущую ручьем, —
И жалость пробудилась в нем,
Он сам тут плакать начинает.

О ты, что остроумием своим,
Улыбкой, смехом злым,
Своими едкими словами,

---

[1] Ахмохметы, коряки, афогнаки, которых большая часть обращена в христианскую веру.

Как острыми стрелами
Разишь сердца людей!
Проникни в сердце тех, которых уязвляешь.
Тогда, чем смех ты возбуждаешь,
Исторгнет слезы из очей.

<1796>

247. СОНЕТ

Однажды дома я весь вечер просидел.
От скуки книгу взял — и мне сонет открылся.
Такие ж я стихи сам сделать захотел.
Взяв лист, марать его без милости пустился.

Часов с полдюжины над приступом потел.
Но приступ труден был — и, сколько я ни рылся
В архиве головной, его там не нашел.
С досады я кряхтел, стучал ногой, сердился.

Я к Фебу сунулся с стишистою мольбой;
Мне Феб тотчас пропел на лире золотой:
«Сегодня я гостей к себе не принимаю».

Досадно было мне — а всё сонета нет.
«Так черт возьми сонет!» — сказал — и начинаю
Трагедию писать; и написал — сонет.

<1796>

248. НОЧЬ

В черной мантии волнистой,
С цветом маковым в руках
И в короне серебристой —
В тонких, белых облаках —
Потихоньку к нам спустилась
Тишины подруга, ночь,
Вечера и теней дочь.

Лишь на землю появилась,
Всё покрыла темнотой.
Шум, тревоги улетели,
Не поладив с тишиной.
Замолчали тут свирели,
Птички песен не поют.
Спят зефиры, дремлют рощи,
Ручейки чуть-чуть текут.

Милый спутник тихой нощи,
Сон слетел за нею вслед.
Нежною своей рукою
Манит от трудов к покою
И рекой обильной льет
Усыпленья нектар сладкой.

Из-за облачка украдкой
Смотрит скромная луна.
Серебро свое она
То в заснувший луг бросает
Сквозь березовых листов,
То лучом своим играет
Со струями ручейков.

Я не сплю — и наслаждаюсь
Ночи сладкой тишиной,
И природою прельщаюсь.
Клоя, друг любезный мой!
Ах! зачем я не с тобой
Ночи сладостью питаюсь?
Ах! Зачем тебя здесь нет?
Ночь была б еще милее,
И луна тогда б щедрее
Рассыпала тихий свет.
Сокрываяся в лесочке
Иль качаясь на кусточке,
Песнею тебя своей
Забавлял бы соловей.

Приходи, мой друг сердечный,
Приходи в луга сии!
В здешней жизни скоротечной

Услаждай ты дни мои,
Дружбой услаждай своею!
Кто в сем мире одарен
Дружелюбною душею,
Тот и в горестях блажен.

<1796>

249. НАДГРОБЬЕ ДРУГУ МОЕМУ И. Ф. Г—Ю

Приходит нищ сюда — за прах сей бога просит;
Приходит дружество — вздох, стон в груди приносит;
Отец и мать по нем лишь горесть в жизни зрит —
Увы! ее признак, кто на месте сем лежит.

<1796>

250. СЛОН И ОБЕЗЬЯНА

Кто бы подумать мог? — Прелеста — обезьяна, —
Едва увидев свет, смеялась над слоном;
Гордясь проворством легка стана
И маленьким своим лицом,
Кривлялась перед ним, род величая свой.
«Куда годишься ты? — слону так говорила, —
Тебе судьба определила
Нескладной быть горой».
А слон
Между животных есть Катон;
Насмешницу сию тотчас молчать заставил,
Он так ее исправил:
«Чем дар иметь других дразнить,
Кривляния тому виною,
Что обезьяний род презрен везде собою.
Шутов, насмешников и братью их
Все вашею роднею величают,
Все обезьянами их называют.
Пошла же с глаз моих
С своими фиглями, скачками,
Не смейся ты над нами;

Ин хоботом своим так подхвачу тебя,
Что молнии скорей слетишь вверх у меня!
На сей раз молодость твою лишь извиняю,
И правило тебе мое я оставляю:
Насмешки, едкость слов —
Забава дураков».

<1796>

251

Обманывать и льстить —
Вот все на разум правы!
Ах! как не возопить:
«О времена! о нравы!»

Друг только что в глазах,
Любовницы лукавы
И верны на словах —
О времена! о нравы!

Сын и́дет в дом сирен
Вкушать любви отравы;
Там тятя, старый хрен! —
О времена! о нравы!

Вдовы́ от глада мрут,
А театральны павы
С вельможей дань берут —
О времена! о нравы!

За слово и за взгляд
Текут ручьи кровавы;
Друг друга все едят —
О времена! о нравы!

Не полно ли, друзья?
Вам шутки и забавы,
А ведь ответчик я —
О времена! о нравы!

<1796>

Я моськой быть желаю,
Всегда чтобы храпеть;
Нет нужды, что залаю
И что не буду петь.

В одном бы теплом фраке
Я круглый год ходил
И датской бы собаке
За лай презреньем мстил.

Не видел бы отмены
Пред аглицким щенком
В приемах от Климены,
Когда б попал к ней в дом.
Лизал бы ее ручки
Всегда с ним наравне,
И все бы были сучки
Равно любезны мне.

Коль моська б изменила,
К болонской бы пристал,
Не тратил бы чернила,
Элегий не писал.
Но в моську превратиться
Не можно мне вовек,
Так что ж пустым и льститься?
Пусть буду человек.

<1796>

253. СТИХИ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ПАВЛУ ПЕРВОМУ ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ

Ты принял скиптр Екатерины —
Монарх! Зри север, юг, восток;
Зри оба мира половины:
Сей мощный скиптр писал их рок,
Владел и сушей и морями

И царства покорял с царями;
Но грозен, гибелен врагам,
Он зиждил памятник России,
Его же ввек почтут стихии;
Он блеск давал ее сынам.

Давал и даст он им конечно,
О Павел! и в твоих руках;
Род орлий познается вечно
И в чадах и сынов в сынах.
И ты ль не будешь в мире громок?
Ты Иоаннов двух потомок,
И кровь Петра в крови твоей;
Ты сын владевшия полсветом;
Ты россов царь — и стал предметом
Внимания вселенны всей.

Ступай, наследник царств и славы!
Любой к бессмертию тропой;
Вещай властителям уставы;
Карай противников войной.
Се тысячи непобедимых,
Всегда в триумфах, в лаврах зримых;
К победам новым на пути
Они вдруг крылья опускают,
И царска слова ожидают,
Которым светом потрясти.

Постойте, пламенны герои!
Монарху подвиг предстоит
Важнейший низложенья Трои:
Он прежде правды簡 взмлет щит
И твердыми идет стопами
Не дщерей разлучать с отцами,
Не кровь невинных проливать,
Но гидр — страшнейших, чем Лернейски,
Ужаснейших, чем львы Немейски, —
Идет пороки он карать.

Идет — и лесть уже бледнеет,
Дрожит обман с двойным лицом,
И злато роскоши тускнеет

Пред медным воина щитом;
Он кинет взор — и злость низложит;
Речет — мздоимство уничтожит
И слабых с сильными сравнит. —
О! где я, где? Иль в новом мире?
Летай рука моя по лире!
Вся кровь от радости кипит!

Друг смертных, гений в багрянице,
Глагол его есть глас отрад
Гонимым, сирому, вдовице
И благо миллионов чад;
Талант, достоинства, заслуги
Любимцы суть его и други,
А стражею любовь сердец;
Отвсюду разные языки
Торжественны возносят клики:
О Павел, Павел! наш отец!

Цветет Россия вертоградом,
Сияет радости лучом!
Весь с весью, град стязует с градом
В избытке, в первенстве своем;
Все, все сокровища природы,
Что внутрь земли, что кроют воды,
Возникшими пред Павлом зрю:
И горы злато источают,
И океаны извергают
Левиафанов в дар царю.

Но что! Куда летят Язоны
Поверх ярящихся валов?
Каким странам несут законы
И страшну мощь своих громов?
Не кройтесь в глубину, наяды!
Спокойся, мир! то росски чады,
Любители наук и муз,
Летят отважнейшим полетом
Обогатиться новым светом,
Вступить с Уранией в союз.

О, коль приятно царско бремя
Для благотворныя души!
Смири свою ты наглость, время!
А ты, о истина! впиши
Надежной, смелою рукою
Царя, плененного тобою,
На трон отцов своих восход!
Едва облекся он в порфиру,
Вдруг жертвенник возникнул миру,
И *славный* — *счастлив* стал народ.

Вдруг скиптр его, как жезл волшебный,
Тел чад, сил рождших воскресил
И радости бальзам целебный
Во грудь отчаяния влил.
О Павел! будешь чтим веками:
Ты начал властвовать сердцами,
Ты с первым шагом приобрел
На нашу верность новы правы
И воспарил ко храму славы,
Как к солнцу бодрственный орел.

1796

254. БЛАЖЕНСТВО

Блажен тот муж, кто к Безбородке
Не бродит с просьбой по утрам,
Но миленькой одной красотке
Приносит в жертву фимиам;

Кто к почестям, чинам не падок
И пышной жизнью не прельщен,
Не знает крымских лихорадок,
Ни смрада магистратских стен,

Кто Келлера страшится взора,
От Машек с Ульками бежит
И в доме грабежа, раздора
Над банком в полночь не корпит.

Кто ныне к той любви не тает,
Не млеет завтра от другой,
Прелестных Остенш цену знает,
Но боле свой ценит покой,

И кто ни волей, ни неволей
Дел с ябедой не начинал,
Но, быв своей доволен долей,
Спокойно ел, и пил, и спал!

Он, как Михайлов, утучнится
И будет свеж, как брат его;
И даже ночью не приснится
Ему лихого ничего!

<1796>

255. К ЛАМПИЮ,
СЛАВНОМУ ЖИВОПИСЦУ

Взглянул ли наш монарх на копие Беллоны —
Пиши паденье царств, низверженные троны;
Вещает — радостну Россию ты поставь;
Задумался — весь мир во счастии представь.

<1797>

256. КЕНОТАФИЯ

Покорствуя судеб уставу,
Здесь некто положил отцовский шлем с пером,
Меч предков, их любовь к отечеству и славу,
А сам — на козлы сел и хлопает бичом.

<1797>

257. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Что мне об ней сказать?
К другим и я, бывало,
Легко мог надписи писать,
Но милую хвалить, как ни хвали, — всё мало!

<1797>

258. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать;
Узнавши, будешь обожать.

<1797>

259. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Одним тебя стихом, любезна, опишу;
Ты всё мне — я тобой и вижу, и дышу.

<1797>

260. ЭПИГРАММА

Хорош бы Фока был, да много говорит;
Привыкши турков бить, он и своих морит.

<1797>

261. К ВЕНЕРИНОЙ СТАТУЕ

Из антологии

Парис и Марс, о том ни слова,
И Адонис, когда хотел,
Меня видали без покрова;
Но как увидел Пракситель?

<1797>

262. ЭПИГРАММА

Из антологии

Леандр, в последний раз возникнув из валов,
Молил взирающих сквозь зарево богов:
«О боги, боги! допустите
Взглянуть мне на нее и после потопите!»

<1797>

263. ЭПИТАФИЯ

В надежде будущих талантов
И вечных за стихи наград,
Родитель спит здесь фолиантов,
Умерший... после чад.

<1797>

264. ПОДРАЖАНИЕ ПЕТРАРКУ

Поверит ли кто мне? — Всегда, во всех местах
Я слышу милую и вижу пред собою;
Она глядит из вод, она лежит в цветах,
Она мне говорит и дуба под корою,
Она и облачно поутру золотит,
Она в природе всё и красит и живит.
О страсть чудесная! чем боле открываю
Угрюмой дикости в местах, где я бываю,
Тем кажется милей, прелестнее она;
Но ах, надолго ль, сей мечтой обольщена,
Блаженствует душа пылающая, страстна?
Минуту — и опять душа моя несчастна
Томится, и опять всё меркнет для меня!
«Где Лора? — глядя вкруг, я думаю, стеня.
Где Лора?» — ни она, никто не отвечает!..
И страждущий Петрарк на камень упадает
Без памяти, без чувств, так холоден, как он,
Лишь эхо отдает глухой и томный стон.

<1797>

265. НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТУ ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА

С цветущей младости до сребряных власов
Шувалов бедным был полезен;
Таланту каждому покров,
Почтен, доступен и любезен.

<1797>

266. РОМАНС

Где Дафнис? Где он воспевает,
Любитель рощ от юных лет?
Мне рощи глухо отвечают:
Его уж нет! Его уж нет!

Он умер! Смерть неумолима!
Почто похитила у нас
Так скоро пастушка любима?
Его ли был увянуть час?

Но ах! погаснул в сердце пламень,
И само сердце стало прах!
Где Дафнис? Зрим лишь серый камень
И бедну мать над ним в слезах!

Так буря вдруг искореняет
Кусточек с первою весной;
Пришла пастушка — помышляет:
Где миленький кусточек мой?

В ужасный день его отхода
От мира в райские поля
Покрылась мраком вся природа:
Грустили небо и земля.

В полудни солнце бледно стало;
Вдруг пожелтел зеленый луг;
Ничто не пело, не дышало;
Лишь только ветер выл вокруг.

Лишь горы страшно отдавали
Рыданье пастушков и стон.
Взошла звезда, а мы в печали
Забыли ночь, забыли сон.

Румяно утро возвратилось,
И друга нам уж не видать!
Сильнее сердце в нас забилось,
Сильнее стали горевать.

Тогда никто не шел ко стаду,
Никто свирель не шевелил;
Но каждый горести в отраду
Горячи слезы молча лил.

О Дафнис, Дафнис! все утехи
С тобою вместе утекли;
Прощай отныне игры, смехи!
Навеки праздники прошли.

Тоска в лугах, тоска средь леса;
Нигде покойных нет минут;
Уже и Флора и Палеса
От мест отчаянья бегут.

В садах плоды уже не зреют;
На пашнях нива не взошла;
В долинах розы не алеют, —
Полынь с крапивой поросла.

Наш друг своим приятным взглядом
Всему приятность придавал;
Так лозы милы виноградом,
Доколе он на них блистал.

Он был душа всех и забава;
Он лучший был из нас певец;
Он был полей краса и слава
И друг чувствительных сердец.

Но полно! вопли бесполезны;
Запрем в груди свою тоску,

Пойдем воздать, друзья любезны,
Священный долг наш пастушку.

Прочь все от нас уборы! Скинем
Со шляп цветочные венки;
Сберемся вместе, опрокинем
Обвиты елью посошки.

Пойдем на тихую долину,
Где спит прах друга моего;
Оплачем там его кончину,
Восхвалим душу мы его.

Поставим памятник там жалкой,
Посадим кипарис над ним;
Усыплем бледною фиалкой
И скромну надпись начертим:

«Был Дафнис милый и пригожий —
Он здесь теперь в земле сырой.
Увы! где розы след? Прохожий,
Почти ты прах его слезой».

<1797>

267. МАДРИГАЛ

ДЕВИЦЕ, КОТОРАЯ СПОРИЛА СО МНОЮ, ЧТО МУЖЧИНЫ СЧАСТЛИВЕЕ ЖЕНЩИН

«Мужчины счастливы, а женщины несчастны, —
Селеста милая твердит. —
Их рок прелестною свободою дарит,
А мы всегда подвластны».
Так что ж? Поспорю в том, прекрасная, с тобой,
Я вольность не всегда блаженством почитаю:
Скажи: *ты сердцу мил!* — свободу и покой
Тотчас на цепи променяю.

<1797>

268. ПЕСНЯ

Ты клялась мне, ты божилась,
Что и рок не властен в том,
Чтоб ко мне ты пременилась
И вздохнула о другом.

Но увы! я вижу ясно
Обольщение мое:
Ты твердишь любовь всечасно,
А я чувствую ее.

Ты лишь клятвы вымышляешь,
А я в сердце их храню;
Ты терзаешь, умерщвляешь,
А я всё тебя люблю!

<1799>

269. ПЕСНЯ ДЛЯ ДВУХ ГОЛОСОВ

«Что с тобой, любезна, стало?
Не слыхать твоих речей;
Всё вздыхаешь, а бывало,
Ты поешь как соловей».

— «С милым пела, говорила,
А без милого грущу;
Поневоле приуныла:
Где я милого сыщу?»

— «Разве милого другого
Не найдешь из пастушков? —
Выбирай себе любого:
Всяк тебя любить готов».

— «Хоть царевич мной прельстится,
Всё я буду горевать;
Сердце с сердцем как сдружится,
Уж не властно выбирать».

Оба

О любовь! приятна мука!
Сколь твоя чудесна власть!
Ни холодность, ни разлука,
Никакая в свете страсть

В нас тебя не истребляет;
Бедно сердце всё щемит,
Тает, тлеет, изнывает —
Нет надежды, а горит.

<1799>

270. ЭЛЕГИЯ

Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали!
Довольно с юных лет я втайне воздыхал,
Но вечно горести, всё новые печали...
Конец терпению!.. Я мучиться устал!
Рожденный всех любить без хитрости, без злобы,
Далек от пышности и почестей мирских,
Я счастье полагал во счастии родных,
И что же? — только их я обнимаю гробы!
Увы, и этой мне отрады не иметь!
Любезный, милый брат, ты в сердце лишь остался,
Не буду твоего и праха даже зреть:
Далеко от своей ты родины скончался.
Супруга, мать, сестры тебя всечасно ждут,
А ты последнее дыханье испускаешь;
Ни стону вкруг тебя, ни вздохам не внимаешь,
И хладною рукой во гроб тебя кладут.
О, тягостный удар, невозвратима трата!
Что в сердце мне теперь? Одна любовь лишь брата
Могла в него бальзам успокоенья лить...
И брата больше нет... ах, полно, полно жить!

1798

271. ЭКСПРОМТ

(На игру г-на Дица)

Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный,
Поет, и говорит, и движет всех сердца!
О сын Гармонии, достоин ты венца
И можешь презирать язык обыкновенный![1]

1798

272. НА СПУСК СТЕФАНИЕМ ТРЕХ ШАРОВ, В ПРИСУТСТВИИ ТРЕХ ЗНАТНЫХ ОСОБ

«Ну, видел спуск я трех шаров!»
— «Что ж было?» — «Вздулись и упали
Все в сторону — и проскакали
Куракин, Зубов и Орлов».

1798

273. НАДПИСЬ К АМУРУ

Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно;
А иначе навек несчастливо оно.

1798

274. НАДПИСЬ К АМУРУ

Открыт, как истина; без крыл, как постоянство;
Оружие его в невинности одной;
Дитя, но всех сердца он брал в свое подданство, —
Таков был, говорят, сын Лады в век златой!
Где ж ныне он? Увы! нам это неизвестно;
Мы только чтим его и ищем повсеместно.

1798 (?)

---

[1] Это сказано было в то время, когда г. Диц перестал говорить, но не переставал восхищать своею скрипкою.

275. СТАРИННАЯ ШУТКА К ПОРТРЕТУ Н. М. КАРАМЗИНА

Он дома — иль Шолье, иль Юм, или Платон;
Со мною — милый друг; у Вейлер — Селадон;
Бывает и игрок — когда у Киселева,
А у любовницы — иль ангел, или рёва.

1790-е годы

276. ПОСЛАНИЕ К АРКАДИЮ ИВАНОВИЧУ ТОЛБУГИНУ

Друг изящного в природе
И судья а ла козак,
Поперек идущий моде,
Неприятель всяких врак;
Муз и музыки любитель,
Голубков, дроздов гонитель,
Грубый скиф по бороде,
Нежный Орозман душою,
Не по светскому покрою,
Одинаковый везде;
Не ханжа и не ласкатель,
О любезный созерцатель
В банях бабьей красоты!
Плюнь на светски суеты,
О поклонниче Заиры!
И склонись на голос лиры,
Почитающий тебя.
Дай увидеть мне себя
На свободе, в чистом поле;
Сделай честь ты хлебу-соле
Нового в лесу жильца.
Покажись — и хоры птичек,
Соловьев, дроздов, синичек,
Все, увидя мудреца,
Встрепенувшися крылами,
Громко-звонко запоют
И мне весточку дадут,
Что Аркадий милый с нами!

Вторая половина 1790-х годов

277. НАДПИСЬ К ЕГЕРСКОМУ ДОМУ, КОТОРЫЙ ВЫСТРОЕН БЫЛ ЗА ГОРОДОМ

О дом, воздвигнутый Голицыным для псов!
Вещай, доколь тебя не испровергло время,
Что он всего собачья племя
Был истинный отец, блюститель и покров.

Вторая половина 1790-х годов

278. НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТУ ДРЕВНЕГО РУССКОГО ИСТОРИКА НЕСТОРА

Постигнув с юных лет тщету и скоротечность,
Сей инок житие пустынное избрал,
И, кроясь от живых, он взором обнимал
Минувшее и вечность.

1801

279. НА СЛУЧАЙ ОД,
СОЧИНЕННЫХ В МОСКВЕ В КОРОНАЦИЮ

Гордись пред галлами, московский ты Парнас!
Наместо одного Лебреня есть у нас:
Херасков, Карамзин, князь Шаликов, Измайлов,
Тодорский, Дмитриев, Поспелова, Михайлов,
Кутузов, Свиньина, Невзоров, Мерзляков,
Сохацкий, Таушев, Шатров и Салтыков,
Тупицын, Похвиснев и наконец — Хвостов.

1801

280. СУПРУЖНЯЯ МОЛИТВА

Один предобрый муж имел обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приносить моленье:
«Хранитель ангел мой! спаси мою жену!
Не дай упасть ей в искушенье!

А ежели уж я... не дай про то мне знать!
А если знаю я, то дай мне не видать!
А если вижу я, даруй ты мне терпенье!»

<1803>

281. ЗАГАДКА

Нет голоса во мне, а всё я говорю
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню и ложь и правду разглашаю,
И в тысячи местах вдруг слышен я бываю;
Всегда и важен и шутлив,
Умен и глуповат, и дурен и красив;
Еженедельно я иль в месяц возрождаюсь,
И только лишь рожусь, в продажу отпускаюсь.
Я братьями богат, названье нам одно;
Однако в свете мы зовемся не равно.
Узнали? Нет? Еще прибавим:
У нас нет матери, зато
Мы сотни две отцов представим,
И это не причтет в обиду нам никто,
Я бел и сер, легок, бездушен и собою
Во многом сходствую с молвою.

<1803>

282. НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО

Суворова здесь лик искусство начертало,
Да ведают его грядущи времена:
Едина царства им не стало, [1]
А трем корона отдана.

<1803>

---

[1] Польша.

283. НАДПИСЬ
К ЕГО ЖЕ ПОРТРЕТУ

Се росс, агарян бич, сарматов покоритель,
Защитник Австрии, Италии спаситель.

<1803>

284. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь скажет слово,
Законы, трон — всё пасть готово...
Не бойтесь, он на дождь сердит.

<1803>

285. БЛИЗНЕЦЫ

«Кого вам надобно?» — «Я дом ищу *Разврата*».
— «Которого, сударь? их в городе два брата».
— «Богатого». — «Как тот, так и другой богат».
— «Не очень складного». — «Не молодец и брат».
— «Он крут обычаем». — «И тот, избави боже!»
— «Жена красавица». — «И у другого тоже».
— «Короче, тот рогат, которого ищу».
— «Какой же случай!.. я молчу».

<1803>

286. БЫЛЬ

Даруй мне, муза, тон согласный
С унынием души моей,
А ты, о добрый иль несчастный,
Склони свой слух и пожалей!

Дамон недавно был душою,
Утехой в дружеских пирах,

Резов был, как зефир весною,
Пригож, как роза на лугах.

Он взором гнал печаль и скуку,
Устами радость сообщал,
Друзьям своим давая руку,
Тогда ж и сердце отдавал.

Вчера, при месячном сиянье,
Друзьям, прощаясь, говорил:
«Как грустно с вами расставанье!»
И взор на них остановил.

Бьет час, потом — и весть несется,
Печальна весть: *Дамона нет!*
В Дамоне сердце уж не бьется,
Исчезнул вмиг весенний цвет!

Тут в первый раз еще познали
Дамона к Лизе жарку страсть:
Он таял, но, увы, к печали!
Душ прямо *нежных* это часть!

Их слезы падают на камень.
Дамон, не могши потушить
Снедавший сердце лютый пламень,
Решился сам себя убить.

<1803>

287. К МАШЕ

Я не архангел Гавриил,
Но, воспоен пермесским током,
От Аполлона быть пророком
Сыздетства право получил.
Итак, внимай, новорожденна,
К чему ты здесь определенна:
Ты будешь маменьке с отцом
Отрадой, счастьем, утешеньем,
Любезна пола украшеньем

И в добронравьи образцом;
Ты будешь без красы приятна,
Без блеска острых слов умна,
Без педантизма учена,
Почтенна и без рода знатна,
И без кокетства всем мила,
Какою маменька была, —
Вот мой урок и похвала,
Едва ли не впоследни пета! ..

Когда ты, Маша, расцветешь,
Вступая в юношески лета,
Быть может, что стихи найдешь —
Конечно, спрятанны ошибкой, —
Прочтешь их с милою улыбкой
И спросишь: «Где же мой поэт?
В нем дарования приметны».
Услышишь, милая, в ответ:
«Несчастные недолголетны;
Его уж нет!»

<1803>

288. К ⟨А. Г. СЕВЕРИНОЙ⟩ ПРИ СООБЩЕНИИ ЕЙ ДРУГИХ СТИХОВ

Дельфира! вот стихи, которых ты желала!
Но боле от меня вперед не ожидай,
Ты знаешь, я попал в поэты невзначай
С тех пор, как ты меня узнала.
Тогда я молод был, притворствовать не знал,
Ты показалась мне мила и добродушна,
Такою я тебя в стихах и называл,
И лира завсегда была тебе послушна.
Увы, как худо знал тогда я нравы, свет!
Я думал, что везде — в Аркадии поэт;
Я думал, как пчела сбирать в собраньях соты,
Учиться ловкости, свой разум украшать,
Давать красивые языку обороты,
Чтоб более потом в стихах моих блистать;
Но что же я нашел? .. Прощайте, лестны виды!
Все стихотворчески мечты!

Прощайте, грации, и сильфы, и сильфиды!
Что вместо их, поэт, увидел в свете ты?
Там к дарованиям холодность иль презренье;
Тут осторожность, подозренье.
К кому пристать и чем начать свой разговор?
Там целый день молчат, потупя в карты взор;
Здесь заняло умы вчерашне производство;
Там хвалят бархатов московских превосходство
Иль мысль свою кладут на именинный пир;
А там один с другим в пресильном жарком споре,
Что новый старого красивее мундир!
Певец от скуки, в горе
Переменяет круг, имея только дар
Живее чувствовать прекраснейшего цену;
Поет он Делию, иль Дафну, иль Климену,
Поет их острый ум, любезность, милый нрав,
Нимало не искав
Другого награжденья,
Как только с ними обхожденья,
Приятных для него в их обществе минут,
Но что ж его хвалы и здесь произведут?
Муж, видя мадригал супруге, ужаснется
И всем рассказывать знакомым понесется,
Что наш питомец муз пленен его женой,
Которая его играет простотой,
Без памяти от ней! — Жена из потаканья,
А более боясь от мужа увещанья,
Усмешкой иногда иль взглядом подтвердит —
И вдруг наш бедненький пиит
Пойдет у всех за селадона.
Вот жребий здесь певцов и деток Аполлона
В награду за хороший стих!
Он в летах молодых не слишком нам ужасен,
Но в зрелость дней своих
Виною городских быть басен,
Признаться, тяжело, и легче во сто раз
Быть в обществе немым и позабыть Парнас.

<1803>

289. МАДРИГАЛ

Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!
Но можно ли тебя узнать и не любить?
Ах! ты даешь мне ум, воспламеняешь к славе,
Рассееваешь грусть и исправляешь в нраве;
Год жизни я отдам за этот райский час,
Чтоб видеть мне тебя, чтоб слышать мне твой глас,
И часто мысль одна: *увижу завтра Хлою* —
Уже на целый день веселья мне виною.

<1803>

290. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Смейтесь, смейтесь, что я щурю
Маленьки мои глаза,
Я уж видел, братцы, бурю,
И знакома мне гроза.
Побывал и я средь боя,
Видел смерть невдалеке,
Так не стыдно для покоя
Погулять и в колпаке.

<1803>

291. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

Чей это, боже мой, портрет?
Какими яркими чертами
Над впалыми ее глазами
Натиснуты все сорок лет!

<1803>

292. ПРИЗНАНИЕ

Темира! виноват; ты точно отгадала.
Прости! всё лгал перед тобой:
Любовь моя к другой,
А не к тебе пылала;
Другою день от дня;

Час от часу прельщался боле;
Другой по всем местам искал я поневоле,
Жестокости ее кляня.
Равно и в песнях нет ни слова,
Которое бы я от сердца написал:
«Прелестная! мой бог! жестокая! сурова!» —
Всем этим я тебя для рифмы называл.
Так точно я вздыхал, лил слезы пред тобою,
А в сердце занят был тогда совсем другою.
Да что в тебе и есть? согласен, милый взгляд...
Отменной белизны зубов прекрасных ряд...
Густые волосы, каких, конечно, мало:
Для трех бы граций их достало...
Две ямки на щеках, вместилище зараз...
Любезность, ум — и всё тут было —
Пустое, чтоб кому из нас
Всё это голову вскружило!

<1803>

293. ПЕСНЯ

Бедно сердце! как решиться,
Забывать или любить?
Но, любя ее, крушиться,
Без отрады слезы лить,
Вечно мучиться, томиться!..
«Даром, даром!» — говоришь,
И любить ее велишь.

Ах! люблю ее, пылаю!
Разум, душу, милый взгляд —
Всё в ней, всё я обожаю,
Но к себе я вижу хлад!..
«Полно, полно!.. забываю!» —
Разум! ты меня крепишь
И забыть ее велишь.

Позабуду! — Но доколе? —
Ах! пока не встречусь с ней:
Я опять тогда в неволе
Милых мне ее цепей.

«Грустно, грустно быть в сей доле!
Грустно!» — сердце, ты твердишь,
А любить ее велишь.

<1803>

294. СПОР НА ОЛИМПЕ

Юпитер

Прочь, слабое дитя! не будь в моих очах!
Иль гряну громом — и ты прах!

Амур

Для лука моего Перун твой не опасен:
Дитя, как я, и сам ужасен.

Юпитер

Надменный, видишь ли гигантов жребий злой,
Попранных громовой стрелой?

Амур

А ты, гремящий бог, взгляни на прелесть Леды —
И будь же лебедь, в знак победы!

<1803>

295. ЭПИГРАММА

«Я разорился от воров!»
— «Жалею о твоем я горе».
— «Украли пук моих стихов!»
— «Жалею я об воре».

<1803>

296. ЭПИГРАММА

«Увы, — Дамон кричит, — мне Нина неверна!
Лукавый пол! твой дар лишь только лицемерить!
Давно ли *мужем* мне своим клялась она?..»
— «И *мужем?*.. можно ль не поверить!»

<1803>

297. ГРУСТЬ

Влеком унынием сердечным,
Пойду я с лирой в те места,
Где сном дарит природа вечным,
Где спит и скорбь, и суета.

Там добродетельной Эльвиры
Над прахом слезы я пролью
И с тихим звуком томной лиры
К безмолвным теням воспою:

Мир вечный вам! вкушайте сладость
Спокойства в пристани от бед;
Теперь для вас печаль и радость
Уже ничто: для вас их нет!

Уже вам боле не ужасны
Удары, пораженья злых,
Ни тайны ковы не опасны,
Ни явное гоненье их.

Уже никто судом бесчинным
Не может дух ваш отравить,
Из чистых, правых сделать винным
И в сердце острый меч вонзить.

Нет! сердце в вас уже не бьется,
Оно спокойно всякий час,
Уже оно не отзовется
Ниже любезнейшей на глас.

Чувствительный! вкушай отраду,
Сверша теченье бурных дней,
Не бойся сладкого ты яду
Обворожающих очей;

Не бойся более презренья
И колких порицаний ты
В награду твоего смиренья,
Незлобна сердца простоты.

Ах! долго ли и мне, несчастну
Здесь страннику, влачить мой путь?
Когда пройду я степь ужасну?
Пора, пора уж отдохнуть!

<1803>

298. НАДГРОБИЕ
И. Ф. БОГДАНОВИЧУ, АВТОРУ «ДУШЕНЬКИ»

Привесьте к урне сей, о грации, венец:
Здесь Богданович спит, любимый ваш певец.

1803

299. НАДГРОБИЕ
И. Ф. БОГДАНОВИЧУ, АВТОРУ «ДУШЕНЬКИ»

В спокойствии, в мечтах текли его все лета,
Но он внимаем был владычицей полсвета,
И в памяти его Россия сохранит.
Сын Феба! возгордись: здесь муз любимец спит.

1803

300. НА СМЕРТЬ ИППОЛИТА ФЕДОРОВИЧА БОГДАНОВИЧА

«О чем ты сетуешь, прелестная Харита?»
— «Увы! С любимым я певцом разлучена!
Послала смерть Петру, ошибкою она
Сразила Ипполита».

1803

301. ПАРОДИЯ

Любовь любовию пленилась
И с Душенькой соединилась,
А эта Душенька от душечки родилась,
И сердце наконец
Без сердца для сердец
Их связно связь изобразило.
Читатель! Что ж бы это было?
Кто отгадал? спрошу вас я:
Галиматья!

1803

302. ЭПИТАФИЯ ЭПИТАФИЯМ

Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих,
Что всё *на час* под небесами:
Поутру плакали о смерти мы других,
А к вечеру скончались сами.

1803

303. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Любовник в первый день признаньем забавляет;
Назавтра — говорят: несносно докучает;
На третий слушают, не поднимая глаз;
В четвертый — с робостью отказ;

На пятый — слабое упорство и смятенье;
В шестой — ни да, ни нет, и страх, и сожаленье;
В седьмой — без головы;
В осьмой — увы!

1803

304. ПУТЕШЕСТВИЕ N. N. В ПАРИЖ И ЛОНДОН, ПИСАННОЕ ЗА ТРИ ДНИ ДО ПУТЕШЕСТВИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать:
Я был в Лицее, в Пантеоне,
У Бонапарта на поклоне;
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастью моему.
Вчера меня князь Д<олгоруко>в
Представил милой Рекамье; [1]
Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье, [2]
Мадам Жанлис, Виже, Пикара, [3]
Фонтана, Герля, Легуве, [4]
Актрису Жорж и Фиеве; [5]
Все тропки знаю булевара,
Все магазины новых мод;
В театре всякий день, оттоле
В Тиволи и Фраскати, в поле. [6]

---

[1] *Представил милой Рекамье.* Рекамье — жена парижского банкира, прославившаяся красотой своей.

[2] *Сиеса, Вестриса, Мерьсе.* Первый — сенатор, игравший в революцию важную ролю; второй — славный танцовщик, а третий — давно известный писатель.

[3] *Мадам Жанлис, Виже, Пикара.* Первая — сочинительница романов и нескольких книг о воспитании; второй — приятный стихотворец; последний — лучший комический писатель нынешнего времени.

[4] *Фонтана, Герля, Легуве.* Три известные стихотворца.

[5] *Актрису Жорж и Фиеве.* Последний — сочинитель прекрасного романа и писем об Англии.

[6] *В Тиволи и Фраскати, в поле.* Так называются два гульбища.

Как весело! какой народ!
Как счастлив я! — итак, простите!
Простите, милые! и ждите
Из области наук, искусств
Вы с первой почтой продолженья,
Истории без украшенья
Идей моих и чувств.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Против окна в шестом жилье,
Откуда вывески, кареты,
Всё, всё, и в лучшие лорнеты
С утра до вечера во мгле,
Ваш друг сидит еще не чесан,
И на столе, где кофь стоит,
«Меркюр» и «Монитер» разбросан,
Афишей целый пук лежит:
Ваш друг в свою отчизну пишет;
А Журавлев уж не услышит! [1]
Вздох сердца! долети к нему!
А вы, друзья, за то простите
Кое-что нраву моему;
Я сам готов, когда хотите,
Признаться в слабостях моих;
Я, например, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их;
Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять;
Но словом, мыслью, даже взглядом
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..
Я слышу стук!.. никак за мною?
Так точно, наш земляк зовет
На ужин к *нашей же* — прекрасно!
Сегюр у ней почти всечасно:
Я буду с ним; как счастлив я!
Пришла минута и моя!

---

[1] *А Журавлев уж не услышит.* Почтенный старик, который незадолго перед тем умер и дружен был с путешественником.

Простите! время одеваться,
Чрез месяц, два — я, может статься,
У мачты буду поверять
Виргилиеву грозну бурю;
А если правду вам сказать,
Так я глаза мои защурю
И промыслу себя вручу.
Как весело! лечу! лечу!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Валы вздувалися горами,
Сливалось море с небесами,
Ревели ветры, гром гремел,
Зияла смерть, а N.N. цел!
В Вестминстере свернувшись в ком,[1]
Пред урной Попа бьет челом;
В ладоши хлопает на скачке,
Спокойно смотрит сквозь очков
На стычку Питта с Шериданом,
На бой задорных петухов
Иль дога с яростным кабаном;
Я в Лондоне, друзья, и к вам
Уже объятья простираю —
Как всех увидеть вас желаю!
Сегодня на корабль отдам
Все, все мои приобретенья
В двух знаменитейших странах!
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля...
И всё Дидота, Баскервиля![2]

---

[1] *В Вестминстере и проч.* Для некоторых напомню, что в этом аббатстве издавна погребаются короли и славные мужи.

[2] *И всё Дидота, Баскервиля.* Также для некоторых: Дидот — славный французский типографщик, а Баскервиль — англинской.

Европы целой собрал ум!
Ах, милые, с каким весельем
Всё это будет разбирать!
А иногда я между дельем
Журнал мой стану вам читать:
Что видел, слышал за морями,
Как сладко жизнь моя текла,
И кончу тем, обнявшись с вами:
А родина... всё нам мила!

1803

805. ПАРОДИЯ

Седящий на мешках славяно-русских слов,
От коего мы спим, а цензоры зевают,
Кто страшен грациям, кого в листочках Львов,
А Павлом Юрьичем домашни называют,
Рек сам себе: «Я врать досель не уставал,
Так подурачимся ж еще мы для забавы».
Он рек — и вмиг свахлял из щепочек
«Храм славы!»
Сотиньус, рот разинув, пал,
А Львов вприсядку заплясал.

1803

806. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

«Что за журнал?»
— «Не хватский».
— «Кто же читал?»
— «Посадский».
— «А издавал?»
— «Сохацкий!»

1804

«Что легче перышка?» — «Вода», — я отвечаю.
«А легче и воды?» — «Ну, воздух». — «Добрый знак!
А легче и его?» — «Кокетка». — «Точно так!
А легче и ее?» — «Не знаю».

<1805>

308. СТАНСЫ

Я счастлив был во дни невинности беспечной,
Когда мне бог любви и в мысль не приходил;
О возраст детских лет! почто ты бы не вечной?
Я счастлив был.

Я счастлив был во дни волшебств, очарований,
Когда любовью свет и красен лишь и мил;
Дождуся ли опять толь сладостных мечтаний?
Я счастлив был.

Я счастлив был во дни надежды, уверенья,
Когда Кларисы взгляд меня животворил;
Одни желания уж были наслажденья!
Я счастлив был.

Я счастлив был во дни восторгов непрерывных
И сердцу милых бурь! Как я тогда любил!
Увы! тогда не пел я в песнях заунывных:
Я счастлив был.

<1805>

309. МЕЛАНХОЛИК

Романс, подражание французскому

Как сын проклятия, скитаюсь
Издавна я по всем странам;
Уйти от горести стараюсь,
Но горесть всюду по следам.

Увы! лишь вспомню страсть несчастну...
Прости, мой ум! прости, покой!
Я вижу фурию ужасну,
Бегу ее — она за мной!

Всю молодость провел в стенаньи;
Состарелся, а всё влачу
Любови цепь в тоске, в изгнаньи,
И тщетно смерти я хочу!
«Ступай далеко, — мне сказали, —
Там знают жалость». Что ж? и там
Безумца лишь во мне искали,
Смеялись бедного слезам!

О дети счастья, грех смеяться!
Я без ума, но я ваш брат;
Что мы предвидим? Может статься,
Несчастней будете стократ.
Страшитеся любви опасной
И пожалейте вы о том,
Кто, розою пленясь прекрасной,
Уколот был ее шипом.

<1805>

310. К ПРИЯТЕЛЮ,
КОТОРЫЙ ПО СХОДСТВУ ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ ФАМИЛИЙ ЧАСТО ПРИНИМАЛ ОДНУ ВМЕСТО ДРУГОЙ

Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь
Людей, которые не сходствуют ни в чем;
Итак, когда ты их не знаешь,
То я тебе скажу о том и о другом:
Один приятный был писатель,
Другой едва ли и читатель;
Один стихи, другой лишь векселя писал;
Тот в Панову свирель, а этот в банк играл.

<1805>

311. ЭПИГРАММА

Как! Рифмин жив еще и телом и душой?
А я уже сказал: ему и нам покой!

<1805>

312. ЭПИГРАММА

«Кто как ни говори, а Нина бесподобна!
Прелестна — в сторону, но как она умна!
С каким познаньем! как скромна!
Как горлинка, незлобна!
Какая добра мать, как любит всех друзей!»
— «И мужа?» — «Ну... он сносен ей».

<1805>

313. ЭПИГРАММА

Поэт Оргон, хваля жену не в меру,
В стихах своих ее с Венерою сравнял.
Без умысла жене он сделал мадригал
И эпиграмму на Венеру!

<1805>

314. НАДГРОБИЕ
МАТЕРИ И СЫНУ

Здесь мать двух близнецов почила в цвете дней;
Один на часть отцу, другой оставлен ей.

<1805>

315. НАДГРОБИЕ

Не дрогнет начертать на камне сем резец:
«Здесь прах смиренныя жены, отшедшей к богу,
Свет суетный об ней забудет наконец,
Но бедный и сюда откроет к ней дорогу
И теплую слезу в уплату принесет:
Плоть гибнет, но добро из рода в род живет».

<1805>

316. ЭПИТАФИЯ

«Полвека стан его возили в сей юдоле!»
— «И только?» — «А чего ж вам боле?»

<1805>

317. ЛЮБЛЮ И ЛЮБИЛ

Люблю — есть жизнью наслаждаться,
Возможным счастьем упиваться,
Всех чувств в обвороженьи быть.
Любил же — значит: *полно жить!*
Яснее: испытать собою,
Что клятвы — слов каких-то звон;
Что нежность — хитрости игрою;
Невинность — маска; счастье — сон!

<1805>

318. НАДГРОБИЕ
ПЕТРУ ДМИТРИЕВИЧУ ЕРОПКИНУ, БЫВШЕМУ МОСКОВСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ

Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг,
На время опочил, как солнце лучезарно.
Быть может, некогда потомство благодарно

Воздвигнет обелиск во мзду его заслуг;
Быть может!.. между тем смиренный муз любитель
Приносит в дань ему, что в силах: только стих.
«Москва! — он говорит, — се твой второй спаситель![1]
Москва! Рим древний жив... в героях лишь своих».

1805

319. ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ О ЖУРНАЛЕ НА БУДУЩИЙ ГОД

Во славу троицы певцов
Журнал для толка, а не вкуса
Имеет быть и впредь в печатне Гиппиуса.
Хвостов. Кутузов. Салтыков.

1805

320. ЭПИГРАММА

НА ПРИТЧУ «ГОСПОЖА И ТКАЧИ», НАПЕЧАТАННУЮ В ОДНОМ ЖУРНАЛЕ

Без имя Рифмодей глумился сколько мог
Над глупостью — хвалить в стихах *красивый* слог.
Не худо бы потом на *вкус* слепить сатиру,
А там и здравый смысл ухлопать в добрый час
И кончить тем свою поэтику для нас;
Тогда уж смело дуй в свою перунну лиру!

1805

321. СТИХИ

НА КОНЧИНУ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА И. П. САЛТЫКОВА

К Прасковье Ивановне Мятлевой

Стени, дочь нежная, над урною отца!
Я сам в смущении забыл талант певца:
Не в силах петь вождя героев,

---

[1] Надеюсь, что всем читателям моим памятен патриотический подвиг его при случае возмущения московской черни в 1771 году.

Достигшего седин под лаврами средь боев;
Но доброму отцу, но другу лишь людей
Вздох сердца посвящаю
И оком, полным слез, со брега жизни сей
Тень милую для нас в мир лучший провождаю.

1805

322. НА ЖУРНАЛЫ

Как этот год у нас журналами богат!
И «Вестник от карел» и «Просвещенья сват»,
«Аврора» и «Курьер московский», — не Европы,
И грузный «Корифей» — дорожник на Парнас...
Какой для чтения запас!

1805

323. ОТВЕТ

Нахальство, Аристарх, таланту не замена;
Я буду всё поэт, тебе наперекор!
А ты — останешься всё тот же крохобор,
Плюгавый выползок из <гузна> Дефонтена.

1806

324. К МОЕМУ ЛИЦЕПОДОБИЮ

Ему плетет венец терновый Каллиопа,
А родина давно признала в нем Эзопа.

1806

325. ЭПИГРАММА

Не понимаю я, откуда мысль пришла
Клеону приписать *Фуфоновой* «Цирцею»?
Цирцея хитростью своею
Героев полк в зверей оборотить могла,
А эта — мужа лишь, да и того в козла!

1806

326. АМУР В КАРИКАТУРЕ

Слуга покорный тем и этим в тот же час;
Закутан весь, как водолаз;
На лыжах — как остяк; как сатана — с рогами.
Амур ли то? Скажите сами!

1806—1807

327. БУДОЧНИК

Слушай всякий, кто с ушами,
Чтоб недаром я кричал.
Ночь усеяна звездами;
Било час, второй настал.

Спи, кащей, одним ты глазом,
А другим гляди востро:
Вот уж в се́нях; он как разом
Всё утащит серебро.

Вместе ль ты, сосед, с женою?
Не кладися на запор:
Лезет гость к тебе трубою;
Черт на вымыслы провор.

Эй, рифмач! храпеть не дело
Над бумагой со свечой:
Долго ль вспыхнуть? Всё сгорело!
Так и мне беда с тобой.

Частный! Слышишь ли, как вою,
Исполняя твой приказ?
Если нет, так я утрою
Для тебя в последний раз.

Слушай всякий, кто с ушами,
Чтоб недаром я кричал;
Темна ночь храпит над нами;
Било час, второй настал.

1806—1807

328. ЭПИГРАММА
НА ПЕРЕВОД ПОЭМЫ «L'art poètique»[1]

«Ты ль это, Буало? Какой смешной наряд!
Тебя узнать нельзя, совсем переменился!»
— «Молчи! нарочно я Графовым нарядился:
Сбираюсь в маскерад».

1808

329. ЭПИТАФИЯ
КНЯЗЮ А. М. БЕЛОСЕЛЬСКОМУ-БЕЛОЗЕРСКОМУ

Пусть Клио род его от Рюрика ведет, —
Поэт, к достоинству любовью привлеченный,
С благоговением на камень сей кладет
Венок, слезами муз и дружбы орошенный.

1809

330. МАДЕКАССКАЯ ПЛЕННИЦА

Ампанани

Младая пленница! не проклинай войну;
Забудь отечество: не ты, но я в плену!
Твой взор мне столько ж мил, как первый луч
денницы.
Но что! ты слезы льешь сквозь длинные ресницы?

[1] Поэтическое искусство (франц.). — Ред.

Вайна

Жаль друга, государь!

Ампанани

А где же он?

Вайна

Убит,
Иль, может быть, в сию минуту он бежит.

Ампанани

Я заменю его.

Вайна

Ах, другу нет замены!
Зри слезы, царь, мои.

Ампанани

Они мне драгоценны!
Что хочешь ты сказать, небесна красота?

Вайна

Он целовал меня и в очи и в уста;
Спал на груди моей... он в сердце и поныне.

Ампанани

Довольно: я хочу покорствовать судьбине;
Но, Вайна, вот покров: сокрой им от меня
Ты прелести свои!

Вайна

Пускай пойду, стеня,
Дражайшего искать средь трупов убиенных
Или скитаться с ним в пустынях отдаленных.

Ампанани

Ступай, куда тебя звезда твоя ведет;
Да будет милая хранима небесами!
Да проклят тот, кому желание придет
Похитить поцелуй, уступленный с слезами!

<1810>

331. К АЛЬБОМУ КН. Н. И. К⟨УРАКИНОЙ⟩

Что пред соперницей Эраты наше пенье!
Она лишь голосом находит путь к сердцам,
Я лиру положу К<уракино>й к ногам
И буду сам внимать в безмолвном восхищенье.

<1810>

332. ЭПИГРАММА
НА ДУРНЫЕ ОДЫ ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ ИМЕНИТОЙ ОСОБЫ

О, тяжкой жизни договор!
О дщерь полубогов! нет и тебе свободы!
Едва родилась ты, что твой встречает взор?
Свивальники, сироп и оды!

<1810>

333. ЭПИГРАММА

Подзобок на груди и, подогнув колена,
Наш Бавий говорит, любуясь сам собой:
«Отныне будет всем поэтам модным смена!
Все классики уже переводимы мной,
Так я и сам ученым светом
Достоин признан быть классическим поэтом!»
Так, Бавий, так! стихи, конечно, и твои
На лекциях пойдут в пример галиматьи!

<1810>

334. ПЛАН ТРАГЕДИИ С ХОРАМИ

СОДЕРЖАНИЕ

Лапландский князь, жених гренландския княжны,
В день свадьбы, простудясь, горячкой умирает.
Тревога, брачные свечи погашены,
Стон, слезы; наконец любовник оживает.

ПРОЛОГ

Музыкант

(приближаясь к кулисам, дает актерам знак к выходу)

Внемли и выступи, народ,
Попарно свой устроя ход!

(К актерам)

Вы помнить роль свою старайтесь!

(К фигурантам)

А вы! — вы с такты не сбивайтесь!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Князь и княжна

Княжна

О князь! итак, ты мой!

Князь

А ты моя, княжна!
Акт кончится, и ты со мной сопряжена!
О боги! о судьба! о счастие! о сладость!
Народ! пляши и пой! дели со мною радость!

Хор

Воспляшем, воспоем, докажем нашу радость!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Княжна

Ты болен, милый князь?

Князь

Озноб во мне и жар!

Княжна

Увы!

Князь

Прости! .. прости!

(Умирает.)

Княжна

Несноснейший удар!
Завистливая смерть! о рок бесчеловечной!
Народ! пляши и пой в знак горести сердечной!

Хор

Воспляшем, воспоем в знак горести сердечной!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гений спускается с облаков посреди грома и молнии.

Гений

Супруг твой оживет: прерви, царевна, стон!
Невинною трех парк ошибкой умер он.
О царь! будь паки жив!

Князь

(встает)

Мои ли это ноги?
Княжну ль еще я зрю? .. О милосерды боги!

Княжна

Дражайший князь! пойдем, пойдем скорее в храм!
Народ! пляши и пой похвальну песнь богам!

Хор

Воспляшем, воспоем похвальну песнь богам!

<1810>

335. ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ
ОДА VII ИЗ КНИГИ XIII

Пловец под тучею нависшей,
Игралище морских валов,
Не зря звезды, ему светившей,
Покоя просит у богов.
К покою простирают длани
И Мидии роскошный сын,
И мужественный витязь в брани
Пространных Фракии долин.

При старости и жизни в цвете
Всегда в отраду нам покой,
Непокупаемый на свете
Ниже и пурпура ценой!
Нередко грусть и сильных гложет
В их позлащенных теремах,
И ревность ликторов не может
Отгнать от них заботы, страх.

Но кто же более проводит
В покое круг летящих дней?
Лишь тот, кто счастие находит
Среди семейства и друзей;
Приютной хижиной доволен,
Наследьем скромным от отца,
В желаньях строг, в деяньях волен
И без боязни ждет конца;

Чужд зависти, любостяжанья,
Днем весел, в ночь покойно спит!
Почто нам лишние желанья,
Коль смерть внезапу нас разит?
Почто от пристани пускаться
Во треволненный океан,
Бездомным сиротой скитаться
Под небосклоном чуждых стран?

Мать-родину свою оставишь,
Но от себя не убежишь:
Умолкнуть сердце не заставишь
И мук его не усмиришь!

Ни день, ни час не в нашей воле;
Счастливцев совершенных нет!
Так будем же в смиренной доле
Сносить равно и мрак и свет!

Ахилл толь рано жизнь оставит,
Титан два века будет жить;
Кто знает, чью из нас прибавит
Иль укоротит парка нить?
На пажитях твоих красивых
Пестреет стадом каждый луг
И ржание коней строптивых
Разносит гул далече вкруг.

Тебя богатство, знатность рода
В червлену ризу облекли,
А мне фортуна и природа
Послали в дар клочок земли;
Таланта искру к песнопенью
На лад любимых мной творцов
И равнодушие к сужденью
Толпы зоилов и глупцов.

<1810>

336. НАДПИСЬ
К БЮСТУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Потомство! Россиян завидуй торжеству:
Монарх их возвратил народам чуждым правы,
Европе мир, царям достоинство державы
И храмы божеству.

<1814>

337. ДЕТИ И МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Откуда визг и крик далече раздается?
Читатель рассмеется,
Когда ему скажу, что́ этому виной:
Ребята, на площадь собравшися толпой,

На воздух пузырьки в соломенку пущали;
Но игры детские не далеки от ссор:
Они за пузырьки в такой пришли задор,
Что начали игрой, а дракой окончали.
Не той ли важности у нас
В журналах авторские брани?
Воюют целый год за буки и за аз,
А мы зевотою за то им платим дани.
Некстати, а хвалю пример Карамзина:
Что ставит он в отпор хулителям? Беспечность.
Он зритель пузырей: и что же их война?
Зоилам *часовать;* его твореньям *вечность.*

Январь 1821

338. ⟨ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ ⟩

Кого не увлечет талант сего поэта?
Ему никто не образец:
Он сыплет остротой, но завсегда мудрец
Еще в младые лета.

1821

339. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ Б.

Великий человек и духом и делами!
Тебе подобные родятся лишь веками.

<1822>

340. ПОДРАЖАНИЕ 136-му ПСАЛМУ

На чуждых берегах, где властвует тиран,
В плену мы слезы проливали
И, глядя на Евфраф, тебя воспоминали,
Родимый Иордан!

На лозах бледных ив, склонившихся к реке,
Качались томно наши лиры;
Увы, а мы от них, безмолвные и сиры,
Сидели вдалеке!

Рабы (вкруг нас ревел свирепой стражи глас),
В неволе пользы нет от стона;
Воспряньте духом вы и песнею Сиона
Пролейте радость в нас!

Ах! нам ли песни петь среди своих врагов,
Они с отчизной разлучили,
Где наша колыбель, где сладость жизни пили,
Где наших персть отцов!

Прилипни навсегда язык к устам моим,
Замри рука моя на лире;
Когда забуду я тебя, древнейший в мире,
Святый Иерусалим!

Напомни, господи, Эдомовым сынам [1]
Ужасный день, когда их злоба
Вопила: смерть им, смерть и пламень вместо гроба!
Рушь всё: престол и храм!

Но горе, горе злым: наш мститель в небесах,
Содрогнись, чадо Вавилона!
Он близок, он гремит, низвергнися со трона,
Пади пред ним во прах!

1822

---

[1] Идумеяне, хотя и вели род свой от Авраама, но вступили в союз с вавилонянами против иудеев и были злейшими их врагами.

341. В АЛЬБОМ ШИМАНОВСКОЙ

Таланты все в родстве; источник их один,
Для них повсюду мир; нет ни войны, ни грани, —
От Вислы до Невы чрез гордый Апеннин
Они взаимно шлют приязни братской дани.

9 декабря 1822
Москва

342. НАДГРОБИЕ
ОТ СУПРУГА СУПРУГЕ

И ангелы в плоти не дольше роз живут.
Увы! где прелести, любезность без искусства?
Где милый нрав и ум, возвышенные чувства,
Моя отрада, жизнь? .. всё тут!

1824

343. НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТУ ЛИРИКА

Потомство! вот Петров,
Счастливейший поэт времен Екатерины:
Его герои — исполины;
И сам он по уму и духу был таков.

1826

344. В. В. И ⟨ЗМАЙЛОВУ⟩

Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?
Как! мне, лишенному поэзии огня,
В глубокой старости забытому Парнасом,
Пугать и вкус и слух своим нестройным гласом!
Увы! всему пора: и я был молод, пел;
С восторгом на венок Карамзина смотрел

И состязался с ним, как с другом, в песнопеньи...
Его уж нет! Теперь душа моя в томленьи
Глядит на кипарис, глядит на небеса
И ждет в безмолвии свидания часа.

<1827>

345. НА КОНЧИНУ ВЕНЕВИТИНОВА

Природа вновь цветет, и роза негой дышит!
Где юный наш певец? Увы, под сей доской!
А старость дряхлая дрожащею рукой
Ему надгробье пишет!

1827

346. ВАСИЛИЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ
ПО СЛУЧАЮ ПОЛУЧЕНИЯ ОТ НЕГО ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЙ НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ

Была пора, питомец русской славы,
И я вослед Державину певал
Фелицы мощь, погром и стон Варшавы, —
Рекла и бысть — и Польши трон упал.

Пришла пора... увянул, стал безгласен
И лиру прах в углу моем покрыл;
Но прочь *свое!* мой вечер тих и ясен:
Победы звук меня одушевил.

Взыграй же, дух! Жуковский, дай мне руку!
Пускай с певцом воскликнет патриот:
Хвала и честь Екатерины внуку!
С ним русский лавр цвесть будет в род и род.

1831

347. В АЛЬБОМ Г-ЖИ ИВАНЧИНОЙ-ПИСАРЕВОЙ

Счастливый Писарев! Мне ль, старцу, близ могилы
В альбоме грации страницу занимать
Между младых певцов? .. Но грации так милы!
Любимец их так добр! .. Не смею отказать.

1836

348. ЧЕРВОНЕЦ И ПОЛУШКА

Не ведаю, какой судьбой
Червонец золотой
С Полушкою на мостовой
Столкнулся.
Металл сиятельный раздулся,
Суровый на свою соседку бросил взор
И так с ней начал разговор:
«Как ты отважилась со скаредною рожей
Казать себя моим очам?
Ты вещь презренная от князей и вельможей!
Ты, коей суждено валяться по сумам!
Ужель ты равной быть со мною возмечтала?»
— «Никак, — с покорностью Полушка отвечала, —
Я пред тобой мала, однако не тужу;
Я столько ж, как и ты, на свете сем служу.
Я рубищем покрыту нищу
И дряхлой старостью поверженну во прах
Даю, хоть грубую, ему потребну пищу
И прохлаждаю жар в запекшихся устах;
Лишенна помощи младенца я питаю
И жребий страждущих в темнице облегчаю,
Причиною ж убийств, коварств, измен и зла
Вовек я не была.
Я более горжусь служить всегда убогим,
Вдовицам, сиротам и воинам безногим,
Чем быть погребену во мраке сундуков
И умножать собой казну ростовщиков,
Заводчиков, скупяг и знатных шалунов,

А ты»... Прохожий, их вдали еще увидя,
Тотчас к ним подлетел;
Приметя же их спор и споров ненавидя,
Он положил ему предел,
А попросту он их развел,
Отдав одну вдове, идущей с сиротою,
Другого подаря торгующей красою.

<1789>

349. ИСТУКАН ДРУЖБЫ

«Сколь счастлив тот, кто Дружбу знает!
Ах, можно ль с ней сравнить Любовь!
Та, я слыхала, нас терзает,
Тревожит сердце, дух и кровь;
А ты, о Дружба, утешаешь
И, как румяная заря,
Сердца в нас греешь, не сжигаешь,
Счастливыми навек творя».
Вчера так Лиза рассуждала
(Ей отроду пятнадцать лет),
Она сама еще не знала,
Что есть ли сердце в ней иль нет.
Пленясь прекрасною мечтою,
Желает всякий час иметь
Подобье Дружбы пред собою,
Чтоб больше к ней благоговеть.
«Сколь буду, говорит, я рада,
Имея образ, Дружба, твой!
В уединенном месте сада
Поставлен храмик будет мной,
А в храмике твой зрак священной;
Я — жрицей бы его была».
По сем с душою восхищенной
Невинность к резчику пошла.
Резчик ее представил взору
Богини точный истукан
Без прелестей и без убору,
Вид скромной и простой ей дан.
«Что вижу? — Лизонька вскричала —

И тени прелестей тут нет,
С какими в сердце начертала
Любезной Дружбы я портрет!
Постой. . . я зрю дитя прекрасно,
Ах, это Дружество и есть!
Вот бог, которым сердце страстно!»
Потом, спеша его унесть,
«Нашла! нашла!» — она твердила.
Вотще художник ей гласил:
«Ведь ты Любовь, Любовь купила!»
Зефир сих слов не доносил.

<1791>

350. НАДЕЖДА И СТРАХ

Хотя Надежда ввек
Со Страхом не дружилась,
Но час такой притек,
Что мысль одна родилась,
Как в той, так и в другом,
Какая ж мысль смешная:
Оставить свой небесный дом
И на землю идти пешком,
Узнать — кого? . . людей желая.
Но боги ведь не мы, кому их осуждать!
Мы до́лжны рассуждать,
Умно ли делаем, согласно ли с законом,
Не нужно ль наперед зайти к кому с поклоном?
А им кого просить? Все перед ними прах.
Итак, Надежда захотела
И тотчас полетела;
Пополз за ней и Страх.
Чего не делает охота!
Они уж на земле. Для первыя ворота
Везде отворены;
Все с радостью ее встречают
И величают,
Как будто им даны
Майорские чины,

Напротив же того, ее сопутник бродит
И, бедненький, нигде квартиры не находит.
«Постой же! — Страх сказал. — Так, людям я назло,
Нарочно к тем ворвуся силой,
Которым больше мой не нравен вид унылой».
Сказал и сделал так.
Читатель, если не дурак,
То, верно, следствий ждет чудесных
Прихода сих гостей небесных,
И не ошибся он.
Лишь только на землю они спустились,
Вдруг состояния людские пременились:
Умолк несчастных стон;
Смиренна нищета впервые улыбнулась,
Как будто уже к ней фортуна оглянулась,
А изобилие, утех житейских мать,
Всечасно стало трепетать.
Какая же тому причина?
Мне сказывали, та, что случай иль судьбина,
Пускай последняя, Надежду привела
К искусну химику в убогую лачугу,
А спутника ее ко Плутусову другу
И дом заводчика в постой ему дала.

<1791>

351. ПЧЕЛА, ШМЕЛЬ И Я

Шмель, рояся в навозе,
О хитрой говорил Пчеле,
Сидевшей вдалеке на розе:
«За что она в такой хвале,
В такой чести у всех и моде?
А я пыхчу, пыхчу, и пот свой лью,
И также людям мед даю,
А всё как будто нуль в природе,
Никем не знаемый досель».
— «И мне такая ж участь, Шмель! —
Сказал ему я, воздыхая. —
Лет десять как судьба лихая
Вложила страсть в меня к стихам.

Я, лучшим следуя певцам,
Пишу, пишу, тружусь, потею
И рифмы, точно их кладу,
А всё в чтецах не богатею
И к славе тропки не найду!»

<1792>

352. БЫЛЬ

Чума и смерть вошли в великолепный град,
Вошли — и в тот же миг другой Эдемский сад!
Где с нимфами вчера бог Пафоса резвился,
В глубокий, смрадный гроб, в кладбище превратился.
Ужасно зрелище! Везде, со всех сторон
Печально пение, плач, страх, унылый звон;
Иль умирающа встречаешь, или мертва,
Младенец и старик — всё алчной смерти жертва!
Там дева, юношей пленявшая красой,
Бледнеет и падет под лютою косой;
Там, век дожившая, вздох томный испускает,
И вздоху оному никто не отвечает;
Никто!.. полмертвая средь стен лежит пустых,
Где только воет ветр, и мыслит о своих
Сынах и правнуках, чумою умерщвленных.
В один из оных дней, вовеки незабвенных,
Приходит в хижинку благочестивый муж,
Друг унывающих, смиренный пастырь душ,
Приходит — и в углу приюты ветхой, бедной,
При свете пасмурном луны печальной, бледной,
Зрит старца, на гнилых простертого досках,
Зрит черно рубище, истлевше в головах,
Кувшин, топор, пилу, над дверию висящу,
И боле ничего... Едва-едва дышащу,
Он старцу тако рек: «Готовься, сыне мой,
Прияти по трудах и бедствиях покой;
Готовься ты юдоль плачевную оставить,
В которой с ну́ждою мог жизнь свою пробавить,
Где столько горестей, забот, печали, слез
В теченье дней твоих ты, верно, перенес».
— «Ах, нет! — ответствовал больной дрожащим гласом. —

Я тяжко б согрешил теперь пред смертным часом,
Сказав, что плохо мне и горько было жить.
Меня небесный царь не допускал тужить.
Доколе мочь была, всяк день я был доволен,
Здоров, пригрет и сыт и над собою волен.
Кормилицы мои — топор был и пила...
А куплена трудом и корочка мила!»
Исполнен пастырь душ приятна изумленья
Вещает наконец: «И ты без сожаленья
Сей оставляешь мир?» Болящий отвечал:
«Хоть белый свет и мил, но я уж истощал
И боле не смогу достать работой хлеба,
Так лучше умереть!» Он рек — и ангел с неба,
Спустяся в хижину, смежил ему глаза...
И канула на труп сердечная слеза.

<1792>

353. ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Какой-то добрый человек,
Не чувствуя к чинам охоты,
Не зная страха, ни заботы,
Без скуки провождал свой век
С Плутархом, с лирой
И Пленирой,
Не знаю точно где, а только не у нас.
Однажды под вечер, как солнца луч погас
И мать качать дитя уже переставала,
Нечаянно к нему Фортуна в дом попала
И в двери ну стучать!
«Кто там?» — Пустынник окликает.
«Я! я!» — «Да кто, могу ли знать?»
— «Я! та, которая тебе повелевает
Скорее отпереть». — «Пустое!» — он сказал
И замолчал.
«Ото́прешь ли? — еще Фортуна закричала. —
Я ввек ни от кого отказа не слыхала;
Пусти Фортуну ты со свитою к себе,
С Богатством, Знатью и Чинами...
Теперь известна ль я тебе?»
— «По слуху... но куда мне с вами?
Поди в другой ты дом,

А мне не поместить, ей-ей! такой содом».
— «Невежа! да пусти меня хоть с половиной,
Хоть с третью, слышишь ли?.. Ах! сжалься над
судьбиной
Великолепия... оно уж чуть дышит,
Над гордой Знатностью, которая дрожит
И, стоя у порога, мерзнет;
Тронись хоть Славою, мой миленький дружок!
Еще минута, всё исчезнет!..
Упрямый, дай хотя Желанью уголок!»
— «Да отвяжися ты, лихая пустомеля! —
Пустынник ей сказал. — Ну, право, не могу.
Смотри: одна и есть постеля,
И ту я для себя с Пленирой берегу».

<1792>

354. ЗАЯЦ И ПЕРЕПЕЛИХА

Как над несчастливым, мне кажется, шутить?
Ей-богу, я и сам готов с ним слезы лить;
И кто из нас, друзья, уверен в том сердечно,
Что счастлив будет вечно?
Послушайте! Я вам пример на то скажу.
С Перепелихою жил Заяц чрез межу;
Она и он во всем довольны;
Места владенья их привольны:
Лесисты, хлебные, воды не занимать,
И, словом, есть уж где побегать, попорхать,
Но льзя ли будуще узнать?
Вдруг лаянье вдали собачье раздалося,
И сердце кровию у Зайца облилося.
Вскочил — и ну бежать, прощай, любезный бор!
Охотники кричат: «Ату! ату! обзор!»
А дерзкая Перепелиха
Лепечет: «Я ведь не трусиха,
Давай за ними полечу
И ссоре их похохочу.
Ай, Заяц! ай, сосед! какие ж прытки ноги!
Ахти! уж и пристал! Сверни! сверни с дороги!
Куда ты мечешься? Сюда, сюда, косой!
Ну... поминай, как звали!
А хвастался передо мной.

Меня бы ни орел, ни ястреб не догнали,
Увидели б, как я черкнула... ай! ай! ай!»
И в когти к соколу попалась невзначай.

<*1795*>

355. ШАРЛАТАН

Однажды Шарлатан во весь горланил рот:
«Ступай ко мне, народ!
Смотри и покупай: вот порошок чудесный!
Он ум дает глупцам,
Невеждам — знание, красоток — старикам,
Старухам — прелести, достоинства — плутам,
Невинность — преступленью;
Вот первый способ к полученью
Всех благ, какие нас удобны только льстить!
Поверьте, говорю неложно,
Чрез этот порошок возможно
На свете всё достать, всё знать и всё творить;
Глядите!» — И народ стекается толпами.
Ведь любопытство не порок!
Бегу и я... но что ж открылось перед нами?
В бумажке — золотой песок.

<*1797*>

356. КОКЕТКА И ПЧЕЛА

Прелестная Лизета
Лишь только что успела встать
С постели роскоши, дойти до туалета
И дружеский совет начать
С поверенным всех чувств, желаний,
Отрад, веселья и страданий,
С уборным зеркалом, — вдруг страшная Пчела
Вокруг Лизеты зажужжала!
Лизета обмерла,
Вскочила, закричала:
«Ах, ах! мисс Женни, поскорей!
Параша! Дунюшка!» — Весь дом сбежался к ней;

Но поздно! ни любовь, ни дружество, ни злато —
Ничто не отвратит неумолимый рок!
Чудовище крылато
Успело уже сесть на розовый роток,
И Лиза в обморок упала.
«Не дам торжествовать тебе над госпожой!» —
Вскричала Дунюшка и смелою рукой
В минуту Пчелку поймала;
А пленница в слезах, в отчаяньи жужжала:
«Клянуся Флорою! хотела ли я зла?
Я аленький роток за розу приняла».
Столь жалостная речь Лизету воскресила.
«Дуняша! — говорит Лизета. — Жаль Пчелы;
Пусти ее; она почти не уязвила».

Как сильно действует и крошечка хвалы!

<1797>

357. ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ

«Возможно ли, как в тридцать лет
Переменилось всё! .. ей-ей, другой стал свет! —
Подагрик размышлял, на креслах нянча ногу. —
Бывало, в наши дни и помолиться богу,
И погулять — всему был час;
А ныне... что у нас?
Повсюду скука и заботы,
Не пляшут, не поют — нет ни к чему охоты!
Такая ль в старину бывала и весна?
Где ныне красны дни? где слышно птичек пенье?
Охти мне! знать, пришли последни времена;
Предвижу я твое, природа, разрушенье! ..»
При этом слове вдруг, с восторгом на лице,
Племянница к нему вбежала.
«Простите, дядюшка! нас матушка послала
С мадамой в Летний сад. Все, все уж на крыльце,
Какой же красный день!» — И вмиг ее не стало.
«Какая ветреность! Вот модные умы! —
Мудрец наш заворчал. — Такими ли, бывало,
Воспитывали нас? Мой бог! всё хуже стало!»

Читатели! подагрик — мы.

<1803>

358. БАШМАК, МЕРКА РАВЕНСТВА

«Да что ты, долгий, возмечтал?
Я за себя и сам, брат, стану», —
Грудцою наскоча, вскричал
Какой-то карлик великану.

— «Твои, мои — права одни!
Не спорю, что равны они, —
Тот отвечает без задору, —
Но мой башмак тебе не впору».

<1803>

359. КНИГА «РАЗУМ»

В начале мирозданья,
Когда собор богов,
Не требуя себе ни агнцев, ни цветов,
Всех тварей упреждал желанья,
В то время — слух дошел преданием до нас —
Юпитер в милостивый час
Дал книгу человеку,
Котора заменить могла библиотеку.
Титул ей: «Разум» — и она
Самой Минервою была сочинена
С той целью, чтобы в ней все возрасты узнали
Путь к добродетели и счастливее стали;
Однако ж в даре том небесном на земли
Немного прибыли нашли.
Читая сочиненье,
Младенчество одни в нем видело черты;
А юность — только заблужденье;
Век зрелый — поздно сожаленье;
А старость — выдрала листы.

<1803>

360. ОСЕЛ, ОБЕЗЬЯНА И КРОТ

Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!
Зарюмил, зарычал,
Зачем неправосудны боги
Быкам крутые дали роги?
А он рожден без них, а он без них умрет!
Дурак дурацкое и врет;
Он, видно, думал, что в народе
Рога в великой моде.
Как Обезьяну нам унять,
Чтоб ей чего не перенять?
Ну, и она богам пенять:
Зачем, к ее стыду, печали,
Они ей хвост короткий дали?
«А я и слеп! Зажмите ж рот!» —
Сказал им, высунясь из норки, бедный Крот.

<1803>

361. МОЛИТВЫ

В преддверьи храма
Благочестивый муж прихода ждал жреца,
Чтоб горстью фимиама
Почтить вселенныя творца
И вознести к нему смиренные обеты:
Он в море отпустил пять с грузом кораблей,
Отправил на войну любимых двух детей
В цветущие их леты
И ждал с часа на час от милыя жены
Любови нового залога.
Довольно и одной последния вины
К тому, чтоб вспомнить бога.
Увидя с улицы его, один мудрец
Зашел в преддверие и стал над ним смеяться.
«Возможно ль, — говорит, — какой ты образец?
Тебе ли с чернию равняться?
Ты умный человек, а веришь в том жрецам,
Что наше пение доходит к небесам!
Неведомый, кто сей громадой мира правит,

Кто взглядом может всё творенье истребить,
Восхочет ли на то вниманье обратить,
Что неприметный червь его жужжаньем славит?
Подите прочь, ханжи, вы с ладаном своим!
Вы истинныя веры чужды.
Молитвы! .. нет тому в них нужды,
Кто мудрыми боготворим».
— «Постой! — здесь набожный его перерывает. —
Не истощай ты сил своих!
Что богу нужды нет в молитвах, всякий знает,
Но можно ль нам прожить без них?»

<1803>

862. ГОРЕСТЬ И СКУКА

Бедняк, не евши день, от глада
Лил слезы и вздыхал;
Богач от сытости скучал,
Зеваючи средь сада.
Кому тяжелее? Чтоб это разрешить,
Я должен мудреца здесь слово приложить:
От скуки самое желанье отлетает,
А горести слезу надежда отирает.

<1805>

863. ДВЕ ЛИСЫ

Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы
Такой имели разговор:
«Ты ль это, кумушка! давно ли из столицы?»
— «Давно ль оставила я двор?
С неделю». — «Как же ты разъелась, подобрела!
Знать, при дворе у Льва привольное житье?»
— «И очень! Досыта всего пила и ела».
— «А в чем там ремесло главнейшее твое?»
— «Безделица! с утра до вечера таскаться;
Где такнуть, где польстить, пред сильным унижаться,

И больше ничего». — «Какое ремесло!»
— «Однако ж мне оно довольно принесло:
Чин, место». — «Горький плод! Чины не возвышают,
Когда их подлости ценою покупают».

<1805>

364. АМУР, ГИМЕН И СМЕРТЬ

Амур, Гимен со Смертью строгой
Когда-то шли одной дорогой
Из света по своим домам,
И вздумалося молодцам
Втащить старуху в разговоры.
«Признайся, — говорят, — ты, Смерть, не рада нам?
Ты ненавидишь нас?» — «Я? — вытараща взоры,
Спросила Смерть их. — Да за что?»
— «Ну, как за что! за то,
Что мы в намереньях согласны не бываем:
Ты всё моришь, а мы рождаем».
— «Пустое, братцы! — Смерть сказала им в ответ. —
Я зла на вас? .. Перекреститесь!
Людьми снабжая свет,
Вы для меня ж трудитесь».

<1805>

365. МЕСЯЦ

Настала ночь, и скрылся образ Феба.
«Утешьтесь! — месяц говорит. —
Мой луч не менее горит;
Смотрите: я взошел и свет лию к вам с неба!»

Пусть переводчики дадут ему ответ:
«Как месяц ни свети, но всё не солнца свет».

<1805>

366. ТРИ ЛЬВА

Его величество, Лев сильный, царь зверей,
Скончался.
Народ советовать собрался,
Кого б из трех его детей
Признать наследником короны.
«Меня! — сын старший говорил. —
Я сделаю народ наперсником Беллоны».
— «А я обогащу», — середний подхватил.
«А я б его любил», —
Сказал меньшой с невинным взором.
И тут же наречен владыкой всем собором.

<1805>

367. ЧЕЛОВЕК И ЭХО

Ругатель, клеветник на Эхо был сердит,
Зачем, кого он ни поносит,
О ком ни говорит,
Оно везде разносит.
«Чтоб гром пришиб, — кричал в досаде клеветник, —
У Эхо злой язык!
Возможно ли? Скажи ты слово,
Уже оно тотчас готово
За мною повторить
И новых на меня врагов вооружить.
Теперь ни в клевете, ни в брани нет успеха:
Никто не слушает меня, и всё от Эхо!»
— «Напрасно ты меня винишь, —
С усмешкой Эхо возразило. —
Не хочешь ты, чтоб я слова твои твердило,
Зачем же говоришь?»

<1805>

368. ДВА ВЕЕРА

В гостиной на столе два Веера лежали;
Не знаю я, кому они принадлежали,
А знаю, что один был в блестках, нов, красив;
Другой изломан весь и очень тем хвастлив.
«Чей Веер?» — он спросил соседа горделиво.
«Такой-то», — сей ему ответствует учтиво.
«А я, — сказал хвастун, — красавице служу,
И как же ей служу! Смотри: нет кости целой!
Лишь чуть к ней подлетит молодчик с речью смелой,
А я его и хлоп! короче, я скажу
Без всякого, поверь мне, чванства
И прочим не в укор,
Что каждый мой махор
Есть доказательство Ветраны постоянства».
— «Не лучше ли, ее кокетства и жеманства? —
Сосед ему сказал: — Розалии моей
Довольно бросить взгляд, и все учтивы к ней».

<1805>

369. СЛЕПЕЦ, СОБАКА ЕГО И ШКОЛЬНИК

Бедняк, живой пример в злосчастии смиренья,
Согбенный старостью, притом лишенный зренья,
С котомкой чрез плечо и посохом в руке,
Бродил по улицам в каком-то городке,
Питаясь именем христовым, —
Обедом, не всегда, наверное, готовым;
Но он и в бедности сокровищем владел:
В вожатом друга он примерного имел.
Кто ж это? брат, сестра родная
Иль просто родственник? Нет, выжлица дворная,
Которую Слепец Добрушкой называл;
Не по́ шерсти он ей, по свойствам имя дал.
Снурочком к поясу привязана слепцову,
Она всегда была его послушна слову;
Бежала перед ним, то глядя на него,
То вдоль по улице чутьем своим искала
Благотворителя. Не раз сама бывала

Без пищи до ночи, — всё это ничего...
Терпела и молчала.
Однажды мой Слепец
Бредет с собачкой мимо школы.
Откуда ни возьмись мальчишка-удалец.
Ну теребить Слепца, трясти за обе полы,
Потом, собачку отвязав,
«Ступай, — кричит он ей, — даю тебе свободу.
К чему тебе за добрый нрав
Покорствовать уроду
И по миру ходить? Знай нищий свой порог
У церкви, стой он там и жди, что пошлет бог».
Добрушка слушает и к старцу только жмется,
Как будто думая: «Кто ж без меня займется
Несчастным? Нет, не разлучусь с тобой!»
«Ступай же, дурочка», — толкнув ее ногой,
Шалун еще сказал; она к земле припала
И молча на Слепца умильный взор кидала.
«Так сгинь же вместе с ним!» — повеса закричал
И, делая прыжки, к собратьи побежал.
А нищий ощупью, дрожащею рукою
Вожатку на снурке за пояс прицепил
И благодарною кропил ее слезою.

Жестокий эгоист! а ты не раз бранил
Смиренным именем добрейшей твари в свете!
Содрогнись: ты один у басни сей в предмете.

<1825>

ПРИПИСЫВАЕМОЕ

370—373. *ЭПИГРАММЫ*

1

Хотел бы Лизу я иметь моей женой,
Она меня своей пленила красотой:
Я тысячу приятств и прелестей в ней вижу.
«Да что ж не женишься?» — «Рогатых
ненавижу».

<1783>

2

Азор смеется надо мной,
Что я очки ношу с собою.
Однако он и сам желал бы в них глядеть,
Да не на что надеть.

<1783>

3

«Скажи, мой друг, чистосердечно,
Учен ли Пустозвяк?» — «Конечно».
— «Да что ж творений его нет
В печати ни одной четвертки?»
— «Он не на то их бережет».
— «На что же?» — «На обертки».

<1783>

Прелестный пол твердит: без сердца скучен свет,
Без сердца нет любви, увы, и счастья нет,
Одно лишь сердце побеждает,
Одно оно и уступает.
О сердце, сердце! всё в тебе заключено.
Но что же есть оно,
Позвольте вас спросить, красавицы прелестны?
Вы скромны столько ж, сколь прелестны;
Тиран нежнейших душ, вам стыд велит молчать.
Ну как изволите, я приступать не смею,
Сидите, слушайте, я буду, как умею,
Сам спрашивать себя и сам же отвечать.

Я мню, что женщины за сердце принимают
Не то, что именем сим нежным называют.
А правильно иль нет название сиё,
Входить о том в разбор <есть> дело <не> мое.
По крайней мере в том они не погрешили,
Что слово колкое в приятно превратили.

Напрасно о сердцах нам говорит Платон:
Мы только чувствуем, что заблуждает он
И что любить нас ум не научает,
Природа лучше всех науку эту знает.
Ах! сколько мы должны ее благодарить
За то, что не одним манером
Изволила сердца людские сотворить
И даму различить умела с кавалером.
Куда б годились мы, спрошу я мудреца,
Коль одинакие б сердца
И мальчики в себе и девушки имели?
Они б с холодностью друг на друга смотрели.
Но прозорливая, чадолюбива мать
Умела каждому прилично сердце дать.
Сенатор, сбитеньщик, просвирня и княгиня,
Подьячий, камергер, дьячок, а <....>, графиня
Казак, митрополит, и старец, и белец —
Все, словом, наконец
От щедрыя природы
Имеют оный дар в наследственные роды,

Всяк сердце получил,
Но нет ни одного такого,
Кто б только лишь своим доволен сердцем был
И не искал везде другого.
Познайте же вы всю природы щедрость к нам:
Различны вкусы наши зная,
Она дала, им угождая,
Различны виды и сердцам.
Какое множество сердец разноманерных:
Больших и крошечных, посредственных, чрезмерных,
Упругих, маленьких, каких вам, господа,
И вам, сударыни, угодно?
Вы можете найти всегда,
Какое лучше вам пригодно.
И что с ним не творят? Берут его, дают,
Торгуют, продают,
Все ведая его проворство,
Услужливость, покорство,
Играют сердцем как хотят
И всячески его вертят.
Оно встает и упадает,
То... раздается, то вдруг себя сжимает.
Пречудный инструмент!.. ах, скольких же отрад
Виной он был тому лет несколько назад!
Но всё на свете тлен и всё конец имеет!
Увы! при слове сем язык мой леденеет.
Прискорбна истина, но нельзя умолчать.
Ах! и сердца не век нас могут восхищать.
Когда печальные дни старости настанут,
В то время и они со красотою вянут,
Хладеют, наконец, к утрате всех забав
Должны иль съежиться, иль слишком расшириться.
Что ж делать? Надлежит природе покориться
И чтить ее устав.

Конец 1780-х годов

375

В воскресенье я влюбился,
В понедельник изменил,
В вторник чуть не удавился,

В среду мне успех польстил,
В четверток меня ласкали,
В пятницу познал я лесть,
А в субботу я с печали
В жертву жизнь хотел принесть.
Но, души любя спасенье,
Я раздумал в воскресенье.

Конец 1780-х годов

376

«Тьфу, к черту, — муж сказал жене, —
Привидься ж блажь такая мне».
— «Какая, Трифоныч? Не смерть ли?» — «Вот что брешет,
Смерть и во сне не тешит,
А эта блажь во сне и въяве не страшна.
Мне снилось, будто бы Митрухина жена
Сошлась со мной позадь овина
И там... Смекнула ли?.. Такая-то причина!
Смотри же не сердись». — «За што сердиться, свет!
Ты с ней, а я вчера с Петрухой,
Да где же ведь? В кустах... Такой черт толстобрюхой!
Так мы сквитались? Вот! Ты бредил, а я нет».

Конец 1780-х годов

377. КАМИН

Сатира

Любезный мой камин, товарищ дорогой,
Как счастлив, весел я, сидя перед тобой:
Я мира суету и гордость забываю,
Когда, мой милый друг, с собою рассуждаю.
Что в сердце я храню, я знаю то один.
Мне нужды нет, что я не знатный господин,
Мне нужды нет, что я на балах не бываю
И говорить бонмо насчет других не знаю.
Бомонда правила не чту я за закон,
И лишь по имени известен мне бостон.

Обедов не ищу, незнаем я; но волен.
О милый мой камин! как я живу покоен!
Читаю ли я что, иль греюсь, иль пишу —
Свободой, тишиной, спокойствием дышу.

Пусть Глупомотов всё именье расточает
И рослых дураков в гусары наряжает;
Какая нужда мне, что он развратный мот?
Безмозглов пусть спесив и что он глупый скот
Который, свой язык природный презирая,
В атласных шлафроках блаженство почитая,
Как кукла рядится, любуется собой,
Мня в плен ловить сердца французской головой?
Он, бюстов накупив и чайных два сервиза,
Желает роль играть парижского маркиза;
А господин маркиз, того коль не забыл,
Шесть месяцев назад здесь вахмистром служил.
Пусть он дурачится, нет нужды в том нимало.
Здесь много дураков и будет и бывало.
Прыгушкин, например, всё счастье ставит в том,
Что он в больших домах вдруг сделался знаком,
Что прыгать л'екоссес, в бостон играть он знает,
Что Адриан его по моде убирает,
Что фраки на него шьет славный здесь Луи,
И что с графинями проводит дни свои,
Что все они его кузеном называют,
И что послы к нему с визитом приезжают.

Но что я говорю, один ли он таков?
Бедней его сто раз сосед мой Пустяков,
Другим дурачеством Прыгушкину подобен:
Он вздумал, что послом он точно быть способен,
И, чтоб яснее то и лучше доказать,
Изволил кошелек он сзади привязать
И мнит, что тем он стал политик и придворный;
А Пустяков, увы! советник лишь надворный.
Вот как ослеплены бываем часто мы,
И к суете пустой стремятся все умы;
Рассудка здравого и пользы убегаем,
Блаженства ищем там, где гибель мы встречаем.
Гордиться, ползать, льстить, всё в свете продавать —
Вот чем стараемся мы время провождать.

Неправдою Змеяд достав себе именье,
Желает, чтоб к нему имели все почтенье,
И заставляет тех в своей передней ждать,
Которых может он, к несчастью, угнетать.
Низкопоклон(ов) тут с седою головою,
С наморщенным челом, но с подлою душою,
Увидев Катеньку, сердечно рад тому,
Что ручку целовать она дает ему,
И, низко кланяясь, о том не помышляет,
Что Катенькин отец паркеты натирает.
О чем ни вздумаю, на что ни посмотрю —
Иль подлость, иль порок, иль предрассудки зрю.
Бедняк, хотя умен, он презрен, угнетаем;
Скотинин сущий пень, но всеми уважаем
И, несмотря на всё, на Лизе сговорил,
Он женится на ней, хотя ей и немил;
Но нужды нет ему, она собой прелестна,
А скупость матушки ее давно известна.
За ним же, знают все, двенадцать тысяч душ,
Так может ли он быть не бесподобный муж?
Он молод, говорят, и света мало знает,
Но добр, чувствителен и Лизу обожает.
Она с ним счастливо, конечно, проживет;
Несчастна Лизонька, вздыхая, слезы льет
И в женихе своем находит лишь урода.
Ума нам не дают ни знатная природа,
Ни пышность, ни чины, ни каменны дома,
И миллионами нельзя купить ума;
Но злато, может быть, пороки позлащает,
И милой Лизы мать так точно рассуждает.

«Постой, — кричит Плутов, — тебе ль о том судить,
Как в свете должно весть себя и жить?
Ты молод, так молчи, мораль давно я знаю,
Ты с нею гол как мышь, я — селы покупаю.
Поверь мне, не набьешь стихами кошелька,
И гроша не дадут тебе за «Камелька».
Я вздора не пишу, а мой карман исправен,
Незнаем ты никем, я — в Петербурге славен,
Ласкают все меня и графы и князья».
Плутов! ты всем знаком: о том не спорю я;
Но также нет и в том сомненья никакого,

Что редко льзя найти бездельника такого,
Что всё имение, деревни, славный дом
Пронырством ты достал, Плутов, и воровством.

Довольно, не хочу писать теперь я боле,
И, не завидуя ничьей счастливой доле,
Стараться буду я лишь только честным быть,
Законы почитать, отечеству служить,
Любить моих друзей, любить уединенье —
Вот сердца моего прямое утешенье.

<1780-е годы>

378. К ТЕКУЩЕМУ СТОЛЕТИЮ

О век чудесностей, ума, изобретений!
Позволь пылинке пред тобой,
Наместо жертвоприношений,
С благоговением почтить тебя хвалой!
Который век достиг толь лучезарной славы?
В тебе исправились испорченные нравы,
В тебе открылся путь свободный в храм наук;
В тебе родилися Вольтер, Франклин и Кук,
Румянцевы и Вашингтоны;
В тебе и естества познался законы;
В тебе счастливейши Икары, презря страх,
Полет свой к небу направляют,
В воздушных странствуют мирах
И на земле опять без крыл себя являют.
Но паче мне всего приятно помышлять,
Что начали к тебе и деньги уж летать.
О чудо! О мои прапращуры почтенны!
Поверите ли в том вы внучку своему,
Что медь и злато, став в бумажку превращенны,
Летят чрез тысячу и больше верст к нему?
Он тленный лоскуток бумажки получает
И вдруг от всех забот себя освобождает.
Уже и Шмитов он с терпеньем сносит взор;
Не слышит совести докучливый укор;
Не видит более в желаниях препоны,
Пьет кофе, может есть чрез час и макароны.

<1791>

379. НАСЛЕДНИКИ

Не доведи бог быть богатым и бесчадным.
Трудиться и копить — кому ж? Злодеям жадным,
Которы, всякий час вертясь передо мной,
Ласкают, а в уме: «Сошли бог за душой!»
Не дай судьба мне ждать и знатного наследства,
Коль нет к снисканию его другого средства,
Кроме коварства лишь и подлости души;
А честностью... О ней в стихах лишь ты пиши.
Иной, забыв родных и — сладость сердца — дружбу,
Презрев сыновий долг к отечеству и службу,
И даже собственность — всё кинул, десять лет
Бессменно бабушку, как ворон, стережет,
Ни шагу от нее, и должен беспрестанно
Читать в ее глазах, стараться несказанно
Ни правдою, ничем ее не разъярить;
Миролюбиво *да* всечасно говорить,
Грустить, вздыхать, не поднимая взора;
Смеяться? — Хохотать, надсевшись до умора;
Браниться ль? Поощрять того, сего чернить,
Бояться, как дитя, безделицы купить,
Коптеть в конуре и, что мне всего тяжеле,
Не сметь и пролежать час лишний на постеле,
Таскаться до зари, бродить туда-сюда,
Лишь только б думали: «Он в деле завсегда...»
Бывает ли хоть в ночь страдалец наш в покое?
Никак! Он мучится тогда ужасней втрое
Меж тем как нищему пресладкий снится сон;
Змеяд до полночи часов считает звон
И думает: «Стара, того гляди, споткнется,
А о дарительной поднесь не заикнется.
Что, если б как-нибудь об этом намекнуть?..
Но прежде надобно Пиявкина спихнуть
И тех других еще поottереть немного —
По правде и грешно... Но если брать так строго,
Так никому и ввек богатым не бывать!
И для чего ж бы мне в неволе умирать?
И так уж я — мои еще не стары лета, —
А будто выходец стал из другого света: —
Иссохнул, скорчился, истаял, помертвел...
Но как же бы начать, чтоб кто не усмотрел

Моих намерений, — подъеду к Пустомеле,
Настрою, он <падет> так и достигну цели.
Мне гадко далее его изображать.
Возьмем Глупона: тот изволит поживать
На счет наследия, достать которо льстится...
Не знаю, как сказать, боясь проговориться, —
Но от кого б ни шло, не в этом дело мне —
Изволит поживать в веселой стороне,
В столичном городе с своею Мессалиной,
Любуясь щегольской каретой и скотиной,
Котора блеск его достоинствам дает,
Когда по городу гулять его везет;
Любуясь и женой?.. Ну, это неизвестно;
По крайней мере он живет с женою честно
И с другом, а притом еще и не с одним;
Нет, в этом совестлив и не мешает им —
Супруге и друзьям — друг другом любоваться;
Не спорю, иногда и грустно, может статься,
Случится, и вздохнет... но взглянет на чепрак,
На деньги, на сервиз — и ублажит свой брак!
Он с каждой почтою наемною рукою
Известьем льстит того, кто благ его виною,
Что он со всем двором вступил в коротку связь;
Что даже дружеством почтил его и князь;
Что в первый праздник он и сам придворным будет,
А там, повременя, просить уж не забудет
И губернаторства; но что он между тем
Весьма заботится, как год прожить и чем;
Держать большой расход обязан поневоле:
Знакомей стал двору, визитов стало боле;
Всегда открытый стол, гуляньи, бал, игра,
И знатность, знатность вся не едет со двора.
Благотворитель тем как человек доволен,
Шлет денег, между тем, вдруг сделавшися болен,
К ним пишет, молит их: «Оставьте всё, друзья!
Спешите вы ко мне: уже при смерти я;
Обрадуйте своим свиданием сердечно...
Чин встретится. Отца ж... отца теряют вечно!»
Молчи, природа, ты! Вини сама себя,
Почто рождаются уроды от тебя,
Которы ни тебя, ни чести не внимают
И тверды как металл, который обожают.

Но что! Куда еще занес меня мой дар?
Какой в моих глазах мечтается угар?
Кто это, чуть сидит, держа бокал рукою,
Другой же, обоймя всеобщу Антихлою
И ногу протянув между ярыг, кричит:
«Ва! Бей еще пять сот! Плачу иль буду квит!
Надейся, Вислоух, на стариков остаток!
Авось когда умрет: ведь смерть не любит взяток!»

Вот часто каковых рок в ярости своей
В наследники дает ехидн, а не людей!
Представим же теперь другую мы картину:
Их благодетеля печальную кончину.
Но где мне красок взять столь ярких и живых?
Кто верную даст кисть?.. О вы, Перуны злые!
Гораций! — нет, ты слаб, — я шпынство презираю;
Тебя, о Ювенал, на помощь призываю!
Тебя, которого от каждыя черты
Порок бледнел, своей пугаясь срамоты!
Дай опытам моим и вид и цвет привычный,
Приди и сам ты правь рукою не навычной!

Я вижу мочну смерть с природою в борьбе!
Предмет же их уже не мыслит о себе:
Всё отдал, разделил, расстался с суетою
И ждет последнего росстания... с душою;
Уже томится он — где неутешный друг?
Рыдающая дочь? Родные! Станьте ж вкруг,
Воздайте током слез священну, должну жертву
Благотворителю, отцу, почти уж мертву!..
Но им не до того: пусть плачет верный раб!
Герой не должен быть толико сердцем слаб:
Он с смелостью берет дрожащу, хладну руку —
Какую чувствовать безгласный должен муку! —
«Отец наш! — говорит, вложа в нее перо. —
Вот письменный приказ в контору на сребро,
Пожалованно мне, нельзя ль... — перо упало. —
Увы! — Кащей вскричал. — Надежды нет нимало!» —
И бросился врачей отчаянных просить,
Чтоб шпанским пластырем в нем силу возбудить.
Другой же ползает, ключи у всех сбирает
И лишнее в глазах из спальны выбирает.

Тот в сенях сторожит, чтоб кто чего не сбрил;
Тот прячет сундучок, который утащил;
А этот на него сквозь щелку смотрит в двери —
Вот люди! Могут ли бесчувственней быть звери?
Такая-то всегда бесчадных крезов часть!
Живешь не для себя, не пьешь, не ешь ты всласть,
Трудишься — для кого ж? — для подлецов коварных
И сверх того еще едва ли благодарных!

Стыди ж, сатира, их! рази своим бичом!
Карай их! Но к чему? Какая польза в том?
Ужель глас истины не тот же, что природы?
Ужель бессовестны, бездушные уроды,
Как будто от судьи, смятутся от певцов?
«Все эти господа похожи на глупцов,
Не знающих в делах проворства, ни расчета, —
Так судит их собор. — Весь дар их и охота
Лишь только, чтоб стишки бездельные марать,
Да ведь и те они изволят выбирать
Из Сумарокова, какого уж другова
И в целом свете нет!» — и тот... уже ни слова;
Оставь, сатира, их. Пусть самый тот металл,
Которого из них всяк сердцем обожал,
Пусть он же самый их теперь и наказует:
Пускай и день и ночь их черну кровь волнует
Всеалчной зависти и лихоимства яд;
Пускай над прахом их отца они едят
Друг друга и грызут, подьячих лижут руки
И, наконец, средь тяжб, забот, всечасной муки
Дотянут гнусну жизнь — коль жизнью льзя назвать;
Невежеством, алчбой, геенною дышать.

1794

380. ⟨ ПЕСНЯ ⟩

Цама! Цама! не мори
Ты разлукою своею:
Долго ль бегать? Посмотри,
Я измерз весь, леденею.

Но пока не выйдет дух,
Без тебя не возвращуся,
За тобой, сердечный друг!
По конец земли пущуся,

Через реки полечу;
Перейду скалы кремнисты;
Страшны бездны прескочу
И взберусь на горы льдисты.

На гренландских берегах
Имя Цамы повторится;
И на ветреных крылах
Сквозь вселенну всю промчится.

Первая половина 1790-х годов

381. К ДРУЗЬЯМ МОИМ

Свершилось. Расторгаю узы,
В которых я всяк час стенал
И вас, друзья, и вас, о музы,
Моим забвеньем огорчал.
Теперь любовь я проклинаю,
К тебе, о дружба, прибегаю,
Возьми меня под свой покров,
Возвысь мою упадшу душу.
Уж я с тобой союз не рушу,
Бегу, страшусь любви оков...
Но что я говорю, гонимый злой судьбою!
Ах! трудно властвовать собою
И в недрах горестей спокойный вид казать!
Вотще стараюсь я печаль мою скрывать,
Вотще стараюся забыть предмет любезный.
О нежно дружество! Взирай на рок мой слезный,
Зри слабости мои, стыди, пренебрегай, вини меня, но знай,
Что я и днесь к тебе душой благоговею,
Боготворю тебя, лишь силы не имею
Твоим советам подражать,
Чтоб страсть рассудком отражать.

Так, признаюся в том, вотще твой глас священный
Гремит в душе моей, страстям порабощенной.
Уж поздно днесь меня из бездны зол извлечь,
Коль не умела ты вначале их пресечь.
Какое мне теперь подашь ты утешенье!
Бесплодно сожаленье? умножишь тем мученье!
Итак, оставь меня с моею слепотой,
Не исторгай из сердца жала
И не срывай с глаз покрывала,
Пускай, прельщаяся мечтой,
Игрою буду сильной страсти,
Пусть буду жертвою ее тиранской власти.
Она мучительна, но я, привыкши к ней,
И слезы иногда утехой чту моей.
Играйте ж, властвуйте, о страсти! надо мною,
Дождусь, дождусь и я ведущих дней к покою
Минут, в которые рассудка строгий глас
Из пагубного сна любви изводит нас
И светозарными лучами
Рассеет мрак мечтаний пред очами.
И вкус, и склонности — всё с временем летит.
Дождусь, что и мои страданья прекратит,
Когда, отря потоки слезны,
Облобызаю вас, друзья мои любезны,
И сердце, изменивше вам,
До гроба в вашу власть предам.

Первая половина 1790-х годов (?)

382. НАДПИСЬ К АМУРУ

С тех пор как нежный пол смеется сердца стонам,
Амур в моем саду грозит одним воронам.

1810-е годы

383—387. *ЭПИГРАММЫ*

1

Вредняк злословит всех, клевещет и ругает,
Лишь бога одного в покое оставляет;
И то лишь для того, что бога он не знает.

<1822>

2

На Клита, верно б, я сатиру сочинил,
Когда бы стоил он бумаги и чернил.

<1822>.

3

Какое сходство Клит с календарем имеет?
— Он лжет и не краснеет.

<1822>.

4

Однажды Скрягин видел сон,
Что будто пиршество давал большое он.
От этого он сна столь сильно испугался,
Что мог насилу встать,
И страшной клятвой обязался
Вперед совсем не спать.

<1822>.

5

Вельможа Ротозей во дни свои счастливы
Любил одних скотов;
Дивиться нечему! Весь свет почти таков:
Мы все самолюбивы.

<1822>.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

3

Отд. изд. М., 1801
Вместо строфы 1

Не умолчу в сей важный час
И я, питомец Аполлонов.
Взор неба обращен на нас:
Судьба решится миллионов.
Младый сподвижник пред Творцом
В столь нежные, цветущи лета
Дает обеты быть отцом
И стражем половины света.
О бог судеб, о царь царей!
Будь бог щедрот России всей.

6

Изд. 1
После 84

С каким восторгом поднимала
Душой и именем царя!
Тогда, возвышенный судьбою,
Казались малы пред тобою
И самы древние моря!

О мати рек премногих в мире!
О Волга, милая моя,
Текуща в сребряной порфире!
Почто в талантах скуден я!

Изд. 2
Вместо 81—84

Но менее ль ты знаменита
В благодеяниях своих!
Почто бессилие пиита
Начатый прерывает стих?

7

ПиП, 1795, ч. 8
Строфа 2

Что человек? Стремился ль к тверди,
Касается ли темем звезд?
Нигде стопою ненадежной
Не может опереться он.
Игралище легчайших ветров!

Мозговыми ли стал костьми
На землю тверду, долговечну:
Пред дубом, ивой даже мал!

14

Изд. 1 После 63

Лишь только палец в лоб, как разом барабан
Ударит сбор, и наш поэт ведь капитан
Страшнее, нежель Феб, свою отброся лиру,
К ружью, и ну бежать к сурову командиру!
Другому средь его восторгов бряк приказ,
Чтоб вымести, прибрать все комнаты тотчас;
Тому: чтоб в тот же миг прямейшим самым трактом,
Хотя б на гривенном, лететь с своим экстрактом;
Иному ж: только мысль счастливая придет,
Внезапу пять часов в Адмиралтействе быть!
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону.

19

Изд. 1 После строфы 5

Вижу я ее стенящу
В заточении своем,
В томну грудь себя разящу,
Слезы льющую ручьем.

Изд. 1—5 После строфы 6

Вижу ль розовый листочек:
Он меня остановил;
То зефир, не ветерочек,
Крылышком его сронил.

Изд. 1—5 После строфы 9

Чувства прежние имею,
Прежний жар в моей крови;
А уж грациям не смею
Воспевать я о любви.

20

МЖ, 1791, ч. 4 Вместо 3—16

Представь Климену мне в час утра безмятежный,
Любующуюся плодом любови нежной,
Который ангельский вкушает в люльке сон.
Она едва дышит, чтоб не проснулся он:
Не смеет продолжать с супругом разговоров,
Но только пламенем своих небесных взоров,
Улыбкой алой уст супругу говорит,
Что в милой крошечке черты отцовы зрит.
Итак, Климена, ты теперь уже спокойна —
Ты счастлива, ты мать и оной быть достойна.
Прелестна умница! ты боле день от дня

Пленяешь чувствами души своей меня!
Доселе я твой ум и сердце чтил прекрасно.
«В счастливой, — восклицал, — в счастливой тот судьбе,
Которого ты любишь страстно!»
А ныне новый дар еще открыл в тебе:
Я вижу всю твою чувствительность, заботы,
Чтоб толь почтенное названье оправдать
И долг природе свой воздать
За многие к тебе ее щедроты.
Уже любимых ты певцов,
Колларда с Геснером, на время забываешь
И в скромную свою диванну мудрецов,
Бюффона, и Руссо, и Локка призываешь,
Отменна быв от тех обыкновенных душ,
Которые себя невежеством бесславят
И долг родительниц лишь в том едином ставят,
Чтоб был ребенок сыт и дюж,
Как куколка одет и мог бы по-французски —
Питомец Вральманов, мамзели де Ворьень —
Кой-как лишь бегло врать, не ведая по-русски,
И чтобы наконец был самый модный пень,
Отменна быв от них, — о честь прекрасну полу!
Климена! ты сама теперь вступила в школу...

21

ПиП, 1794, ч. 2 и изд. 1
После строфы 9

Здесь и самым Аполлоном
Не согрелся бы иной,
Гости заняты бостоном
Иль немецкою войной.

Наши нимфы, зная плавность
И красу лишь галльских муз,
«Фи! — лепечут, — что за славность
Une chanson écrite en Russe».

Так признаться между нами:
Сколь ни стоишь ты похвал,
Но, по чести, петь стихами
Что-то дух во мне упал.

22

Изд. 1
После строфы 5

О Д<убянский>! Я не смею
Похвалы тебе сплетать;
Я лишь чувствовать умею
Благодарность и молчать.

25

ОБА

Аониды, 1798—1799, кн. 3 **После** *строфы 4*	О любовь! Приятна мука! Сколь твоя чудесна власть! Ни холодность, ни разлука, Никакая в свете страсть В нас тебя не истребляет; Бедно сердце всё щемит, Тает, тлеет, изнывает — Нет надежды, а горит.

48

Изд. 2—5 *Начало 4-й строфы*	Певец вседневно по утрам, Под тению густой березы, Пел о любви своей сквозь слезы, Бряцая лиры по струнам; Душа из уст его летела!

51

ПиП, 1795, ч. 8 **После** *76*	Но берегись в часы столь горестны, ужасны, Любезная! терзать власы свои прекрасны Или явить себя отчаянной рукой; Страшись встревожить прах пылавшего тобой!

60

Аониды, 1797, кн. 2 **Вместо** *69—70*	Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели, Гораций говорил: тот медну грудь имел, Кто в страшну бездну вод пуститься первый смел На утлом дереве. — И правда, нет недели. . .

62

МЖ **Вместо** *1—14*	В часы, исполненны толикия отрады Для страстныя четы и для сынов Паллады, В священны сумерки; безмолвьем огражден, Козлова ученик сидел уединен. Между полубогов, веками истребленных, Но духом творческим Пиктуры оживленных, — Сидел и Гения, благоговея, ждал.

Вдруг с громом отперлась дверь с ручкою тугою,
И вместо Гения князь Ветров шарк ногою.
«Слуга покорнейший! Я, едучи на бал,
Заехал по пути за собственным к вам делом...»

После 52 И чок да чок ее при всех и наедине,
Как горлик с горлицей, так князь с своей женой...
Ах, дедушка! грешно хвалиться стариной!
Взгляните на сего счастливого супруга;
Взгляните, бабушка, как нежная подруга
Все пальчики его целует каждый час —
Познайте ж, как теперь милуются у нас;
Познайте оба и вздохните,
И более наш век,
Прошу вас, не браните!

После 61 Какая живость, тень и свет!
Ах! это точно князь идет;
Лишь буколь столь огромных нет...
А это сущая княгиня!
Она, иль Пафская богиня
Взяв Душенькин смиренный вид,
С стыдливой нежностью глядит...
Вот вкруг ее и резвы Смехи!
Вот крошечки Утехи!
Вот и Амур, Амур точь-в-точь!
Беги, невинность, прочь;
Беги его лукава взгляда!..
Иль нет! оставь свой страх пустой:
Его ль бояться сладка яда?
Художник рамой золотой
С большими бусами одев свою картину,
Принес ее с учеником
На княжескую половину.

МЖ, изд. 1 Вместо 100 Дражайшая моя, в пятнадцатой весне,
Прелестней Граций всех, из-за нее смотрящих,
С смущением в глазах блестящих
Вручает розы мне.

63

Изд. 1 После 98 О! Кадий наш и без потачки,
Лишь свистнуть, прилетит и для одной подачки!
Визирских подлипал, его секретаря,
А временем и визиря.
Визирь у нас велико дело!
Он может, я уверен смело,
Для прихотей одних, проказ,
Иль много что за ананас,

Своим волшебным талисманом
И карлу сделать великаном.
Да и примеры уж тому,
Я слышал от отца, бывали,
Что многи равные ему,
Которы опиум в народе продавали,
Чуть не пашами ли иль чем-то эдак стали.
Равно и я могу легко и так, и сяк,
Проворством и трудами,
А боле с знатными водяся господами,
Нажить полмиллион, войти в чины и в брак —
Прекрасно! Точно так!

65

Изд. 1 и БиС После 331

Как жаль, мои друзья, что это позже было
Тех дней, как жил Илья, могучий богатырь!
Железо, медь, булат — пред ним всё было гнило,
Как, вырвав дуб, взмахнет, бывало, как косырь!

Пустил бы он... Но нам его уж не дождаться,
Так лучше постараться
Самим разбойника с Ветраною догнать.
Уж начало светать.
А хищник между тем, исполненный отваги,
Не скачет, а летит чрез горы и овраги.

70

Изд. 2—5 Вместо 37—39

В тиранов гром она бросала,
И тут же стон
И слезы извлекала,
Представя, как от них
Невинность унывает,

И каждый день в мученьях злых
На небо лишь взирает,
Откуда праведный судья и царь царей
Не скоро, но воздаст гонителям и ей.

98

Изд. 1—2 После 43

А мужичок на рожь
И сыну говорит: «Пословица не ложь:
С чужими не достать и корки хлеба с квасом;
Поди-ка ты к родне да свету поклонись!»

108

Изд. 3, 4. Вместо 18—20

И сверху вмиг — он бряк на кровлю как свинец.
Все птицы хохотать! Петух же добрых правил
На память этот стих по случаю привел:
Отважный без ума всегда себя бесславил!»
Потом примолвил вслух: «Каплун! ты не Орел».

111

Изд. 2—5. Вместо 27—30

Увы! кто свой предел читает на руке?
Зияют хляби, жив. . . а гибнешь в ручейке!
Довольны ль правилом? Не то, так вот другое:
Опасен всякий враг; малейший — часто вдвое.

116

ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК И ГВОЗДИКА

Изд. 2, ч. 3

Простой цветочек дикой,
Не знаю как, попал в один пучок с гвоздикой;
И что же? от нее душистым стал и сам!

Хорошее всегда знакомство в прибыль нам.

117

МАЛЬЧИК НА СТОЛЕ

Изд. 2, ч. 3

«Как я велик!» — с стола мальчишка всем кричал;
А нянька говорит: «Сойди, так будешь мал».

Кто в этой басне нам изображен мальчишкой?
Богач с надменною и подлою душишкой.

118

РАЗБИТАЯ СКРИПКА

Изд. 2, ч. 3

Скрипица дюжинна упала и разбилась.
Скрипач ее склеил,
И скрипка из дурной — прекрасной очутилась.

Тот, верно, стал умней, кто в школе бедствий был.

195

МЖ, 1792, ч. 5, кн. 2. После строфы 1

Потемкина! .. О трата слезна!
Делами, духом исполин,
Сей щит отечества любезна
Блистал, гремел и — пал как Крым;

Как цвет, оставленный зефиром!..
Вотще, обрадованный миром,
Певец! готовил ты венки,
Чтоб в жертву их принесть герою!
Ах! брось их, окропя слезою,
И зрети прах его теки!

Последние 16 ст.

Согбенный старец и супруга,
Сестра, невинности подруга, —
Весь дом в безмолвии уныл;
Все, все покрылися печалью,
Кроме младенца, кой медалью
Себя отцовой веселил...

Что вы, о пышны мавзолеи,
Пред сей сердечною слезой!
Вас получают и злодеи,
Вселенны бывшие грозой;
А та лишь благу посвященна, —
Слеза бесценная, священна!
Блажен тот, кто тебя снискал!
Я лиры струны опускаю
И слабый глас мой прерываю:
Ты лестней всех моих похвал.

196

МЖ, 1792, ч. 5, кн. 3, изд. 1

После строфы 4

Не древний мы крыжатик,[1]
Вот сунуло куда!
Изрядный я историк!
Простите — заврался.

После строфы 8

Завидя ж дым в деревне,
Растаял пуще он;
Тогдашний день в субботу
И баню вспомянул.

Вместо строф 9 и 10

«Любезная хозяйка! —
Ворчал он про себя. —
Помешкай на минуту,
И будешь ты сам-друг.

Ступай, рыжок, проворней!»
И с словом сим стегнул;
Удалый конь пустился,
Как из лука стрела.

---

[1] Т. е. воин, бывший в крестовых походах.

Вместо строфы 14 Объятый удивленьем
И страхом поражен,
Пошел он вспять с сомненьем,
Его ли это дом?

Вместо строфы 19 «Ух, срезал! Знать, хозяйка
Велела долго жить!
Скажи, скажи скорее!» —
Вещает витязь мой.

Вместо строфы 25 Несчастный муж поплакал,
Потом, вздохнув, пошел
К Терентьичу в избушку
И с горести лег спать.

204

МЖ, 1792, ч. 8
После строфы 4

Никакое колко слово
Не доходит до тебя.
О счастливец! всё готово,
Чем ты можешь льстить себя?

208

МЖ, 1792, ч. 5, кн. 3
Вместо 17—20

Бежит встречать героя мать,
Броню слезою орошает,
Объемлет сына, вопрошает
И хочет всё ему внимать.

Вместо 34—37

Пастушек сельских, пастухов,
Усугубляют общу радость. —
Какая, ах! для сердца сладость!
Какое зрелище в очах!

Вместо строфы 5

О други! братия любезны,
Геройски, мирные сердца!
Примите в жертву капли слезны
Смиренно сельского певца.
В веселии берет он лиру,
Отныне посвященну миру,
И купно во единый глас
Душевно восклицает с вами:
«Владей, царица, вечно нами!
Ура! Ура! Мир, мир у нас!»

Изд. 1 *Вместо 25—28*	Всё, всё постыло в мире, На что ни погляжу! Увы! и в самой лире Утех не нахожу!

353

МЖ, 1792, *ч. 8, кн. 3,* *изд. 1,* *БиС* *После 8*	В струях дремавших вод без яркого перуна Раздался будто гром — И шасть к нему в смиренный дом В карете шестерней сиятельна Фортуна И ну во дверь его стучать.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый сборник своих стихотворений «И мои безделки» И. Дмитриев издал в 1795 г. В него включены лучшие стихотворения, опубликованные до того в периодических изданиях, и несколько стихотворений еще не печатавшихся. В 1803—1805 гг. Дмитриев подготовил трехтомное собрание «Сочинений и переводов». Каждый том делился на несколько разделов. Первый том открывался разделом — «Лирические стихотворения», куда вошли переработанные оды («Освобождение Москвы», «Ермак», «Глас патриота» и др.). Этим подчеркивалась особая позиция поэта в сентиментализме — ему не были чужды темы высокие, патриотические. Все последующие издания также открывались этим разделом. Остальные стихотворения распределялись по разделам: «Смесь», «Надписи», «Сказки», «Басни» и др.

В 1810 г. вышло третье собрание сочинений, также в трех томах, воспроизводившее в основном предыдущее издание, но включавшее и новые стихотворения. Несколько изменилась композиция — все басни (четыре книги) вынесены в третий том, из «Смеси» выделены сатирические стихотворения, которые вошли в раздел «Сатиры», следовавший за «Лирическими стихотворениями». Появился раздел «Надгробия», из раздела «Сказки» в «Басни» перенесены три произведения: «Пустынник и Фортуна», «Искатели Фортуны» и «Воспитание Льва».

В 1814 и 1818 гг. вышли четвертое и пятое издания «Сочинений Дмитриева», повторявшие в основном — по составу и композиции — предшествовавшее третье издание. Все собрания стихотворений тщательно подготавливались поэтом. К подбору стихотворений он относился на редкость строго и критически — одни, напечатанные в журналах, не включал, другие исключал из последующих переизданий, третьи многократно перерабатывал.

В 1823 г. вышло шестое, последнее прижизненное издание («Стихотворения И. И. Дмитриева, издание шестое, исправленное и уменьшенное»). В отличие от пятого, в нем было вместо трех частей — две (исключено сто стихотворений).

В 1863 г. М. Н. Лонгинов сообщил перечень стихотворений Дмитриева, опубликованных в журналах и отдельных изданиях, но исключенных поэтом из последующих своих Собраний, а также появившихся в печати после его смерти (как показала проверка, список М. Н. Лонгинова не полон).

В 1893 г. под ред. А. А. Флоридова вышли «Сочинения» И. И. Дмитриева в двух томах: т. 1 — Стихотворения, т. 2 — Проза: «Взгляд на мою жизнь», две статьи и 203 письма. Стихотворения размещались в трех разделах (с соблюдением в каждом из них хронологического порядка) — «Басни и сказки», «Апологи» и «Разные стихотворения». Редактор включил все печатавшиеся в прижизненных Собраниях автора произведения, а также воспользовался указаниями библиографической справки М. Н. Лонгинова (правда, многие стихотворения И. И. Дмитриева, отмеченные М. Н. Лонгиновым, он не включил в издание, никак не мотивируя своего решения и не опровергая утверждения М. Н. Лонгинова). При подготовке этого издания А. А. Флоридовым не были просмотрены журналы, в которых печатался Дмитриев, и потому остались невыявленными несколько стихотворений поэта, подписанные буквами русского алфавита и астронимами. Не были обследованы и рукописные фонды; несмотря на значительную переработку Дмитриевым некоторых стихотворений при переизданиях, в издании А. А. Флоридова не были приведены варианты. Некоторые тексты напечатаны с ошибками и неверно датированы.

В 1953 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел том «Избранных стихотворений Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева». В книгу вошло незначительное число стихотворений Дмитриева, расположенных по разделам: «Сатиры», «Песни», «Лирические стихотворения и послания», «Сказки», «Басни и апологи», «Надписи. Эпитафии. Эпиграммы». Редактор А. Я. Кучеров в основу текста положил издание 1823 г., исправив его неточности и ошибки по рукописи, с которой делался набор шестого издания.

Рукописное наследие И. И. Дмитриева полностью не сохранилось. Большое число своих шуточных стихотворений, эпиграмм, надписей и т. д. Дмитриев вообще не публиковал: они сохранились в письмах, альбомах, в различных частных собраниях. Часть из них была напечатана после смерти поэта. Большую группу стихотворений опубликовал М. Н. Лонгинов («Русский архив», 1867, № 5-6). При этом он указал, что печатает стихи по автографу — тетрадке стихотворений, подаренной в 1807 г. поэтом П. П. Бекетову и перешедшей к нему после смерти Бекетова. Публикация заканчивалась обещанием «сообщить читателям еще разные выдержки из бумаг И. И. Дмитриева», однако этого сообщения не последовало. Местонахождение «Тетради П. П. Бекетова» неизвестно. До нас дошли следующие автографы:

а) беловая рукопись собрания стихотворений для шестого издания (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В дальнейшем — ГПБ).

б) беловые автографы трех стихотворений («Слепец и расслабленный», «Старинная любовь» (без последней строфы), «Триссотин и Вадиус») — в рукописном сборнике «Письма Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева В. А. Жуковскому» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР).

в) ранняя редакция басни «Жаворонок с детьми и земледелец» (ГПБ, Архив Державина).

г) беловые автографы семи песен, басни «Дуб и трость», начало сатиры «Чужой толк» (Институт русской литературы (Пушкинский

Дом) АН СССР, Рукописный отдел, собрание В. И. Яковлева). Здесь же автографы никогда не печатавшихся стихотворений, видимо принадлежавших Дмитриеву (см. отдел «Приписываемое»).

Настоящее издание является полным собранием стихотворений И. И. Дмитриева. Оно делится на два раздела: в первом (состоящем из 2-х частей) воспроизводится полностью состав шестого, последнего прижизненного издания стихотворений с некоторыми композиционными перестановками: стихотворения, помещенные в разделе «Смесь», для удобства расположены по следующим группам: «Послания», «Песни», «Надписи. Мадригалы. Эпитафии», «Разные стихотворения». В конце первого раздела печатаются «Апологи» — последний прижизненный сборник Дмитриева, вышедший в 1825 г.

Воспроизведение последнего прижизненного, шестого издания мотивируется не только волей автора, но и характером восприятия поэтического наследия Дмитриева поэтами 20-х годов XIX в., запечатлевшегося в письмах современников, рецензиях на это издание и в ходе обсуждения рукописи книги и статьи П. А. Вяземского в «Вольном обществе любителей российской словесности» (подробнее об этом см. во вступ. статье, с. 64—66).

К отбору стихотворений для этого издания И. И. Дмитриев подошел с чрезвычайной строгостью. Как свидетельствует рукопись, подготовленная поэтом для набора, он исключил все сатирические произведения: «Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве», «Послание английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», «Чужой толк». В «Лирические стихотворения» не попало «Освобождение Москвы», в «Смесь» — два послания: «К Г. Р. Державину» («Бард безымянный...»), «Послание к Н. М. Карамзину» («Не скоро ты, мой друг...»). По настоянию П. А. Вяземского эти стихотворения все же были включены в издание. Дополнительно была включена и одна басня — «Нищий и Собака». В остальном И. И. Дмитриев оказался непреклонным, и потому многие хорошие стихотворения — любовные, шуточные, песни, эпиграммы — в издание не вошли. После выхода «Стихотворений» Карамзин упрекал друга: «Жаль, что ты много хорошего отбросил: это, право, излишняя строгость» («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб., 1866, с. 366).

Во втором разделе настоящего сборника включены в хронологическом порядке стихотворения, не вошедшие в основное (шестое) собрание, и 21 стихотворение, ранее не входившие в Собрания сочинений Дмитриева (в том числе и в издание А. А. Флоридова), опубликованные в журналах «Утренние часы» (подписаны инициалами И. Д), «Приятное и полезное препровождение времени» и «Муза» (подписанные обычными для Дмитриева псевдонимами: — ъ, — — ъ, — въ, ъ), в «Аонидах» (подписанные: — ъ и астронимом: **; ***). В оглавлении эти стихотворения отмечены звездочками. Басни выделяются в особый раздел, внутри которого они располагаются также хронологически.

Стихотворения, опубликованные без подписи и приписываемые И. И. Дмитриеву, а также не печатавшиеся, но сохранившиеся в автографах (неподписанных), сосредоточены в разделе «Приписываемое». Другие редакции и наиболее значительные варианты выде-

лены в специальный раздел. Стихотворения, имеющие разночтения, отмечаются в примечаниях звездочками.

В примечаниях к стихотворениям указывается первая публикация, все последующие издания, в которых текст подвергался той или иной переработке, и источник, по которому печатается текст. В первом разделе сборника, воспроизводящем текст последнего прижизненного издания И. И. Дмитриева, источник текста специально не оговаривается. В том случае, когда стихотворение не включалось ни в одно собрание сочинений, оно печатается по первой (и единственной) журнальной публикации. Все примечания в тексте принадлежат И. И. Дмитриеву.

Поскольку большинство стихотворений Дмитриева входило в основные прижизненные Собрания стихотворений, оговариваются только случаи их невключения в эти прижизненные Собрания.

Датировка стихотворений произведена на основании сведений, содержащихся в мемуарах и письмах И. И. Дмитриева. Использованы письма Н. М. Карамзина, которому И. И. Дмитриев присылал многие свои произведения. В случаях, когда год написания стихотворения неизвестен, указывается дата его первой публикации в угловых скобках. Стихотворения, при жизни поэта не публиковавшиеся, датируются приблизительно, в пределах десятилетия, на основании свидетельств современников, водяных знаков на рукописи, фактов и событий, упоминающихся в тексте, и других косвенных данных. В случаях, когда отсутствуют факты для точного определения времени написания стихотворения, используется датировка А. А. Флоридова, располагавшего неизвестными нам сведениями, но не сообщившего о них в своем издании. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Сохранены только те особенности написания, которые имеют произносительное значение.

Сокращения, принятые в примечаниях

«Аглая» (с годом издания) — «Аглая», Москва, в университетской типографии, кн. 1 — 1794 (издание Н. М. Карамзина).

«Аониды» (с годом издания) — «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений», Москва, в университетской типографии, кн. 1 — 1796; кн. 2 — 1797; кн. 3 — 1798—1799 (стихотворный альманах, составленный Н. М. Карамзиным).

БК — Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 1, М., 1836.

БиС — «Басни и сказки И<вана> Д<митриева>», СПб., в типографии государственной медицинской коллегии, 1798.

ВЕ — «Вестник Европы».

ВиС — «Вчера и сегодня», литературный сборник, сост. В. А. Соллогубом, изд. А. Смирдина, СПб., 1845.

Изд. 1 — «И мои безделки», Москва, в университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1795 (сборник стихотворений И. И. Дмитриева).

Изд. 2 — Сочинения и переводы И<вана> Д<митриева>, Москва, в типографии Платона Бекетова, часть 1, 1803; часть 2, 1803; часть 3, 1805.

Изд. 3 — Сочинения Дмитриева, изд. третье, Москва, в университетской типографии, 1810, части 1, 2 и 3.

Изд. 4 — Сочинения И. И. Дмитриева, изд. четвертое, Москва, в типографии С. Селивановского, 1814, части 1, 2, и 3.

Изд. 5 — Сочинения И. И. Дмитриева, изд. пятое, исправленное и умноженное, Москва, в университетской типографии, 1818, части 1, 2 и 3.

Изд. 6. — Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, изд. шестое, исправленное и уменьшенное, СПб., в типографии Н. Греча, 1823, части 1 и 2 (с «Известием о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» П. А. Вяземского).

Изд. 7 — Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева, редакция и примечания А. А. Флоридова, СПб., изд. Евг. Евдокимова, 1893, том 1 — Стихотворения; том 2 — Проза. Письма.

КП — «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», Москва, в вольной типографии Пономарева, 1796, части 1, 2 и 3 (составлен И. И. Дмитриевым).

ЛМ — «Литературный музеум».

М — «Москвитянин».

«Муза» — «Муза», на 1796 г., части 2 и 3, СПб., изд. Мартынова.

МЖ — «Московский журнал».

МТ — «Московский телеграф».

ПЗ — «Полярная звезда».

ПД — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

ПиП — «Приятное и полезное препровождение времени».

ПкД — «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», издали с примечаниями и указателем Я. Грот и П. Пекарский, СПб., 1866.

РА — «Русский архив».

СВ — «Северный вестник».

СЦ — «Северные цветы».

СУВ — «Санкт-Петербургские ученые ведомости».

УК — «Учебная книга Российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики, пиитики и истории Российской словесности», изданные Николаем Гречем, часть 3, СПб., 1820.

«Утра» — «Утра», еженедельное издание, или собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих в Санкт-Петербурге российских книгах, СПб., 1782.

УЧ — «Утренние часы».

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть первая

Шестое издание открывалось заметкой «От автора»: «Почти все мои стихотворения писаны в продолжение моей гвардейской службы, между строев и караулов, или в коротком промежутке свободы,

между отставкою из гражданской службы и вступлением опять в оную.

Тогда еще не было таких благоприятных случаев к соревнованию, какими пользуются нынешние поэты и прозаисты: сочинений наших не читывали в собраниях ученых Обществ, в присутствии вельмож, ученых, многочисленных слушателей обоего пола. Я несколько лет писал стихи, печатал их в журналах и не знал, как об них судят, и не был знаком ни с одним поэтом, пока не приобрел, уже в зрелой молодости, приязни незабвенного Державина и не утвердил дружбы с Карамзиным. С того только времени я почувствовал, что такое талант и авторское искусство.

Приступая в старости лет к новому изданию стихов моих, я мог думать, что оно будет последним при моей жизни. Эта мысль решила меня перечитать все, мною изданное, с возможным хладнокровием, потом многое исключить из нового издания, в том числе и девятнадцать басен. Из прочих же стихов старался некоторые, сколько умел, исправить, и таким образом прежние три тома приведены в два томика.

Знаю, что в стихотворениях моих найдутся и теперь многие недостатки. По крайней мере читатели не похулят меня за то, что я избавил их от лишнего убытка и лишней скуки». Первой части был предпослан эпиграф: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris» («Он хочет сохранить память о тех, кого он любил». — *Ред.*)

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Отд. изд., 1794, под загл. «На разбитие Костюшки. Глас патриота», без подписи; ПиП, 1794, ч. 4, под загл. «Глас патриота», подпись — ъ; изд. 1, под загл. «Глас патриота на покорение Варшавы»; изд. 2. В ПиП, с примеч.: «„Я слышал в уединении моем, — пишет любезный автор, — о взятии Варшавы. Если сие справедливо, то прошу вас поместить в издаваемый вами журнал прилагаемую при сем пиесу, произведение первых восторгов сына отечества". Она и помещается с искреннею к сыну отечества благодарностью» (с. 279). Поднятое в марте 1794 г. национально-освободительное восстание под руководством польского патриота и республиканца Костюшко Тадеуша (1746—1817) было подавлено 10 октября русскими царскими генералами, а Костюшко взят в плен. Слух о занятии Варшавы русскими войсками дошел до Симбирска, где жил тогда Дмитриев. Написав оду, он послал ее Державину, который получил ее одновременно с точным известием о поражении Костюшко. Дав свое заглавие оды — «На разбитие Костюшки» и сделав некоторые другие поправки, Державин через Зубова представил ее Екатерине II, по чьему повелению она была напечатана отдельным изданием. Дмитриев в журнальной редакции снял поправки Державина. *Собиески* — здесь поляки, от имени полководца Собеского (1624—1696), позже правившего Польшей под именем короля Яна III. *А ты, гремевшая со трона* — Екатерина II. *Сарматы* — поляки. *Тавридец* — крымский татарин.

2. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 38, под загл. «Стихи на случай оказанной его императорским величеством высочайшей милости

родственникам стихотворца Ломоносова исключением их из подушного оклада», подпись: Д — въ; изд. 3. В изд. 2 не вошло. В «Вестнике Европы» за 1804 г. (апрель, № 8) было рассказано о тех обстоятельствах, которые привели к изданию Павлом указа о потомстве Ломоносова, воспетого Дмитриевым: архангельский губернатор генерал-майор Н. И. Ахвердов, объезжая в марте 1798 г. Архангельский уезд, узнал, что у проживающей там «в крестьянском быту» сестры Ломоносова Марии Васильевны Головиной взяли по рекрутскому набору в солдаты ее сына. Н. И. Ахвердов написал об этом генерал-прокурору князю А. Б. Куракину и просил «ради брата ее Ломоносова, освободить от рекрутства сына его сестры». Куракин доложил Павлу I, и тот немедленно издал указ: «В уважение памяти и полезных познаний знаменитого Санкт-Петербургской академии наук профессора, статского советника Ломоносова, всемилостивейше повелеваем рожденного от сестры его, Головиной, сына, Архангельской губернии, Холмогорского уезда, Машигорской волости крестьянина Петра с детьми и с потомством их, исключа из подушного оклада, освободить от рекрутского набора». *Крон* — титан; свергнув отца, присвоил себе власть над миром, позже заточен своим сыном Зевсом в преисподнюю (Тартар). *Ксеркс* (IV в. до н. э.) — древнеперсидский царь, прославившийся завоевательными войнами, убит во время дворцового переворота.

* **3.** Отд. изд., М., 1801, под загл. «Стихи на случай священного коронования его императорского величества императора Александра Первого», без строфы 2 и примечания, без деления стихотворения на голос хора и поэта; изд. 2. *Монарх! под сими небесами...* и далее. По традиции коронации русских царей проходили в Москве, в кремлевском Успенском соборе. Обряд коронации («венчания на царство») — торжественный церковный обряд возложения короны по вступлении на царство — ввел *Иоанн* (Иван) IV Васильевич (1530—1584). Он был коронован в возрасте 17 лет в 1547 г. *Петр* — Петр I (1672—1725). *Премудрыя, одной в женах* — Екатерины II (1729—1796). *Пиндар* (ок. 518 или 522 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. *Платон* (ок. 427 — 347 до н. э.) — древнегреческий философ.

4. Изд. 1, с. 32; изд. 2. *Ермак* Тимофеевич (ум. 1584) — атаман донских казаков, завоеватель Сибири. *Чресла* — бедра. *Кучум* (ум. ок. 1600) — сибирский хан, чьи войска в 1581 г. были разбиты Ермаком. *Вепрь* — кабан.

5. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 25, под загл. «Пожарский» и подписью: ***; изд. 2; изд. 4; изд. 5. Начиная с изд. 2 печ. под загл. «Освобождение Москвы». А. А. Флоридов ошибочно указал дату первой публикации — 1803 г. Дмитриев называл это стихотворение «поэмкой». «Она давно бродила у меня в голове; но я откладывал приняться за нее до приезда моего в Сызрань, в надежде насладиться там опять пиитическою жизнию; судьба расположила иначе: пожар истребил город (лето 1795 г. — *Г. М.*), остались только следы нашего дома. Отец мой принужден был съехать на житье в свою деревню, в двадцати пяти верстах от города, и там-то написаны были «Освобожденная Москва» и «Послание к Карамзину», написаны в

ветхом и тесном доме, в продолжении жестокой болезни сестры моей. Пронзительный вопль ее почти каждый день, раздирая мое сердце, заставлял бросать перо и бежать из дома» (Изд. 7, т. 2, с. 53—54). Разгром польских интервентов и освобождение Москвы были осуществлены войсками народного ополчения под командованием князя Д. М. Пожарского (ок. 1578 — ок. 1642) осенью 1612 г. *Цитерские узы* — любовные узы. Цитера (греч. миф.) — одно из имен Афродиты — богини любви. *Сармат* — поляк. *Эрев* (греч. миф.) — область в царстве теней. *Вручает юноше державу*. После освобождения Москвы от польских интервентов Земский собор избрал на царство семнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова (1596—1645) — первого царя из династии Романовых. Пожарский участвовал в этом избрании.

* **6.** Изд. 1, с. 9; изд. 2; изд. 5. *Но воспоенного тобой*. Дмитриев родился близ Сызрани на берегу Волги. *Куща* — шалаш, хижина, в данном случае — дом. *Весь* — деревня. *Под ратью грозна Иоанна*. Войска царя Ивана IV совершили поход на Астрахань, и в 1556 г. Астраханское ханство было присоединено к России. *Ордынцы* — воины ханской орды. *Идет, идет царь сил на вас*. Имеется в виду Петр I, стоявший во главе русской армии во время войны с Персией. *Луна* и *Лев* — гербы Турции и Персии. *Дербент* — центр Дербентского ханства, управлявшегося султаном, которого назначали персидские шахи; в 1722 г. Дербент был взят Петром I. *Гангес* — Ганг — река в Индии.

* **7.** ПиП, 1795, ч. 8, с. 209, под загл. «На случай грома (подражание германскому поэту г. Гете)», без подписи, с примеч. издателей: «Вот поэзия во всей своей силе и славе, наперсница богов, одаренная бессмертной красотою». *Персть* — земной прах. *Се ветхий деньми*, т. е. Вечный — этим именем в Библии называли бога.

8—9. Изд. 2, ч. 3, с. 84, под загл. «Вольный перевод из Горация». *Гораций* Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Отлика* — награда, отличье. *Оратай* — пахарь. *Бутить* — заваливать яму, ров камнем или землей. *В уголку собинском* — в доме Горация в Собинах. *Виргилий* Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор нескольких поэм, в том числе «Энеиды», посвященной жизни героя Трои Энея, которому удалось бежать от преследования греков. После бегства Эней претерпевает ряд приключений, основывает несколько городов, в том числе Рим. *Поллукс* и *Кастор* (греч. миф.) — сыновья Зевса, близнецы, покровители мореплавания. *И тот, кому покорны все ветры... и та, котору чтим богиней красоты*. Афродита (Венера) покровительствовала во время Троянской войны троянцам и своему сыну Энею. *Гиады* (греч. миф.) — нимфы дождя. *Аквилон* — северный ветер, *Нот* — южный ветер. *Афетов дерзкий сын*, т. е. человек. Согласно греческой мифологии, от Афета (Япета) — титана, отца Прометея — произошли люди. *Дедал* (греч. миф.) — искусный механик, архитектор, со своим сыном Икаром предпринял полет через море при помощи крыльев, сделанных из перьев, слепленных воском; Икар, приблизившийся к солнцу, упал в море, так как солнце расто-

пило воск. *Алкид* (одно из имен Геракла — греч. миф.) — сын Зевса и Алкмены, величайший греческий герой, совершил двенадцать подвигов, очистив вселенную от страшнейших чудовищ. Самым трудным был двенадцатый подвиг — Геракл отправился в подземное царство и, победив страшного адского трехглавого пса Цербера, вывел его на землю. *Дий* (римск. миф.) — верховное божество, Юпитер.

10. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 212, подпись: ***; изд. 2. *Десная* — правая рука. *Шуйца* — левая рука. *Блажить* — величать, прославлять. *Ков* — коварство, хитрость.

11. ПиП, 1794, ч. 4, с. 277, подпись: — ъ; изд. 1; изд. 2. Согласно библейской легенде, бог един в трех лицах — бог-отец, бог-сын и бог — дух святой. Дмитриев напоминает первые строки Евангелия от Иоанна: «В начале бе слово, и слово было у бога, и слово было бог». Дмитриев продолжает ломоносовскую и державинскую традицию использования библейских тем и лексики для создания высокой поэзии. Отсюда обращение к образу слова, наделенного божественной творческой силой (см. стих. Пушкина «Пророк» — «глаголом жечь сердца людей», или у Маяковского — «Слово, равное богу»). *Сый* — всегда и везде пребывающий — бог. *Твердь* — небо.

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

12. Изд. 2, ч. 1, с. 45; изд. 3; изд. 4. *Ювенал* Децим Юний (50-е или 60-е гг. — после 127) — римский поэт-сатирик. *Понтикус* — лицо неизвестное. *Богат лишь прадедов и предков образами.* В аристократических домах римлян помещались бюсты или восковые маски знатных предков, которые занимали высшие должности в государстве. В этой связи и называются имена таких деятелей, как *Гальба, Корванус, Эмилий* и т. д. *Фабий* — потомок древнего рода Фабиев, из которых самый известный консул 121 г. до н. э. Квинт Фабий Максим, победитель галльского племени *аллоброгов. Кассий* Гай Лонгин (I в. до н. э.) — видный римский политический деятель, вместе с Брутом возглавивший заговор против Юлия Цезаря. *Павел* — знаменитый юрист эпохи римских императоров. *Друз* Марк Ливий (ум. 90 г. н. э.) — народный трибун. *Рубеллий! трепещи гордиться предков чином: недолго и тебя прозвать нам Кимерином.* Рубеллий — современник Ювенала, потомок знатного рода, который гордился своим родством с императорами Августом и Нероном. Кимерин — нарицательное имя аристократов. *Фаларид* (Фаларис) (VI в. до н. э.) — агригентский тиран, употреблявший медного быка как орудие казни: осужденного клали в быка, под которым разводили огонь. *Отлика* — см. примеч. № 8—9. *Нумитор* и *Капитон* — жестокие правители провинций Рима. *Панса* и *Натта* — нарицательные имена. *Мирон* (V в. до н. э.) — великий древнегреческий скульптор. *Паразий* (Парассий — VI в. до н. э.) — древнегреческий живописец. *Фидий* (начало V в. — ум. 432—431 г. до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Веррес* — римский чиновник, прославившийся грабежом населения. Цицерон взял на себя защиту ограбленного населения, а Веррес удалился в изгнание. *Антоний* Гибрида во время управления Грецией занимался грабежом населения. *Гарпии* (греч. миф.) — богини бурь и смерти,

крылатые чудовища, птицы с девичьими головами. *Пикус* (Пик) — мифический герой, сын Сатурна, царь Лациума. *Титаны* (греч. миф.) — сыновья Неба (Урана) и Земли (Геи); они восстали против власти богов, но Зевс (Юпитер) поразил их молнией и свергнул в преисподнюю. *Дамазин* — промотавшийся аристократ, унижавший свой знатный род тем, что сам с бичом в руках управлял шестеркой лошадей. *Остия* — гавань возле Рима. *Между Цибелиных неистовых жрецов*. Цибела (Кибела) — великая матерь богов, культ которой завезен был в Рим с Востока. Служение ей, осуществлявшееся жрецами-евнухами, носило дикий, разнузданный характер. *Воллезиус и Брут* — здесь промотавшиеся потомки древних славных римлян. *Цетега* — знатный римлянин, друг Катилины, один из руководителей заговора против римского сената, был казнен в 63 г. до н. э. *Катилина* Луций Сергий (I в. до н. э.) — знатный римлянин, организатор заговора против сената; заговор был раскрыт и разгромлен Цицероном. Цицерон *Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политический деятель и философ, знаменитый оратор, защитник устоев аристократической республики; в 64 г. до н. э. был избран консулом. *Август* Кай Юлий Цезарь Октавиан (68 до н. э. — 14 н. э.) — племянник Юлия Цезаря, первый римский император; имя Август (священный) было дано ему сенатом и впоследствии стало императорским титулом.

13. Изд. 2, ч. 1, с. 55; изд. 3. *Поп* Александр (1688—1744) — английский поэт и теоретик литературы, автор поэмы «Похищение локона» и философско-дидактической поэмы «Опыт о человеке». *Арбутнот* Джон (1667—1735) — английский ученый, медик, литератор, автор политических памфлетов, друг Свифта и Попа. В «Послании» сатирически изображается литературная жизнь Англии в первые десятилетия XVIII в. В этой связи резкой критике подвергаются враги Попа — малоталантливые писатели, искавшие покровительства у богатых и знатных, по чьему заказу они писали, или, ища популярности, сочинявшие малопристойные произведения в стихах и прозе, поставлявшие в театр развлекательные комедии. *Аттербур* Френсис (1662—1732) — английский политический деятель, писатель, переводчик, друг Свифта и Попа. *Гарт* Самуэль (1661—1719) — английский поэт. *Конгрев* (Конгрив) Уильям (1670—1729) — английский писатель, в комедиях обличал аморальность и пошлость дворянства. *Свифт* Джонатан (1667—1745) — великий английский писатель-сатирик. *Болингброк* (1678—1751) — английский государственный деятель и писатель, был министром и возглавлял правительство, пытался организовать государственный переворот. *Драйден* Джон (1631—1700) — английский поэт и драматург, придворный историограф, в политических сатирах высмеивал противников короля. *Бурнет* Джильберт (1643—1715) — английский епископ и нравоучительный писатель, рьяный защитник церкви. *Аристарх* (ок. 217—145 до н. э.) — александрийский филолог, издавал, комментировал и поправлял ошибки в сочинениях Гомера, Эсхила, Гесиода, Пиндара. Синоним строгой и справедливой критики. *Аддисон* Джозеф (1672—1719) — английский просветитель, журналист и драматург. В политической трагедии «Катон» развивал идею гражданского служения, ставя в пример Древний Рим. *Дрягили* — грузчики. *Меценат* Гай Цильний (I в.

до н. э.) — римский аристократ, друг Августа, покровитель поэтов, художников, музыкантов; имя его стало нарицательным, обозначая просвещенного вельможу, покровительствующего искусствам и наукам. *Пиндар* — см. примеч. № 3. *Ге* (Гей, 1680—1732) — английский поэт, драматург, автор известной «Оперы нищих».

14. Изд. 1, с. 177; изд. 2; изд. 3; изд. 4. В изд. 1 к ст. 31 примечание автора: «Строгий сатирик, конечно, имел в виду не все, а некоторые только оды; но читатели и без сего замечания должны быть уверены, что произведения Хераскова, Державина, Петрова не в числе оных». *Флакк* Гораций (65—8 до н. э.) — см. примеч. № 8—9. *Рамлер* Карл Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт, переводчик древнегреческих и древнеримских авторов. *Зари багряны персты, и райский крин, и Феб, и небеса отверсты* — цитаты шаблонных образов и рифм из множества од, в частности од В. Петрова (подробнее см. во вступ. статье, с. 46). *Аристарх* — см. примеч. 13. *Пиндар* — см. примеч. № 3. *Делия* — возлюбленная поэта Горация, воспетая им в стихах. *Как думал о стихах один стихотворитель, которого трудов «Меркурий» наш, и «Зритель»...* — видимо, речь идет о поэте Н. Николеве (1758—1815). В 1791 г. он опубликовал лирическое послание к Е. Р. Дашковой — обширный трактат в стихах, в котором, опираясь на Сумарокова, защищал основы нормативной поэтики классицизма. Свои оды он печатал в журналах И. Крылова и А. Клушина «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), занимавших враждебную к Дмитриеву и Карамзину позицию. В 1792 г. Николев написал несколько од «На заключение мира с Оттоманскою Портою». Впервые Дмитриев высмеял Николева — автора торжественных од — в «Гимне восторгу» (1792). Здесь нападкам подверглись не только оды Николева, но и его теоретические рассуждения в защиту классицизма. *Демосфен* (384—322 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и великий оратор. По преданию, чтобы избавиться от физического недостатка речи, долгое время жил уединенно на берегу моря и произносил речи перед морем. *Рымникский Алкид* — Суворов А. В. (1730—1800), граф Рымникский, командовал русскими войсками в 1794 г. при взятии Варшавы. *Ферзен* И. Е. (1747—1799) — русский генерал, принимал участие в польской кампании. *Костюшко* — см. примеч. 1. *Он тотчас за перо и разом вывел: ода.* Дмитриев создает пародийный текст торжественной оды, используя стилистические и фразеологические штампы, характерные для многих поэтов-классицистов. *Румянцев* П. А. (1725—1796) — знаменитый русский полководец. *Грейг* С. Н. (1736—1788) и *Орлов* А. Г. (1737—1808) командовали русским флотом во время Чесменского морского боя, в ходе которого была одержана победа над Турцией и флот ее сожжен (1770). *Марсий* (греч. миф.) — тщеславный музыкант, вызвавший на состязание самого Аполлона. Победивший Аполлон повесил Марсия и содрал с него кожу. Имя стало нарицательным для обозначения тщеславных и бездарных поэтов.

15. ВЕ, 1805, ч. 23, с. 202, под загл. «Ответ сочинителю стихов под названием Л е т о, напечатанных в осмнадцатом нумере „Вестника Европы“», подпись: ***; изд. 2. В ВЕ отсутствовало примеч. к заглавию, а к словам «Бард безымянный» печаталось пояснение: «Автор не подписал своего имени». До изд. 5 примеч. к ст. 10 имело

следующее продолжение: «Для тех, которые не живали в Москве, можно прибавить, что в этой роще было кладбище для иностранных; теперь же надгробные камни служат для гуляющих вместо столов и стульев».

16. Изд. 2, ч. 2, с. 125. В апреле 1794 г. Державин сообщил Дмитриеву, что его жена Екатерина Яковлевна стала поправляться. Дмитриев выразил радость по этому поводу. Но 24 июля Державин с горечью писал: «Ну, мой друг, Иван Иванович, радость твоя о выздоровлении Екатерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ее 15 числа сего месяца. Погружен в совершенную горесть и отчаянье. Не знаю, что с собою делать. Не стало любезной моей Плениры! Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродетельную Пленира, которая для меня только жила на свете, которая все мне в нем составляла. Теперь для меня сей свет совершенная пустыня». В ответ на это письмо и были написаны Дмитриевым стихи на смерть Екатерины Яковлевны. 17 октября Державин уведомлял о получении стихов, благодарил друга, признаваясь, что не может «и теперь без рыдания читать их» (Сочинения Державина, т. 6, СПб., 1876, с. 13 и 76) *Люстр* — здесь: пять лет; Державин прожил с первой женой 15 лет.

17. Изд. 2, ч. 1, с. 71. *Румянцев* Николай Петрович (1754—1826) — государственный деятель, дипломат, известный собиратель русских древностей и летописей, грамот и книг. Богатейшее собрание книг послужило основанием знаменитой Румянцевской библиотеке в Москве (ныне — им. В. И. Ленина). *Принять от сына Почтенный лик его бессмертного отца.* Н. П. Румянцев был сыном Петра Александровича Румянцева (1725—1796) — выдающегося русского полководца и государственного деятеля. *Петров* Василий Петрович (1736—1799) — русский поэт, в своих одах прославлял победы русского оружия, и в частности победы Румянцева (см. его оду «Его сиятельству графу П. А. Румянцеву-Задунайскому», 1775). *Агаряне* — турки. Во время русско-турецкой войны 1768—74 гг. армия под командованием Румянцева разгромила турецко-татарские войска при Ларге и Кагуле (1770), в 1774 г. было нанесено окончательное поражение турецкой армии. Турция подписала мирный договор. За одержание победы Румянцев был награжден чином генерал-фельдмаршала, титулом графа с почетным наименованием Задунайского. *Сарматы* — поляки. В 1794 г. Румянцев был главнокомандующим русскими войсками в Польше.

18. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 74, под загл. «К другу», подпись: ***; изд. 2, под загл. «К Н — М — К***»; изд. 3. В «Аонидах» к ст. 13 было следующее примеч.: «Автор лишился тогда родного своего дяди П. А. Б., истинного не только родным своим, но и посторонним благотворителя. За несколько месяцев до его кончины город С... весь выгорел; он, узнав о том, прислал знатную сумму на раздачу бедным, которые оставались без крова и пропитания». *Еще дымится пепл отеческого крова.* Летом 1795 г. большая часть Сызрани сгорела, в том числе и дом родных Дмитриева. *Прах старца* — Бекетова Петра Афанасьевича, дяди поэта, в семье которого он воспитывался в годы учения. *Послание* — имеется в виду программное стихотворе-

ние Карамзина «Послание к женщинам» (1795). *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) — русский поэт, соратник Сумарокова, в 90-е годы активно сотрудничавший в изданиях Карамзина. *Пеней* — река в Греции, близ горы Олимп. *Младый герой* — Зубов Валериан Александрович (1771—1804), брат фаворита Екатерины II Зубова П. А., в 1796 г. был назначен командующим армией, которая вела войну с Персией. В том же году Державин написал оду «На покорение Дербента, графу В. А. Зубову».

*** 19.** Изд. 1, с. 119; изд. 2, под загл. «Стансы к Н... М... К ***». Закончив «Стансы», Дмитриев послал их Карамзину, который поблагодарил поэта и сделал несколько замечаний: «четвертую строфу портит *иль* и *ниже*. Последняя также подвержена критике. *Знать* (в том смысле, в каком ты употребил его) и *узнать* рифмовать можно, но мне не нравятся первые два стиха потому, что связь их слаба или неразительна. Ты сблизил, так сказать, *мечтание* с *пороками;* но одно от другого очень далеко по существу своему... Когда же между мечтами и пороками нет явной связи, то на что говорить:

Друг! довольно мы мечтали
Там, где всех пороков знать.

Ты переменяешь сию строфу и говоришь:

Друг! Еще ль мы не устали
Сердце в нас порабощать?

Но здесь не сказано, *чему* порабощать; а это, кажется, нужно. Вот и вся моя критика!» (ПкД, с. 42—43). Дмитриев прислушался к критике и переписал отмеченные Карамзиным строфы. *Катон* Младший Марк Порций (95—46 до н. э.) — государственный деятель Древнего Рима, сторонник аскетической философии, покончил с собой, когда узнал о победе Цезаря, противником режима которого он был. *Сенека* Люций Анней (?—65 н. э.) — государственный деятель, философ и писатель Древнего Рима, воспитатель Нерона; в практической жизни сумел составить огромное состояние, в философии учил, что человек должен преодолевать свои страсти и готовиться к смерти. В 65 г. Нерон, решив расправиться с Сенекой, приказал ему покончить с собой, что тот с достоинством и выполнил. *Эпиктет* (середина I в. н. э.) — философ-стоик, учивший, что жизнь человека бессмысленна и непостижима. Обрести себя можно только в одиночестве внутренней жизни. *Скоро ль мы на Волгу кинем* — оба поэта родились на Волге и многократно собирались вместе побывать в родных местах.

*** 20.** МЖ, 1791, ч. 4, с. 253, под загл. «Письмо к ***» (в оглавлении МЖ под загл. «Письмо к Климене»), подпись: И. В изд. 1 не вошло. *Северина* Анна Григорьевна — жена сослуживца Дмитриева по Семеновскому полку П. И. Северина, приятельница поэта. *Грёз* Жан-Батист (1725—1805) — французский художник в духе сентиментализма, избирал сюжетами своих картин сцены домашней жизни. *Делиль* Жак (1738—1813) — французский поэт, переводчик Вергилия,

автор дидактических описательных поэм «Сельские жители», «Сады». *Колардо* (1732—1776) — французский поэт, представитель «легкой поэзии». *Торквато* Тассо (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». *Бюффон* Жорж Луи (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор многотомной «Естественной истории», в которой давал описание животных. *Руссо* Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, автор популярного педагогического романа «Эмиль, или О воспитании». *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ, книга которого «Мысли о воспитании» вышла в русском переводе в 1760 г. *В систему, в правила британского творца.* Имеется в виду книга Локка «Мысли о воспитании».

***21.** ПиП, 1794, ч. 2, с. 140, под загл. «К одной госпоже на вызов написать ей стихи», подпись: ъ: изд. 1, под загл. «Ответ Филлиде на вызов ее написать к ней стихи»; изд. 2, под загл. «К N. N.». Во всех изданиях, кроме 1-го и 6-го, героиня названа Клименой. *Северина* А. Г. — см. примеч. 20. *Анакреон* (VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, писавший любовные и застольные песни.

*** 22.** Изд. 1, с. 3, под загл. «К Ф. М. Д., сочинившему голос на сию песню»; изд. 2, 4, 5 — под загл. «К Ф. М. Д***, сочинившему голос на песню мою „Голубок"». *Дубянский* Федор Михайлович (1760—1796) — русский композитор и скрипач, писал музыку на слова русских поэтов. Утонул в Неве летом 1796 г. Музыка «Голубка» была написана в 1793 г. Карамзин сообщал Дмитриеву: «Итак, «Голубок» твой ожил в Петербурге! Ты знаешь, как я люблю его. Только голос мне не очень полюбился: уныло, но *выражение* слабо» (ПкД, с. 42). *Орфей* — мифический поэт, очаровывавший своим пением и игрою на лире диких зверей, деревья и даже камни. В поэзии — имя вдохновенного певца.

‹ПЕСНИ›

23. МЖ, 1792, ч. 6, с. 217, под загл. «Сизый голубочек», подпись: И; изд. 1, под загл. «Голубочек»; КП, в цикле «Песни нежные»; изд. 2; изд. 3. В МЖ, изд. 1, изд. 2 — последний стих: «Уж не встанет милый друг».

24. ПиП, 1794, ч. 1, с. 299, подпись: Б; изд. 2; КП, без строфы 4, в цикле «Песни нежные»; изд. 2. В ПиП со следующим примеч.: «Вот и оригинал той песни, которой многие подражали! Любезный сочинитель хочет остаться неизвестным; но его знают!» Интересны последовательные стадии изменения одной строки: в ПиП строка «И к селу мой путь направил» в изд. 1 печаталась: «И к себе мой путь направил», а в изд. 2 — в окончательной редакции: «И в шалаш мой путь направил».

*** 25.** КП, с. 39, в цикле «Песни нежные», без подписи; «Аониды», 1798—1799, кн. 3, под загл. «Песня для двух голосов», подпись: — въ; изд. 2.

26. Изд. 1, с. 221, под загл. «На цыганскую пляску»; КП, в цикле «Песни нежные», без подписи. Примеч. введено в текст с изд. 2. Начиная с изд. 2 (кроме изд. 6) в конце песни строфа припева не печаталась.

27. Изд. 2, ч. 3, с. 63, под загл. «Песенка».

28. МЖ, 1792, ч. 7, с. 275, под загл. «Бабушкина песня», подпись: И; изд. 1, под загл. «Старинная песня»; КП, в цикле «Песни нежные». Во всех изданиях до 6-го примеч. отсутствовало.

29. Изд. 1, с. 202, под загл. «К Хлое»; КП, в цикле «Песни нежные», без подписи; изд. 2, под загл. «К Хлое». Начиная с изд. 3 входило в цикл «Песни».

⟨МАДРИГАЛЫ. НАДПИСИ. ЭПИТАФИИ⟩

30. Изд. 1, с. 241; изд. 2.

31. Изд. 1, с. 241.

32. Изд. 2, ч. 3, с. 69. Перевод из Вольтера.

33. Изд. 2, ч. 2, с. 116. Примеч. появилось впервые в изд. 6. *Херасков* (см. примеч. № 18) — автор первой русской эпической поэмы «Россияда» (1779), в которой рассказывалось о взятии Иваном IV Казани. Эту поэму по имени главного героя Дмитриев называет «Иоанн». Вторая поэма, «Владимир», вышла из печати в 1785 г.; в ней рассказывается о принятии Древней Русью христианства во времена князя Владимира.

34. Изд. 2, ч. 2, с. 117.

35. Изд. 2, ч. 2, с. 86. Во всех изданиях до 6-го без загл., в разделе «Надписи к портретам». *Муравьев* Михаил Никитич (1757—1807) — поэт, прозаик, один из первых русских сентименталистов, печатался с начала 1770-х годов.

36. Изд. 5, ч. 1, с. 114, с примеч.: «В первую кампанию последней с французами войны граф Витгенштейн стоял с корпусом своим между Ригой и Псковом». *Витгенштейн* Петр Христианович (1768—1842) — фельдмаршал русской армии, участвовал в войне с французами 1805—1807 годов. В период Отечественной войны 1812 г. командовал пехотным корпусом, прикрывавшим Петербург.

37. Изд. 2, ч. 2, с. 87. *Демосфен* — см. примеч. 14.

38. Изд. 2, ч. 2, с. 87. *Шаликов* Петр Иванович (1768—1852) — поэт, прозаик, издатель журналов, эпигон Карамзина, подвергавшийся сатирическим нападкам поэтов разных направлений. Дмитриев

всегда относился с иронией к его творчеству, в своей «подписи» перечисляет традиционные мотивы его поэтических и прозаических сочинений.

39. Изд. 2, ч. 2, с. 86.

40. МЖ, 1791, ч. 4, с. 12, под загл. «Надпись к портрету господина. . .», подпись: И.

41. ВЕ, 1803, ч. 8, с. 230, под загл. «Эпитафия автору Душеньки»; подпись: S. *Богданович* Ипполит Федорович (1743—1803) — поэт, переводчик, журналист. Самым крупным и пользовавшимся шумным успехом произведением поэта была сказочная поэма «Душенька» (1775—1778) — вольный пересказ мифологических историй Амура и Психеи. Этот сюжет разрабатывался Апулеем и Лафонтеном.

42. Изд. 2, ч. 2, с. 118.

43. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 238, под загл. «Ф. М. Д **скому», подпись: ***. *Дубянский* Ф. М. — см. примеч. 22. Памяти композитора Державин посвятил стих. «Потопление» (1796).

44. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 35, под загл. «Надгробие», подпись: Д—въ.

45. Изд. 2, ч. 2, с. 105.

46. Изд. 2, ч. 3, с. 77.

⟨РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ⟩

47. ВЕ, 1803, ч. 12, с. 210, подпись: ***. Перевод басни «Le Voyage» Жана-Пьера Флориана (1755—1794) — французского поэта и баснописца.

*** 48.** Изд. 2, ч. 3, с. 64.

49. МЖ, 1791, ч. 4, с. 10, под загл. «Разговор прохожего с горлицей. (Подражание)», подпись: И. Во всех изданиях до 6-го под загл. «Горлица и прохожий». Перевод французского стих. «Le passant et la tourterelle», опубликованного анонимно в «L'utile et l'agréable almanach amusant», Amst. et Paris, 1774, с. 78.

50. Изд. 2, ч. 3, с. 58. Перевод стих. «Glucére» французского поэта Л.-П. Беранже (1749—1822).

*** 51.** ПиП, 1795, ч. 8, с. 8, под загл. «Подражание первой Тибулловой элегии», подпись: — ъ; изд. 2, 3, 4, 5, под загл. «Тибуллова элегия». В изд. 1 не вошло. В ПиП со следующим примеч. к заглавию: «Греки и римляне были не только первые поэты, но и положили пределы, из коих почти ни один последователь выступить не дерзал.

Посему перевод греческих и римских стихотворений есть благодеяние для литературы новейших народов. Подобное сему сказали мы прежде, упоминая о переводе на наш язык Анакреонта; но он, как мы уведомились после, не переведен, а напечатан только в корпусе греческих единоверцев». *Тибулл* Альбий (I в. до н. э.) — древнеримский поэт-лирик. Дмитриев подражал первой элегии первой книги его стихов. *Палеса* (римск. миф.) — покровительница скота. *Помона* (римск. миф.) — богиня плодов. *Церера* (римск. миф.) — богиня, покровительница земледелия. *Лары* (римск. миф.) — души умерших предков, покровители домашнего очага. *Мессала* Валерий Корвин (64 до н. э. — 9 н. э.) — римский политический деятель и поэт, позже покровитель Тибулла. *Делия* — под этим именем воспета возлюбленная Тибулла Плания.

52. Изд. 3, ч. 2, с. 71; изд. 4 и 5 под загл. «К альбому Е. С. О. . .й». *Огарева* Елизавета Сергеевна (1786—1870) — жена сенатора Н. И. Огарева, знакомая Карамзиных и Дмитриева. Позже ей посвящали стихи А. С. Пушкин и П. А. Вяземский.

53. ВЕ, 1805, ч. 22, с. 303, под загл. «Стихи на получение от неизвестной особы вышитого по канве Гения», подпись: ***; изд. 3, 4, 5, под загл. «На случай получения от неизвестной особы вышитого на канве Гения». *Неизвестная* — поэтесса Бунина Анна Петровна (1774—1828), хорошая знакомая Дмитриева.

54. Изд. 2, ч. 2, с. 114. *Северина* А. Г. — см. примеч. 20.

55. ВЕ, 1803, ч. 8, с. 42, подпись: ***.

56. Изд. 3, ч. 1, с. 76. Во всех изданиях, кроме 6-го, в подзаголовке вместо слов «Вольный перевод. . .» печаталось «Отрывок. . .». *Мольер* Жан-Батист Поклен (1622—1673) — французский драматург. Дмитриев перевел сатирическую сцену из комедии «Ученые женщины» (1672), в которой под именами Триссотина и Вадиуса Мольер карикатурно изобразил прециозных писателей Комена и Менажа. Своим переводом Дмитриев вмешивался в литературную борьбу 1800-х годов. Высмеивая авторов *«сонетов на прыщик Делии»,* Дмитриев нападал на эпигонов сентиментализма, заполнявших журналы элегиями, сонетами и рондо подобного же типа (резкие отзывы о «московских поэтах» см. в письмах Дмитриева). *Теокрит* (Феокрит) (р. ок. 300 г. до н. э.) — создатель идиллий, автор буколических, пастушеских стихотворений.

57. Изд. 2, ч. 3, с. 51; изд. 3, 4, 5, с подзаголовком «С Лафонтенова подражания Овидию». *Лафонтен* Жан (1621—1695) — французский поэт, писал в разных жанрах, наибольшую известность получили его басни и сказки. В основе сказки Лафонтена о Филемоне и Бавкиде лежит античный миф, обработанный в изящную новеллу древнеримским поэтом Овидием в «Метаморфозах». Образцом для Дмитриева послужило произведение Лафонтена «Philémon et Baucis». *Крылатый сын* — Амур.

58. Изд. 2, ч. 2, с. 133; изд. 4, под загл.: «К друзьям моим по случаю первого с ними свидания после моей отставки». Служба в Сенате, где Дмитриев увидел, что «знакомства и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе» (Изд. 7, т. 2, с. 84), тяготила его, и он попросил об увольнении. Указ об отставке был подписан 30 декабря 1799 г. Переехав в Москву, Дмитриев жил в отставке шесть лет, в 1806 г. он был призван Александром на службу. *Увы! уже во мне жар к пению простыл.* Признание основано на том, что служба в Сенате не оставляла совсем досуга для творчества. Отставка способствовала новому расцвету таланта, и годы с 1800 по 1810 оказались плодотворными. *Пермесский жар* — вдохновенье; от Пермесского ручья, текущего с Геликона и посвященного музам.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть вторая

СКАЗКИ

Вторая часть шестого издания открывалась заметкой, написанной от имени «Вольного общества любителей российской словесности»: «Попечитель высочайше утвержденного Санкт-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности Иван Иванович Дмитриев предложил оному напечатать новое издание сочинений своих для обращения вырученной тем суммы на благотворение, которое вместе с просвещением составляет сугубую цель общества.

Общество, с своей стороны, желало соответствовать благородному сему намерению исправностию предпринятого им издания, украсило оное портретом почтенного автора и присовокупило его биографию, составленную членом его князем П. А. Вяземским, которая напечатана сокращенно.

Издавая вновь творения писателя, по справедливости занимающего отличнейшее место в Пантеоне российской поэзии, Общество уверено, что благосклонное внимание отечественной публики к сему изданию будет равняться той признательности, с коею оно приняло великодушное пожертвование». Второй части был предпослан эпиграф: «Chérissons le rival qui peut nous surpasser; Montrez moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser» («Будем ценить соперника, который может нас превзойти. Покажите мне моего победителя, и я поспешу его обнять». — *Ред.*).

59. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 239, с подзаголовком: «Сказка из Флориановых сочинений» и подписью: ***; изд. 2, в разделе «Сказки», в последующих изданиях до 6-го — в разделе «Басни». Перевод басни «L'éducation du lion» Флориана (см. примеч. 47). Его «Басни» (1792) продолжали традиции Лафонтена. Стих «Могучие богаты» вместо «Могущие богаты» печатается по рукописи и согласно всем изданиям до 6-го.

*** 60.** «Аониды», 1797, кн. 2, с. 82, подпись: ***; БиС; изд. 2; изд. 3. Перевод басни Лафонтена «L'homme qui court après la Fortune...». В изд. 3, 4, 5 в разделе «Басни», во всех других изданиях отнесена к «Сказкам».

61. Изд. 2, ч. 3, с. 41; изд. 3. Перевод басни Флориана «La Calife» (см. примеч. 47). Во всех изданиях, кроме 6-го, помещена в разделе «Басни».

*** 62.** МЖ, 1792, ч. 8, с. 5, подпись: И; изд. 1; БиС; изд. 2; изд. 3; изд. 4. *Козлов* Гаврнил Игнатьевич (1738—1791) — русский художник-портретист; писал и на исторические сюжеты. *Апелл* (Апеллес) (IV в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий живописец, придворный художник и портретист Александра Македонского.

*** 63.** Изд. 1, с. 18; БиС; изд. 2; изд. 3. Написано по мотивам сказки Имбера «Alnascar». Имбер Бартелеми (1747—1790) — французский поэт, популярный представитель «легкой поэзии». *Могол* — титул, данный европейцами государям знаменитой тюркской династии, властвовавшей в Индии около 3 столетий.

64. МЖ, 1792, ч. 5, с. 15, подпись: И; изд. 1; изд. 2; изд. 3. *Цитерская сторона* — страна любви. По имени острова около Греции, бывшего центром культа богини любви Афродиты. *Стал ездить он шестеркою в карете.* Так ездить могли только особы первых четырех классов, т. е. Пролаз достиг генеральского чина и был или тайный советник, или действительный статский советник. *Лукреция* — жена Коллотина, родственника древнеримского царя Тарквиния; обесчещенная его сыном, покончила с собой.

*** 65.** Изд. 1, с. 55; БиС; изд. 2; изд. 3; изд. 4. До изд. 2 имелось авторское примечание к заглавию: «Предваряю читателя, что эта сказка родилась от Вольтеровой сказки «La bégueule». Лучше признаться, пока не уличили». Ст. «Велениям моим послушных» вместо ст. в изд. 6 «Велениям твоим послушных» и пропущенная в изд. 4 ст. «Чрез холмы, горы и овраги» восстановлены согласно всем изданиям до 6-го. *Берлины* — старинная карета. *Как ведьма некая в сарае, оборотя тебя в драгунского коня.* Дмитриев развивает мотив украинской сказки. Позже этот мотив развит Пушкиным в «Гусаре». *Колет вохряной* — короткая, желтого цвета верхняя одежда кавалеристов. *Пермесский бог* — бог вдохновения и искусства по имени ручья, текущего с Геликона и посвященного музам. *Богданович* — см. примеч. 41. *Диц* Фердинанд (1742—1798) — венский скрипач и композитор, в 1771 г. приехав в Петербург на гастроли, остался навсегда в России. *Амфион* (греч. миф.) — сын Зевса, силой своего песнопения и игрой на лире заставлял передвигаться камни. *Хилков* А. Я. (ум. 1718) — князь, русский резидент в Швеции при дворе Карла XII; ему приписывалось сочинение «Ядро российской истории». Подлинным автором был секретарь Хилкова — А. И. Манкиев. *Липец* — напиток из липового меда.

Книга первая

66. Изд. 1, с. 249, с подзаголовком «Притча». Рукопись ПД, без даты, отражает, видимо, раннюю стадию работы над басней. Перевод басни Лафонтена «Le chêne et le roseau». Раньше Дмитриева эту басню переводили Сумароков, Княжнин и Николев. Перевод этой басни Крыловым был опубликован в 1806 г. в «Московском зрителе».

67. ВЕ, 1802, ч. 6, с. 134, подпись: Д—в; изд. 2; изд. 3; изд. 5. Перевод басни Лафонтена «Le cochet, le chat et le souriceau».

68. Изд. 2, ч. 1, с. 84; изд. 3; изд. 5. Перевод басни Лафонтена «Le rât qui s'est retiré du monde».

69. «Аглая», 1794, кн. 1, с. 90, под загл. «Чиж (Подражание)», подпись: И. Д.; изд. 1 и БиС под тем же загл.; изд. 2.

* **70.** Изд. 2, ч. 3, с. 11; изд. 3; изд. 4; изд. 5. Во всех изд. до 6-го ст. 28—30:

Который, несмотря, что в нем порода львина,
Был смирный, так сказать, детина
И набожный под старость дней.

Перевод басни Флориана «Le renard qui prêche» (см. примеч. 47). *Хирагра* — подагра в кистях руки.

71. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 183; изд. 2. Перевод басни Лафонтена «L'hirondelle et les petits oiseaux».

72. Изд. 2, ч. 3, с. 35. Перевод басни третьестепенного французского баснописца Ножана «L'aiguille de montre» (по указанию М. Н. Лонгинова).

73. Изд. 2, ч. 3, с. 21; изд. 3. После ст. 20 в изд. 2 было:

Что лошадь впрямь и вкось без памяти скакала,
Настигла своего врага и затоптала.

Ст. «Увы! что сладкий кус, когда нет милой воли!» печатается согласно рукописи и всем предыдущим изданиям до 6-го. В изд. 6 и 7 напечатано вместо «кус» — «вкус». Перевод басни Лафонтена «Le cheval s'étant voulu venger du cerf».

74. Изд. 2, ч. 3, с. 40.

75. СВ, 1804, ч. 1, с. 347, подпись: ***; изд. 3; изд. 5. В СВ примеч. к заглавию: «Хотя сочинитель сей басни и желает остаться неизвестным, но, несмотря на то, читатели узнают его. Издателям остается только благодарить его за присылку сего нового про-

изведения и просить о продолжении украшать журнал их своими сочинениями». Перевод басни Имбера «Le fusil et le lièvre» (см. примеч. 63).

76. ПиП, 1795, ч. 8, с. 20, подпись: ъ; в разделе «Притчи»; БиС, под загл. «Орел, Кит и Устрица»; изд. 2. В изд. 1 не вошло.

77. ВЕ, 1803, ч. 12, с. 209, подпись: ***; изд. 2; изд. 3. Перевод басни Имбера «Les chevaux de carosse» (см. примеч. 63).

78. Изд. 1, с. 133, с подзаголовком «Притча»; изд. 2. До изд. 2 заключительные 16 ст. не входили в басню. Впервые они были напечатаны в «Аонидах», 1798—1799, кн. 3, в качестве самостоятельного произведения под загл. «Подражание Лафонтену». В изд. 2 этот текст подвергся некоторой переработке. Вместо трех заключительных строк было:

Увы! Уж нет вам возвращенья!
Ах! лучше б вас навек из мыслей истребить,
Когда уже прошла пора моя любить!

Ст. «И ты, дружочек мой» вместо «А ты, дружочек мой» (изд. 4) восстановлен по рукописи и всем прижизненным изданиям. Перевод басни Лафонтена «Les deux pigeons». До Дмитриева басню переводили Сумароков и Хвостов, после — Крылов.

79. ВЕ, 1805, ч. 19, с. 220, с подзаголовком: «Подражание французскому» и подписью: И. Дм. Перевод басни Гофмана (1776—1822) (по указанию М. Н. Лонгинова). Басня явилась ответом на литературные выпады против Карамзина и Дмитриева, появившиеся в петербургских журналах летом 1805 г. В письме Д. И. Языкову Дмитриев писал: «Хотя такого рода критика, каковая помещена в журнале, не может быть чувствительна ни мне, ни Карамзину, но со всем тем не утерпишь, чтоб не сказать слова два о ваших витязях петербургской литературы». «Вероятно, что и журналы с такою разборчивостью скоро прослывут не журналами, а калашнею, в которую сходится всякая сволочь бранить высших себя и тем отмщать за свое ничтожество» (Изд. 7, т. 2, с. 192—193).

80. Изд. 2, ч. 1, с. 80. Перевод басни Флориана «La vipère et la sangsue» (см. примеч. 47).

БАСНИ

Книга вторая

81. Изд. 2, ч. 3, с. 7; изд. 3. Перевод басни Флориана «Le savant et le fermier» (см. примеч. 47).

82. Изд. 2, ч. 3, с. 26; изд. 3. Во всех изд. до 6-го печ. под загл. «Молчание Соловья». Перевод басни «Le silence du rossignol» Буа-

сара (1743—1831) — французского баснописца. Сборники его басен выходили в 1773, 1777, 1803 и 1805 гг.

83. Изд. 5, ч. 3, с. 39. После ст. 21 было:

> Ничтожный под венцом, угодник всякой страсти,
> Он сделал первый шаг к самодержавной власти.

Ст. «В таком-то образе *отечества отец»* сопровождалась следующим примеч.: «Может быть, кто-нибудь из моих критиков заметит, что в этом стихе три речения сряду начинаются с одной буквы. Винюсь пред ним и беру этот грех на мою совесть». В изд. 6 эта строка была исправлена. Перевод басни Буасара «L'histoire» (см. примеч. 82). Выбор сюжета басни обусловлен реальными событиями 1818 г.: в феврале вышли из печати 8 томов «Истории государства Российского» Н. Карамзина. Предисловие и первый том вызвали нападки «либералистов» — будущих декабристов. Дмитриев из писем друга знал содержание последующих томов — в частности девятого и десятого, в которых историограф «описывал ужасы Иоанна Грозного». Своею басней Дмитриев поддержал Карамзина, заявляя, что он создал «образ истории правдивой». Карамзин, получив пятое издание стихотворений Дмитриева в ноябре 1818 г., писал: «К живейшему моему удовольствию, нашел я тут и новое: «Историю» и проч. Мы читали и новое и старое в кругу добрых приятелей» (ПкД, с. 252—253).

84. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 129, подпись: ***; изд. 2.

85. Изд. 2, ч. 3, с. 10. По указанию М. Н. Лонгинова, это перевод басни французского поэта Пьера Вилье (1648—1728). Но этот сюжет, впервые разработанный Эзопом и Федром, был использован Лафонтеном, которого переводил Сумароков, а позже Крылов («Муха и дорожные»).

86. Изд. 1, с. 230, с подзаголовком «Притча»; изд. 2. Перевод басни Лафонтена «Les deux amis».

87. Изд. 2, ч. 3, с. 17; изд. 3; изд. 4; изд. 5. Перевод басни Флориана «Don Quichotte» (см. примеч. 47).

88. БиС, с. 36, под загл. «Отцеубийца»; изд. 2. Перевод басни Флориана «Le parricide» (см. примеч. 47).

89. Изд. 2, ч. 1, с. 95. Ст. 14: «Который при дворе возрос и поседел» во всех изданиях до 6-го читалась: «Хотя он при дворе возрос и поседел». Возможно, изменена по цензурным соображениям. Восстанавливается по рукописи и прежним изданиям. Перевод басни Флориана «Le courtisan et le dieu Protée» (см. примеч. 47). *Протей* (греч. миф.) — морское божество, обладавшее способностью принимать любой облик.

90. Изд. 2, ч. 3, с. 14. Перевод басни Флориана «L'aveugle et la paralytique» (см. примеч. 47).

91. Изд. 2, ч. 3, с. 16. Перевод басни Флориана «Le jeune homme et le vieillard» (см. примеч. 47).

92. Изд. 2, ч. 3, с. 28; изд. 3. Во всех изданиях, кроме 2-го и 6-го, последний стих: «Большой всегда живет на счет меньшова».

93. Изд. 2, ч. 3, с. 23, под загл. «Пчела и Мухи». Во всех изданиях до 6-го после ст. 18 было: «Я вас не называю, Но басню эту вам от сердца посвящаю». Перевод басни «L'abeille et la mouche» французского поэта Гишара (1731—1811).

94. Изд. 3, ч. 3, с. 82. Перевод басни Буасара «L'elephant et le rat» (см. примеч. 82).

95. Изд. 3, ч. 3, с. 83. Перевод басни Вилье (по указанию М. Н. Лонгинова). См. примеч. 85.

96. Изд. 5, ч. 3, с. 77. Перевод басни Флориана «L'hermine, le Castor et le Sanglier» (см. примеч. 47).

БАСНИ

Книга третья

97. Изд. 2, ч. 3, с. 45. Перевод басни Лафонтена «Le chat, la belette et le petit lapin». *Ласточка* — здесь «ласочка» (la belette — маленькое полевое хищное животное). *Дромадер* — одногорбый верблюд.

* **98.** Изд. 1, с. 113, с подзаголовком «Притча»; изд. 2; изд. 3. Подражание басне Лафонтена «L'alouette et ses petits avec le maître d'un champ». Эта басня интересна как отражение творческих взаимоотношений Дмитриева и Карамзина. Первоначальный текст (автограф — ГПБ) Дмитриев послал Карамзину, выразив в письме сомнение в точности некоторых употребленных им слов. Карамзин не только ответил на сомнения друга, но и сформулировал некоторые важные для него стилистические принципы, в которых отчетливо проявляется его антидемократизм. Карамзин писал: «*Пичужечки* не переменяй — ради бога не переменяй! (В автографе под строкой «Пичужечка опять пустилась за припасом» был иной вариант: «За свежим птичка вновь пустилася припасом», против которого и возражает Карамзин. — *Г. М.*). Твои советники могут быть хорошими в другом случае, а в этом они не правы. Имя *пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слыхал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезные идеи: *о свободе и сельской простоте*. К тону басни твоей нельзя прибрать лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следственно неволю». «То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень:* первое приятно, второе отвратительно. При первом

слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *Вот гнездо! вот пичужечка!* При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квас!* Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! Итак, любезный мой И., нельзя ли вместо *парня* употребить другое слово? (в автографе был стих: «Приходит на поле. — Ну, парень, учат нас». — *Г. М.*) Мораль в заключении кажется мне неясною. Из басни следует, что не должно надеяться на чужую помощь; к чему же сказано *не всегда в намереньях будь скор?* Разве к тому, что жаворонок не тотчас решил оставить гнездо свое? Но это очень далеко и темно. Вот мои замечания, очень и очень неважные» (ПкД, с. 39—40). Дмитриев прислушался к советам Карамзина — он оставил слово «пичужечка», убрал слово «парень», заменив его сначала «мужичком», а потом «селянином», переписал и конец, прояснив мораль, убрав неудачную фразу: «не всегда в намереньях будь скор».

99. Изд. 3, ч. 3, с. 90. Перевод басни Флориана «Le rhinocéros et le dromadaire» (см. примеч. 47).

100. Изд. 3, ч. 3, с. 91. Перевод басни Буасара «Le lynx et la taupe» (см. примеч. 82).

101. Изд. 1, с. 171, с подзаголовком «Притча».

102. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 285, с подзаголовком «Сказка» и подписью: ***; БиС; изд. 2; изд. 3. Во всех изданиях до 3-го входила в цикл «Сказки». Перевод басни Лафонтена «Les sauhaits».

103. Изд. 2, ч. 1, с. 97.

104. Изд. 3, ч. 3, с. 102. Перевод басни «Les grillons» французского поэта Ламота (1672—1731).

105. Изд. 2, ч. 3, с. 13. Ст. 1 до изд. 6 читался: «В навозе вскормленный и вызревший Осел». По указанию М. Н. Лонгинова, перевод басни Бурсо (1638—1701) — комедиографа школы Мольера и автора книги басен и сказок.

106. ВЕ, 1803, ч. 7, с. 192, подпись: ***; изд. 2; изд. 3. В ВЕ и изд. 2 к сг. «Нырну в глубь моря, там встречаема волками!» печаталось примеч.: «Иные называют их же морскими собаками». *Плиний* Старший Гай Секунд (23—79 н. э.) — видный древнеримский ученый и писатель, его «Естественная история» была сводом знаний того времени. Перевод басни Флориана «Le poisson volant» (см. примеч. 47).

107. Изд. 3, ч. 3, с. 107. Перевод басни Буасара «Le trésor» (см. примеч. 82).

* **108.** Изд. 3, ч. 3, с. 110; изд. 5. Перевод басни популярного французского баснописца Арно (1766—1834) «L'aigle et le chapon».

109. Изд. 2, ч. 1, с. 107. Басня переводилась дважды (другой перевод см. в разделе «Апологи», № 144). Перевод басни Арно «Le fer et l'aimant» (по указанию М. Н. Лонгинова). Но, возможно, этот сюжет разрабатывался другими поэтами, поскольку первое издание книги Арно «Fables er poèsies», куда входила эта басня, вышло в Париже в 1812 г.

110. Изд. 1, с. 208, в разделе «Притчи»; изд. 2; изд. 3. Перевод басни Лафонтена «Le vieillard et les trois jeunes hommes».

* **111.** Изд. 2, ч. 3, с. 43; изд. 5. Перевод басни Лафонтена «Le lion et le moucheron». Этот сюжет разработан впервые у Эзопа. У Эзопа и Лафонтена побежденный Лев не умирает и просит мира.

112. ВЕ, 1802, ч. 6, с. 213, с подзаголовком: «Перевод из Флориана» и подписью: ***; изд. 2; изд. 3. Перевод басни Флориана «Le roi et les deux bergers» (см. примеч. 47).

113. ВЕ, 1805, ч. 22, с. 115, с подзаголовком: «Подражание Лафонтену»; изд. 2. Ст. «Тогда бы ты успел красивый дом построить» печатается согласно всем изданиям до 6-го и рукописи; в изд. 6 опечатка — вместо «лостроить» — «построить». Перевод басни Лафонтена «La mort et le mourant».

АПОЛОГИ

114—169. «Апологи в четверостишиях», М., 1826. Издание было сопровождено следующим примеч., подписанным: И. Д.: «Предлагаемые здесь апологи почти все выбраны из четверостишных басен Мольво, известного французского поэта. Я не забочусь о том, признают ли их баснями или апологами. Соглашаюсь даже и сам назвать их просто *нравоучительными четверостишиями.* Желаю только, чтоб они достигли цели своей и сохранили достоинство поэзии». Мольво (1776—1844) — французский поэт. Сборник, из которого переводил Дмитриев, вышел в 1820 г. По указанию М. Н. Лонгинова, не все апологи принадлежат Мольво. Авторами некоторых он считает Беранже, Арно, Делиля и Барба. Некоторые апологи печатались раньше: *116. Изд. 2, ч. 3, с. 17, под загл. «Полевой цветок и гвоздика». Во всех изданиях печ. в цикле «Басни». Первоначальное загл. сохранялось до издания «Апологов». *117. Изд. 2, ч. 3, с. 20, под загл. «Мальчик на столе». Во всех изданиях печ. в цикле «Басни». Первоначальное загл. сохранялось до издания «Апологов». *118. Изд. 2, ч. 3, с. 20. Во всех изданиях печ. в цикле «Басни». 144. Изд. 2, ч. 1, с. 107, в цикле «Басни» (см. № 109). Апологи № 132, 135, 143, 154, 158, 159 впервые в ПЗ, 1824, подпись: ***.

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

170. СУВ, 1777, № 15, с. 117, с подписью: «Сочинил Иван Дмитриев» и замечанием редактора: «Мы сообщаем здесь еще одну Надпись, полученную нами на страстной неделе от г. Дмитриева с искренним нашим желанием хороших успехов во стихотворстве г. сочинителю сея Надписи. Она здесь следует». В собр. соч. не входило. *Кантемир* А. Д. (1708—1744) — русский поэт-сатирик, сын господаря (правителя) Молдавии, в 1711 г. переселившегося в Россию. *Буало* Николя (1636—1711) — французский поэт, автор сатир, критик и теоретик классицизма. *Британский двор политике его дивился.* А. Кантемир с 1732 г. по 1744 г. занимал пост русского дипломатического представителя сначала в Лондоне, потом в Париже.

171. «Утра», 1782, май, с. 9, без подписи. В собр. соч. не входило.

172. «Утра», 1782, май, с. 11, без подписи. В собр. соч. не входило. *Вир* — врач в Сарепте; в имении дяди поэта — Бекетова Никиты Афанасьевича — он открыл минеральный источник, из которого добывал глауберову соль.

173. «Утра», 1782, июнь, с. 24, без подписи; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 68. Ст. 1 в первой публикации: «Почто Софрона осуждают». Адресат неизвестен. Возможно, имеется в виду «Сонник, или Истолкование снов», вышедший в 1781 г.

174. ПкД, с. 6. Дмитриев отвечал на письмо Н. М. Карамзина, в котором было стихотворное обращение к другу:

Везде, везде мы видим радость,
Везде веселие одно,
Но мы, печалью отягченны,
Уныло бродим по лесам, —
В лугах утехи мы находим;
Смотря в ручей, мы слезы льем;
Слезами воду возмущаем,
Волнуем вздохами ее.

175. Изд. 2, ч. 2, с. 89. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 69.

176. МЖ, 1792, ч. 7, с. 8, с подписью: И.; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 47. В МЖ к ст. 14 примеч.: «Известно, во что Цирцея людей превращала». В изд. 1, к ст. 38 имелось примеч.: «Так называется одна из московских окрестностей». *Лары* — см. примеч. 51. *Гамадриады* (греч. миф.) — дриады, богини, покровительницы деревьев. *Цирцеи* (греч. миф.) — коварные красавицы (по имени волшебницы, владетельницы уединенного острова, куда был занесен Одиссей). Влюбившись в Одиссея, Цирцея превратила его спутников в свиней.

177. МЖ, 1791, ч. 3, с. 227, с подписью: И. В собр. соч. не входило. Перевод стих. «L'amour et l'amitié», напечатанного в сборнике «Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois» (вышедшем в 1772 г. в Амстердаме). *Оссиан* — легендарный кельтский бард, воспевший былую славу и гибель Ирландии. Легенды о нем, его отце Фингале, сыне *Оскаре* изложены в книге «Поэмы Оссиана», написанной шотландским писателем Макферсоном (1736—1796). В стихотворении пересказываются некоторые сюжетные мотивы поэм Оссиана, героями которых и являются упоминаемые лица — *Дермид, Комала, Уллин, Гармур.*

178. УЧ, 1789, 29 марта, с. 175, подпись: И. Д. В собр. соч. не входило.

179. УЧ, 1789, 5 апреля, с. 187, с подписью: И. Д. В собр. соч. не входило.

180. МЖ, 1791, ч. 3, с. 6, с подписью: И. В собр. соч. не входило.

181. МЖ, 1791, ч. 1, кн. 2, с. 148, подпись: И; изд. 1; изд. 2; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 6. *Церера* (римск. миф.) — см. примеч. 51.

182. МЖ, 1791, ч. 1, кн. 3, с. 274, под загл. «Письмо к Прелесте» и подписью: И; изд. 1, под загл. «К Прелесте»; изд. 2; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 80. *Книд* — колония лакедемонян на мысе Херсонес. Славится скульптурой Венеры Книдской, работы Праксителя. *Цитера* — см. примеч. 5. *Парки* (римск. миф.) — богини судьбы. *Овидий* Назон (43 до н. э. — 18 н. э.) — римский поэт, в творчестве которого любовная тема была главной («Любовные стихотворения», «Наука любви», «Лекарства от любви»). *Мнемозина* (греч. миф.) — богиня памяти, мать девяти муз. *Глицерия* — возлюбленная Горация, героиня многих его стихов. *Корина* — героиня «Любовных стихотворений» Овидия, по имени древнегреческой поэтессы (ок. 500 г. до н. э.).

183. МЖ, 1791, ч. 1, кн. 3, с. 280, подпись: И. В собр. соч. не входило.

184. МЖ, 1791, ч. 1, кн. 3, с. 280, подпись: И. В собр. соч. не входило.

185. МЖ, 1791, ч. 1, кн. 3, с. 28, подпись: И. В. собр. соч. не входило. Иоанн *Мазон* (Масон) — виднейший теоретик масонства. Его сочинение «О познании самого себя» было сводом масонского вероучения. Книга была популярна в кругах русских масонов (Херасков, Иван Тургенев, Алексей Кутузов и др.). Перевел ее на русский язык И. Тургенев. Проповедуя «самопознание», И. Масон доказывал греховность человека, из чего следовал вывод о необходимости смирения и покорности человека на земле, ибо только «смиренная гордыня» обеспечит ему после смерти право «на вку-

шение блаженства». Унижая человека, И. Масон требовал, чтобы он «повиновался богу яко послушный раб». Против главных догматов сочинения И. Масона выступал Н. Новиков.

186. МЖ, 1791, ч. 2, кн. 1, с. 11, подпись: И. В собр. соч. не входило. *Антология* — сборник избранных стихотворений древних (греческих и римских) поэтов. Первый сборник появился в XV в. Дмитриев перевел стихотворение из сборника «Nouvelle antologie française», Paris, 1769. *Фидий* (умер ок. 432—431 до н. э.) — величайший древнегреческий скульптор. Его скульптуры не сохранились, но о них известно по копиям и описаниям древних авторов.

187. МЖ, 1791, ч. 2, кн. 2, с. 110, под загл. «Плач супруги», без подписи. Печ. по изд. 1, с. 246. В другие собр. соч. не входило. В МЖ печаталось как песня: строфа 1 использовалась как припев и повторялась после каждого четверостишия.

188. МЖ, 1791, ч. 3, кн. 1, с. 12, подпись: И. В собр. соч. не входило.

189. МЖ, 1791, ч. 4, кн. 1, с. 13, под загл. «Эпитафия» и с подписью: И; изд. 1. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 69.

190. МЖ, 1791, ч. 4, кн. 2, с. 127, подпись: И; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 68. По указанию М. Н. Лонгинова, перевод из «François de Neufchateau».

191. МЖ, 1791, ч. 4, кн. 2, с. 122, подпись: И. В собр. соч. не входило.

192. МЖ, 1791, ч. 2, с. 220, подпись: И. В собр. соч. не входило.

193. МЖ, 1791, ч. 3, с. 133, под загл. «Надпись к портрету Ефрема-живописца» и с подписью: И; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 55. Во всех прижизненных изданиях печаталась без заглавия в разделе «Надписи к портретам».

194. МЖ, 1791, ч. 4, кн. 2, с. 128, подпись: И. В собр. соч. не входило.

* **195.** МЖ, 1792, ч. 5, кн. 2, с. 170, под загл. «Песнь на кончину князя Потемкина Таврического», подпись: И; изд. 1, под загл.: «Песнь на кончину светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического»; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 20. Примеч. к ст. 49 «И лиру испещрял цветами» появилось в изд. 1: «Князь Потемкин не только что любил литературу, но и сам упражнялся в оной. Он под стенами Очакова перевел первый том церковной истории Аббата Флери и написал несколько шутливых стихотворений». Начиная с изд. 2 до изд. 5 это примеч. читалось: «Кн. Потемкин под стенами Очакова писал, сказывают, стихи и переводил Церковную Историю Аббата Флери». *Потемкин* Григорий Александрович (1736—1791) — видный государственный деятель и

полководец России, умер от малярии 5 октября в степи, недалеко от Ясс. Во время русско-турецкой войны 1789—1791 годов был главнокомандующим русской армии, но распоряжения его были неудачны, и он только мешал успешным действиям Суворова и Репнина. Смерть оборвала начатые им мирные переговоры. *Давно ль Херсон, тобой украшен.* С целью укрепления южных границ и создания опорных пунктов армии по предложению Потемкина были созданы города Херсон, Николаев и Севастополь.

* **196.** МЖ, 1792, ч. 5, кн. 3, с. 295, под загл. «Отставной вахмистр. Баллада» и с подписью: И; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 50. В основу стихотворения положена реальная история, случившаяся в Сызранском уезде, в деревне Ивашевке, о которой знал поэт. М. А. Дмитриев в своих мемуарах писал: «Описанный в «Карикатуре» вахмистр Шешминского полку — Прохор Николаевич Патрикеев. Он в молодых летах женился, будучи еще недорослем (так назывались дворяне, не бывшие еще на службе), потом, оставя жену в деревне, отправился в полк. Это было еще до Петра Третьего, когда чины шли туго и отставок не было; почты тоже не было, а потому он, как человек небогатый, вероятно, не имел никаких средств получать известия о своем семействе. Наконец, дослужившись до вахмистров в царствование Екатерины и в пожилых уже летах, он вышел в отставку и воротился верхом на своем боевом коне в свою Ивашевку... Жену его звали Аграфена Семеновна. Но жены он не нашел уже. Она была судима в притоносодержательстве и, вероятно, сослана... У меня есть картина, написанная пером самим Дмитриевым в его молодости: она изображает Патрикеева, подъезжающего на старом рыжаке к селу Ивашевке. Там не забыт и тощий кот, мяукающий на кровле» (М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 124—125).

197. «Москвитянин», 1855, т. 5, № 17-18, с. 16.

198. МЖ, 1792, ч. 5, кн. 1, с. 10, подпись: И. В собр. соч. не входило. Из Проперция (вторая книга элегий, элегия 27). *Проперций* Секст (49 — после 15 до н. э.) — древнеримский поэт. Любовь у Проперция — средоточие жизни, источник поэзии. *Борей* — бог северного ветра. *Харон* — перевозчик теней умерших через реку забвения Стикс.

199. МЖ, 1792, ч. 5, кн. 2, с. 175, подпись: И. В собр. соч. не входило. *Аониды* (греч. миф.) — одно из названий муз.

200. МЖ, 1792, ч. 6, кн. 1, с. 10, под загл. «О слабость!», подпись: И; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 70. В изд. 1 не входило.

201. МЖ, 1792, ч. 6, кн. 2, с. 120, подпись: И. Печ. по изд. 1, с. 89. В изд. 2—6 не входило.

202. МЖ, 1792, ч. 7, кн. 2, с. 119, подпись: И. В собр. соч. не входило. Об адресате пародии см. вступит. статью, с. 44—45. *Голёмый* — великий.

203. МЖ, 1792, ч. 8, декабрь, с. 197, подпись: И. В собр. соч. не входило. *Анакреон* (VI в. до н. э.) — древнегреческий лирик.

* **204.** МЖ, 1792, ч. 8, декабрь, с. 199, под загл. «К младенцу (Подражание)», подпись: И; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 87. Посвящено сыну приятельницы Дмитриева А. Г. Севериной — Дмитрию Петровичу Северину (1791—1865).

205. МЖ, 1792, ч. 8, декабрь, с. 210, под загл. «Песня» и с подписью: И. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 20. В изд. 1—5 печаталась без названия в цикле «Песни», в КП — в разделе «Песни нежные».

206. МЖ, 1792, ч. 8, декабрь, с. 209, подпись: И; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 34. В КП — в цикле «Песни нежные».

207. МЖ, 1792, ч. 8, декабрь, с. 195, подпись: И. Печ. по изд. 1, с. 124. В последующие издания не входило.

* **208.** МЖ, 1792, ч. 5, кн. 3, с. 293, подпись: И.; изд. 1. Печ. по изд. 1, с. 252. В последующие собр. соч. не входило. *Оттоманская Порта* — Турция. Русско-турецкая война, начавшаяся в 1787 г., кончилась победой России и заключением осенью 1791 г. Ясского мирного договора. Договор подтвердил присоединение Крыма к России и установил русско-турецкую границу по Днестру. Тем самым все Северное Причерноморье было закреплено за Россией. Россия превратилась в великую черноморскую державу.

209. Изд. 1, с. 243; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 69. В изд. 1 вместо имени «Бардус» читалось «Клюквин». Эпиграмма направлена против Клушина Александра Ивановича (1763—1804) — писателя, сотрудника Крылова, соиздателя «Зрителя» и «Санкт-Петербургского Меркурия». Клушин нападал на Карамзина, защищал «правила» классицизма, поддерживал Николева, против которого выступал Дмитриев. Дмитриев высмеивает длинную эпигонскую оду Клушина «Человек», напечатанную в «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793, апрель). *Нгвтон* — Ньютон Исаак (1643—1727) — великий английский физик, математик и астроном. Упоминание Ньютона иронично. Поводом к этому были стихи Клушина, в которых наивно и беспомощно говорится об открытии человеком «течения планет».

* **210.** Изд. 1, с. 131, под загл. «Разлука»; КП; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 18. В КП в цикле «Песни нежные».

211. Изд. 1, с. 172. В последующие собр. соч. не входило. *Эрмий* — Гермес (греч. миф.) — считался покровителем вестников и путников.

212. ПиП, 1794, ч. 1, с. 314, вместе с песней «Коль надежду истребила. . .», под общ. загл. «Две песни», подпись: ъ; изд. 1. Печ. по КП, с. 56. В другие собр. соч. не входило.

213. ПиП, 1794, ч. 1, с. 315, подпись: — ъ. Изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 10. В КП входило в цикл «Песни нежные».

214. ПиП, 1794, ч. 1, с. 200, подпись: —въ. В собр. соч. не входило.

215. ПиП, 1794, ч. 1, с. 306, подпись: ъ. В собр. соч. не входило.

216. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 231, подпись: ***. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 115. До изд. 3 в заглавии печатались инициалы: Н. А. Б. Бекетов Никита Афанасьевич (1729—1794) — дядя поэта. В юности был фаворитом императрицы Елизаветы. Потом был назначен астраханским губернатором. Умер у себя в имении в Саратовской губернии.

217. Изд. 1, с. 50. В последующие собр. соч. не входило. *На победу... одержанную над польскими войсками.* Суворов командовал русской армией, которая 10 октября 1794 г. нанесла решающее поражение повстанцам, был ранен и пленен руководитель восстания Костюшко. *Не твоего ль, Израиль, сына.* Имеется в виду легендарный вождь еврейского народа Иисус *Навин,* которому, согласно Библии, бог помогал творить чудеса во время войн израильтян со своими врагами. *Сынов Моссоховых громил* — здесь поляков. *Притек, узрел и победил* (пришел, увидел, победил) — слова Цезаря из его знаменитого донесения после победы при Зеле (47 до н. э.).

218. Изд. 1, с. 86. В последующие собр. соч. не входило. Варшава была взята в первых числах ноября 1794 г. *Филарет* (Федор Никитич Романов, 50-е годы XVI в. — 1633) — патриарх московский и всея Руси. В 1610 г. во время пребывания в составе русского посольства в Польше был оставлен в качестве заложника. Освобожден из плена только в 1613 г. В 1613 г. на русский престол был возведен его сын Михаил Федорович — первый царь династии Романовых. *Шуйский* Василий Иоаннович (1522—1612) — русский царь с 1606 по 1610 г.; после низложения и занятия Москвы поляками отвезен в Варшаву, где и умер. Его прах перевезен в Москву при Михаиле Федоровиче.

219. ВиС, 1845, кн. 1, с. 52. М. А. Дмитриев опубликовал иной вариант эпиграммы:

А я, хоть и не ум, а тож скажу два слова:
Коль будет разум наш во образе Шатрова,
Избави боже нас от разума такова!

(М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 227). Когда в 1794 г. Карамзин издал сборник своих произведений «Мои безделки», поэт-классицист, в то время близкий к Николеву, а позже соратник адмирала Шишкова *Шатров* Николай Михайлович (1765—1841) написал эпиграмму:

Собрав свои творенья мелки,
Русак немецкой написал:
«Мои безделки».

А ум, увидя их, сказал:
«Ни слова! Диво!
Лишь надпись справедлива!»

Дмитриев, до того высмеивавший Николева (см. «Гимн восторгу»), написал эпиграмму на Шатрова.

220. Изд. 1, с. 52. В последующие собр. соч. не входило. *Так брату сын Сатурнов рек.* Сын Сатурна — Юпитер, свергнувший своего отца. Брат Юпитера — Плутон, бог подземного царства, властитель теней умерших. Век Сатурна считался «золотым», век Юпитера — «железным», концом всеобщего процветания и благополучия. *Пиериды* — одно из названий муз.

221. Изд. 1, с. 164, под загл. «Похвала араку»; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 16. В КП в цикле песен «Застольные». *Арак* — крепкий спиртной напиток.

222. Изд. 1, с. 233. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 24. В КП входило в цикл «Песни нежные».

223. Изд. 1, с. 206, под загл. «К юности», в изд. 2 под загл. «Совет». Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 17.

224. ПиП, 1795, ч. 6, с. 9, под общ. загл. «Две песни», подпись: ъ; КП; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 15. В изд. 1, 2 не входило. В ПиП следующее примеч. (с подписью: П): «Мы не почитаем за нужное объявлять, кто писал сию песню. Читатели и без нас это отгадают. Скажем только, что скоро сочинения его выйдут вместе под названием „И мои безделки"».

225. Изд. 1, с. 42. В последующие собр. соч. не входило. *Геслер* Иоганн Вильгельм (1747—1822) — немецкий композитор, органист и пианист; в Петербурге с 1792 г., в 1794 г. переехал в Москву.

226. Изд. 1, с. 220. В последующие собр. соч. не входило. Обращено к Севериной Анне Григорьевне, супруге сослуживца Дмитриева (см. примеч. 20).

227. Изд. 1, с. 195. В последующие собр. соч. не входило. *Летел в ладье и грозным гласом... вещал: «Давай, грек, дань!».* Летописцы сохранили рассказ о походе князя Олега в 907 г. в Царьград (Константинополь), в результате которого испуганные греки обязались заплатить дань.

228. Изд. 1, с. 47, под загл. «Ода к П. П. Б.». В последующие собр. соч. не входило. *Бекетов* Платон Петрович (1761—1831) — двоюродный брат Дмитриева, с которым он учился в Сызрани, а потом служил в гвардии. Позже один из просвещенных издателей, имел в Москве свою типографию и книжную лавку. *Аполлоновы стрелы производили смертоносную язву в греческом стане.* В «Илиаде» рассказывается, что Ахиллес, яростно сражавшийся с тро-

янцами, уже приближал победу, но был убит стрелой Париса, направленной рукой Аполлона в пятку — единственное уязвимое место героя.

229. Изд. 1, с. 162. В последующие собр. соч. не входило.

230. Изд. 1, с. 168. В последующие собр. соч. не входило. *Нелединский-Мелецкий* Юрий Александрович (1752—1828) — поэт-сентименталист, как и Дмитриев, писал песни. Некоторые из них — «Выйду ль я на реченьку. . .», «Ох, тошно мне. . .» — получили широкое распространение и дожили до наших дней.

231. Изд. 1, с. 7, под загл. «Стихи к бронзовой статуе графа Румянцева, воздвигнутой графом Завадовским на его даче»; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 13. *Румянцев-Задунайский* П. А. — см. примеч. 17. *Завадовский* Петр Васильевич (1739—1812) — государственный деятель, служил при штабе П. А. Румянцева-Задунайского во время войны с Турцией (1768—1774), участвовал в сражениях при Ларге и Кагуле (1770). В 1775 г. был фаворитом Екатерины II, что обеспечило его дальнейшую карьеру.

232. Изд. 1, с. 245. В последующие собр. соч. не входило.

233. Изд. 1, с. 244. В последующие собр. соч. не входило.

234. Изд. 1, с. 245. В последующие собр. соч. не входило.

235. Изд. 1, с. 243; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 68.

236. Изд. 1, с. 199, под загл. «Эпитафия младенцу»; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 117. Начиная с изд. 2 печ. без заглавия в разделе «Надгробия». В изд. 1 ст. 1—2:

Коль дружество, сии начертывая строки,
Над хладным мрамором струило слез потоки.

237. Изд. 1, с. 242. В последующие прижизненные собр. соч. не входило. *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ-материалист, автор получившего известность сочинения «Опыт о человеческом разуме». *Боннет* (Боннэ) Шарль (1720—1793) — французский естествоиспытатель и философ.

238. Изд. 1, с. 200. В последующие собр. соч. не входило.

239. ПиП, 1795, ч. 6, с. 148; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 9.

240. ПиП, 1795, ч. 6, с. 322, подпись: — —ъ. В собр. соч. не входило.

241. ПиП, 1795, ч. 6, с. 317, подпись: — —ъ. В собр. соч. не входило.

242. ПиП, 1795, ч. 6, с. 146, под загл. «Стихи на присоединение польских провинций и Курляндского герцогства к Российской империи». Печ. по изд. 1, с. 192. В последующие издания не входило. В ПиП имело следующее примеч. к заглавию: «Многие под всякою безделкою ставят свое имя. Здесь нет его; но редкость подобных поэтов без труда откроет почтенного сочинителя». Примеч. было подписано: П. В 1795 г. состоялся третий и последний раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией. К России отошли последние территории, населенные латышами, и тем самым было завершено объединение всех населенных латышами территорий под властью России. *И царства вдруг не стало.* По этому разделу исконные польские земли отошли к Пруссии и Австрии и Польша как самостоятельное государство перестала существовать. *Энкелады* (греч. миф.) — гиганты, сражавшиеся с богами. Были завалены горой Этной, под которой метались, пытаясь вырваться.

243. ПиП, 1795, ч. 8, с. 18. В собр. соч. не входило. В ПиП были опубликованы под рубрикой «Притчи» две басни — «Обезьяна» и «Орел, Кит, Уж и Устрица». Подпись: ъ — под второй басней. М. Н. Лонгинов и А. Н. Неустроев справедливо считают, что басня принадлежит Дмитриеву.

244. ПиП, 1795, ч. 8, с. 113, подпись: —ъ. В собр. соч. не входило. *Персть* — земной прах.

245. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 182, под загл. «Надпись к памятнику именитого гражданина Шелехова» и подписью: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 113. В «Аонидах» ст. 3—4:

Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и богу покорил.

Примеч. печ. с изд. 2. *Шелехов* Григорий Иванович (1747—1795) — знаменитый русский мореход и исследователь Сибири. В 1784 г. Шелехов из Охотска на трех кораблях достиг берегов Северной Америки. На острове Кодьяк была, по ходатайству Шелехова, создана русская переселенческая колония.

246. «Муза», 1796, ч. 2, с. 28, подпись: — —ъ. В собр. соч. не входило.

247. «Муза», 1796, ч. 2, с. 140, подпись: — —ъ. В собр. соч. не входило.

248. «Муза», 1796, ч. 2, с. 141, подпись: —ъ. В собр. соч. не входило.

249. «Муза», 1796, ч. 3, с. 7, подпись: — —ъ. В собр. соч. не входило.

250. «Муза», 1796, ч. 4, с. 7, подпись: — —ъ. В собр. соч. не входило. *Катон* Младший — см. примеч. 19.

251. КП, с. 125. В собр. соч. не входило. М. Н. Лонгинов напечатал песню в РА как неизданную, по неизвестному нам списку, текст которого во многом не совпадает с КП. Строфы 2 и 5 КП в РА отсутствуют. В РА после строфы 4 печ. следующие две строфы:

Полковник в двадцать лет
Подпорой нашей славы;
А ротмистр — дряхл и сед!
О времена! О нравы!

Судьи кривят иль спят;
На злобу нет управы;
Друг друга все едят!
О времена! О нравы!

252. КП, с. 124, в разделе «Песни сатирические». В 1855 г. в «Москвитянине» (№ 17-18) эта песня напечатана вместе со стих. «Прелестна Грация, служащая Венере...» под общим заглавием «Два неизданные стихотворения И. И. Дмитриева», с примеч.: «Редактор благодарит М. Н. Лонгинова за сообщение этих шуточных стихотворений». А. А. Флоридов и А. Я. Кучеров повторяют ошибку М. Н. Лонгинова, не знавшего, что сатирическая песня была опубликована самим поэтом в КП, и произвольно датируют ее 1798 г. Текст М. Н. Лонгинова отличался от текста КП: у Дмитриева песня без заглавия, в ней 3 строфы по 8 ст. в каждой. М. Н. Лонгинов опубликовал текст под заглавием «Пародия песни „Я птичкой быть желаю"», в составе 7 строф по 4 ст. После ст. 4 была строфа, отсутствующая в КП:

Я б зависти не ведал
К богатству и чинам,
Готовое б обедал,
Себе не стряпав сам.

В одном бы теплом фраке. В тексте, опубликованном М. Н. Лонгиновым, было примечание: «В шерсти то есть».

253. Отд. изд., Московская Университетская типография у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, без указания года. В собр. соч. не входило. «Стихи» Дмитриев послал Карамзину, который, одобрив опыт сочинения «не оды», высказал ряд замечаний: «Стихи твои очень хороши: ода или нет, все одно. Вот мои бездельные примечания: Строфа 1. — «Он *памятник* России строил». Какой памятник? Неясная мысль (Дмитриев изменил одно слово, но прежний смысл сохранил — «Он зиждил памятник России». — *Г. М.*). 2-я строфа очень хороша. Строфа 3 — вместо *тропой* не лучше ли *стезей?* Вместо *опущают* — *опускают.* Строфа 4 — *во́зьмет* не хорошо по ударению. Строфа 5 отменно хороша. В следующих картина изобилия, успехов наук — все очень хорошо. «Смири свою ты *наглость,* время!» мне не нравится. «И славный — щастлив стал народ» — прекрасно. В последней строфе два последние стиха сла-

бы; что-нибудь и как-нибудь, да посильнее, мой любезнейший поэт! Конец важен во всякой пиесе; это венец, купол здания. Вообще я очень доволен твоею, как ты говоришь, *не одою;* план, стройность, язык поэзии! — Кажи, печатай! Пусть читают знатоки и незнатоки!» (ПкД, с. 73). *Павел I* (1754—1801) — русский император. *Екатерина* Алексеевна (1729—1796) — русская императрица, мать Павла. *Ты Иоаннов двух потомок.* Имеются в виду Иоанн Алексеевич (1666—1696) — русский царь, номинально вместе со своим братом Петром (будущим императором) правивший Россией, фактически исполнявший волю своей сестры царевны Софьи, и Иоанн VI Антонович (1740—1764) — номинальный русский император (1740—1741), который был свергнут с престола Елизаветой и заточен в крепость. При попытке поручика Мировича освободить его с целью провозглашения императором был убит стражей, согласно инструкции, данной Екатериной II. Павел был правнуком Петра I и, следовательно, был родичем и потомком двух Иоаннов. Соотнесение Павла с Иоаннами имело политический смысл: у них была общая судьба — их законную власть узурпировали: первого — Екатерина; двух вторых — Петр и Елизавета. *Ты сын владевшия полсветом* — Екатерины II. *Подвиг предстоит важнейший низложенья Трои.* Имеется в виду знаменитая Троянская война начала 12 в. до н. э., в ходе которой древние греки после девятилетней осады захватили и разрушили Трою. Дмитриев выражает надежду, что Павел прославит свое царствование не войнами, а «подвигом важнейшим» — усовершенствованием законодательства. *Гидра Лернейская* — мифологическое многоголовое чудовище, обитавшее в Лернейском болоте. Вместо каждой отрубленной головы у нее вырастали две новые. Победил гидру Геракл. *Лев Немейский* — мифологическое страшилище, наводившее ужас на людей, убитый Гераклом. *Левиафан* — по библейским преданиям, морское чудовище. *Язон* — мифологический герой, предводитель похода аргонавтов, добывший золотое руно из Колхиды. *Урания* (греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница наук.

254. РА, 1863, № 1, с. 111. Печ. по РА, 1863, № 12, с. 959. Первоначально стихотворение было напечатано с ошибками. М. Дмитриев, публикуя его в РА, писал: «Во втором выпуске «Русского Архива» (с. 111) напечатаны стихи под названием «Блаженство». Они принадлежали моему дяде И. И. Дмитриеву, но напечатаны с ошибками и с пропуском двух куплетов. Прилагаю их при сем, списанные в точности с оригинала». Стихотворение написано в пору, когда Дмитриев вел тяжбу с мужем своей двоюродной сестры — богачом и придворным В. А. Всеволожским о наследстве после Н. А. Бекетова, дяди поэта, умершего в 1794 г. *Безбородко* Александр Андреевич (1747—1799) — государственный деятель, выдающийся дипломат, влиятельный при дворе вельможа. Покровительствовал артистам, был в дружеских отношениях с Державиным и Н. Львовым. Видимо, используя связи с Державиным, Дмитриев обращался в своем деле за помощью к Безбородко. *Келлер* — известный петербургский ростовщик.

255. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 47, подпись: ***. В собр. соч. не входило. *Лампи* Иоганн Баптист (1751—1830) — австрийский живо-

писец, с 1791 по 1797 г. работал в Петербурге, писал портреты придворных и знати. *Беллона* (римск. миф) — богиня войны.

256. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 54, подпись: ***. Печ. по изд. 5. ч. 2, с. 59. *Кенотафия* (греч. миф.) — надгробный памятник с подписью.

257. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 91, подпись: ***. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 62.

258. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 91, подпись: ***; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 62.

259. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 92, подпись: ***. В собр. соч. не входило.

260. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 93, подпись: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 69. В «Аонидах» ст. 1: «Хорош бы Хватов был. . .».

261. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 197, под загл. «Надпись к Венериной статуе. Из Антологии», подпись: ***; изд. 2; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 64. *Парис* — сын Приама и Гекубы. Был судьей в споре трех богинь за обладание яблоком, предназначенным самой красивой; решил спор в пользу Афродиты (Венеры). *Марс* — бог войны, возлюбленный Венеры. *Адонис* — сын кипрского царя, равный по красоте бессмертным богам, возлюбленный Венеры, не отвечавший ей взаимностью. *Пракситель* (середина IV в. до н. э.) — великий древнегреческий скульптор. Одна из лучших его работ — статуя Афродиты (Венеры). Богиня изображена обнаженной.

262. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 197, подпись: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 65. *Леандр* — легендарный герой, возлюбленный Геро — жрицы Афродиты. Они жили на противоположных берегах Геллеспонта (Дарданелл). Каждую ночь Геро зажигала на своей башне огонь, и Леандр переплывал пролив для того, чтобы прийти к ней. Однажды в бурную ночь свет, зажженный Геро, погас, и Леандр утонул. Наутро Геро, увидев его тело, прибитое волнами к берегу, сама бросилась в море.

263. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 216, под загл. «Надгробие», подпись: ***. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 56.

264. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 241, подпись: ***. Печ. по изд. 2, ч. 2, с. 83. В собр. соч. не входило. *Петрарка* Франческо (1304—1374) — великий итальянский поэт эпохи Возрождения. Наибольшую известность получила его книга лирических стихов «Книга песен», в которой была раскрыта история его любви к реальной женщине Лауре (французская транскрипция — Лора). Чувство к Лауре поэт сохранил и после ее смерти в 1348 г.

265. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 243, под загл. «Надпись к портрету его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова»,

подпись: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 112. *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы, влиятельный вельможа, покровитель Ломоносова, поддержал его план открытия в Москве первого русского университета (1755), содействовал открытию Академии художеств (1757), в течение всей жизни оказывал поддержку литераторам (Державину, Кострову и др.), крестьянину-самоучке Свешникову.

266. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 48, подпись: ***. В собр. соч. не входило. *Палеса* — см. примеч. № 51.

267. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 286, подпись: **. В собр. соч. не входило.

268. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 214, подпись: —въ. В собр. соч. не входило.

269. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 217, подпись: —въ. В собр. соч. не входило.

270. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 36, подпись: Д—въ. В собр. соч. не входило.

271. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 114, под загл. «Стихи на игру Дица», подпись: **. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 60. В «Аонидах» было примеч. к последнему стиху: «Сей превосходный музыкант, к удивлению всех, вдруг перестал говорить и уже близ года наблюдает глубокое безмолвие, не переставая при том восхищать по-прежнему игрой своей». *Диц* — см. примеч. 65.

272. РА, 1867, № 5-6, с. 982. Первый полет воздушного шара конструкции братьев Монгольфье состоялся в Париже в ноябре 1783 г. Первая публичная демонстрация воздушного шара в Петербурге состоялась в том же ноябре 1783 г. С тех пор интерес к воздухоплаванию нарастал; одним из опытов, неудачных, был запуск в 1798 г. *Стефанием* трех шаров в Москве. Это дало повод для политической эпиграммы Дмитриева о лопнувшей, как воздушный шар, карьере трех екатерининских временщиков, находившихся в опале при императоре Павле I, — *Куракина* Александра Борисовича (1752—1818), князя, воспитывавшегося с Павлом. Во время его царствования то приближался ко двору, то отдалялся — дважды назначался вице-канцлером и уходил в отставку; *Зубова* Платона Александровича (1761—1822) — фаворита Екатерины, высланного в январе 1797 г. за границу; *Орлова* Алексея Григорьевича (1737—1808) — брата фаворита Екатерины II Григория Орлова, главного организатора переворота, приведшего к власти Екатерину II, убившего Петра III и высланного Павлом за границу.

273. Изд. 3, ч. 2, с. 70. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 66. У А. А. Флоридова первоизданием ошибочно названо изд. 2, в котором надпись не печаталась. Перевод надписи Гишара: «Inscription pour un Amour prêt à lancer une flèche» (см. примеч. 93).

274. Изд. 2, ч. 3, с. 69. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 66. *Сын Лады.* Лада или Ладо, по русской мифологии, — «славная богиня Киевская, подобающая во всем Венере. Славяне признавали ее богинею браков и веселия любовного». Ее сыном был Лель — бог любви и супружества (М. Попов, Описание древнего славянского языческого баснословия, СПб., 1768, с. 19).

275. РА, 1867, № 5-6, с. 988. М. Н. Лонгинов, посылая в редакцию РА «Неизвестные шуточные стихотворения И. И. Дмитриева», писал: «Эта шутка писана еще в девяностых годах. В доме Дмитрия Ивановича Киселева (1761—1820) много играли в карты, до которых Карамзин был тогда большой охотник». *Шольё* Гильом (1639—1720) — французский поэт-эпикуреец, писавший в духе Анакреона. Его ценили во Франции Вольтер и Парни, в России — Карамзин, Батюшков, Пушкин. *Юм* Давид (1711—1776) — английский философ, субъективный идеалист, отрицавший материальную основу вещей. Юм утверждал, что в человеческом сознании есть лишь поток психических восприятий и потому задача науки сводится к описанию этого потока. *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, считавший мир идей первичным, а мир чувственных вещей — вторичным и производным.

276. РА, 1863, № 12, с. 894. *Орозман* — герой трагедии Вольтера «Заира», ревнивый султан.

277. РА, 1863, № 12, с. 895.

278. Изд. 2, ч. 2, с. 116; изд. 4. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 114. *Нестор* (1056 — ок. 1114) — монах-летописец Киево-Печерской лавры, предполагаемый автор «Повести временных лет». Написано, видимо, в связи с подготовкой Карамзиным и П. Бекетовым «Пантеона российских авторов» — собрания портретов некоторых русских писателей, «нотицы» (подписи) к которым делал Карамзин. О своей работе он сообщал Дмитриеву. «Пантеон» вышел в начале 1802 г., но печатался в типографии П. Бекетова в 1801 г.

279. РА, 1867, № 5-6, с. 986. По поводу коронации Александра I было написано множество холодно-риторических эпигонских од. Это дало повод к язвительным стихам Дмитриева, в которых он не пощадил и своего друга Карамзина, тоже написавшего длинную традиционно-торжественную оду и попавшего за то в один ряд с эпигонами — Хвостовым, Шатровым и др. *Лебрен* Экушар (1729—1807) — французский поэт, обновивший старую классицистическую оду и создавший на ее основе лирическое стихотворение гражданско-патриотического характера. Этим Лебрен был близок Дмитриеву, отсюда и противопоставление его всем поэтам «московского Парнаса». Включение себя в список поэтов показывает, что Дмитриев был недоволен и своей «Песнью на день коронации его императорского величества... Александра I».

280. ВЕ, 1803, ч. 7, с. 46, под загл. «Супружеская молитва», подпись: — ъ; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 79.

281. ВЕ, 1803, ч. 8, с. 140, подпись: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 72.

282. Изд. 2, ч. 1, с. 73. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 112. А. В. Суворов за победы в Италии над французской армией в 1799 г. награжден титулом князя Италийского. *Едини царства им не стало.* В 1794 г. Суворовым было нанесено решительное поражение польским войскам, в итоге которого в 1795 г. произошел третий раздел Польши, приведший к уничтожению Польши как самостоятельного государства. *А трем корона отдана.* Во время войны с Францией на итальянской территории Суворов отвоевал три области, раньше подвластные монархам, которые и были им возвращены.

283. Изд. 2, ч. 1, с. 73. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 113. О Суворове см. примеч. 282. *Агаряне* — турки. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. Суворов одержал блистательные победы. *Сарматы* — поляки. Суворов участвовал в русско-польской войне 1768—1772 и 1794 гг. *Защитник Австрии, Италии спаситель.* Победы Суворова, одержанные над Турцией и Францией (в 1799 г.), были спасительными для Австрии и Италии.

284. Изд. 2, ч. 2, с. 103. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 55.

285. Изд. 2, ч. 2, с. 99. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 75.

286. Изд. 2, ч. 2, с. 106. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 37.

287. Изд. 2, ч. 2, с. 115. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 95. Обращено к дочери приятельницы поэта А. Г. Севериной (см. примеч. 20) — Марии Петровне. *Пермесский ток* — см. примеч. 58 и 65.

288. Изд. 2, ч. 2, с. 63; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 84. *Северина* А. Г. — см. примеч. 20.

289. Изд 2, ч. 2, с. 85. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 61.

290. Изд. 2, ч. 2, с. 103. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 55.

291. Изд. 2, ч. 2, с. 104. В последующие собр. соч. не входило.

292. Изд. 2, ч. 2, с. 61; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 8.

293. Изд. 2, ч. 2, с. 75. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 21.

294. Изд. 2, ч. 2, с. 70. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 12. *Леда* (греч. *миф.)* — спартанская царевна, возлюбленная Зевса, являвшегося ей в виде лебедя.

295. Изд. 2, ч. 2, с. 101. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 69. Перевод эпиграммы французского поэта Лебрена (1729—1807) «Dialogue entre un pouvre poète et l'auteur».

296. Изд. 2, ч. 2, с. 102. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 69.

297. Изд. 2, ч. 2, с. 131. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 97.

298—299. ВЕ, 1803, ч. 8, с. 139, под общ. загл. «Эпитафии поэту Богдановичу. (NB. Из присланных осьми сообщаем четыре)», подпись: ***. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 118. Начиная с изд. 2 входило в цикл «Надгробия». Написано по поводу смерти Богдановича Ипполита Федоровича (см. примеч. 41), автора популярной поэмы «Душенька».

300. РА, 1867, № 5-6, с. 984. *Богданович* И. Ф. — см. примеч. 41. *Послала смерть Петру.* Речь идет о Богдановиче Петре Ивановиче (даты рождения и смерти неизвестны, но есть данные, что он жил еще в 1810 г.) — писателе, переводчике научно-популярных сочинений, издателе, в 1796 г. высланном из Петербурга в Полтаву; в 1810 г. ему было разрешено выезжать из Полтавы, но без права приезжать в столицу.

301. РА, 1867, № 5-6, с. 985. Среди эпитафий Богдановичу, напечатанных в ВЕ в 1803 г., была и эпитафия П. Шаликова, послужившая предметом пародии Дмитриева:

Любовь у Душеньки в плену любви была,
А Душеньку душа его произвела.
Что ж был он для сердец? — пусть сердце отвечает
Тому, кто истинным талантам цену знает.

302. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 46, под загл. «Эпитафия эпитафиям, сочиненная одним из авторов эпитафий», подпись: ***. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 58. О поводе написания этой «эпитафии эпитафиям» рассказал М. А. Дмитриев: «По смерти Богдановича Карамзин, написавший столь прекрасный разбор «Душеньки», предложил в ВЕ (1803, ч. 7, февраль, № 2, с. 226) русским авторам в виде конкурса написать эпитафию Богдановичу. Эпитафии посылались в ВЕ. Были хорошие, были и посредственные, были и очень фигурные. Почти во всех упоминался Амур и Душенька. Чтобы положить конец этому конкурсу, Ив. Ив. Дмитриев напечатал в «Вестнике» эпиграмму, под названием «Эпитафия эпитафиям», после которой они и прекратились» («Мелочи из запаса моей памяти», М., 1869, с. 22).

303. ВЕ, 1803, ч. 8, с. 227, подпись: *** Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 77.

304. Издано отдельной книжкой в Москве в 1808 г. тиражом 50 экземпляров, предназначенных для друзей Дмитриева и В. Л. Пушкина. Ни в одно прижизненное издание стихотворений Дмитриева не входило; стало библиографической редкостью. «Путешествие» перепечатали М. Н. Лонгинов («Современник», 1856, № 58, с. 141) и Б. Садовский как приложение к изданному им «Опасному соседу» В. Л. Пушкина (М., 1918). Печ. по отд. изд. Темой сатиры явилось предполагаемое путешествие приятеля поэта

Василия Львовича Пушкина (1770—1830) — поэта и переводчика, сподвижника Карамзина и Дмитриева, автора поэмы «Опасный сосед». А. С. Пушкин так оценил это произведение: «„Путешествие“ есть веселая незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. Пушкин отправился в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь Василий Львович. Это образец игривой легкости и шутки живой и незлобной» (Полное собр. соч. в десяти томах, т. 7, М.—Л., 1949, с. 434). В 1836 г. П. А. Вяземский собирался перепечатать «Путешествие» в своем издании «Старина и новизна». Прося разрешения у Дмитриева, Вяземский писал: «Я вложил бы ее (шутку. — *Г. М.*) в биографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тень, верно, не оскорбится моею нескромностью, а напротив, порадуется ей. При жизни своей он охотно читал эти стихи наизусть, — по смерти своей рад он будет, что друзья их читают. А стихи хоть и шуточные, но принадлежат к лучшим сокровищам нашей поэзии, и жаль держать их под спудом» (РА, 1868, с. 651). Отвечая на письмо, Дмитриев рекомендовал попросить разрешения у брата В. Л. — Сергея Львовича, заодно предложил исправить ошибку — вместо «Фокса с Шериданом» печатать «Питта с Шериданом». *Мамелюки* — воины-рабы в Египте. Наполеон после египетского похода включил в свою армию части из мамелюков. *«Меркюр»* — французский журнал. *«Монитор»* — официальная французская газета. *Сегюр* Луи-Филипп (1753—1830) — французский дипломат и писатель. При Екатерине был французским послом. *На стычку Питта с Шериданом.* Питт Вильям Младший (1759—1806) — английский государственный деятель. Шеридан Ричард (1751—1816) — английский драматург, политический деятель, с 1783 по 1801 г. премьер-министр, выступавший в парламенте с яркими антиправительственными обличительными речами. *Поп* Александр (1688—1744) — см. примеч. 13. *Бюффон* — см. примеч. 20. *Руссо* Жан-Жак (1712—1778) известный французский писатель. *Мабли* (1709—1785) — французский писатель-просветитель. *Корнелий* Непот (между 99 и 24 до н. э.) — древнеримский писатель, известный своими жизнеописаниями политических деятелей и полководцев Древнего Рима. *Гюм* (Юм Давид, 1711—1776) — английский философ и историк. *Журналы Аддисона, Стиля.* Английские писатели Стиль (1676—1729) и Аддисон (1672—1719) издавали в начале XVIII в. сатирические и нравоучительные журналы «Болтун» и «Зритель».

305. РА, 1867, № 5-6, с. 989, под загл. «Пародия». Сатирический выпад против шишковистов, нападавших на Карамзина. В 1803 г. вышло две книги: адмирала и литератора Шишкова Александра Семеновича (1754—1841) «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», направленное против Карамзина, и *Львова* Павла Юрьевича (1770—1825) — писателя, начинавшего путь как сентименталист, а в начале XIX в. примкнувшего к Шишкову. Написанная им книга «Храм славы Российских героев» и послужила поводом для эпиграммы. *Сотиньус* — прозвище А. С. Шишкова.

306. РА, 1867, № 5-6, с. 982. *«Новости русской литературы»* — журнал, выходивший в Москве с 1802 г. Его редактором до 1804 г. был *Сохацкий* Павел Афанасьевич (1764—1809) — профессор эстетики и древней литературы в Московском университете. Журнал, им редактируемый, был органом московских сентименталистов. Судя по письмам Дмитриева этой поры, он с иронией и презрением относился к литераторам этого направления, эпигонски подражавшим ему и Карамзину.

307. Изд. 2, ч. 3, с. 75. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 71.

308. ВЕ, 1805, ч. 21, с. 133, подпись: Дм; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 36. В журнале имелось следующее авторское примечание к заглавию: «Эта безделка уже давно мною переведена и известна была моим приятелям; ныне же я решился напечатать ее для того, чтобы не смешали моего перевода с другим, который напечатан от неизвестного под именем песенки в четвертой книжке (апрель) «Друга просвещения» на 1805-й год». В журнальном тексте вместо имени Клариса — Климена.

309. Изд. 2, ч. 3, с. 67; изд. 3; изд. 4. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 42. В изд. 2 с подзаголовком «Романс» и примеч. к загл.: «Этот романс есть подражание французскому».

310. Изд. 2, ч. 3, с. 73. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 74. Шутка обращена к двоюродному брату Дмитриева, просвещенному издателю Бекетову Платону Петровичу, который путал Богдановича И. Ф. — талантливого поэта — и Карповича, своего приятеля. *Пан* (греч. миф.) — бог лесов и рощ, мастер играть на тростниковой свирели, но в музыкальном состязании с Аполлоном, игравшим на кифаре, он был побежден.

311. Изд. 2, ч. 3, с. 75. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 71.

312. Изд. 2, ч. 3, с. 74. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 70.

313. Изд. 2, ч. 3, с. 74. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 71. По указанию М. Н. Лонгинова, перевод из Лебрена (см. примеч. 279).

314. Изд. 2, ч. 3, с. 71. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 117. В изд. 2 в разделе «Эпитафии», во всех последующих изданиях — в разделе «Надгробия».

315. Изд. 2, ч. 3, с. 71. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 117. В изд. 2 печ. в разделе «Эпитафии», во всех последующих — в разделе «Надгробия».

316. Изд. 2, ч. 3, с. 76. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 57. В изд. 4 не вошло. В изд. 2 печ. в разделе «Надгробия», во всех последующих — в разделе «Эпитафии».

317. Изд. 2, ч. 3, с. 62. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 78.

318. ВЕ, 1805, ч. 20, с. 55, под загл. «Стихи к надгробному камню Петра Дмитриевича Еропкина», подпись: И. Дмитр. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 116. В изд. 2 печ. в разделе «Эпитафии», начиная с изд. 3 — в разделе «Надгробия». Примеч. к ст. 7 впервые появилось в изд. 2. *Еропкин* Петр Дмитриевич (ум. в 1805 г.) — московский главнокомандующий, принял активное участие в жестоком подавлении так называемого чумного бунта в Москве в 1771 г., за что был награжден Екатериной II.

319. РА, 1867, № 5-6, с. 984. Эпиграмма направлена против издателей прошишковского журнала «Друг просвещения» (1804—1806): *Хвостова* Дмитрия Ивановича (1757—1835) — поэта, эпигона классицизма, Голенищева-*Кутузова* Павла Ивановича (1767—1829) — сенатора, бездарного стихотворца, и *Салтыкова* Григория Сергеевича (1777—1814) — поэта-дилетанта, печатавшегося сначала в органе сентименталистов 90-х годов «Приятное и полезное препровождение времени», а потом в «Друге просвещения». *Гиппиус* — содержатель московской типографии.

320. РА, 1867, № 5-6, с. 988. В журнале «Друг просвещения» (1805, ноябрь) была напечатана без подписи басня Д. И. Хвостова (у Дмитриева — Рифмодей) «Госпожа и ткачи». В заключительных стихах басни был намек на Карамзина:

Так рассуждает ввек пиита-самохвал.
Коль вылощить стихи, пускай они не сладки,
Лишь глянец был бы в них, лишь были б гладки,
А там, хотя идей и чувства нет,
Кричит: «вот élegance — и я поэт!»

Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (1801) разделил историю русского слога на четыре эпохи: «первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей, а четвертую с нашего времени, в которую образуется приятность слога, называемая французами élegance». Выражение «с нашего времени» — значило с Карамзина. Это вызвало раздражение классицистов — против этой периодизации выступил Шишков, к нему присоединился и Хвостов. В известной мере Дмитриев считал, что басня задевает и его.

321. ВЕ, 1806, ч. 25, с. 32, под загл. «Ее превосходительству Прасковье Ивановне Мятлевой», подпись: Дм. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 120. В изд. 2 не вошло. В ВЕ к ст. 1 печаталось примеч.: «Генерал-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова» (1730—1805). *Мятлева* Прасковья Ивановна (1769—1859) — дочь Салтыкова, жена сенатора Мятлева.

322. РА, 1867, № 5-6, с. 986. *«Вестник от карел»* — «Северный вестник», издававшийся И. И. Мартыновым в 1804—1805 гг. В письме от 24 декабря 1805 г. поэт писал Д. И. Языкову, что он «не перестает клясть» «мерзости», печатавшиеся в «Северном вест-

нике». «Авось Феб услышит страдальческий глас мой в пустыне и отомстит чадам безвкусия и нелепицы» (Изд. 7, т. 2, с. 197). Среди «мерзостей» были, в частности, критические статьи Я. А. Галинковского с резкими выпадами против Карамзина и Дмитриева, с призывом пересмотреть их авторитет. *«Просвещенья сват»* — «Друг просвещения», журнал активных сторонников А. С. Шишкова — Д. И. Хвостова, П. И. Голенищева-Кутузова и Г. С. Салтыкова, выходил в 1804—1806 гг. *«Аврора»* — ежемесячный журнал, издававшийся Ф. Х. Рейнгардтом и Я. И. Сангленом. *Грузный «Корифей»* — «Корифей, или Ключ литературы» — журнал, издававшийся в 1802—1807 гг. Я. А. Галинковским — писателем, критиком и журналистом, отрицательно относившимся к салонности, камерности литературы, пристрастию к «безделкам». Карамзин презрительно именовал этот журнал «галиматьей».

323. РА, 1867, № 5-6, с. 985. Эпиграмма была ответом на статью М. Т. Каченовского в издаваемом им ВЕ (1806, № 8-9) о третьей части стихотворений Дмитриева, вышедшей в 1805 г. Статья исполнена мелочных и несправедливых придирок к стилю басен Дмитриева. В письме А. И. Тургеневу (1806) Дмитриев писал: «Без сомнения, вы уже видели строгую рецензию великого Каченовского на мои безделки. Давно ли признавал меня достойным своего одобрения? А теперь вознес на меня грозный бич критики и желал бы в один миг уничтожить бедную мою славишку... Замечать погрешности в сочинении, еще повторю, не только позволительно, но и полезно, и добросовестный писатель никогда не должен сердиться в таком случае на добросовестного своего критика. Но к чему вводить в критику личности, как например о спеси сенаторской? К чему посторонние, злые намерения?» (Изд. 7, т. 2, с. 201). Эпиграмма не была напечатана, но была широко известна в списках. Знал ее и А. С. Пушкин и в своей эпиграмме на Каченовского в 1818 г. процитировал последнюю строку полностью: «Плюгавый выползок из гузна Дефонтена». В РА слово «гузно» было выпущено. *Дефонтен* (1685—1745) — аббат, французский реакционный критик, резко нападавший на Вольтера.

324. РА, 1867, № 5-6, с. 983. Стихотворение связано с «Ответом» (№ 323) и написано по поводу нападок на Дмитриева М. Т. Каченовского. *Каллиопа* (греч. миф.) — одна из девяти муз, мать певца Орфея. *Эзоп* — легендарный баснописец Древней Греции.

325. РА, 1867, № 5-6, с. 982. *«Цирцея»* — одно из лучших лирических стихотворений французского поэта Жана-Батиста Руссо (1670—1741), высоко ценившееся русскими поэтами и многократно переводившееся в XVIII и в первой четверти XIX в. Лучшие переводы «Цирцеи» принадлежали А. Х. Востокову (в составе его сборника «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах», ч. 1 и 2, СПб., 1805—1806) и Державину (ВЕ, 1806, ч. 25). По объяснению М. Н. Лонгинова (РА, 1867, № 5-6), один из этих переводов б... приписан какой-то даме, что и дало повод Дмитриеву к эпиграмме. *Цирцея* — см. примеч. 176.

326. РА, 1867, № 5-6, с. 984. По указанию М. Н. Лонгинова, это пародия к надписи французского стихотворца Грувеля (1758—1806) к статуе Амура, изображенного нагим, без колчана и с сердцем на руке, поставленной в замке принца Конде (РА, 1867, № 5-6).

327. РА, 1867, № 5-6, с. 990. *Будочник* — полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки (сторожки).

328. УК, 1820, ч. 3, с. 262. *Буало* — см. примеч. 170. Кодексом французского классицизма была его дидактическая поэма «Поэтическое искусство» («L'art poétique», 1674). *Графов* — граф Д. И. Хвостов, поэт и переводчик, эпигон классицизма, к которому Дмитриев относился иронически. В 1807 г. Хвостов издал свой перевод поэмы Буало под названием «Наука стихотворчества в 4-х частях».

329. БК, 1836, ч. 1, с. 240. Эпитафия, помещенная в статье «Белосельский-Белозерский», печаталась со следующим замечанием от составителя: «Бессмертный певец Ермака почтил память Белосельского следующими стихами... Надпись сия украшает надгробный памятник его в Невском монастыре». *Белосельский-Белозерский* Александр Михайлович (1752—1809) — князь, член многих ученых обществ, русских и иностранных, автор ряда трудов по вопросам искусства и стихотворений, напечатанных во французских журналах. Ему принадлежит оперетта «Оленька», «приправленная пряностями самого соблазнительного свойства» (П. А. Вяземский). Поставленная в крепостном театре А. А. Столыпина, вызвала скандал в обществе. Слухи донеслись до Павла I, который потребовал представить текст оперетты ему. Белосельский обратился за помощью к приятелю своему Н. М. Карамзину, тот исправил текст и помог немедленно напечатать оперетту в Москве. Так удалось избежать беды (подробнее об этой истории см.: П. А. Вяземский, Собр. соч., т. 8, СПб., 1883, с. 393). *Клио* (греч. миф.) — муза истории. *Рюрик* (ум. в 879 г.) — полулегендарный предводитель варяжской дружины, по летописному преданию — родоначальник княжеской династии Рюриковичей.

330. Изд. 3, ч. 2, с. 47. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 45. Подражание мадегасской песне («Chansons madécasses», t. II, Paris, 1809) французского поэта Эвариста Парни (1758—1814), родоначальника европейской любовной элегии нового времени. *Мадегассы* — жители острова Мадагаскара.

331. Изд. 3, ч. 2, с. 72. Печ. по изд. 5, ч. 2, с. 68. *Княгиня Куракина* Наталья Ивановна (1766—1831) — участница музыкального петербургского салона княгини Долгорукой во второй половине 1790-х годов. Сочиняла романсы на русские, французские и итальянские тексты, играла на арфе и обладала прекрасным голосом (контральто), была лучшей исполнительницей русских песен на

слова Ю. Нелединского-Мелецкого и Дмитриева. *Эрато* (греч. миф.) — муза любовной поэзии.

332. Изд. 3, ч. 1, с. 71. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 70.

333. Изд. 3, ч. 1, с. 71. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 70. Ст. «Все классики уже переводимы мной» печ. по изд. 3; в изд. 4 и 5 опечатка: «Где классики...» *Бавий* — бездарный древнеримский поэт, завистник Вергилия и Горация; здесь — Д. И. Хвостов, на которого написана эпиграмма. *Все классики уже переводимы мной.* Хвостов переводил сочинения Расина и Буало.

334. Изд. 3, ч. 1, с. 73; изд. 4. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 72. Во всех изданиях печ. в разделе «Сатиры». Сатирическому осмеянию Дмитриев подвергает многочисленные трагедии, издававшиеся и ставившиеся на петербургской и московской сценах в 1800-е годы. Шумным успехом пользовались трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805) и «Дмитрий Донской» (1807). Вслед за ними появилось множество подражательных, однотипных, малсталантливых трагедий: «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1807) С. Н. Глинки, «Пожарский» (1807) М. В. Крюковского, «Зорада» (1808) Ф. Ф. Кокошкина, «Густав Ваза» (1809) Е. И. Титовой, «Ксения и Темир» (1810) С. И. Висковатова и др. *Три парки* (римск. миф.) — три богини судьбы, прядущие нить жизни человека и определяющие срок его земного существования (если нить будет перерезана паркой — жизнь оборвется).

335. Изд. 3, ч. 1, с. 44; изд. 4. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 40. А. А. Флоридов ошибочно указал на изд. 4 как первую публикацию.

336. Изд. 4, ч. 1, с. 112. Печ. по изд. 5, ч. 1, с. 112. А. А. Флоридов ошибочно указал на изд. 3 как первую публикацию. Надпись сделана в связи с победным завершением Отечественной войны 1812 г.

337. «Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810—1836 годов», СПб., 1898, с. 100. Впервые опубликовано здесь Н. Барсуковым в примечаниях. Басня явилась откликом на журнальные выступления против Карамзина и его «Истории государства Российского» (первые восемь томов вышли из печати в 1818 г.). Среди критиков наибольшую активность проявлял М. Т. Каченовский — профессор московского университета и издатель ВЕ. 18 января 1821 г. П. А. Вяземский прислал Дмитриеву из Варшавы письмо и стихи против М. Т. Каченовского, прося «приговора моему посланию». Дмитриев, сделав поправки, одобрил послание («писано прекрасно и справедливо») и добавил: «Я сам сегодня написал безделку на счет журнальных ссор и хулителей Карамзина. Хотел было посылать к вам, но удержусь до первого с вами свидания» («Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому...», с. 28). Басня напечатана не была, видимо потому, что Карамзин, не любивший вмешиваться в полемику, был недоволен выступлением П. А. Вяземского. По поводу его послания Каченовскому он писал: «Вы знаете

мой образ мыслей, весьма искренний. Я не имею нужды ни в защите, ни в мести, и если не врагам, то друзьям своим говорю от души: „Оставьте меня в покое“» («Старина и новизна», кн. 1, СПб., 1897, с. 109).

338. «Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810—1836 годов», СПб., 1898, с. 4. По свидетельству опубликовавшего это четверостишие Н. Барсукова, оно было написано «от избытка благодарного сердца» после прочтения статьи П. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». Получив это стихотворение, П. А. Вяземский писал Дмитриеву 22 сентября 1821 г.: «Как возблагодарить мне вас за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отныне, в самом деле, приял я печать Аполлона и могу сказать, что посвящен рукою верховного его жреца».

339. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», СПб., 1822, ч. 6, с. 111. В собр. соч. не входило. К кому обращено стихотворение — неизвестно. Весьма возможно, речь идет о выдающемся русском полководце — Барклае де Толли (1761—1818). В 1810—1812 гг. он был военным министром. Дмитриев — тогда министр юстиции — хорошо знал его. В Отечественной войне 1812 г. Барклай был командующим 1-й Западной армией, которую умело вывел из-под удара численно превосходящих сил Наполеона I. Как военному министру, ему подчинялась и 2-я армия Багратиона. Отход русских армий вызвал недовольство правительства и общества, Барклая обвинили в нерешительности, трусости и измене. Александр I сместил Барклая и назначил главнокомандующим М. И. Кутузова. Умные действия Барклая, его смелый замысел не были поняты и оценены. После победы вся слава досталась Кутузову и другим полководцам. Его подвиги замалчивались. В стих. Жуковского «Певец во стане русских воинов» его имя не было даже упомянуто. Только Пушкин в 1835 г. в стих. «Полководец» разрушил заговор молчания и воспел подвиг великого полководца и вождя. То, что в своей «подписи» Дмитриев скрыл имя инициалом, объясняется, видимо, условиями времени, когда предубеждения против полководца были еще очень сильны. Если предлагаемая нами расшифровка верна, тогда Дмитриев окажется первым из поэтов, кто назвал Барклая де Толли «великим человеком».

340. СЦ, 1826, с. 10, подпись: ***. *Персть* — земной прах.

341. МТ, 1827, ч. 18, отд. 2, с. 120. *Шимановская* Мария (1790—1831) — известная пианистка, гастролировавшая в России.

342. ПЗ, 1825, с. 277; подпись: ***.

343. СЦ, 1826, с. 62, подпись: ***. *Петров* Василий Петрович (1736—1799) — придворный поэт; в одах, посвященных Екатерине II, Орловым и Потемкину, подражал Ломоносову.

344. ЛМ, 1827, с. 317. *Измайлов* Владимир Васильевич (1773—1830) — переводчик и писатель-сентименталист, наибольшую извест-

ность ему принесло «Путешествие в полуденную Россию» (1800—1802), написанное в подражание «Письмам русского путешественника» Карамзина. *Теперь душа... глядит на кипарис*. Кипарис у древних считался деревом смерти, который сажали у гробниц.

345. МТ, 1827, ч. 14, отд. 2, с. 157, под загл. «На кончину ***». А. А. Флоридов и А. Я. Кучеров ошибочно указывали первую публикацию в «Москвитянине», 1842, ч. 2, № 4, с. 294. *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805—1827) — русский поэт, критик, философ. После разгрома декабристов был заключен в крепость. По словам Герцена, поэт был задушен грубыми тисками русской жизни.

346. СЦ, 1832, с. 10. Две поправки сделаны в соответствии с требованием Дмитриева в письме Жуковскому от 21 октября 1831 г. «Прошу вас, любезнейший Василий Андреевич, переменить и в моих два стиха: вместо «глас побед» поставить «звук побед», а вместо «прозябает» — „цвесть будет"» (Изд. 7, т. 2, с. 301). В 1795 г. был завершен раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией и Польша перестала существовать как самостоятельное государство. О победе России писал Дмитриев в 1795 г. После разгрома наполеоновских армий, в 1815 г. было создано Царство Польское с центром в Варшаве. По дарованной Польше конституции русский император объявлялся царем Польским. Под влиянием французской революции 1830 г. в Царстве Польском началось вооруженное восстание против русского царизма. В 1831 г. это восстание было подавлено. Жуковский откликнулся на это событие двумя стих.: «Русская песнь на взятие Варшавы» и «Русская слава». «Русская песнь...» была напечатана в «Северной пчеле» в 1831 г. (№ 201) и в том же году отдельной брошюрой, вместе со стих. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», под общим названием «На взятие Варшавы». Дмитриев откликнулся на присылку стихотворений Жуковского этим элегическим посланием. Жуковский ответил на него стихотворением: «К Ив. Ив. Дмитриеву», в котором писал: «Нет, не прошла, певец наш вечно юный, твоя пора: твой гений бодр и свеж...» Он называет Дмитриева певцом двух поколений: «Под сединой ты третьему поешь, И нам, твоих питомцам вдохновений, В час славы руку подаешь». Послание Дмитриева и ответ Жуковского были напечатаны в «Северных цветах» на 1832 г.

347. М., 1841, ч. 1, № 2, с. 356, в разделе «Последние стихи Ивана Ивановича Дмитриева» и имело следующее примеч.: «Это написано, — уведомляет Н. Д. Иванчин-Писарев, — в самый год моего супружества, когда певцу «Ветхого деньми», «Волги» и «Ермака» было 76 лет». Иванчин-*Писарев* Николай Дмитриевич (ум. в 1849 г.) — плодовитый литератор второй четверти XIX в., знакомый Дмитриева и Карамзина.

348. УЧ, 1789, 12 апреля, с. 207, без подписи. Печ. по МЖ, 1791, ч. 1, кн. 1, с. 21, подпись: И. В собр. соч. не входило. Перевод басни Мерсье (1740—1814) «Le denier et le louis-d'or».

349. МЖ, 1791, ч. 1, кн. 1, с. 19, подпись: И. В собр. соч. не входило.

350. МЖ, 1791, ч. 2, кн. 1, с. 6, с подзаголовком «Притча» и подписью: И. В собр. соч. не входило. *Плутос* (греч. миф.) — сын Деметры, олицетворение богатства.

351. МЖ, 1792, ч. 7, кн. 2, с. 118, подпись: И. В собр. соч. не входило.

352. МЖ, 1792, ч. 8, кн. 3, с. 161, подпись: И. В собр. соч. не входило. *Эдем* — по древнееврейским представлениям, земной рай, местопребывание Адама и Евы. *Бог Пафоса* (греч. миф.) — сын Афродиты, Эрот, бог любви. Пафос — древний город на Кипре, любимое местопребывание Афродиты.

* **353.** МЖ, 1792, ч. 8, кн. 3, с. 232, подпись: И.; изд. 1; изд. 2. Печ. по изд. 5., ч. 3, с. 74. До изд. 3 печ. как сказка. Перевод басни французского поэта Грекура (1684—1743) «Le solitaire et la Fortune». *Плутарх* (ок. 46—125) — греческий писатель, автор жизнеописаний замечательных людей древности.

354. Изд. 1, с. 212. Печ. по БиС, с. 27. В собр. соч. не входило.

355. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 220, с подзаголовком «Притча» и подписью: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 79. Ст. 5 в изд. 5 печатается согласно изд. 2, 3, 4. Перевод басни Флориана «Le charlatan» (см. примеч. 47).

356. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 242, с подзаголовком «Притча» и подписью: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 54. Перевод басни Флориана «La coquette et l'abeille» (см. примеч. 47).

357. Изд. 2, ч. 1, с. 94. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 46.

358. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 45, под загл. «Башмак, или Мерка равенства. Басня», подпись: ***; изд. 2. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 68.

359. Изд. 2, ч. 1, с. 99, под загл. «Книга». Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 80. Перевод басни французского поэта Обера (1731—1814) «La livre de la raison». *Агнец* — ягненок, жертвенное животное.

360. Изд. 2, ч. 1, с. 87. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 37. Подражание басне Буасара «Le singe, l'âne et la taupe» (см. примеч. 82).

361. Изд. 2, ч. 1, с. 96; изд. 3. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 58, Ст. 1—2 до изд. 5:

Благочестивый муж стоял в преддверьи храма
Во ожидании жреца.

362. Изд. 2, ч. 3, с. 23. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 56. По указанию М. Н. Лонгинова, перевод из Гофмана (1776—1822).

363. Изд. 2, ч. 3, с. 27. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 71. Перевод басни Гишара «Les deux renards» (см. примеч. 93).

364. Изд. 2, ч. 3, с. 34. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 38.

365. Изд. 2, ч. 3, с. 26. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 9. Перевод из французского поэта Фюмара (1743—1806).

366. Изд. 2, ч. 3, с. 25. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 70. Перевод басни Имбера (см. примеч. 75). *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны.

367. Изд. 2, ч. 3, с. 36. Печ. по изд. 5, ч. 3, с. 69. По указанию М. Н. Лонгинова, перевод басни Арно (см. примеч. 108).

368. Изд. 2, ч. 3, с. 29; изд. 3. Печ. по изд. 4, ч. 3, с. 77. Перевод басни Гишара «Les deux eventails» (см. примеч. 93).

369. ПЗ, 1825, с. 183, с подзаголовком «басня», подпись: ***.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ

В этом разделе собраны две группы стихотворений: в первую вошли эпиграммы, опубликованные в разных изданиях без подписи, но приписанные Дмитриеву М. Н. Лонгиновым (см. его статью: «Материалы для полного собрания сочинений И. И. Дмитриева». РА, 1863, № 8—9, с. 711), во второй сосредоточены произведения, извлеченные из рукописей Дмитриева или из различных рукописных сборников, в которых они подписаны его именем. М. Н. Лонгинов не приводил каких-либо доказательств принадлежности этих эпиграмм Дмитриеву, но поскольку он располагал рукописным сборником стихотворений поэта, в свое время подаренным П. Бекетову, нет оснований не доверять ему. При проверке списка стихотворений Дмитриева, не входивших ни в одно собрание сочинений поэта, составленного М. Н. Лонгиновым, выяснилось, что во всех случаях (за исключением двух) библиограф оказался прав. Вот почему эти эпиграммы следует ввести в состав собрания сочинений И. И. Дмитриева, хотя бы в раздел Dubia. Внесение в этот раздел стихотворений Дмитриева, ранее не публиковавшихся, будет мотивировано в каждом отдельном случае в примечаниях.

370—373. «Собеседник любителей русского слова», 1783, ч. 4, с. 110, под № 1, 3, 4, без подписи. Эпиграмма № 2, ранее напечатанная в журнале «Утра» (1782), была позже включена Дмитриевым в состав своего собрания стихотворений.

374. Автограф без подписи и даты (водяной знак на половине листа — 86, т. е. 1786) — собрание В. И. Яковлева (ПД). Отсутствие подписи не позволяет категорически утверждать принадлежность этого стихотворения Дмитриеву: возможно допущение, что это список чужого произведения. История этих автографов неизвестна, нет сведений о том, как и откуда они попали в собрание В. И. Яковлева. Анализ стихотворения, а также некоторых биографических фактов дает основание полагать, что это и два других стихотворения (375—376), расположенные на этом же листе, принадлежат Дмитриеву. Известно, что в 80-е годы после неудачного выступления в журнале «Утра» (1782) Дмитриев продолжал усиленно заниматься «рифмованием», но от публикаций стихотворений воздерживался: «Я вразумился, что еще рано мне выдавать мои произведения, и положил хранить их до времени под спудом» (Изд. 7, т. 2, с. 22). К 1790 г. накопилось «изрядное рукописное собрание», часть которого была передана Карамзину. Из этого собрания опубликовано было только несколько стихотворений. Большая часть написанного в эти годы до нас не дошла. Вероятно, три стихотворения на листе 13 и являются частью того, что было написано в 80-е годы. В сказке «Модная жена» (1791) Дмитриев признавался, что долгое время (т. е. в 80-е годы) писал много стихов о любви, обращенных к женщинам («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал! Той песню, той сонет, той лестный мадригал... я молод, ветрен был... А ныне вяну сам: на лбу моем морщины велят уже и мне подобной вашей ждать судьбины и о цитерской стороне лишь в сказках вспоминать»). Стих. «Прелестный пол твердит...» и написано «ветреным» поэтом, оно посвящено любовной теме, решенной в галантном духе. Стилистически оно связано со сказкой «Модная жена»: оба произведения написаны в свободной форме беседы поэта со своими слушателями. Одинаковы и зачины: в стихотворении: «Садитесь, слушайте, я буду, как умею, сам спрашивать себя и сам же отвечать»; в сказке: «Так слушайте меня, я сказку вам начну...» Галантная поэзия была известна Дмитриеву и по французской и по русской традиции (И. Барков). В духе Баркова писали В. Майков, Г. Державин и другие поэты. С поэзией Баркова был знаком и Дмитриев. Вяземский со слов Дмитриева записал, что Державин во время солдатской службы «переписывал Баркова сочинения» (П. А. Вяземский, Записные книжки, М., 1963, с. 102).

375—376. О принадлежности этих стихотворений Дмитриеву см. примеч. 374.

377. Н. Карамзин. И. Дмитриев. «Избранные стихотворения», «Библиотека поэта», Б. С., Л., 1953, с. 456. Писарский список, подпись рукой неизвестного (может быть, Державина): «Дмитриев». Державинское собрание (ГПБ).

378. МЖ., 1791, ч. 2, с. 218. Стихотворение сопровождалось примеч. издателя Н. М. Карамзина: «Автор писал сие, получив через почту деньги». Стихотворение подписано инициалом Ф. Поскольку этой же буквой подписывал Карамзин некоторые свои произведения в ВЕ, А. И. Лященко и В. В. Сиповский приписали ему «К текущему столетию». Оно было даже включено в академическое издание стихотворений Н. М. Карамзина (СПб., 1917) в раздел «Приписываемые». В. В. Виноградов, опираясь на письма Карамзина к Дмитриеву, убедительно доказывает принадлежность стихотворения И. И. Дмитриеву (см. статью «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева». — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1, М., АН СССР, 1949, с. 190—194). *Вольтер* (1694—1778) — французский писатель, один из вождей Просвещения. *Франклин* Вениамин (1706—1790) — деятель американского Просвещения, писатель-моралист, ученый-физик, дипломат. *Кук* Джемс (1728—1779) — английский мореплаватель, открыл ряд земель в Тихом океане (Новая Каледония, Южная Георгия и т. д.). *Румянцевы.* Речь идет о Петре Александровиче (1725—1796) — русском полководце (см. примеч. 14, 17). *Вашингтон* Джордж (1732—1799) — американский государственный деятель, командовал армией повстанцев, которая одержала победу над английским войском, завоевав независимость 13 штатов, первый президент республики. *Икар* — см. примеч. № 8—9. Дмитриев говорит о «счастливейших Икарах», т. е. о современных ему авиаторах, поднимавшихся на воздушном шаре. Первые полеты воздушного шара состоялись 23 ноября и 1 декабря 1783 г. в Париже. В обоих случаях полеты прошли благополучно.

379. Автограф без подписи, с мелкими поправками — собрание В. И. Яковлева (ПД). На бумаге водяной знак — 1794, на обороте листа сохранилось начало сатиры «Чужой толк». «Наследники», видимо, писались одновременно с этой сатирой в 1794 г., когда поэт находился в сызранском имении родителей. По признанию Дмитриева, этот год был «самым лучшим пиитическим годом». Естественно возникает вопрос — почему поэт не напечатал готовую сатиру? Думается, что прямо или косвенно на решении этого вопроса сказалось мнение Карамзина. Дмитриев очень считался с Карамзиным, доверял ему. Все свои произведения он отправлял младшему другу на суд — тот в деликатной, но категорической форме или высказывал свои суждения и замечания, или просто сам исправлял. И, как правило, Дмитриев с предложениями Карамзина-редактора соглашался, его правку принимал. Написав, например, в том же 1794 г. «Ермака», «К Волге», оду «Глас патриота», он послал их Карамзину. Тот потребовал внести поправки и убрать такие слова из «Ермака», как «барабаны, пот, сломал, вскричал». И Дмитриев убрал. Карамзин заметил, между прочим, что «Глас патриота» «хорош поэзией, а *не предметом».* Тем менее мог быть одобрен «предмет» «Наследников» — этой злой сатиры на нравы столичного дворянства, исполненной бытовых подробностей. Не мог принять Карамзин и язык сатиры, где на каждом шагу встречались такие слова: «спихнуть», «ярыги», «срамота», «шпынство» и т. д. и выражения — «коптеть в конуре», «подьячих лижут руки»

и т. п. Только одно наименование девицы легкого поведения «всеобщей Антихлоей» вызвало бы возмущение Карамзина. Допустимо, что Дмитриев, написав «Наследников», даже не отважился послать сатиру Карамзину. Подчинение нормам стиля сентиментализма, строгим хранителем которых выступал Карамзин, видимо, и объясняет причину отказа Дмитриева от публикации своей сатиры.

380. Черновой автограф, без подписи (на бумаге водяной знак — 1793) — собрание В. И. Яковлева (ПД). Песня эта по своему колориту необычна: очевидно, она навеяна поэмами Оссиана. Отсюда и имя — Цама, и суровая природа Севера.

381. Автограф без подписи и даты — собрание В. И. Яковлева (ПД). У Дмитриева есть другое стихотворение с тем же заглавием «К друзьям моим», написанное в 1800 г. и опубликованное в 1803 г. В нем есть мотивы, связывающие эти два послания. В опубликованном послании Дмитриев, обращаясь к друзьям, признавался, что сердце его уже свободно от любви и целиком отдано «дружеству»:

> Теперь его ничто не отвратит от вас:
> Ни честолюбие, ни блеск прелестных глаз...
> И самая любовь навеки отлетела!
> Итак, владейте впредь вы мною без раздела...

Рукописное послание как раз и рассказывает о той поре, когда любовь еще «не отлетела навеки», когда она владычествовала в сердце поэта и отрывала его от друзей. Стихотворение, видимо, было написано в начале 1790-х годов. Оно интересно стремлением к биографической точности в выражении сложной, противоречивой душевной жизни. Желание поэта показать жизнь сердца, где «властвовали страсти», соотносится с тем, что делал Карамзин в прозе, — см., например, «Остров Борнгольм».

382. Записано рукой П. И. Шаликова (ПД, альбом П. И. Шаликова). Полное заглавие: «Надпись к Амуру, стоящему в саду И. И. Дмитриева, и самим хозяином начертанная». Речь идет о саде при доме Дмитриева в Москве, в котором он поселился после отставки в 1814 г. Сад насажден самим поэтом. Вскоре после переезда в новый дом, видимо, и была сочинена надпись «К Амуру». Свой альбом П. И. Шаликов завел в 1818 г., к этому году относится и запись стихотворения Дмитриева.

383—387. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», СПб., 1822, изд. 2, т. 6, с. 112, под № 3, 4, 5, 6, 11. Напечатаны без подписи и приписываются Дмитриеву М. Н. Лонгиновым (РА, 1863, № 8—9, с. 711).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автор и Критика («Что вздумалось тебе сухие апологи...») 246
«Азор смеется надо мной...» (Эпиграммы, 2) 389
«Ай, как его ужасен взор!..» (Надпись к портрету) 309
Амур в карикатуре («Слуга покорный тем и этим в тот же час...») 358
Амур, Гимен и Смерть («Амур, Гимен со Смертью строгой...») 383
«Амур, Гимен со Смертью строгой...» (Амур, Гимен и Смерть) 383
Амур и дружба («„Сестрица, душенька!" — „Здорово, братец мой!"...») 145
«Ах! когда б я прежде знала...» 132
«Ах, когда бы в древни веки...» (К <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи) 126
«Ах, Лиза! мне ль на то сердиться...» (К***, которая хотела испортить часы) 252
«Ах, сколько я в мой век бумаги иписал!..» (Модная жена) 172

«Бард безымянный! тебя ль не узнаю?..» (К Г. Р. Державину) 117
Башмак, мерка равенства («Да что ты, долгий, возмечтал?..») 380
«Бедно сердце! Как решиться...» (Песня) 343
«Бедняк, живой пример в злосчастии смиренья...» (Слепец, собака его и школьник) 385
«Бедняк, не евши день, от глада...» (Горесть и скука) 382
«Без друга и без милой...» 290
«Без имя Рифмодей глумился сколько мог...» (Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи», напечатанную в одном журнале) 356
«Березка выросла пред домом кривобока...» (Деревцо) 237
Беспечность Поэта («Поэт случайно в честь и круг бояр попал...») 244
Блаженство («Блажен тот муж, кто к Безбородке...») 325
«Блажен тот муж, кто к Безбородке...» (Блаженство) 325
«Блестящий тысячью ирисиных цветов...» (Мыльный пузырек) 243
Близнецы («„Кого вам надобно?" — „Я дом ищу *Разврата*"...») 338
Бобр, Кабан и Горностай («Кабан, да Бобр, и Горностай...») 213
Богач и Поэт («Поэт и горд еще! — сказал спесивый Клим...») 243
И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» («На урну преклонясь вечернею порою...») 137
«Большой боярский двор собака стерегла...» (Нищий и собака) 222

Будочник («Слушай всякий, кто с ушами. . .») 358
«Будь счастливей в твоем теченьи! . .» (На Новый 1795 год) 298
«Бывало, я с прекрасной. . .» (Песня) 295
Бык и Корова («Как жалок ты! — Быку Корова говорила. . .») 213
«Бык с плугом на покой тащился по трудах. . .» (Муха) 205
«Была пора, питомец русской славы. . .» (Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы) 369
Быль («Даруй мне, муза, тон согласный. . .») 338
Быль («Уже опять орлы российски. . .») 262
Быль («Чума и смерть вошли в великолепный град. . .») 375
«Быть может, мудреца сей памятник не тронет. . .» (В. И. С.) 137

В альбом г-жи Иванчиной-Писаревой («Счастливый Писарев! Мне ль, старцу, близ могилы. . .») 370
В альбом Шимановской («Таланты все в родстве; источник их один. . .») 368
«В Амуре на холсте всё жизнию дышало. . .» (Невинность и живописец) 240
«В воскресенье я влюбился. . .» 391
«В гостиной на столе два Веера лежали. . .» (Два Веера) 385
В. И. С. («Быть может, мудреца сей памятник не тронет. . .») 137
«В Москве, которая и в древни времена. . .» (Причудница) 176
«В Москве ль я наконец? со мною ли друзья? . .» (К друзьям моим *по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр<авительствующего> сената*) 154
«В надежде будущих талантов. . .» (Эпитафия) 328
«В начале мирозданья. . .» (Книга «Разум») 380
«В преддверьи храма. . .» (Молитвы) 381
«В сей день, как росс, простерши руки. . .» (Стихи на всерадостный день рождения ее императорского величества) 305
«В спокойствии, в мечтах текли его все лета. . .» (Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки») 346
«В черной мантии волнистой. . .» (Ночь) 318
Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы («Была пора, питомец русской славы. . .») 369
«Великий человек и духом и делами! . .» (Надпись к портрету Б.) 366
«Вельможа Ротозей во дни свои счастливы. . .» (Эпиграммы, 5) 402
Верблюд и Носорог («Верблюду говорил однажды Носорог. . .») 218
«Верблюду говорил однажды Носорог. . .» (Верблюд и Носорог) 218
Весна («Под розово-сребристым небом. . .») 281
«Взглянул ли наш монарх на копие Беллоны. . .» (К Лампию, славному живописцу) 326
«Видел славный я дворец. . .» 129
«Влеком унынием сердечным. . .» (Грусть) 345
«Внуши, земля! владыки мира. . .» (Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма) 315
«Во всяком роде есть безумцы и буяны. . .» (Обезьяны) 314
«Во славу троицы певцов. . .» (Объявление от издателей о журнале на будущий год) 356

«Во сне ли сладком я мечтаю...» (На мир с Оттоманскою Портою) 288
«Во храме жертвенник преступника скрывал...» (Жертвенник и правосудие) 236
В. А. В<оейков>у («Здесь тихая могила...») 137
Воздушные башни («Утешно вспоминать под старость детски леты...») 168
«Возможно ли, как в тридцать лет...» (Дряхлая старость) 379
«Возможно ль, как легко по виду ошибиться!..» (Надпись к портрету) 310
«Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали!..» (Элегия) 333
«Волк, полуночный тать...» (Лев и Волк) 241
Воробей и Зяблица («Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен...») 203
Воспитание Льва («У Льва родился сын. В столице, в городах...») 159
«Воспитанник любви и счастия богини...» (Надпись к портрету Н. А. Бекетова) 295
«Восторг, восторг души поэта!..» (Гимн восторгу) 282
«Восточны жители, в преданиях своих...» (Мышь, удалившаяся от света) 188
«Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом...» (<К портрету Н. М. Карамзина>) 136
«Вот мой тебе портрет; сколь счастлив бы я был...» 136
«Вотще мы, гордостью безумною надменны...» (Подражание Проперцию) 279
«Вредняк злословит всех, клевещет и ругает...» (Эпиграммы, 1) 401
«Всех цветочков боле...» 133
«Всё ли, милая пастушка...» 131
«Вступая в новый год, любезная Климена...» (А. Г. С<евериной> в день ее рождения) 145
«Всяк в своих желаньях волен...» (Наслаждение) 286
«Всяк подвиг божеству возможен...» (Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи) 313
«Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...» (Две Лисы) 382
<П. А. Вяземскому> («Кого не увлечет талант сего поэта?..») 366

«Где буйны, гордые Титаны...» (Глас патриота на взятие Варшавы) 73
«Где Дафнис? Где он воспевает...» (Романс) 329
Гимн богу («Парю душой к тебе, всечтимый...») 94
Гимн восторгу («Восторг, восторг души поэта!..») 282
Глас патриота на взятие Варшавы («Где буйны, гордые Титаны...») 73
«Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!..» (Надпись к портрету) 272
Голубок («Прекрасный голубчик! Скажи мне, отколе...») 283
«Голубочек сизокрылый...» (К голубку) 312
«Гордись пред галлами, московский ты Парнас!..» (На случай од, сочиненных в Москве в коронацию) 336
Горесть и скука («Бедняк, не евши день, от глада...») 382

Горлица и мальчик («Когда блестящий день...») 317
«Гремит!.. благоговей, сын персти!..» (Размышление по случаю грома) 89
Грусть («Влеком унынием сердечным...») 345

«Да что ты, долгий, возмечтал?..» (Башмак, мерка равенства) 380
«Давно уже, давно два друга где-то жили...» (Два друга) 205
«Дай собой налюбоваться...» (К младенцу) 284
«Дамон! Кто бытию всевышнего не верит...» (Эпиграмма) 310
«Даруй мне, муза, тон согласный...» (Быль) 338
Два Веера («В гостиной на столе два Веера лежали...») 385
Два Врача («Один угрюмый Врач подобен был тирану...») 245
Два Голубя («Два Голубя друзьями были...») 197
«Два Голубя друзьями были...» (Два Голубя) 197
Два друга («Давно уже, давно два друга где-то жили...») 205
«Два обывателя столицы безымянной...» (Сверчки) 222
«Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь...» (К приятелю, который по сходству двух различных фамилий часто принимал одну вместо другой) 353
Две гробницы 259
Две Лисы («Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...») 382
«Две лошади везли карету...» (Каретные лошади) 197
Две молитвы («Средь храма, ниц челом, Моллак молился вслух...») 242
«Дельфира! вот стихи, которых ты желала!..» (К А. Г. <Севериной> при сообщении ей других стихов) 340
Деревцо («Березка выросла пред домом кривобока...») 237
«Державин в сих чертах блистает...» (<К портрету> Г. Р. Державина) 135
«Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой...» (К Г. Р. Державину (по случаю кончины первой супруги его) 118
Дети и мыльные пузыри («Откуда визг и крик далече раздается?..») 365
Дитя на столе («„Как я велик!" — дитя со столика вскричал...») 234
Дон-Кишот («Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...») 206
«Дрожащею рукою...» (К Хлое) 287
«Друг изящного в природе...» (Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину) 335
«Други! время скоротечно...» 299
«Друзья! сестрицы! я в Париже!..» (Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия) 348
Дряхлая старость («Возможно ли, как в тридцать лет...») 379
Дуб и Трость («Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры...») 186
«Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры...» (Дуб и Трость) 186
Ф. М. Д<убянском>у («Любезного и прах останется ль безвестным?..») 137
Дух смирения («Сыны Османовы вопили: „Мщенье, мщенье!.."») 240

Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма («Внуши, земля! владыки мира...») 315

«Его величество, Лев сильный, царь зверей...» (Три льва) 384
«Еж говорил, что он из одного презренья...» (Еж и Мышь) 237
Еж и Мышь («Еж говорил, что он из одного презренья...») 237
«Ему плетет венец терновый Каллиопа...» (К моему лицеподобию) 357
Ермак («Какое зрелище пред очи...») 78
«Если б ты и не сказала...» (К*** в день ее рождения) 304
«Есть рыбы, говорят, которые летают!..» (Летучая рыба) 223

Жаворонок с детьми и Земледелец («Пословица у нас: *на ближних уповай...*») 217
Желание и Страх («Неугомонное и вздорное Желанье...») 243
Желания («Сердися Лафонтен иль нет...») 220
Жертвенник и правосудие («Во храме жертвенник преступника скрывал...») 236

«За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом...» (Собака и Перепел) 244
«За то, что Лебедь так и бел и величав...» (Лебедь и гагары) 194
«За что Ликаста осуждают...» (Эпиграмма) 251
«Заведен в лесок тоскою...» (К Ю. А. Н<елединскому>-М<елецкому>) 308
«Завидна, — я сказал, — Терситова судьбина...» (Эпиграмма) 310
Загадка («Нет голоса во мне, а всё я говорю...») 337
«Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...» 134
«„Зачем ты льнешь?" — Магнит Железу говорил...» (Магнит и Железо) 240
Заяц и перепелиха («Как над несчастливым, мне кажется, шутить?..») 377
«Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах...» 138
«Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...» (Надгробие Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему московскому градоначальнику) 355
«Здесь мать двух близнецов почила в цвете дней...» (Надгробие матери и сыну) 354
«Здесь тихая могила...» (В. А. В<оейков>у) 137
«Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела...» (Пчела и Муха) 212
Змея и Пиявица («Как я несчастна!..») 200
Змея и Птицелов («У сетки сторожа добычу, Птицелов...») 239

«И ангелы в плоти не дольше роз живут...» (Надгробие от супруга супруге) 368
«И ты несчастлив!.. дай же руку!..» (Слепец и расслабленный) 209
«И это человек?..» 136
«И я питомец Аполлонов...» (Песнь на день коронования его императорского величества государя императора Александра Первого) 76
«Иван! запри ты дверь, защелкни, заложи...» (Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту) 101
Идиллия («Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь...») 249

«Издавна говорят, что будто царедворцы...» (Придворный и Протей) 209
В. В. И<змайлову> («Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?..») 368
«Или Юпитер сам с превыспренних кругов...» (Надпись к статуе Юпитера) 268
«Индеек не на вкус пришел павлиний рост...» (Павлин) 239
Искатели Фортуны («Кто на своем веку Фортуны не искал?..») 162
История («Столица роскоши, искусства и наук..») 204
История любви («Любовник в первый день признаньем забавляет...») 347
Истукан дружбы («Сколь счастлив тот, кто Дружбу знает!..») 372
Истукан и Лиса («Осел, как скот простой...») 220

К альбому кн. Н. И. К<уракиной> («Что пред соперницей Эраты наше пенье!..») 361
К Амуру («Кто б ни был ты, пади пред ним!..») 134
К*** в день ее рождения («Если б ты и не сказала...») 304
К Венериной статуе («Парис и Марс, о том ни слова...») 327
К Волге («Конец благополучну бегу!..») 87
К голубку («Голубочек сизокрылый...») 312
К графу Н. П. Румянцеву («Что может более порадовать певца...») 120
К Г. Р. Державину («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?..») 117
К Г. Р. Державину (по случаю кончины первой супруги его) («Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой...») 118
К друзьям моим... («В Москве ль я наконец? со мною ли друзья?..») 154
К друзьям моим («Свершилось. Расторгаю узы...») 400
К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню «Голубок» («Нежный ученик Орфея!..») 127
К Климене, которая спрашивала меня, много ли красавиц видел я в концерте («Красавиц не видал, да их и не бывало...») 272
К***, которая хотела испортить часы («Ах, Лиза! мне ль на то сердиться...») 252
К Лампию, славному живописцу («Взглянул ли наш монарх на копие Беллоны...») 326
К лире («О ты, котора утешала...») 270
К Маше («Я не архангел Гавриил...») 339
К младенцу («Дай собой налюбоваться...») 284
К моему лицеподобию («Ему плетет венец терновый Каллиопа...») 357
К Ю. А. Н<елединскому>-М<елецкому> («Заведен в лесок тоскою...») 308
К*** о выгодах быть любовницею стихотворца («Прелеста, веселись! Мой рок уже решился...») 265
<К портрету> графа Витгенштейна («Целуйте вы сей лик...») 135
<К портрету> Г. Р. Державина («Державин в сих чертах блистает...») 135
<К портрету Н. М. Карамзина> («Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом...») 136
К портрету М. Н. Муравьева («Я лучшей не могу хвалы ему сказать...») 135

К портрету М. М. Хераскова («Пускай от зависти сердца в зоилах ноют...») 135
<К портрету П. И. Шаликова> («Янтарная заря, румяный неба цвет...») 136
К приятелю («Льстивый друг моей цевницы!..») 308
К приятелю, который по сходству двух различных фамилий часто принимал одну вместо другой («Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь...») 353
К А. Г. С<еверино>й («Какое зрелище для нежныя души!..») 125
К <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи («Ах, когда бы в древни веки...») 126
К А. Г. <Севериной> при сообщении ей других стихов («Дельфира! вот стихи, которых ты желала!..») 340
К текущему столетию («О век чудесностей, ума, изобретений!..») 395
К Хлое («Дрожащею рукою...») 287
К честному человеку («Что слышу?.. О, приятна весть!..») 279
«Кабан, да Бобр, и Горностай...» (Бобр, Кабан и Горностай) 213
«Как жалок ты! — Быку Корова говорила...» (Бык и Корова) 213
«Как мило жили в старину!..» (Старинная любовь) 139
«Как над несчастливым, мне кажется, шутить?..» (Заяц и перепелиха) 377
«Как ни велик и силен Слон...» (Слон и Мышь) 212
«Как! Рифмин жив еще и телом и душой?..» (Эпиграмма) 354
«Как сын проклятия, скитаюсь...» (Меланхолик) 352
«Как царства падали к стопам Екатерины...» (Надпись к памятнику мореходца Шелехова) 317
«Как этот год у нас журналами богат!..» (На журналы) 357
«„Как я велик!" — дитя со столика вскричал...» (Дитя на столе) 234
«Как я люблю моих героев воспевать!..» (Мудрец и Поселянин) 202
«Как я несчастна!..» (Змея и Пиявица) 200
«Какое зрелище для нежныя души!..» (К А. Г. С<еверино>й) 125
«Какое зрелище пред очи...» (Ермак) 78
«Какое сходство Клит с календарем имеет?..» (Эпиграммы, 3) 402
«Какой ужасный, грозный вид!..» (Надпись к портрету) 338
«Какой-то государь, прогуливаясь в поле...» (Царь и два Пастуха) 228
«Какой-то добрый человек...» (Пустынник и Фортуна) 376
Калиф («Против Калифова огромного дворца...») 164
Каменная гора и водяная капля («С умом ли, Капля, ты? Меня пробить взялась!..») 243
Камин («Любезный мой камин, товарищ дорогой...») 392
Каретные лошади («Две лошади везли карету...») 197
Карикатура («Сними с себя завесу...») 275
Картина («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») 165
Кенотафия («Покорствуя судеб уставу...») 326
Клевета («Честон был поражен кинжалом, но слегка...») 238
Книга «Разум» («В начале мирозданья...») 380
«Когда блестящий день...» (Горлица и мальчик) 317
«Когда и дружество струило слез потоки...» (Эпитафия) 310
«Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...» (Рысь и Крот) 219
«„Кого вам надобно?" — „Я дом ищу *Разврата*"...» (Близнецы) 338
«Кого не увлечет талант сего поэта?..» (<П. А. Вяземскому>) 366

Кокетка и Пчела («Прелестная Лизета...») 378
«Коль надежду истребила...» (Элегия) 293
«Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...» (Эпиграмма) 298
Ком земли («Не амбра ль ты? — подняв Ком, персти я сказал...») 242
«Конец благополучну бегу!..» (К Волге) 87
Кот, Ласточка и Кролик («Случилось Кролику от дома отлучиться...») 215
«Красавиц не видал, да их и не бывало...» (К Климене, которая спрашивала меня, много ли красавиц видел я в концерте) 272
«Кто б ни был ты, пади пред ним!..» (К Амуру) 134
«Кто бы подумать мог? — Прелеста — обезьяна...» (Слон и обезьяна) 320
«Кто в блесках молнии нисходит?..» (Преложение 49-го псалма) 93
«Кто в страсти не ревнив? И можно ли дивиться...» (Сила любви) 311
«Кто как ни говори, а Нина бесподобна!..» (Эпиграмма) 354
«Кто на своем веку Фортуны не искал?..» (Искатели Фортуны) 162
«Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...» (Часовая стрелка) 193
«Кто росс — и ныне не восплещет...» (Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы) 296
«Кто хочет, тот несчастья трусь!..» (Эпиграмма) 270
«Куда мне, сердце страстно...» 300
Курица и утята («„Ты всё с утятами". — „Кому ж ходить за ними?"...») 238

Ласточка и птички («Летунья Ласточка и там и сям бывала...») 192
«Леандр, в последний раз возникнув из валов...» (Эпиграмма) 328
Лебедь и гагары («За то, что Лебедь так и бел и величав...») 194
Лев и Волк («Волк, полуночный тать...») 241
Лев и Комар («Прочь ты, подлейший гад, навоза порожденье!..») 227
Лестница («Примеры гордости и счастия превратна...») 258
«Лети, корабль, в свой путь с Виргилием моим...» (Подражание одам Горация) 92
«Летунья Ласточка и там и сям бывала...» (Ласточка и птички) 192
Летучая рыба («Есть рыбы, говорят, которые летают!..») 223
Лиса-проповедница («Разбитая параличом...») 190
«Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать...» (Надпись к портрету) 327
Львиное право («Медведя Лев спросил: „Через твою берлогу..."») 233
«Льстивый друг моей цевницы!..» (К приятелю) 308
«Любезного и прах останется ль безвестным?..» (Ф. М. Д<убянском>у) 137
«Любезный мой камин, товарищ дорогой...» (Камин) 392
«Любезный попугай! давно ли ты болтал...» (На смерть попугая) 271
«*Люблю* — есть жизнью наслаждаться...» (Люблю и любил) 355
Люблю и любил («*Люблю* — есть жизнью наслаждаться...») 355

«Любовник в первый день признаньем забавляет...» (История любви) 347
«Любовны утешенья...» (Ручеек) 294
Любовь и дружество («Священно дружество, о коль твой силен глас!..») 254
«Любовь любовию пленилась...» (Пародия) 347
Людмила 141

Магнит и Железо («„Зачем ты льнешь?" — Магнит Железу говорил...») 240
Магнит и Железо («Природу одолеть превыше наших сил...») 225
Мадекасская пленница 359
Мадригал («Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!..») 342
Мадригал девице, которая спорила со мною, что мужчины счастливее женщин («Мужчины счастливы, а женщины несчастны...») 331
Мартышка и Лиса («Скажи мне, есть ли зверь...») 239
«Мартышка, с нежностью дитя свое любя...» (Чадолюбивая мать) 237
«Медведя Лев спросил: „Через твою берлогу..."» (Львиное право) 233
«Между Репейником и розовым кустом...» (Репейник и Фиалка) 237
Меланхолик («Как сын проклятия, скитаюсь...») 352
Месяц («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») 383
«Мне лекарь говорил: „Нет, ни один больной..."» (Эпиграмма) 270
«Мне Хлоя сделала решительный отказ...» (Слабость) 281
Модная жена («Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!..») 172
«Мой друг, судьба определила...» (Ответ) 251
Молитвы («В преддверьи храма...») 381
Мудрец и Поселянин («Как я люблю моих героев воспевать!..») 202
«Мужчины счастливы, а женщины несчастны...» (Мадригал девице, которая спорила со мною, что мужчины счастливее женщин) 331
Муха («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») 205
Мщение Пчелы («Обиду мстя, Пчела...») 241
Мыльный Пузырек («Блестящий тысячью ирисиных цветов...») 243
Мышь, удалившаяся от света («Восточны жители, в преданиях своих...») 188
Мячик («Несносный жребий мой! то вверх, то вниз лечу...») 242

На журналы («Как этот год у нас журналами богат!..») 357
«На Клита, верно б, я сатиру сочинил...» (Эпиграммы, 2) 402
На кончину Веневитинова («Природа вновь цветет, и роза негой дышит!..») 368
На мир с Оттоманскою Портою («Во сне ли сладком я мечтаю...») 288
На Новый 1795 год («Будь счастливей в твоем теченьи!..») 298
На случай од, сочиненных в Москве в коронацию («Гордись пред галлами, московский ты Парнас!..») 336
На случай подарка от неизвестной («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!..») 145
На смерть Ипполита Федоровича Богдановича («„О чем ты сетуешь, прелестная Харита?"...») 347

На смерть попугая («Любезный попугай! давно ли ты болтал...») 271
На спуск Стефанием трех шаров, в присутствии трех знатных особ («„Ну, видел спуск я трех шаров!"...») 334
«На урну преклонясь вечернею порою...» (И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки») 137
«На чуждых берегах, где властвует тиран...» (Подражание 136-му псалму) 366
«„Над Черепахою нельзя не прослезиться"...» (Черепаха) 242
Надгробие («Не дрогнет начертать на камне сем резец...») 355
Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» («В спокойствии, в мечтах текли его все лета...») 346
Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» («Привесьте к урне сей, о грации, венец...») 346
Надгробие матери и сыну («Здесь мать двух близнецов почила в цвете дней...») 354
Надгробие от супруга супруге («И ангелы в плоти не дольше роз живут...») 368
Надгробие Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему московскому градоначальнику («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») 355
Надгробье другу моему И. Ф. Г—ю («Приходит нищ сюда — за прах сей бога просит...») 320
Надежда и Страх («Хотя Надежда ввек...») 373
Надпись к Амуру («Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...») 334
Надпись к Амуру («С тех пор как нежный пол смеется сердца стонам...») 401
Надпись к Амуру («Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...») 334
Надпись к бронзовой статуе фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне («Почтенный лик! Когда б ты был изображен...») 309
Надпись к бюсту императора Александра I («Потомство! Россиян завидуй торжеству...») 365
Надпись к егерскому дому, который выстроен был за городом («О дом, воздвигнутый Голицыным для псов!..») 336
Надпись к его же портрету («Се росс, агарян бич, сарматов покоритель...») 338
Надпись к памятнику мореходца Шелехова («Как царства падали к стопам Екатерины...») 317
Надпись к портрету («Ай, как его ужасен взор!..») 309
Надпись к портрету («Возможно ль, как легко по виду ошибиться!..») 310
Надпись к портрету («Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!..») 272
Надпись к портрету («Какой ужасный, грозный вид!..») 338
Надпись к портрету («Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать...») 327
Надпись к портрету («Одним тебя стихом, любезна, опишу...») 327
Надпись к портрету («Родятся лилии, родятся мухоморы...») 310
Надпись к портрету («Смейтесь, смейтесь, что я щурю...») 342

Надпись к портрету («Чей это, боже мой, портрет?..») 342
Надпись к портрету («Что мне об ней сказать?..») 327
Надпись к портрету Б. («Великий человек и духом и делами!..») 366
Надпись к портрету Н. А. Бекетова («Воспитанник любви и счастия богини...») 295
Надпись к портрету древнего русского историка Нестора («Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...») 336
Надпись к портрету Ивана Ивановича Шувалова («С цветущей младости до сребряных власов...») 329
Надпись <к портрету> князю Антиоху Димитриевичу Кантемиру («Се князь изображен Молдавский Кантемир...») 249
Надпись к портрету князя Италийского («Суворова здесь лик искусство начертало...») 337
Надпись к портрету лирика («Потомство! вот Петров...») 368
Надпись к статуе Юпитера («Или Юпитер сам с превыспренних кругов...») 268
«Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...» (Дон-Кишот) 206
Наслаждение («Всяк в своих желаньях волен...») 286
Наследники («Не доведи бог быть богатым и бесчадным...») 396
«Настала ночь, и скрылся образ Феба...» (Месяц) 383
«Настроив томну лиру...» (Песня) 312
«Нахальство, Аристарх, таланту не замена...» (Ответ) 357
«Начать до света путь и ощупью идти...» (Путешествие) 139
«Не амбра ль ты? — подняв Ком, персти я сказал...» (Ком земли) 242
«Не ведаю, какой судьбой...» (Червонец и Полушка) 371
«Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!..» (Осел, Обезьяна и Крот) 381
«Не доведи бог быть богатым и бесчадным...» (Наследники) 396
«Не дрогнет начертать на камне сем резец...» (Надгробие) 355
«Не знаю отчего зазнавшийся Осел...» (Осел и Кабан) 223
«Не понимаю я, откуда мысль пришла...» (Эпиграмма) 358
«Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...» (Послание к Н. М. Карамзину) 121
«Не твоего ль, Израиль, сына...» (Стихи на победу графа Суворова-Рымникского...) 296
«Не тигр, а человек — и сын убил... отца!..» (Совесть) 208
Невинность и Живописец («В Амуре на холсте всё жизнию дышало...») 240
«Нежной страсти плод любезный...» (Плач матери) 268
«Нежный ученик Орфея!..» (К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню «Голубок») 127
«Несносный жребий мой! то вверх, то вниз лечу...» (Мячик) 242
«Нет голоса во мне, а всё я говорю...» (Загадка) 337
«Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!..» (Мадригал) 342
«Неугомонное и вздорное Желанье...» (Желание и Страх) 243
«Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!..» (На случай подарка от неизвестной) 145
«Ни злато, ни чины ко счастью не ведут...» (Филемон и Бавкида) 150

Ниспроверженный Истукан («Что вижу? Истукан мой в прахе! Мщенье, мщенье. . .») 246
Нищий и собака («Большой боярский двор собака стерегла. . .») 222
Новости литературы («„Что за журнал?". . .») 351
Ночь («В черной мантии волнистой. . .») 318
«„Ну, видел спуск я трех шаров!". . .» (На спуск Стефанием трех шаров, в присутствии трех знатных особ) 334
«Ну, всех ли, милые мои, пересчитали? . .» (Сказка) 291

«О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном. . .» 290
«О век чудесностей, ума, изобретений! . .» (К текущему столетию) 395
«О времена! о времена! . .» (Суп из костей) 211
«О Геслер! где ты взял волшебное искусство? . .» (Стихи на игру господина Геслера, славного органиста) 302
«О дети, дети! как опасны ваши лета! . .» (Петух, Кот и Мышонок) 187
«О дом, воздвигнутый Голицыным для псов! . .» (Надпись к егерскому дому, который выстроен был за городом) 336
«О любезный, о мой милый! . .» 302
«О любовь! приятна мука. . .» 333
«О Пчелка! меж цветов, прекраснейших для взора. . .» (Прохожий и Пчела) 245
«О радость! дайте, дайте лиру. . .» (Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова) 75
«О ты, котора утешала. . .» (К лире) 270
«О, тяжкой жизни договор! . .» (Эпиграмма на дурные оды по случаю рождения именитой особы) 361
«„О чем ты сетуешь, прелестная Харита?". . .» (На смерть Ипполита Федоровича Богдановича) 347
Обезьяны («Во всяком роде есть безумцы и буяны. . .») 314
«Обиду мстя, Пчела. . .» (Мщение Пчелы) 241
«Обманывать и льстить. . .» 321
Объявление от издателей о журнале на будущий год («Во славу троицы певцов. . .») 356
Ода П. П. Бекетову («Пускай тщеславный предается. . .») 307
«Один охотник жить, не старее ста лет. . .» (Смерть и Умирающий) 229
«Один предобрый муж имел обыкновенье. . .» (Супружняя молитва) 336
«Один угрюмый Врач подобен был тирану. . .» (Два Врача) 245
«Однажды дома я весь вечер просидел. . .» (Сонет) 318
«Однажды Скрягин видел сон. . .» (Эпиграммы, 4) 402
«Однажды Шарлатан во весь горланил рот. . .» 378
«Одним тебя стихом, любезна, опишу. . .» (Надпись к портрету) 327
«„Он врал — теперь не врет". . .» (Эпиграмма) 270
«Он дома — иль Шолье, иль Юм, или Платон. . .» (Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина) 335
Орел и Змея («Орел из области громов. . .») 200
Орел и Каплун («Юпитеров Орел за облака взвивался. . .») 225
Орел и Коршун («Юпитер Коршуну сказал: „Твоя чреда. . ."») 245

Орел и Филин («Орел стремил полет свой к Фебову престолу...») 240
«Орел из области громов...» (Орел и Змея) 200
Орел, Кит, Уж и Устрица («Орел парил под облаками...») 196
«Орел парил под облаками...» (Орел, Кит, Уж и Устрица) 196
«Орел стремил полет свой к Фебову престолу...» (Орел и Филин) 240
Освобождение Москвы («Примите, древние дубравы...») 82
Осел и Выжлица («Скот глупый взял перед! и по какому праву?..») 246
Осел и Кабан («Не знаю отчего зазнавшийся Осел...») 223
«Осел, как скот простой...» (Истукан и Лиса) 220
Осел, Обезьяна и Крот («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!..») 381
Ответ («Мой друг, судьба определила...») 251
Ответ («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») 357
Отец с сыном («Скажите, батюшка, как счастия добиться?..») 211
«Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...» (Надпись к Амуру) 334
«Откуда визг и крик далече раздается?..» (Дети и мыльные пузыри) 365
«Отрады луч блеснул у Скорби на челе...» (Скорбь и Фортуна) 236
Отъезд («Простите, Лары и Пенаты!..») 252
Ошибка Чижа («Чиж, в птичник залетя, прельстился им как раем...») 236

Павлин («Индеек не на вкус пришел павлиний рост...») 239
«Парис и Марс, о том ни слова...» (К Венериной статуе) 327
Пародия («Любовь любовию пленилась...») 347
Пародия («Седящий на мешках славяно-русских слов...») 351
«Парю душой к тебе, всечтимый...» (Гимн богу) 94
«Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владетель...» (Песнь Лебедя) 235
Песнь Лебедя («Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владетель...») 235
Песнь на день коронования его императорского величества государя императора Александра Первого («И я питомец Аполлонов...») 76
Песня («Бедно сердце! как решиться...») 343
Песня («Бывало, я с прекрасной...») 295
Песня («Настроив томну лиру...») 312
Песня («Ты клялась мне, ты божилась...») 332
<Песня> («Цама, Цама! не мори...») 399
Песня для двух голосов («Что с тобой, любезна, стало?..») 332
Петух, Кот и Мышонок («О дети, дети! как опасны ваши лета!..») 187
План трагедии с хорами 361
Плач матери («Нежной страсти плод любезный...») 268
«Пловец под тучею нависшей...» (Подражание Горацию) 364
Плод («Садовник сетовал, что долго плод не зреет...») 236
Плоды мудрого правления («При пятом Льве Медведь за правду лез из кожи...») 234

«По ветру, без весла, Челнок помчался в море...» (Челнок без весла) 246
«По чести, от тебя не можно глаз отвесть...» 134
«Поверит ли кто мне? — Всегда, во всех местах...» (Подражание Петрарку) 328
«Поверю ль я тебе, Кощей...» (Эпиграмма) 268
«Под розово-сребристым небом...» (Весна) 281
«Подзобок на груди и, подогнув колена...» (Эпиграмма) 361
Подражание Горацию («Пловец под тучею нависшей...») 364
Подражание одам Горация («Лети, корабль, в свой путь с Виргилием моим...») 92
Подражание одам Горация («Служитель муз, хочу я истины воспеть...») 90
Подражание Петрарку («Поверит ли кто мне? — Всегда, во всех местах...») 328
Подражание Проперцию («Вотще мы, гордостью безумною надменны...») 279
Подражание 136-му псалму («На чуждых берегах, где властвует тиран...») 366
Подснежник («Что мне зима? — сказал Подснежник, ранний цвет...») 244
«Пой, скачи, кружись, Параша!..» 130
«Покорствуя судеб уставу...» (Кенотафия) 326
«„Полвека стан его возили в сей юдоле!“...» (Эпитафия) 355
Полевой цветок («Простой цветочек, дикой...») 233
Порок и Добродетель («„Я царь земной!" — Порок в надменности изрек...») 235
Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину («Друг изящного в природе...») 335
Послание к Н. М. Карамзину («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») 121
Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту («Иван! запри ты дверь, защелкни, заложи...») 101
«Пословица у нас: *на ближних уповай...*» (Жаворонок с детьми и Земледелец) 217
«Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...» (Надпись к портрету древнего русского историка Нестора) 336
«Потомство! вот Петров...» (Надпись к портрету лирика) 368
«Потомство! Россиян завидуй торжеству...» (Надпись к бюсту императора Александра I) 365
«Почтенный лик! Когда б ты был изображен...» (Надпись к бронзовой статуе фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне) 309
«„Почто ты Ма́зона, мой друг, не прочитаешь?“...» (Эпиграмма) 268
«Поэт и горд еще! — сказал спесивый Клим...» (Богач и поэт) 243
«Поэт Оргон, хваля жену не в меру...» (Эпиграмма) 354
«Поэт случайно в честь и круг бояр попал...» (Беспечность поэта) 244
«Поэту ль своего таланта не любить?..» (Стихи в альбом Е. С. О<гаревой>) 145
«Прекрасный голубчик! скажи мне, отколе...» (Голубок) 283
«Прелеста, веселись! Мой рок уже решился...» (К*** о выгодах быть любовницею стихотворца) 265

«Прелестна Грация, служа́щая Венере...» 278
«Прелестна Лизонька! на этом самом поле...» (Счет поцелуев) 264
«Прелестная Лизета...» (Кокетка и Пчела) 378
«Прелестный пол твердит: без сердца скучен свет...» 390
Преложение 49-го псалма («Кто в блесках молнии нисходит?..») 93
Преступления («Тигр, ужас всех зверей, подняв кровавы взоры...») 235
«При пятом Льве Медведь за правду лез из кожи...» (Плоды мудрого правления) 234
«Привесьте к урне сей, о грации, венец...» (Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки») 346
Придворный и Протей («Издавна говорят, что будто царедворцы...») 209
Признание («Темира! виноват; ты точно отгадала...») 342
«Примеры гордости и счастия превратна...» (Лестница) 258
«Примите древние дубра́вы...» (Освобождение Москвы) 82
«Природа вновь цветет, и роза негой дышит!..» (На кончину Веневитинова) 369
«Природу одолеть превыше наших сил...» (Магнит и Железо) 225
«Приходит нищ сюда — за прах сей бога просит...» (Надгробье другу моему И. Ф. Г—ю) 320
Причудница («В Москве, которая и в древни времена...») 176
«Простите, Лары и Пенаты!..» (Отъезд) 252
«Простой цветочек, дикой...» (Полевой цветок) 233
«Против Калифова огромного дворца...» (Калиф) 164
Прохожий («Прохожий, в монастырь зашедши на пути...») 205
«Прохожий, в монастырь зашедши на пути...» (Прохожий) 205
Прохожий и горлица 141
Прохожий и Пчела («О Пчелка! меж цветов, прекраснейших для взора...») 245
«Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...» (Эпитафия эпитафиям) 347
«Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай...» 138
«„Прочь, дале! близ тебя лежать я не хочу"...» (Хлеб и Свечка) 241
«Прочь, затеи стихотворства!..» (Стихи по просьбе одной матери на двух ее детей) 311
«Прочь, наглый, прочь ты, Шмель! — вскричала *утром* Роза...» (Роза и Шмель) 235
«Прочь от нас, Катон, Сенека...» (Стансы к Н. М. Карамзину) 123
«Прочь ты, подлейший гад, навоза порожденье!..» (Лев и Комар) 227
«Птичка, вырвавшись из клетки...» 292
«Пускай кто многими землями обладает...» (Элегия) 142
«Пускай от зависти сердца в зоилах ноют...» (К портрету М. М. Хераскова) 135
«Пускай тщеславный предается...» (Ода П. П. Бекетову) 307
Пустынник и Фортуна («Какой-то добрый человек...») 376
Путешествие («Начать до света путь и ощупью идти...») 139
Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия («Друзья! сестрицы! я в Париже!..») 348
Пчела и Муха («Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела...») 212
Пчела, Шмель и я («Шмель, рояся в навозе...») 374

Равновесие («Сын севера! суров и хладен твой климáт...») 233
«Разбитая параличом...» (Лиса-проповедница) 190
Разбитая скрипка («Скрипица пошлая упала и разбилась...») 234
Размышление по случаю грома («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») 89
Репейник и Фиалка («Между Репейником и розовым кустом...») 237
«Родятся лилии, родятся мухоморы...» (Надпись к портрету) 310
Роза и Шмель («Прочь, наглый, прочь ты, Шмель! — вскричала *утром* Роза...») 235
Романс («Где Дафнис? Где он воспевает...») 329
«Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...» (Человек и Эхо) 384
Ружье и Заяц («Трусливых наберешь немало...») 195
Ручеек («Любовны утешенья...») 294
Рысь и Крот («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») 219

«С восходом солнечным переходя лужок...» (Три путешественника) 224
«С тех пор как нежный пол смеется сердца стонам...» (Надпись к Амуру) 401
«С умом ли, Капля, ты? Меня пробить взялась!..» (Каменная гора и водяная капля) 243
«С цветущей младости до сребряных власов...» (Надпись к портрету Ивана Ивановича Шувалова) 329
«С чего Конь пышет, ржет? — Гортань дерут Уздою...» (Узда и Конь) 244
Садовая Мышь и кабинетская Крыса («Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!..») 245
«Садовник сетовал, что долго плод не зреет...» (Плод) 236
«Садовник, яблоко отняв у Обезьяны...» (Человек, Обезьяна, Червь и яблоко) 239
Сверчки («Два обывателя столицы безымянной...») 222
«Свершилось. Расторгаю узы...» (К друзьям моим) 400
«Свет полон чудаков: Медведь Лисе был друг...» (Своенравная Лиса) 238
Светляк и Змея («Со светлым червячком встречается Змея...») 238
Своенравная Лиса («Свет полон чудаков: Медведь Лисе был друг...») 238
«Священно дружество, о коль твой силен глас!..» (Любовь и дружество) 254
«Се князь изображен Молдавский Кантемир...» (Надпись <к портрету> князю Антиоху Димитриевичу Кантемиру) 249
«Се росс, агарян бич, сарматов покоритель...» (Надпись к его же портрету) 338
А. Г. С<евериной> в день ее рождения («Вступая в новый год, любезная Климена...») 145
«Седящий на мешках славяно-русских слов...» (Пародия) 351
«Сердися Лафонтен иль нет...» (Желания) 220
«„Сестрица, душенька!" — „Здорово, братец мой!"...» (Амур и дружба) 145
Сила любви («Кто в страсти не ревнив? И можно ли дивиться...») 311
«Скажи мне, есть ли зверь...» (Мартышка и Лиса) 239

«Скажи мне, Пóнтикус, какая польза в том...» (Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве) 95
«Скажи, мой друг, чистосердечно...» (Эпиграммы, 3) 389
«Скажите, батюшка, как счастия добиться?..» (Отец с сыном) 211
Сказка («Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?..») 291
«Сколь счастлив тот, кто Дружбу знает!..» (Истукан дружбы) 372
Скорбь и Фортуна («Отрады луч блеснул у Скорби на челе...») 236
«Скот глупый взял перед! и по какому праву?..» (Осел и Выжлица) 246
«Скрипица пошлая упала и разбилась...» (Разбитая скрипка) 234
Слабость («Мне Хлоя сделала решительный отказ...») 281
Слепец и расслабленный («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») 209
Слепец, Собака его и Школьник («Бедняк, живой пример в злосчастии смиренья...») 385
Слон и Мышь («Как ни велик и силен Слон...») 212
Слон и обезьяна («Кто бы подумать мог? — Прелеста — обезьяна...») 320
«Слуга покорный тем и этим в тот же час...» (Амур в карикатуре) 358
«Служитель муз, хочу я истины воспеть...» (Подражание одам Горация) 90
«Случилось Кролику от дома отлучиться...» (Кот, Ласточка и Кролик) 215
«Слушай всякий, кто с ушами...» (Будочник) 358
«Смейтесь, смейтесь, что я щурю...» (Надпись к портрету) 342
Смерть и Умирающий («Один охотник жить, не старее ста лет...») 229
Смерть князя Потемкина («Уныл внезапу лавр зеленый...») 272
«Сними с себя завесу...» (Карикатура) 275
«Со светлым червячком встречается Змея...» (Светляк и Змея) 238
Собака и Перепел («За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом...») 244
Совесть («Не тигр, а человек — и сын убил... отца!..») 208
Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве («Скажи мне, Пóнтикус, какая польза в том...») 95
Сонет («Однажды дома я весь вечер просидел...») 318
Спор на Олимпе 344
«Средь храма, ниц челом, Моллак молился вслух...» (Две молитвы) 242
Стансы («Я счастлив был во дни невинности беспечной...») 352
Стансы к Н. М. Карамзину («Прочь от нас, Катон, Сенека...») 123
Старик и трое молодых («Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел...») 226
«Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел...» (Старик и трое молодых) 226
Старинная любовь («Как мило жили в старину!..») 139
Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина («Он дома — иль Шолье, иль Юм, или Платон...») 335
«Стени, дочь нежная, над урною отца!..» (Стихи на кончину фельдмаршала графа И. П. Салтыкова) 356
Стихи в альбом Е. С. О<гаревой> («Поэту ль своего таланта не любить?..») 145

Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы («Кто росс — и ныне не восплещет. . .») 296
Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол («Ты принял скиптр Екатерины. . .») 322
Стихи на всерадостный день рождения ее императорского величества («В сей день, как росс, простерши руки. . .») 305
Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова («О радость! дайте, дайте лиру. . .») 75
Стихи на игру господина Геслера, славного органиста («О Геслер! где ты взял волшебное искусство? . .») 302
Стихи на кончину доктора Вира («Что вижу? злая смерть днесь косу поднимает. . .») 250
Стихи на кончину фельдмаршала графа И. П. Салтыкова («Стени, дочь нежная, над урною отца! . .») 356
Стихи на победу графа Суворова-Рымникского... («Не твоего ль, Израиль, сына. . .») 296
Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи («Всяк подвиг божеству возможен. . .») 313
Стихи по просьбе одной матери на двух ее детей («Прочь, затеи стихотворства! . .») 311
«Столица роскоши, искусства и наук. . .» (История) 204
«Стонет сизый голубочек. . .» 128
«Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно. . .» (Надпись к Амуру) 334
«Суворова здесь лик искусство начертало. . .» (Надпись к портрету князя Италийского) 337
Суп из костей («О времена! о времена! . .») 211
Супружняя молитва («Один предобрый муж имел обыкновенье. . .») 336
«Счастливый Писарев! Мне ль, старцу, близ могилы. . .» (В альбом г-жи Иванчиной-Писаревой) 370
Счет поцелуев («Прелестна Лизонька! на этом самом поле. . .») 264
«Сын севера! суров и хладен твой климáт. . .» (Равновесие) 233
«Сыны Османовы вопили: „Мщенье, мщенье! . .“» (Дух смирения) 240

«Таланты все в родстве; источник их один. . .» (В альбом Шимановской) 368
«Темира! виноват; ты точно отгадала. . .» (Признание) 342
«Тигр, ужас всех зверей, подняв кровавы взоры. . .» (Преступления) 235
«Тише, ласточка болтлива! . .» 286
Три льва («Его величество, Лев сильный, царь зверей. . .») 384
Три путешественника («С восходом солнечным переходя лужок. . .») 224
Триссотин и Вадиус 146
«Трусливых наберешь немало. . .» (Ружье и Заяц) 195
«„Ты всё с утятами“. — „Кому ж ходить за ними?“. . .» (Курица и утята) 238
«Ты клялась мне, ты божилась. . .» (Песня) 332

«Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!..» (Садовая Мышь и кабинетская Крыса) 245
«Ты ль это, Буало? Какой смешной наряд!..» (Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poétique») 359
«Ты принял скиптр Екатерины...» (Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол) 322
«Тьфу, к черту, — муж сказал жене...» 392

«У Льва родился сын. В столице, в городах...» (Воспитание Льва) 159
«У сетки сторожа добычу, Птицелов...» (Змея и Птицелов) 239
«Убийца, чтоб спастись от строгости судей...» (Утопший убийца) 241
«Увы, — Дамон кричит, — мне Нина неверна!..» (Эпиграмма) 345
«Уж ночь на Петербург спустила свой покров...» (Картина) 165
«Уже опять орлы российски...» (Быль) 262
Узда и Конь («С чего Конь пышет, ржет? — Гортань дерут Уздою...») 244
«Умен ли я, никем еще в том не уверен...» (Я) 267
«Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен...» (Воробей и Зяблица) 203
«Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь...» (Идиллия) 249
«Уныл внезапу лавр зеленый...» (Смерть князя Потемкина) 272
«Утешно вспоминать под старость детски леты...» (Воздушные башни) 168
Утопший убийца («Убийца, чтоб спастись от строгости судей...») 241

Филемон и Бавкида («Ни злато, ни чины ко счастью не ведут...») 150

Хлеб и Свечка («Прочь, дале! близ тебя лежать я не хочу...») 241
«Хорош бы Фока был, да много говорит...» (Эпиграмма) 327
«Хотел бы Лизу я иметь моей женой...» (Эпиграммы, 1) 389
«Хотя Надежда ввек...» (Надежда и Страх) 373

«Цама! Цама! не мори...» (<Песня>) 399
Царь и два Пастуха («Какой-то государь, прогуливаясь в поле...») 228
Цвет и Плод («Цветной горох под суд хозяина попал...») 245
«Цветной горох под суд хозяина попал...» (Цвет и Плод) 245
«Целуйте вы сей лик...» (<К портрету> графа Витгенштейна) 135

Чадолюбивая мать («Мартышка, с нежностью дитя свое любя...») 237
Часовая стрелка («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») 193
«Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?..» (В. В. И<змайлову>) 368
«Чей это, боже мой, портрет?..» (Надпись к портрету) 342
Челнок без весла («По ветру, без весла, Челнок помчался в море...») 246

Человек и Конь («Читатели! Хотите ль знать...») 193
Человек и Эхо («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») 384
Человек, Обезьяна, Червь и яблоко («Садовник, яблоко отняв у Обезьяны...») 239
Червонец и Полушка («Не ведаю, какой судьбой...») 371
Черепаха («„Над Черепахою нельзя не прослезиться"...») 242
«Честон был поражен кинжалом, но слегка...» (Клевета) 238
«Чиж, в птичник залетя, прельстился им как раем...» (Ошибка Чижа) 236
«Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет...» (Чижик и Зяблица) 189
Чижик и Зяблица («Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет...») 189
«Читатели! хотите ль знать...» (Человек и Конь) 193
«Что вздумалось тебе сухие апологи...» (Автор и Критика) 246
«Что вижу? злая смерть днесь косу поднимает...» (Стихи на кончину доктора Вира) 250
«Что вижу? Истукан мой в прахе! Мщенье, мщенье...» (Ниспроверженный Истукан) 246
«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло...» (Чужой толк) 113
«„Что за журнал?"...» (Новости литературы) 351
«„Что легче перышка?" — „Вода", — я отвечаю...» 352
«Что мне зима? — сказал Подснежник, ранний цвет...» (Подснежник) 244
«Что мне об ней сказать? ..» (Надпись к портрету) 327
«Что может более порадовать певца...» (К графу Н. П. Румянцеву) 120
«Что пред соперницей Эраты наше пенье! ..» (К альбому кн. Н. И. К<уракиной>) 361
«Что с тобой, любезна, стало? ..» (Песня для двух голосов) 336
«Что с тобою, ангел, стало? ..» 130
«Что сделалось с тобою ныне? ..» (Чужеземное растение) 234
«Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...» (Экспромт) 334
«Что слышу? .. О, приятна весть! ..» (К честному человеку) 279
Чужеземное растение («Что сделалось с тобою ныне? ..») 234
Чужой толк («Что за диковинка? лет двадцать уж прошло...») 113
«Чума и смерть вошли в великолепный град...» (Быль) 375

Шарлатан («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») 378
«Шмель, рояся в навозе...» (Пчела, Шмель и я) 374

Экспромт («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...») 334
Элегия («Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали! ..») 333
Элегия («Коль надежду истребила...») 293
Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») 142
Эпиграмма («Дамон! Кто бытию всевышнего не верит...») 310
Эпиграмма («За что Ликаста осуждают...») 251
Эпиграмма («Завидна, — я сказал, — Терситова судьбина...») 310
Эпиграмма («Как! Рифмин жив еще и телом и душой? ..») 334
Эпиграмма («Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...») 298
Эпиграмма («Кто как ни говори, а Нина бесподобна! ..») 354
Эпиграмма («Кто хочет, тот несчастья трусь! ..») 270

Эпиграмма («Леандр, в последний раз возникнув из валов...») 328
Эпиграмма («Мне лекарь говорил: „Нет, ни один больной..."») 270
Эпиграмма («Не понимаю я, откуда мысль пришла...») 358
Эпиграмма («О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном...») 290
Эпиграмма («„Он врал — теперь не врет"...») 270
Эпиграмма («Поверю ль я тебе, Кощей...») 268
Эпиграмма («Подзобок на груди и, подогнув колена...») 361
Эпиграмма («„Почто ты Мáзона, мой друг, не прочитаешь?"...») 268
Эпиграмма («Поэт Оргон, хваля жену не в меру...») 354
Эпиграмма («Увы, — Дамон кричит, — мне Нина неверна!..») 345
Эпиграмма («Хорош бы Фока был, да много говорит...») 327
Эпиграмма («„Я разорился от воров!"...») 344
Эпиграмма на дурные оды по случаю рождения именитой особы («О, тяжкой жизни договор!..») 361
Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poétique» («Ты ль это, Буало? Какой смешной наряд!..») 359
Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи», напечатанную в одном журнале («Без имя Рифмодей глумился сколько мог...») 356
Эпиграммы (1—3) 389
Эпиграммы (1—5) 401
Эпитафия («В надежде будущих талантов...») 328
Эпитафия («Когда и дружество струило слез потоки...») 310
Эпитафия («„Полвека стан его возили в сей юдоле!"...») 355
Эпитафия эпитафиям («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...») 347

«Юность, юность! веселися...» 301
«Юпитер Коршуну сказал: „Твоя чреда..."» (Орел и Коршун) 245
«Юпитеров Орел за облака взвивался...» (Орел и Каплун) 225

Я («Умен ли я, никем еще в том не уверен...») 267
«Я лучшей не могу хвалы ему сказать...» (К портрету М. Н. Муравьева) 135
«Я моськой быть желаю...» 322
«Я не архангел Гавриил...» (К Маше) 339
«„Я разорился от воров!"...» (Эпиграмма) 344
«Я счастлив был во дни невинности беспечной...» (Стансы) 352
«„Я царь земной!" — Порок в надменности изрек...» (Порок и Добродетель) 235
«Янтарная заря, румяный неба цвет...» (<К портрету П. И. Шаликова>) 136

СОДЕРЖАНИЕ

«Рядовой на Пинде воин» *(Поэзия Ивана Дмитриева). Вступительная статья Г. П. Макогоненко* 5

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть первая

Лирические стихотворения

1. Глас патриота на взятие Варшавы 73
2. Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова 75
3. Песнь на день коронования его императорского величества государя императора Александра Первого 76
4. Ермак 78
5. Освобождение Москвы 82
6. К Волге 87
7. Размышление по случаю грома 89
8—9. Подражание одам Горация 90
10. Преложение 49-го псалма 93
11. Гимн богу 94

Сатирические стихотворения

12. Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве . 95
13. Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту 101
14. Чужой толк 113

⟨ Послания ⟩

15. К Г. Р. Державину 117
16. К Г. Р. Державину (По случаю кончины первой супруги его) 118
17. К графу Н. П. Румянцеву 120
18. Послание к Н. М. Карамзину 121
19. Стансы к Н. М. Карамзину 123
20. К А. Г. С<еверино>й 125
21. К <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи 126
22. К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню «Голубок» 127
23. «Стонет сизый голубочек...» 128
24. «Видел славный я дворец...» 129
25. «Что с тобою, ангел, стало?..» 130
26. «Пой, скачи, кружись, Параша!..» 130
27. «Всё ли, милая пастушка...» 131
28. «Ах! когда б я прежде знала...» 132
29. «Всех цветочков боле...» 133

⟨ Мадригалы. Надписи. Эпитафии ⟩

30. «По чести, от тебя не можно глаз отвесть...» 134
31. «Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...» 134
32. К Амуру 134
33. К портрету М. М. Хераскова 135
34. <К портрету> Г. Р. Державина 135
35. <К портрету> М. Н. Муравьева 135
36. <К портрету> графа Витгенштейна 135
37. <К портрету Н. М. Карамзина> 136
38. <К портрету П. И. Шаликова> 136
39. «Вот мой тебе портрет; сколь счастлив бы я был...» 136
40. «И это человек?..» 136
41. И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» 137
42. В. И. С. 137
43. Ф. М. Д<убянском>у 137
44. В. А. В<оейков>у 137
45. «Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах...» 138
46. «Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай...» 138

⟨ Разные стихотворения ⟩

47. Путешествие 139
48. Старинная любовь. *Баллада* 139
49. Прохожий и горлица 141
50. Людмила. *Идиллия* 141
51. Элегия. *Подражание Тибуллу* 142
52. Стихи в альбом Е. С. О<гаревой> 145
53. На случай подарка от неизвестной 145
54. А. Г. С<евериной> в день ее рождения 145

55. Амур и дружба 145
56. Триссотин и Вадиус (*Вольный перевод из Мольеровой комедии «Les femmes savantes»*) 146
57. Филемон и Бавкида. *Вольный перевод из Лафонтена* . . . 150
58. К друзьям моим *по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр<авительствующего> сената* 154

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть вторая

Сказки

59. Воспитание Льва . . 159
60. Искатели Фортуны . 162
61. Калиф 164
62. Картина 165
63. Воздушные башни . 168
64. Модная жена . . . 172
65. Причудница 176

Басни

Книга первая

66. Дуб и Трость 186
67. Петух, Кот и Мышонок 187
68. Мышь, удалившаяся от света . 188
69. Чижик и Зяблица 189
70. Лиса-проповедница 190
71. Ласточка и птички 192
72. Часовая стрелка 193
73. Человек и Конь 193
74. Лебедь и гагары 194
75. Ружье и Заяц 195
76. Орел, Кит, Уж и Устрица . . 196
77. Каретные лошади 197
78. Два Голубя 197
79. Орел и Змея 200
80. Змея и Пиявица 200

Басни

Книга вторая

81. Мудрец и Поселянин 202
82. Воробей и Зяблица 203
83. История 204

84. Прохожий 205
85. Муха 205
86. Два друга 205
87. Дон-Кишот 206
88. Совесть 208
89. Придворный и Протей 209
90. Слепец и расслабленный 209
91. Отец с сыном 211
92. Суп из костей 211
93. Пчела и Муха 212
94. Слон и Мышь 212
95. Бык и Корова 213
96. Бобр, Кабан и Горностай 213

Басни

Книга третья

97. Кот, Ласточка и Кролик 215
98. Жаворонок с детьми и Земледелец 217
99. Верблюд и Носорог 218
100. Рысь и Крот 219
101. Истукан и Лиса 220
102. Желания 220
103. Нищий и Собака 222
104. Сверчки 222
105. Осел и Кабан 223
106. Летучая рыба 223
107. Три путешественника 224
108. Орел и Каплун 225
109. Магнит и Железо («Природу одолеть превыше наших сил. . .») 225
110. Старик и трое молодых 226
111. Лев и Комар 227
112. Царь и два Пастуха 228
113. Смерть и Умирающий 229

Апологи

114. Равновесие 233
115. Львиное право 233
116. Полевой цветок 233
117. Дитя на столе 234
118. Разбитая скрипка 234
119. Чужеземное растение 234
120. Плоды мудрого правления 234
121. Преступления 235
122. Роза и Шмель 235
123. Песнь Лебедя 235
124. Порок и Добродетель 235
125. Скорбь и Фортуна 236
126. Ошибка Чижа 236

127. Жертвенник и Правосудие . . . 236
128. Плод . . . 236
129. Еж и Мышь . . . 237
130. Деревцо . . . 237
131. Чадолюбивая мать . . . 237
132. Репейник и Фиалка . . . 237
133. Курица и Утята . . . 238
134. Клевета . . . 238
135. Светляк и Змея . . . 238
136. Своенравная Лиса . . . 238
137. Змея и Птицелов . . . 239
138. Павлин . . . 239
139. Человек, Обезьяна, Червь и яблоко . . . 239
140. Мартышка и Лиса . . . 239
141. Невинность и Живописец . . . 240
142. Дух смирения . . . 240
143. Орел и Филин . . . 240
144. Магнит и Железо («„Зачем ты льнешь?“ — Магнит Железу говорил. . .») . . . 240
145. Утопший убийца . 241
146. Мщение Пчелы . . 241
147. Хлеб и Свечка . . 241
148. Лев и Волк . . . 241
149. Мячик . . . 242
150. Ком земли . . . 242
151. Черепаха . . . 242
152. Две молитвы . . . 242
153. Каменная гора и водяная капля . . 243
154. Богач и Поэт . . . 243
155. Желание и Страх . . 243
156. Мыльный Пузырек . . 243
157. Беспечность Поэта . . . 244
158. Собака и Перепел . . . 244
159. Подснежник . . . 244
160. Узда и Конь . . . 244
161. Прохожий и Пчела . . . 245
162. Орел и Коршун . . . 245
163. Два Врача . . . 245
164. Цвет и Плод . . . 245
165. Садовая Мышь и кабинетская Крыса . 245
166. Осел и Выжлица . . . 246
167. Ниспроверженный Истукан . 246
168. Челнок без весла . . . 246
169. *Эпилог.* Автор и Критика . 246

II

Стихотворения, не включенные в основное собрание

170. Надпись <к портрету> князю Антиоху Димитриевичу Кантемиру . . . 249
171. Идиллия («Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь. . .») . 249

172. Стихи на кончину доктора Вира 250
173. Эпиграмма («За что Ликаста осуждают...») 251
174. Ответ («Мой друг, судьба определила...») 251
175. К***, которая хотела испортить часы 252
176. Отъезд 252
177. Любовь и дружество 254
178*. Лестница 258
179*. Две гробницы. *Идиллия* 259
180. Быль 262
181. Счет поцелуев 264
182. К*** о выгодах быть любовницею стихотворца 265
183. Я 267
184. Эпиграмма («Поверю ль я тебе, Кощей...») 268
185. Эпиграмма («Почто ты Ма́зона, мой друг, не прочитаешь?..») 268
186. Надпись к статуе Юпитера. *Перевод из антологии* . . . 268
187. Плач матери 268
188. Эпиграмма («Кто хочет, тот несчастья трусь!..») . . . 270
189. Эпиграмма («Он врал — теперь не врет...») 270
190. Эпиграмма («Мне лекарь говорил: „Нет, ни один больной..."») 270
191. К лире 270
192. На смерть попугая 271
193. Надпись к портрету («Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!..») 272
194. К Климене, которая спрашивала меня... 272
195. Смерть князя Потемкина 272
196. Карикатура 275
197. «Прелестна Грация, служа́щая Венере...» 278
198. Подражание Проперцию 279
199. К честному человеку 279
200. Слабость 281
201. Весна 281
202. Гимн восторгу 282
203. Голубок *(Подражание Анакреону)* 283
204. К младенцу 284
205. «Тише, ласточка болтлива!..» 286
206. Наслаждение 286
207. К Хлое 287
208. На мир с Оттоманскою Портою 288
209. Эпиграмма («О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном...») 290
210. «Без друга и без милой...» 290
211. Сказка 291
212. «Птичка, вырвавшись из клетки...» 292
213. Элегия («Коль надежду истребила...») 293
214*. Ручеек 294
215*. Песня («Бывало, я с прекрасной...») 295
216. Надпись к портрету Н. А. Бекетова 295
217. Стихи на победу графа Суворова-Рымникского... 296
218. Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы 296

219. Эпиграмма («Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...») . . . 298
220. На Новый 1795 год . . . 298
221. «Други! время скоротечно...» . . . 299
222. «Куда мне, сердце страстно...» . . . 300
223. «Юность, юность! веселися...» . . . 301
224. «О любезный, о мой милый!..» . . . 302
225. Стихи на игру господина Геслера, славного органиста . . . 302
226. К*** в день ее рождения . . . 304
227. Стихи на всерадостный день рождения ее императорского величества . . . 305
228. Ода П. П. Бекетову . . . 307
229. К приятелю *(С дачи)* . . . 308
230. К Ю. А. Н<елединскому>-М<елецкому> . . . 308
231. Надпись к бронзовой статуе фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне . . . 309
232. Надпись к портрету («Ай, как его ужасен взор!..») . . . 309
233. Надпись к портрету («Возможно ль, как легко по виду ошибиться!..») . . . 310
234. Надпись к портрету («Родятся лилии, родятся мухоморы...») . . . 310
235. Эпиграмма («Завидна,— я сказал,— Терситова судьбина...») . . . 310
236. Эпитафия («Когда и дружество струило слез потоки...») . 310
237. Эпиграмма («Дамон! Кто бытию всевышнего не верит...») 310
238. Стихи по просьбе одной матери на двух ее детей . . . 311
239. Сила любви . . . 311
240*. Песня («Настроив томну лиру...») . . . 312
241*. К голубку . . . 312
242. Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи . . . 313
243*. Обезьяны . . . 314
244*. Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма . . . 315
245. Надпись к памятнику мореходца Шелехова . . . 317
246*. Горлица и мальчик *(Подражание французскому)* . . . 317
247*. Сонет . . . 318
248*. Ночь . . . 318
249*. Надгробье другу моему И. Ф. Г—ю . . . 320
250*. Слон и обезьяна . . . 320
251. «Обманывать и льстить...» . . . 321
252. «Я моськой быть желаю...» . . . 322
253*. Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол . . . 322
254. Блаженство . . . 325
255. К Лампию, славному живописцу . . . 326
256. Кенотафия . . . 326
257. Надпись к портрету («Что мне об ней сказать?..») . . . 327
258. Надпись к портрету («Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать...») . . . 327
259. Надпись к портрету («Одним тебя стихом, любезна, опишу...») . . . 327
260. Эпиграмма («Хорош бы Фока был, да много говорит...») . 327

261. К Венериной статуе. *Из антологии* 327
262. Эпиграмма. *Из антологии* («Леандр, в последний раз возникнув из валов...») 328
263. Эпитафия («В надежде будущих талантов...») 328
264. Подражание Петрарку 328
265. Надпись к портрету Ивана Ивановича Шувалова 329
266*. Романс («Где Дафнис? Где он воспевает...») 329
267*. Мадригал девице, которая спорила со мною, что мужчины счастливее женщин 331
268*. Песня («Ты клялась мне, ты божилась...») 332
269*. Песня для двух голосов («Что с тобой, любезна, стало?..») 332
270. Элегия («Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали...») . 333
271. Экспромт *(На игру г-на Дица)* 334
272. На спуск Стефанием трех шаров, в присутствии трех знатных особ 334
273. Надпись к Амуру («Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...») 334
274. Надпись к Амуру («Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...») 334
275. Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина 335
276. Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину 335
277. Надпись к егерскому дому, который выстроен был за городом 336
278. Надпись к портрету древнего русского историка Нестора . 336
279. На случай од, сочиненных в Москве в коронацию 336
280. Супружняя молитва 336
281. Загадка 337
282. Надпись к портрету князя Италийского 337
283. Надпись к его же портрету 338
284. Надпись к портрету («Какой ужасный, грозный вид!..») . 338
285. Близнецы 338
286. Быль («Даруй мне, муза, тон согласный...») 338
287. К Маше 339
288. К <А. Г. Севериной> при сообщении ей других стихов . 340
289. Мадригал («Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!..») . 342
290. Надпись к портрету («Смейтесь, смейтесь, что я щурю...») 342
291. Надпись к портрету («Чей это, боже мой, портрет?..») . 342
292. Признание 342
293. Песня («Бедно сердце! как решиться...») 343
294. Спор на Олимпе 344
295. Эпиграмма («Я разорился от воров...») 344
296. Эпиграмма («Увы, — Дамон кричит, — мне Нина неверна!..») 345
297. Грусть 345
298. Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» («Привесьте к урне сей, о грации, венец...») 346
299. Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» («В спокойствии, в мечтах текли его все лета...») 346
300. На смерть Ипполита Федоровича Богдановича 347
301. Пародия («Любовь любовию пленилась...») 347
302. Эпитафия эпитафиям 347
303. История любви 347

304. Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия 348
305. Пародия («Седящий на мешках славяно-русских слов...») 351
306. Новости литературы 351
307. «„Что легче перышка?" — „Вода", — я отвечаю...» . . . 352
308. Стансы («Я счастлив был во дни невинности беспечной...») 352
309. Меланхолик. *Романс, подражание французскому* 352
310. К приятелю, который по сходству двух различных фамилий часто принимал одну вместо другой 353
311. Эпиграмма («Как! Рифмин жив еще и телом и душой?..») 354
312. Эпиграмма («Кто как ни говори, а Нина бесподобна!..») . 354
313. Эпиграмма («Поэт Оргон, хваля жену не в меру...») . . 354
314. Надгробие матери и сыну 354
315. Надгробие («Не дрогнет начертать на камне сем резец...») 355
316. Эпитафия («„Полвека стан его возили в сей юдоле!"...») . 355
317. Люблю и любил 355
318. Надгробие Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему московскому градоначальнику 355
319. Объявление от издателей о журнале на будущий год . . 356
320. Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи», напечатанную в одном журнале 356
321. Стихи на кончину фельдмаршала графа И. П. Салтыкова . 356
322. На журналы 357
323. Ответ 357
324. К моему лицеподобию 357
325. Эпиграмма («Не понимаю я, откуда мысль пришла...») . 358
326. Амур в карикатуре 358
327. Будочник 358
328. Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poètigue» 359
329. Эпитафия князю А. М. Белосельскому-Белозерскому . . . 359
330. Мадекасская пленница 359
331. К альбому кн. Н. И. К<уракиной> 361
332. Эпиграмма на дурные оды по случаю рождения именитой особы 361
333. Эпиграмма («Подзобок на груди и, подогнув колена...») . 361
334. План трагедии с хорами 361
335. Подражание Горацию (Ода VII из книги XIII) . . . 364
336. Надпись к бюсту императора Александра I 365
337*. Дети и мыльные пузыри 365
338*. <П. А. Вяземскому> 366
339*. Надпись к портрету Б. 366
340. Подражание 136-му псалму 366
341. В альбом Шимановской 368
342. Надгробие от супруга супруге 368
343. Надпись к портрету лирика . . . 368
344. В. В. И<змайлову> 368
345. На кончину Веневитинова 369
346. Василию Андреевичу Жуковскому... . . 369
347. В альбом г-жи Иванчиной-Писаревой . . 370

Басни

348. Червонец и Полушка 371
349. Истукан дружбы 372
350. Надежда и Страх 373
351. Пчела, Шмель и я 374
352. Быль 375
353. Пустынник и Фортуна 376
354. Заяц и Перепелиха 377
355. Шарлатан 378
356. Кокетка и Пчела 378
357. Дряхлая старость 379
358. Башмак, мерка равенства 380
359. Книга «Разум» 380
360. Осел, Обезьяна и Крот 381
361. Молитвы 381
362. Горесть и скука 382
363. Две Лисы 382
364. Амур, Гимен и Смерть 383
365. Месяц 383
366. Три льва 384
367. Человек и Эхо 384
368. Два Веера 385
369. Слепец, Собака его и Школьник 385

ПРИПИСЫВАЕМОЕ

370—373. Эпиграммы
1. «Хотел бы Лизу я иметь моей женой...» 389
2. «Азор смеется надо мной...» 389
3. «Скажи, мой друг, чистосердечно...» 389
374. «Прелестный пол твердит: без сердца скучен свет...» . 390
375. «В воскресенье я влюбился...» 391
376. «Тьфу, к черту, — муж сказал жене...» . . . 392
377. Камин. *Сатира* 392
378. К текущему столетию 395
379. Наследники 396
380. <Песня> («Цама! Цама! не мори...») 399
381. К друзьям моим 400
382. Надпись к Амуру («С тех пор как нежный пол смеется сердца стонам...») 401
383—387. Эпиграммы
1. «Вредняк злословит всех, клевещет и ругает...» . 401
2. «На Клита, верно б, я сатиру сочинил...» 402
3. «Какое сходство Клит с календарем имеет?..» . . 402
4. «Однажды Скрягин видел сон...» 402
5. «Вельможа Ротозей во дни свои счастливы...» . 402

Другие редакции и варианты . 403
Примечания 415
Алфавитный указатель . . . 471
К иллюстрациям 502

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет И. И. Дмитриева. Рис. А. Скино. Литография К. Оргота. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

2. *С. 119.* Автограф.

3. *Между с. 208 и 209.* Портрет И. И. Дмитриева. Третьяковская галерея.

4. *Между с. 240 и 241.* Портрет И. И. Дмитриева. Рис. Рейхеля (1818). Гравюра Е. Скотникова.

Дмитриев Иван Иванович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель» 1967 г., стр. 504
Тем. план вып. 1967 г. № 379

Редактор *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 14/II 1967 г. Подписано в печать 22/IV 1967 г. М 17826 Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$ № 1. Печ. л. $15^{3}/_{4}$ + 3 вкл. (26,78). Уч.-изд. л. 25,26. Тираж 20 000. Заказ № 265.
Цена 96 коп.

Издательство «Советский писатель» Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
196	19 сн.	всё	все
198	20 св.	ведь	верь
206	4 сн.	родового	розового
348	11 сн.	Мерьсе	Мерсье

И. И. Дмитриев